ПРОЛОГЪ

Романъ изъ начала шестидесятыхъ годовъ.

ЧАСТЬ I

ПРОЛОГЪ ПРОЛОГА

„ВПЕРЕДЪ!“ (27)

ЛОНДОНЪ.
Наборня „Впередъ“.
1877.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Выпуская въ свѣтъ романъ „Прологъ Пролога“, мы хотѣли бы сказать читателямъ по поводу его многое. Къ сожалѣнію, обстоятельства, устраненіе которыхъ зависитъ не отъ насъ, заставляютъ насъ ограничиться лишь нѣсколькими словами...

Можетъ быть, иные выводы, которые читатели могутъ сдѣлать изъ нѣкоторыхъ мѣстъ романа, покажутся имъ не совпадающими съ началами, проповѣдываемыми на страницахъ „Впередъ!“ На это мы можемъ замѣтить, что романъ, предлагаемый читателямъ, по преимуществу касается одного весьма важнаго предмета, а именно: крестьянской реформы 1861 года, и въ этомъ вопросѣ мнѣніе автора романа вполнѣ совпадаетъ съ направленіемъ, котораго всегда держался „Впередъ!“ Кромѣ того, не мѣшаетъ тутъ указать и на то, что романъ этотъ писанъ былъ въ тѣ годы, когда никто не могъ даже предчувствовать, не то что предвидѣть, ту цѣпь умозаключеній, которая вырабатывалась годами, надъ которой трудилось много теоретическихъ мыслителей и практическихъ дѣятелей, которая создавалась путемъ выводовъ изъ цѣлой массы жизненныхъ фактовъ, проходившихъ передъ глазами этихъ мыслителей и этихъ дѣятелей въ теченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ, столь богатыхъ именно такими фактами. Можно, наоборотъ, удивляться той массѣ здравыхъ сужденій, разсыпанныхъ по всему произведенію, и той глубинѣ мысли, которую на каждомъ шагу проявляетъ авторъ.

О достоинствахъ романа мы говорить не будемъ. Пусть каждый изъ читателей судитъ по собственному впечатлѣнію.

Предъ нимъ живыя лица. Каждый, кто жилъ въ Петербургѣ во времена, описываемыя въ романѣ, каждый, сколько нибудь знакомый съ исторіей того времени и имѣющій хоть легкое представленіе о дѣйствующихъ лицахъ той кровавокомической интермедіи, которою начался вѣкъ „нынѣ благополучно царствующаго“ Александра II, узнаетъ живыхъ людей, скрытыхъ авторомъ подъ именами Волгина, Левицкаго, Соколовскаго; Рязанцева, Савелова, графа Чаплина и др. Это все — живые портреты, съ поразительною точностью срисованные искусною рукою.

Издаваемая нами книга составляетъ только первую часть романа „Прологъ“, только „Прологъ Пролога“. Продолженія „Пролога“ мы не имѣемъ. Но эта первая часть сама по себѣ составляетъ нѣчто цѣльное, законченое.

Лица, доставившіе рукопись романа, т. е. давшіе возможность появиться въ свѣтъ этому драгоцѣнному произведенію, долгіе годы лежавшему подъ спудомъ, заслужили глубокую признательность русскихъ соціалистовъ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

той, въ которой будутъ узнавать

Волгину.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПРОЛОГЪ ПРОЛОГА.

Глава Первая.

Было начало весны 1857 года. Весь образованный Петербургъ восхищался прекраснымъ началомъ своей весны. Вотъ уже третій день погода стояла не очень холодная, не совсѣмъ пасмурная; иной часъ даже казалось, будто хочетъ проясняться. Какъ-же не восхищался бы образованный Петербургъ? Онъ былъ правъ, если судить его чувство по петербургскимъ понятіямъ о веснѣ.

Но, восхищаясь весною, онъ продолжалъ жить по зимнему, за двойными рамами. И въ этомъ онъ былъ правъ: ладожскій ледъ еще не прошелъ.

Часу въ двѣнадцатомъ утра, по солнечной сторонѣ Владимірской площади, въ направленіи къ Невскому, шли смуглая дама и блѣдноватый мужчина съ плохою рыжею бородою. Они были жена и мужъ. Мужу было лѣтъ двадцать восемь или тридцать. Онъ былъ некрасивъ, неловокъ и казался флегматикомъ. Тускло-сѣрые глаза его, въ золотыхъ очкахъ, смотрѣли съ тихою задумчивостью на жену. Жена весело смотрѣла впередъ, беззаботно опираясь на руку своего спутника, и, повидимому, очень мало думала о немъ. Но замѣтила, что онъ не спускаетъ съ нея глазъ, улыбнулась, сказала: „въ три года все еще не наглядѣлся“, и опять перестала обращать вниманіе на него.

— Твоя правда, голубочка, — вяло согласился мужъ, подумавши;

вздохнулъ и сказалъ: — А знаешь-ли, о чемъ я думалъ, голубочка? — Когда-жъ это будутъ у тебя свои лошади?

— Довольно смѣшно вздыхать, мой другъ. Теперь мы живемъ хорошо; современемъ будешь получать больше. Тогда, куплю себѣ и лошадей. А пока, отучайся не спускать съ меня глазъ: это забавно.

— Твоя правда, голубочка, — отвѣчалъ онъ и сталъ разсѣянно глядѣть по сторонамъ. Черезъ минуту, сострадательно усмѣхнулся.

На встрѣчу шелъ студентъ съ длинными, гладкими, свѣтло-русыми волосами, — тоже некрасивый и неловкій, какъ и спутникъ смуглой дамы, — тоже нѣсколько сгорбленный, — только, въ немъ это было гораздо замѣтнѣе, потому что онъ былъ очень высокаго роста, — тоже блѣдноватый, тоже съ тускло-сѣрыми глазами, тоже въ золотыхъ очкахъ. Онъ пристально смотрѣлъ на смуглую даму и лицо его оставалось спокойно, холодно. Потому-то мужъ смуглой дамы и не могъ удержаться отъ сострадательной усмѣшки: наконецъ-то нашелся человѣкъ еще хуже его самого. Еще юноша, и такая рыбья кровь! — Мужъ смуглой дамы не зналъ, болѣе-ли смѣшонъ, или болѣе жалокъ ему этотъ студентъ.

— Чрезвычайно умное лицо у этого молодаго человѣка; — сказала смуглая дама, когда студентъ прошелъ: — Необыкновенно умное лицо.

Мужъ подумалъ. Точно, лицо студента было не только холодно, но и умно.

— Правда твоя, голубочка. Должно быть, умный человѣкъ. Но бездушное существо, хуже меня.

— Почему-же? Не влюбился въ меня?

— Не смѣйся, голубочка, — отвѣчалъ мужъ: — это моя правда.

— Ты забавный человѣкъ, мой другъ; — сказала жена, засмѣявшись.

— Вовсе не я, голубочка. Развѣ я самъ думаю? — Вовсе не самъ; ты знаешь, я говорю это больше по слуху, чѣмъ самъ. Всѣ говорятъ мнѣ. Чѣмъ-же я виноватъ? — вяло возразилъ онъ: — Я тутъ посторонній человѣкъ; я говорю по чужимъ словамъ. А чужое мнѣніе въ этомъ надобно считать справедливымъ. Что правда, то правда.

— Перестань, мой другъ, надоѣлъ.

— Ну, хорошо, голубочка, согласился онъ и замолчалъ. Черезъ минуту началъ мурлыкать на распѣвъ, сначала про себя, потомъ послышнѣе и послышнѣе, — неслыханнымъ и невозможнымъ ни въ какой музыкѣ мотивомъ: „Какъ у нашихъ у воротъ, — ай, люли, у воротъ, — стоялъ дѣвокъ хороводъ, — ай, люли, хороводъ“. Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что изумительный мотивъ не былъ его собственнымъ сочиненіемъ.

— Перестань, мой другъ, — замѣтила жена: — Ты, кажется, забылъ, что ты идешь не одинъ.

— А, точно, голубочка; — согласился онъ и нѣсколько сконфузился. Зная достоинство своей вокализаціи, онъ вообще занимался ею только для собственнаго удовольствія. Кромѣ того, жена убѣждала его, что идти по улицѣ и напѣвать — смѣшно, и онъ постоянно желалъ помнить это.

— Съ тобою стыдъ и смѣхъ, мой другъ.

— Ну такъ что-же за важность, голубочка; — съ философскимъ спокойствіемъ отвѣчалъ онъ, и сталъ съ усиленнымъ усердіемъ глядѣть по сторонамъ, чтобы опять не замурлыкать по разсѣянности.

— Знаешь-ли что, голубочка? — началъ онъ черезъ минуту: — ты отпустила бы меня. Увѣряю, отпустила-бы, — ну, что-же не отпустишь? Прогулялся довольно. А ты сама купишь мнѣ перьевъ. Увѣряю, купишь. А то, въ другой разъ: у меня еще есть нѣсколько.

— Какъ тебѣ не совѣстно? Прошелъ двадцать шаговъ, и увѣряетъ, что довольно!

— Не двадцать, голубочка, а двѣсти, или гораздо больше. Увѣряю.

Жена оставила это увѣреніе безъ всякаго отвѣта.

— Ну, что-же, голубочка? — Я только такъ сказалъ, а я иду съ удовольствіемъ. Увѣряю. Какъ-же? — Развѣ я не понимаю, что ты принуждаешь меня для моей-же пользы, а не то, что тебѣ самой пріятно, что я иду съ тобою.

— Если понимаешь, то зачѣмъ-же сердишь? — Съ тобою больше скуки, чѣмъ съ Володею.

— Видишь-ли, голубочка: ты дѣлаешь это потому, что думаешь, будто вредно, что я все сижу. Но я не все только сижу, я тоже и лежу. Зачѣмъ-же мнѣ ходить?

Разсужденіе не было лишено основательности. Но жена только промолчала на него. Мужъ глубоко вздохнулъ, и опять сталъ глядѣть по сторонамъ, съ апатіею, не совершенно соотвѣтствовавшею тяжести страданія, выраженнаго вздохомъ.

По одну сторону была мелочная лавочка, дальше, вывѣска сапожника, — дальше, ничего замѣчательнаго. По другую сторону— тротуарныя тумбы, — голубая извозчичья карета, — опять тумбы, тумбы, тумбы... Дальше, съ этой стороны все то-же: тумбы, тумбы; съ той, — лавочка, лавка, лавочка, — прекрасный подъѣздъ съ рѣзными дубовыми дверьми, съ бронзою.

Шедшій съ удовольствіемъ мужъ внимательно разсматривалъ все это, для разсѣянія своей скорби.

— Эхъ, голубочка, — началъ онъ: — Если бы я былъ хоть немного поумнѣе, то и теперь у тебя уже были-бы свои лошади... На эту новую мысль навело его то, что онъ съ женою подходилъ

къ каретѣ: — Ты не повѣришь, какъ я глупъ въ своихъ дѣлахъ.

— Замолчи, не серди.

— Ну, хорошо, голубочка, — согласился онъ, и взглянулъ на лѣво, — на право, — какъ разъ, противъ окна кареты.

Занавѣска окна кареты была опущена, только уголъ приподнятъ. Рука, придерживавшая его, торопливо упала. Но мужъ смуглой дамы еще успѣлъ разсмотрѣть лицо, спѣшившее закрыться. Это было очень чисто выбритое лицо мужчины лѣтъ тридцати пяти, не жирное, скорѣе, напротивъ, сухощавое, но свѣжее, здоровое; овальное, съ тонкими чертами, съ красивымъ профилемъ. Темные волоса были коротко острижены; оттого высокій лобъ казался еще выше. Свѣтло-каріе глаза зорко смотрѣли на подъѣздъ съ дубовыми рѣзными дверьми, бывшій въ полусотнѣ шаговъ, — карета стояла поодаль отъ него.

— Видѣла, голубочка? — Каковъ бестія?

— Видѣла, и помѣшаю ему. Пойду на этотъ подъѣздъ, найду, гдѣ она. Найду.

— Трудно будетъ найти, голубочка. По этой лѣстницѣ квартиръ десять, я думаю. Гдѣ она, тамъ прислугѣ велѣно отказывать.

— Не велико затрудненіе.

— Твоя правда, голубочка; — тотчасъ-же разсудилъ мужъ: — Подъѣздъ богатый, потому квартиры большія. Спросишь у швейцара обо всѣхъ. Вѣроятно, почти всѣ заняты семейными...

Въ эту минуту дверь подъѣзда отворилась. Вышелъ стройный молодой человѣкъ въ гороховомъ пальто. Изъ подъ шляпы вились каштановые волосы, слегка кудреватые. Лицо было прекрасно, и что рѣдкость въ красивыхъ мужскихъ лицахъ, не женоподобно. — Мужъ смуглой дамы, съ любезной улыбкою, — потому что былъ такой-же искусный свѣтскій человѣкъ, какъ и пѣвецъ, — хватился за фуражку и поклонился съ граціею, свойственною всѣмъ медвѣдямъ и очень немногимъ людямъ, — но свѣтскость осталась оказана совершенно понапрасну: молодой человѣкъ, выходя изъ двери, уже повертывался къ Невскому и не видѣлъ замѣчательной эволюціи любезнаго свѣтскаго человѣка. Любезный свѣтскій человѣкъ надѣлъ фуражку и продолжалъ свое разсужденіе, прерванное для свѣтской эволюціи.

— Почти вездѣ семейные люди, у нихъ нечего искать. Одна, много двѣ квартиры, гдѣ надобно искать. А то, что прислуга говоритъ: „никакой дамы здѣсь нѣтъ“ — что за важность? — По тону будетъ видно, правда-ли. Увѣряю, голубочка.

— Хорошо, вѣрю. Но ты знаешь этого молодаго человѣка? — Что за прекрасное лицо! — Онъ очень понравился мнѣ. Ты позови его къ намъ.

— Я вижу его, голубочка, когда бываю у Рязанцева. Очень благородный...

— Слышишь? — Да не оглядывайся, мой другъ: если опять взглянешь такъ ловко, этотъ, въ каретѣ, поймета, что мы заняты имъ и любовникомъ! Мнѣ будетъ трудно помочь женѣ, или сестрѣ, или кто она ему. А я не хочу бросить этого!

— А! — точно! — слышу, голубочка.

Давъ молодому человѣку отойти подальше, извозчичья карета тронулась. Мужъ смуглой дамы хоть и отличался не столько догадливостью, сколько основательностью, понялъ, что карета слѣдитъ за молодымъ человѣкомъ, съ которымъ онъ неудачно раскланялся.

— Такъ вотъ кого подкарауливалъ этотъ шельма! Видно, женато осторожна, не услѣдишь, — такъ онъ за молодыми знакомыми! Видишь, я не даромъ сказалъ: о, бестія! Да что-же, голубочка: ты сказала „жена, или сестра, или кто она ему“, — не знаешь, значитъ, что онъ женатый, — видно, не знаешь его?

— Не знаю, мой другъ, — а кто-жъ это?

— Все у того-же Рязанцева! — Это, я тебѣ скажу, удивительно, кого не увидишь у этого Рязанцева! Разъ, я сижу у него одинъ, — входитъ эта шельма, — Рязанцевъ рекомендуетъ: Савеловъ! — Я, разумѣется, сейчасъ ушелъ: чортъ съ ними!

— Такъ это мужъ милочки Савеловой? — О, какъ я рада, что я услужу ей! — Я просто влюбилась въ нее, когда увидѣла въ концертѣ, — мало и слушала, все любовалась! — Но мужа тамъ не было, она была съ кѣмъ-то другимъ, старше его. Ахъ, что это за красавица! Вотъ это, мой другъ, красавица! — Большіе, темно-голубые глаза, тихіе, нѣжные, — сама бѣленькая, бѣленькая, нѣженькая, — ахъ, такъ и разцаловала-бы ее! Ахъ, какъ я рада услужить такой милочкѣ!

Молодой человѣкъ въ гороховомъ пальто шелъ очень быстро. Карета, слѣдившая за нимъ, опередила смуглую даму и ея мужа.

— Подзови извозчика, мой другъ; — сказала смуглая дама. Мужъ подозвалъ. — Садись и ты.

— Точно, голубочка. Со мною лучше. Можетъ быть, и понадоблюсь.

— Нѣтъ, мой другъ; но я хочу, чтобъ ты разсказалъ мнѣ объ этомъ молодомъ человѣкѣ. Вотъ это парочка, мой другъ, онъ и Савелова! Ахъ, какъ я рада, что у нея такой любовникъ! Ахъ, что за прелесть оба! Я разцалую ихъ обоихъ, — и ее, такъ и быть, и ее!

— Ну, голубочка, себя-то она позволитъ тебѣ цаловать, — а его-то не очень-то.

— Вотъ прекрасно! — Смѣетъ! — Еслибъ у меня былъ такой любовникъ, — я не позволила-бы ей, — а ей, такой милочкѣ, бояться меня!

— Ну, голубочка, знаю я этихъ красавицъ! — Основательный мужъ покачалъ головою: — Видывалъ, голубочка. Когда прежде жилъ въ Петербургѣ, бывалъ въ оперѣ, — видѣлъ. Красавицы! Видишь-ли, голубочка: по моему, — ну, да вотъ покажи мнѣ свою Савелову, — ну, покажи. Впередъ знаю: ничего особеннаго.

— Ахъ, не люблю когда ты такъ врешь. Лучше, разсказывай о немъ. Вотъ, еслибъ у меня былъ такой мужъ, или хоть любовникъ, — ахъ, какъ-бы я любила его!

— Ну, голубочка, это еще неизвѣстно, стоило-ли-бы любить; — основательно возразилъ мужъ: — Были-жъ у тебя женихи не хуже его, — что-же не шла?

— Ахъ, нѣтъ, такого не было! — О немъ, ты не смѣй и говорить! Это прелесть, прелесть! — Да что же ты знаешь о немъ, говори скорѣе! — Ахъ, если-бы можно было отнять его у нея! Ахъ, отняла-бы, отняла-бы, мой другъ! Ахъ, зачѣмъ она лучше меня! Я отняла-бъ его у нея! Отняла-бы, отняла-бы, мой другъ! — Нѣтъ, лучше разсказывай о немъ, а то я готова плакать; — ахъ, какая досада!

Мужъ покачалъ головою. Въ самомъ дѣлѣ, странно было то, какъ думала о себѣ смуглая дама. Она никогда, нигдѣ не встрѣчала соперницъ себѣ. Когда она бывала въ театрѣ, и продажныя, и непродажныя аристократки красоты зеленѣли и багровѣли отъ зависти. Она одна не хотѣла замѣчать эффекта, который производитъ. — Впрочемъ, ея мужъ находилъ это нисколько не удивительнымъ: живость характера не оставляла ей досуга наблюдать, производитъ-ли она эффектъ. На балѣ она была занята баломъ, танцами, разговорами; въ оперѣ — оперою, разговорами съ тѣми, кто сидѣлъ подлѣ нея. А главное, она приходила въ восхищеніе отъ каждой хорошенькой блондинки, она любовалась на блондинокъ до того, что забывала о себѣ, и даже не любила себя: зачѣмъ она не такая блондинка, бѣленькая, зачѣмъ у нея не голубые глаза? — Когда ее заставляли замѣчать, какъ отвлекаются ею глаза мужчинъ отъ всѣхъ, и отъ блондинокъ, и отъ брюнетокъ, она говорила что мужчины глупы, слѣпы, и черезъ четверть часа забывала о нихъ, чтобы восхищаться какою-нибудь блондинкою. — Такъ, она слишкомъ мало думала о себѣ и послѣ, когда ей много разъ указывали эффектъ, который она производитъ въ большихъ собраніяхъ. Но теперь она еще только начинала выѣзжать въ общество, и любовникъ Савеловой былъ первый человѣкъ въ Петербургѣ, лицомъ котораго она увлеклась. Въ первый разъ послѣ дѣвическихъ лѣтъ, о которыхъ теперь она вспоминала какъ о ребяческихъ, она подумала о томъ, хороша-ли она собою, — и готова была расплакаться отъ досады, зачѣмъ она не блондинка.

— Другъ мой, скажи мнѣ, что это со мною? — начала она,

наполовину смѣясь, наполовину грустно: — Неужели я дѣлаюсь глупою дѣвченкою въ мои лѣта? Неужели я могу влюбиться? — Это было бы смѣшно, мой другъ.

— Не знаю, какъ тебѣ сказать, голубочка, — отвѣчалъ основательный мужъ.

— Но мнѣ кажется, я въ самомъ дѣлѣ готова была-бы полюбить кого нибудь... Я такъ увлеклась, — не смѣшно-ли это?

— Что касается собственно до этого, голубочка, — глубокомысленно отвѣчалъ мужъ: — это, разумѣется, еще ничего не значитъ; — стала говорить со мною, заговорилась, расфантазировалась. Пустяки.

Она задумалась. — Но, разсказывай, что̀ ты знаешь о немъ; — сказала она, опять смѣясь: — Не могу отнять его у Савеловой, такъ и быть. Но хочется полюбить кого-нибудь, — вотъ, увидишь, найду себѣ любовника.

— Ну, посмотримъ, голубочка, — желаю тебѣ, чтобъ нашла еще лучше этого. А впрочемъ, и этотъ хорошій человѣкъ, не говоря о томъ, хорошъ-ли собою; — флегматически пошутилъ мужъ, и сталъ разсказывать основательно.

Фамилія молодаго человѣка была Нивельзинъ. Мужъ смуглой дамы встрѣчалъ его, когда бывалъ у Рязанцева, тогдашняго авторитета петербургскихъ прогрессистовъ. Молодой человѣкъ не возвышалъ голоса между знаменитостями петербургскаго либерализма, и мужъ смуглой дамы едва обмѣнивался съ нимъ нѣсколькими словами, но довольно слышалъ о немъ отъ Рязанцева.

Рязанцевъ очень хвалитъ Нивельзина, и кажется, справедливо; да, справедливо, — подтвердилъ самъ себя основательный разсказчикъ, подумавши: — по крайней мѣрѣ, вѣрно то, что Нивельзинъ очень хорошій человѣкъ и безусловно честный. Нѣтъ, мало того: и даровитый человѣкъ, и при этомъ очень скромный; да, очень: говоритъ о себѣ, что долженъ еще учиться; — больше слушаетъ нежели говоритъ: какъ-же? — тамъ разсуждаютъ такіе мудрецы! — Рязанцевъ и другіе, — такіе ученые, знаменитые, что остается только слушать! — а между тѣмъ, когда скажетъ что-нибудь, всегда умно и дѣльно.

Онъ помѣщикъ, довольно богатый. Отецъ его, важный генералъ, отдалъ сына въ Школу Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ. Сдѣлавшись офицеромъ, сынъ продолжалъ учиться. Отецъ находилъ это лишнимъ. Были размолвки. Сынъ остался при своемъ, и поступилъ въ Академію Генеральнаго Штаба. Тогда это считалось неприличнымъ аристократу. Отецъ негодовалъ. Но сынъ пріобрѣлъ репутацію офицера, подающаго высокія надежды. Отецъ примирился. Сынъ пошелъ по службѣ очень быстро. Но какъ умеръ отецъ, подалъ въ отставку. Онъ математикъ и астрономъ. Его уважаютъ, какъ ученаго. Его работы печатаются въ Бюллетеняхъ Академіи Наукъ.

Прежде онъ былъ вѣтренникомъ. Да и не могъ не быть: свѣтскія дамы вѣшались ему на шею. И натурально, что вѣшались: надобно признаться — онъ хорошъ собою, и блистательный человѣкъ. Да, вѣтренничалъ. Но потомъ почувствовалъ, что увлекаться кокетками пошлость, и сталъ чуждаться большого свѣта. Этой перемѣнѣ сильно помогло то, что онъ интересовался общественными вопросами.

Поѣхалъ въ свое помѣстье. Честно устроилъ свои отношенія со своими крестьянами, не жалѣя уменьшить свои доходы, чтобы облегчить крестьянъ. Да, онъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ богатыхъ людей, у которыхъ честный образъ мыслей примѣняется къ дѣлу.

Между тѣмъ, Нивельзинъ повернулъ на Невскій, перешелъ Аничковъ мостъ. Карета съ Савеловымъ переѣхала Аничковъ мостъ.

Нивельзинъ вошелъ въ богатый модный магазинъ. Карета съ Савеловымъ остановилась, немножко недоѣзжая магазина.

— Къ тротуару, на право, — сказала смуглая дама извозчику.

— Теперь можешь ѣхать домой, замѣтила она мужу: — Радъ?

— Натурально, голубочка; ну, а погляжу, какъ ты пойдешь.

— О, какой ты чудакъ, мой другъ! — Смѣшнѣе всякаго жениха!

— Ну, что за важность, что тебѣ смѣшно, голубочка, — совершенно основательно возразилъ онъ.

Она вошла въ магазинъ. Онъ велѣлъ извозчику ѣхать назадъ; извозчикъ сталъ поворачивать лошадь.

— Милостивый государь, позвольте сдѣлать вамъ одинъ вопросъ, — сказалъ съ тротуара твердый и спокойный голосъ. Мужъ смуглой дамы оглянулся: подходилъ тотъ высокій студентъ съ безстрастнымъ лицомъ.

— А, это вы! — Извольте; какой вопросъ? — Мужъ смуглой дамы умѣлъ разговаривать очень замысловато: онъ не показывалъ виду, что понимаетъ, о комъ будетъ вопросъ.

— Кто эта дѣвушка?

— А, такъ и вы не угадали! — Точно, никто не угадываетъ. Она три года замужемъ.

Смуглыя женщины вообще кажутся старше своихъ лѣтъ. А ее всѣ принимали за очень молоденькую дѣвушку, хоть она была три года замужемъ, и имѣла двадцать лѣтъ, выходя замужъ. — Когда она говорила, что она замужемъ, ей отвѣчали: „вы смѣетесь“; когда она говорила, что она уже давно замужемъ, что у нея уже есть сынъ, — переставали сомнѣваться, что она мистифируетъ; когда она говорила, что ей уже двадцать четвертый годъ, ей отвѣчали тѣмъ, что объяснялись въ безграничномъ уваженіи и просили ея руки, потому что на такую неловкую мистификацію нельзя было обращать уже никакого вниманія.

— Да, милостивый государь, она давно повѣнчана; — продолжалъ хитрый человѣкъ, усиливая впечатлѣніе своей замыслова-

тости въ разговорахъ остроумнѣйшими оборотами словъ: — Я могу ручаться вамъ, что она давно замужемъ, потому что самъ былъ на ея свадьбѣ.

По лицу студента пробѣжало что-то похожее на легкую тѣнь, но мгновенно и едва замѣтно. — Она ваша супруга?

— А вы, должно быть, вздумали влюбиться въ нее? — Хитрый человѣкъ былъ не только чрезвычайный хитрецъ, но и великій мастеръ шутить. Умѣстны-ли шутки или неумѣстны, умны или глупы, это выходило какъ случится; его забота была только то, чтобъ выходило, по его мнѣнію, шутливо: — но не огорчайтесь на меня. Я не думалъ, что она повѣнчается со мною. Я не былъ влюбленъ въ нее, молодой человѣкъ. Я былъ тогда благоразумнѣе васъ; — впрочемъ, мнѣ было тогда двадцать пять лѣтъ. Въ ваши лѣта простительно быть неблагоразумнымъ.

— Вы шутите, но въ сущности, вы правы, — отвѣчалъ студентъ, уже давно сдѣлавшійся по прежнему безстрастнымъ: — Глупо влюбляться въ такихъ женщинъ, — если есть на свѣтѣ такія женщины. Надобно молиться на нихъ. Я и думалъ, что я не забывалъ этого. Изъ вашихъ словъ я вижу, что кажусь нѣсколько влюбленнымъ. Но если вы не ошиблись, это чувство совершенно ничтожно: я человѣкъ апатическій.

— Мнѣ самому такъ показалось; иначе, развѣ сталъ-бы я шутить?

— Я не могъ думать, что она уже вышла замужъ, и подходилъ къ вамъ съ тѣмъ, чтобы узнать, какимъ образомъ могъ-бы я познакомиться съ ея родными. Теперь прошу позволенія бывать у васъ.

— Признаться вамъ сказать, я очень мало тутъ значу. Заходите ко мнѣ; — если понравитесь ей, прекрасно; если нѣтъ, то я самъ по себѣ, — извините за откровенность, — не стану приглашать васъ. Я, признаться сказать, не люблю никакихъ знакомствъ. Но полагаю, что она полюбитъ васъ. Вы, должно быть, умный человѣкъ, — потому что такъ ей показалось. — Вотъ вамъ, — онъ вынулъ свою карточку. — Заходите.

— Вы Алексѣй Иванычъ Волгинъ? — съ нѣкоторою оживленностью сказалъ студентъ, взглянувъ на карточку.

— Да-съ, — флегматически отвѣчалъ мужъ смуглой дамы, и вслѣдъ за тѣмъ взвизгнулъ пронзительнымъ ультра-сопрано, отъ котораго зазвенѣли стекла въ сосѣднихъ окнахъ: — Ххи - ххи - ххи - ххи - ххи - ххи - ххо - ххо - ххо! — изумительная рулада перелилась черезъ теноровые раздирающіе ухо звуки въ контра-басовый ревъ, отъ котораго, сквозь шумъ экипажей, загудѣла мостовая: — Ххо - ххо - ххо - ххи - ххи - ххи - ххи - ххи - ххи!—поднялась рулада опять до пронзительнаго визга: — Ххи - ххи - ххи! — А вы, я вижу, мой поклонникъ? — Вотъ находка! — Драгоцѣнность! — Въ цѣлой Россіи только два экземпляра: вы, да я самъ. — Ну, про-

щайте. Заходите. Думаю, что жена полюбитъ васъ. Прощайте.
— Нѣтъ, позвольте: въ которомъ курсѣ вы?

— Я студентъ Педагогическаго Института, а не университета. Кончаю курсъ.

— Ну, вотъ видите, я чуть не сдѣлалъ глупости, забывши спросить. — Кончаете курсъ, то прежде кончайте курсъ: экзамены на носу, — или уже начались? Занимайтесь. Кончите, тогда заходите. — Прощайте. — Погодите, опять глупо: не сообразилъ. По окончаніи курса васъ пошлютъ изъ Петербурга чортъ знаетъ куда? — Такъ заходите теперь.

Студентъ подумалъ. — Нѣтъ, я не буду у васъ до окончанія курса. Тогда я прійду къ вамъ съ какою нибудь статьею. Надобно приготовить что-нибудь прежде, чѣмъ идти къ вамъ.

— Хорошо. Но васъ отправятъ чортъ знаетъ куда?

— Нѣтъ. Я останусь въ Петербургѣ.

— Вашъ скотина директоръ любитъ васъ?

— Нѣтъ. Но товарищъ министра знаетъ меня и обѣщалъ.

— Ну, это плохая надежда: тряпка.

— Кромѣ того, я даю уроки у Илатонцева; это вельможа. Онъ хочетъ, чтобы я продолжалъ ихъ.

— А, когда такъ, то другое дѣло. Попроситъ, и останетесь, правда. Прощайте, наконецъ. — Да, опять забылъ: а Фамилія-то ваша какъ-же?

— Левицкій.

— Ну, прощайте, — ххи - ххи - ххи — мой поклонникъ — ххо - ххо - ххо - ххи - ххи - ххи... залился онъ пронзительными и ревущими перекатами по всѣмъ возможнымъ и невозможнымъ для обыкновеннаго человѣческаго горла визгамъ, воплямъ и грохотамъ.

Мелодичности своихъ руладъ онъ нисколько не удивлялся, но рѣшительно не понималъ и самъ, какъ это визгъ и ревъ выходятъ у него такіе оглушительные, когда онъ расхохочется. Обыкновеннымъ голосомъ онъ говорилъ тихо; пока онъ не начиналъ, по забывчивости, давать волю своей глоткѣ, никто-бы не могъ ожидать, что онъ перекричитъ и пѣтуха, и медвѣдя.

— Я пришла къ вамъ не покупать наряды, сказала Волгина хозяйкѣ магазина въ отвѣтъ на фразу о пріятности новаго знакомства: — мнѣ надобно сказать вамъ нѣсколько словъ.

Любезно-вопросительное выраженіе лица магазинщицы смѣнилось внушительно-скромнымъ. — Мой магазинъ въ полномъ вашемъ распоряженіи. Смѣю васъ увѣрить, что ваше довѣріе ко мнѣ будетъ оправдано. Прошу васъ сюда; — она отворила дверь въ свою квартиру: — намъ удобнѣе будетъ продолжать разговоръ въ моей гостинной.

— Конечно; — сказала Волгина. Черезъ большой залъ съ зеркалами онѣ прошли въ гостинную, очень роскошную.

— Прошу васъ. Здѣсь мы можемъ говорить совершенно свободно. — Онѣ сѣли.

— Я пришла за тѣмъ, чтобы предупредить молодого человѣка въ гороховомъ пальто, который сейчасъ вошелъ сюда, что за нимъ слѣдитъ господинъ, — имя котораго онъ, вѣроятно, угадаетъ. Отъ самой квартиры за Нивельзинымъ ѣхала голубая карета; — онъ не замѣтилъ; скажите ему, что нехорошо быть такимъ неосмотрительнымъ. Карета стоитъ теперь у вашего подъѣзда. Онъ увидитъ ее. Пусть онъ сейчасъ уходитъ отсюда.

— О, Боже! — Какое было-бъ это несчастье! Monsieur Saveloff такъ силенъ! Онъ погубилъ-бы меня! — Магазинщица, всплескивая руками, вскочила идти.

— Прошу васъ, дослушайте-же. — Отдайте ему эту перчатку — Волгина сняла перчатку съ правой руки, — и пусть онъ любуется на нее, идя отсюда. Я выйду черезъ минуту и тоже пойду мимо кареты, — конечно, тотъ господинъ въ каретѣ будетъ ждать даму Нивельзина, — я уроню зонтикъ, буду поправлять шляпку, — словомъ, тотъ господинъ увидитъ, что у меня одна рука въ перчаткѣ, другая безъ перчатки, — онъ увидитъ, что Нивельзинъ любовался на мою перчатку. — Да берите-же, несите ему, — берите-же.

Хитрое, дурное лицо магазинщицы сдѣлалось честнымъ.

— Нѣтъ, я не возьму вашу перчатку. Я не могу допустить, чтобы вы такъ ужасно компрометировали себя. Онъ уйдетъ, этого будетъ довольно.

— Нѣтъ, этого не будетъ довольно. Карета стала-бы ждать, и дождалась-бы. Вы сами говорите, что господинъ, который сидитъ въ каретѣ, умѣетъ мстить; той, которую онъ подозрѣваетъ, онъ можетъ мстить сильнѣе, нежели вамъ. Она погибла, если войдетъ сюда прежде, нежели онъ убѣдится, что подозрѣніе напрасно, и что Нивельзинъ былъ здѣсь для меня. — Самого Нивельзина я не хочу видѣть; но ей я оставлю мой адресъ, и мы подумаемъ, что ей дѣлать.

— Вы не знакомы съ madame Saveloff? И такъ ужасно компрометируете себя для нея?

— Пойдете вы, или нѣтъ?

— Вы не знакомы съ madame Saveloff?

— Знакома, или дружна, какъ вамъ угодно, только идите-же.

— Если вы не знакомы съ нею, почему-жъ вы знаете, что ея еще нѣтъ здѣсь?

— Какъ вы сердите меня! — нетерпѣливо сказала Волгина: — Кто-жъ не знаетъ, что мужчина приходитъ на свиданье первый, пока женщина еще не надоѣла ему. Почему я знаю, что она

еще не надоѣла ему? — Можете полюбопытствовать послѣ, а теперь, идите.

— Вы не знакомы съ нею, — не знакомы или во враждѣ съ нимъ, потому что не хотите видѣть его, — и между тѣмъ такъ ужасно компрометируете себя для нея!

— Кажется, вы уже начинаете подозрѣвать, нѣтъ-ли у меня злого умысла? — Это прекрасно. — Идете вы или нѣтъ? — Я съумѣю обойтись и безъ васъ. — Брови Волгиной сдвинулись: — Идете вы или нѣтъ?

— Я иду, — проговорила модистка, торопливо вставая.

— Берите-же перчатку, — забыли.

Модистка побѣжала, и черезъ минуту вернулась:

— Онъ умоляетъ васъ сказать ваше имя, — онъ хочетъ знать, кто та, которой онъ обязанъ такъ...

— Умолять не было надобности, услышалъ бы отъ той дамы. Мое имя Волгина. Да пусть-же онъ уходитъ поскорѣе.

Модистка убѣжала и возвратилась, запыхавшись:

— Онъ не знаетъ васъ, но знаетъ вашего супруга... Я не могу найти довольно словъ, чтобы достаточно выразить вамъ свою благодарность. Вы спасли репутацію моего магазина, — я такъ дорожу ею! — Повѣрьте, это былъ совершенно исключительный случай, что я согласилась на просьбу madame Saveloff. Я такъ привязана къ этой милой, милой молодой дамѣ, что у меня не достало-бы силъ отказать ей ни въ чемъ. Только поэтому, только для нея нарушила я свое неизмѣнное правило съ негодованіемъ отвергать подобныя просьбы...

Волгина засмѣялась. — Все это прекрасно. Но я сдѣлаю вамъ маленькій выговоръ. Съ какой стати заговорили вы о madame Saveloff? — Я не говорила ни о какой madame; я говорила только о monsieur Nivelsine.

— Я согласна, это была ошибка съ моей стороны. Но въ сущности, тутъ не было нескромности. Понятно, вы должны были знать, кто она: вы видѣли, кто слѣдитъ за monsieur Nivelsine.

— Я могла видѣть, что за нимъ слѣдитъ кто-то, и не знать кто. — Но, я думаю, Нивельзинъ уже довольно далеко, и я могу идти.

Слушая разсказъ жены о развязкѣ этого маленькаго приключенія, Волгинъ погружался въ размышленія, потому что былъ человѣкъ искусный въ размышленіяхъ.

— Ну, хорошо, голубочка; только, ты скажи мнѣ: по русски говорила ты съ этою магазинщицею, или, я думаю, по французски?

— По французски, мой другъ; думала, совсѣмъ забыла, нѣтъ, еще могу говорить, хоть не очень хорошо.

— Нѣтъ, голубочка, я вотъ о чемъ: какъ-же она говорила тебѣ? — „Вы“ — по твоимъ словамъ выходитъ, — „вы“...

— Да, vous, — что-жъ такое? — vous.

— Гм! — то-то-же и есть!

— Что-же такого особеннаго тутъ?

— Нѣтъ, я такъ, голубочка, ничего. — Онъ размыслилъ, что въ разговорахъ съ незнакомою дамою, по французски обращаются къ ней не словомъ «vous», а словомъ «madame». Но если-бъ онъ высказалъ свое соображеніе, что вотъ и магазинщица принимала ее за очень молоденькую дѣвушку, — потому-то и спорила противъ нея, — то жена съ досадою сказала-бы: — „И охота тебѣ говорить мнѣ такой вздоръ!“ — Потому онъ умолчалъ свое размышленіе о vous и madame, а обратился къ другому размышленію.

— Но вотъ что, голубочка. Ты сказала ей: „Эта дама еще не здѣсь, потому что мужчина приходитъ на свиданье первый, пока женщина не надоѣла ему“; согласенъ, такъ. Но почему-жъ ты могла знать, что Савелова еще не надоѣла ему? — А впрочемъ, это удивительно, какъ я глупъ! — воскликнулъ онъ, не переводя духа, и въ живѣйшемъ восторгѣ отъ своего удивительнаго открытія: — Само собою, это было видно изъ того, какъ онъ шелъ на свиданье! — Не то, чтобы заглядываться на женщинъ, которыя встрѣчались, — онъ подъ ногами у себя земли не слышалъ. Да, онъ сильно влюбленъ въ нее. Это видно. Увѣряю тебя, голубочка.

— Вѣрю; — сказала она засмѣявшись. — Но уйду, не буду мѣшать тебѣ работать. И такъ я отняла у тебя много времени этою прогулкою и своею болтовнею. И вотъ, еще заставляю тебя знакомиться съ Нивельзинымъ.

— Да; — воскликнулъ онъ отъ новаго соображенія: — что-жъ это ты, голубочка, не захотѣла видѣть-то его? — Неужели тебѣ пришло въ голову, что лучше и не знакомиться съ нимъ? — Да это пустяки, голубочка!

— Да не сейчасъ-ли я сказала, что мы будемъ знакомы съ нимъ, и что мнѣ жаль, что заставляю тебя тратить время на него? — Ты слишкомъ разсѣянъ, мой другъ.

— Это твоя правда, голубочка, — согласился глубокомысленный мужъ: — но какъ-же это, что онъ будетъ отнимать у меня время? — Какимъ-же это образомъ? — Твой гость, а не мой. — Я своихъ гостей не люблю. А твои — что мнѣ? Всѣ они вмѣстѣ, много-ли мѣшаютъ мнѣ? — Ну, сама скажи: много-ли?

— Онъ, мой другъ, не то, что мои гости. Онъ старше ихъ; и ученый. Съ нимъ ты не будешь безъ церемоніи, какъ съ этими ребятишками.

— Правда твоя, голубочка; — согласился онъ: — но не велика важность. — Да, такъ почему-жъ ты не захотѣла видѣть его?

— Я вздумала, что прежде надобно увидѣться съ нею; потому что, мнѣ кажется, тутъ что-нибудь не такъ: едва-ли тутъ серьезная любовь съ обѣихъ сторонъ.

— Почему-жъ ты вздумала это, голубочка? — А впрочемъ, натурально, это всего вѣроятнѣе; — тотчасъ-же размыслилъ онъ, потому что былъ чрезвычайно быстръ въ соображеніяхъ: — это очень вѣроятно, голубочка; потому что, увѣряю тебя: „люблю“, „люблю“; — думаешь, и точно, серьезно, — а выходитъ, обыкновенно, пустыя слова. Увѣряю тебя, голубочка.

— Вѣрю; — сказала жена, засмѣявшись. — Но работай, не мѣшаю тебѣ.

— Да, это твоя правда, голубочка, — подтвердилъ онъ: — Оно точно, что нынѣшній день мнѣ надобно нѣсколько поработать.

— Да, „нынѣшній день“ и „нѣсколько“. — Она вздохнула. — Другъ мой, ты убиваешь себя.

— Э, пустяки, голубочка, совершенно пустяки, — сказалъ онъ вслѣдъ ей.

На слѣдующее утро Волгинъ лежалъ, перебирая пальцами свою рыжеватую жиденькую бороду, чѣмъ занимался только въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Обстоятельства были такъ затруднительны, что онъ не могъ продолжать работу; легъ читать — и то не шло. Четверть часа назадъ, жена взошла и спросила, не надобно-ли ему ѣхать куда-нибудь: она взяла-бы его, ей все равно, она хочетъ прокатиться. — Нѣтъ, ему никуда не нужно. — „Если такъ, мой другъ, то и прекрасно. Быть можетъ, пріѣдетъ Савелова. Ты пріими ее. Я скоро вернусь; только пройду въ Гостинный дворъ.“ — Не предвидѣлъ онъ, что выйдетъ ему такая коммиссія! — Пріѣдетъ, пріими ее! — А впрочемъ, что за важность? — утѣшалъ онъ себя: — Можетъ быть, она и не пріѣдетъ нынѣ. Или, можетъ быть, Лидія Васильевна возвратится раньше того. А если и не такъ, что за важность?

— Алексѣй Иванычъ; — сказала служанка — пріѣхала Савелова; я попросила ее взойти, какъ велѣла Лидія Васильевна, потомъ сказала, что Лидія Васильевна скоро будетъ, а вы дома. Пожалуйте.

— Ничего. Надобно только умѣть держать себя, то и ничего. — Онъ повязалъ галстухъ, сбросилъ халатъ и надѣлъ пальто, безо всякой трусости.

— Жена извиняется передъ вами — очень развязно началъ онъ, входя въ гостинную и дѣлая усердный поклонъ прежде, не-

жели успѣлъ разобрать, въ какой сторонѣ комнаты гостья, и туда-ли онъ обращается съ поклономъ, куда слѣдуетъ: — Жена извиняется передъ вами; она не была увѣрена, что вы пріѣдете нынѣ; она скоро... На этомъ пресѣклось объясненіе, и голова развязнаго хозяина, поднимавшаяся изъ глубокаго поклона, заморгала, заморгала: онъ постигъ, что ляпнулъ непростительнѣйшую неловкость: онъ знаетъ, что она должна была пріѣхать къ его женѣ, — стало быть знаетъ, по какому случаю пріѣхала! — Какъ онъ глупъ! — И что она подумаетъ о Лидіи Васильевнѣ? — Какое право Лидія Васильевна имѣла сообщить ему чужую тайну? — Всѣ эти мысли съ быстротою молніи пронеслись въ его умѣ, потому что онъ былъ необыкновенно быстръ въ соображеніяхъ; онъ заморгалъ въ отчаяніи; но отчаяніе и дало ему силу: онъ махнулъ рукою, приподнимавшеюся перебирать бороду, и не моргая, прямо смотря въ глаза гостьѣ, быстро заговорилъ:

— Не вините Лидію Васильевну: она умѣла-бы молчать и передо мною. Но дѣло вышло такъ, что я былъ свидѣтелемъ. Мы шли вмѣстѣ. Я знаю въ лицо вашего мужа. Я не могъ не понять, что это значитъ. Да и не опасайтесь меня: я неловокъ; но, повѣрьте, я не совершенно безчестный человѣкъ.

Онъ смотрѣлъ прямо въ глаза Савеловой. Но онъ и вообще не былъ мастеръ наблюдать, а тутъ, въ добавокъ, былъ взволнованъ стыдомъ за свою неловкость, и усердіемъ оправдать жену. Потому, онъ рѣшительно не замѣтилъ, какія впечатлѣнія смѣнялись на лицѣ Савеловой. Вѣроятно, она была озадачена. Можетъ быть, испугалась. Но объ этомъ онъ могъ только догадываться: видѣть, онъ ничего не видѣлъ. А впрочемъ, онъ видѣлъ все, какъ слѣдуетъ, и совершенно согласно съ тѣмъ, какъ описывала Лидія Васильевна. Онъ видѣлъ, что Савелова высокая, очень молодая, — года двадцать два, — бѣлая, нѣжная, съ большими темно-голубыми глазами, что она изъ тѣхъ женщинъ, которыя считаются очаровательными красавицами; — ну, и прекрасно, тѣмъ больше, что Лидія Васильевна находитъ ее дивною, прелестною; — пусть такъ и будетъ, — уступчиво рѣшилъ онъ.

— Madame Волгина скоро возвратится, по вашимъ словамъ? — Я подожду ее. А пока, поговорю съ вами, monsieur Волгинъ. Сядемъ.

Прекрасно. Теперь ему нѣтъ надобности смотрѣть на нее, пока усядется. Онъ сталъ разсматривать полъ, самъ занимаясь размышленіями, приличными случаю. Онъ не замѣтилъ никакого волненія въ ея голосѣ. Ему показалось, что она такъ спокойна, будто пріѣхала съ визитомъ по какому-нибудь изъ обыкновеннѣйшихъ, ничтожнѣйшихъ поводовъ къ дѣланію новаго знакомства. Не слѣдуетъ-ли изъ этого, что слишкомъ усердная свѣтская полировка стерла въ ней все живое и благородное? — Очень вѣ-

роятно. — Но если и такъ, не она виновата; она еще такъ молода, что не успѣла-бы сама испортить себя.

А между тѣмъ, онъ не забывалъ обязанности хозяина. Ему было видно ея платье. Онъ наблюдалъ, когда она усядется, — тогда, по его мнѣнію, ему опять надобно будетъ смотрѣть на нее. — Она сѣла, оправила складки платья; — судя по движенію локтей, должно быть, сняла шляпу, оправила волоса. — Хорошо, если она сама придумаетъ разговоръ; а если надобно будетъ ему самому придумать, — что-бы такое придумать? — Она опять оправляла складки платья, нѣсколько сдвинувшіяся отъ движенія при сниманіи шляпы... Кончила. О чемъ-же выдумать говорить?.. Не выдумывается. Но она сама найдетъ, она свѣтская, и такъ спокойна. Надобно только опять смотрѣть на нее, она уже сама завяжетъ разговоръ. — Онъ перевелъ глаза съ пола на нее.

Она сидѣла задумчиво и застѣнчиво потупившись. На щекахъ ея горѣлъ румянецъ. Она съ трудомъ переводила духъ.

Онъ мгновенно расчувствовался.

— Вы должны осуждать меня, monsieur Волгинъ,—проговорила она, почти задыхаясь.

— Осуждать? — Помилуйте! — Что вы! — Онъ схватилъ и погладилъ ея руку. — Помилуйте! — Что вы! — Съ чего взяли?

— Я вижу, monsieur Волгинъ, что вы жалѣете меня. Благодарю васъ.

— Вы извините меня, я вовсе не умѣю держать себя; — сказалъ онъ, увидѣвши, что она стала дышать гораздо спокойнѣе, и потому разсудивши, что довольно погладилъ ея руку, и можетъ прибрать свои: — Совсѣмъ не умѣю держать себя; Лидія Васильевна всегда смѣется надъ моею свѣтскостью. Ну, да это пустяки, разумѣется. А если вы съ Лидіею Васильевною вздумаете что-нибудь, такъ это будетъ прекрасно.

— Да, я не знаю что мнѣ дѣлать; посовѣтуйте мнѣ, m-r Волгинъ.

— Лучше подождемъ-те Лидію Васильевну,—отвѣчалъ онъ:— Я плохо полагаюсь на свои мнѣнія, даже и по такимъ дѣламъ, которыя кажутся мнѣ очень просты.

И она, должно быть, видѣла, что онъ болѣе способенъ сочувствовать, нежели совѣтывать. Но то, что онъ искренно сочувствуетъ, она видѣла. Она откровенно отвѣчала на его вопросы, полные дружескаго участія; и если она не все договаривала, или даже сама не все понимала, то даже и недогадливому Волгину не трудно было получить довольно точное представленіе и о ея исторіи, и о ея характерѣ.

Ея отецъ — младшій братъ генералъ-адъютанта Агаѳонова, который умеръ съ годъ тому назадъ. Волгинъ слышалъ о генералъ-адъютантѣ Агаѳоновѣ. Это былъ человѣкъ довольно сильный; старый холостякъ, игрокъ, мотъ. Его обѣды были великолѣпны.

Онъ умеръ, оставивши порядочные недочеты въ разныхъ кассахъ, откуда могъ черпать, и кромѣ того, кучу долговъ.

Но ея отецъ не имѣлъ никакихъ сношеній со старшимъ братомъ. Они разошлись еще въ молодости, когда одинъ былъ столоначальникомъ, другой какимъ-нибудь капитаномъ. Когда старшій братъ сталъ важнымъ генераломъ, онъ и вовсе потерялъ охоту помнить о братѣ, котораго никогда не любилъ. Да и вообще, едва-ли онъ когда-нибудь любилъ кого-нибудь, кромѣ самого себя.

Ея отецъ — очень смирный человѣкъ; и по честности, — какъ она говорила, — вѣроятно, и по робости, по неумѣнью, — какъ дополнялъ Волгинъ въ своихъ мысляхъ, — онъ не могъ сдѣлаться взяточникомъ. — Слѣдовательно, не могъ и имѣть хорошей карьеры въ тѣ времена, — дополнилъ Волгинъ вслухъ. — Да. Два года назадъ онъ былъ не больше какъ совѣтникомъ губернскаго правленія.

Савеловъ тогда еще не былъ такимъ сильнымъ человѣкомъ, какъ теперь, но уже пріобрѣлъ довѣріе новаго министра. Министръ послалъ его ревизовать ту губернію, гдѣ служилъ ея отецъ. Министръ сказалъ Савелову: „Если найдете нужнымъ отставить губернатора, онъ будетъ отставленъ, хоть у него и важныя связи; съ другими, я еще меньше поцеремонюсь.“ — Савеловъ предложилъ губернатору и вице-губернатору подать въ отставку. То-же и другимъ, кого не отдалъ подъ судъ. И точно, всѣ они стоили того: или разбойничали, или прикрывали разбойниковъ. Изо всего состава губернскаго правленія уцѣлѣлъ только ея отецъ.

Однажды Савеловъ сказалъ ему: „Вы назначены вице-губернаторомъ.“ Невозможно описать изумленіе и радость ея отца, всего ихъ семейства. До той поры Савеловъ не бывалъ у нихъ. Она и онъ не знали другъ друга. Онъ едва-ли и помнилъ, если случайно слышалъ, что она существуетъ на свѣтѣ. Встрѣчаться имъ было негдѣ. Онъ вовсе не бывалъ на губернскихъ балахъ. Она почти не бывала въ высшемъ губернскомъ кругу: у отца было слишкомъ мало денегъ. Она однажды видѣла Савелова въ соборѣ, въ большой царскій праздникъ. Онъ, разумѣется, не замѣтилъ ее, за толпою стоявшихъ ближе къ почетнѣйшимъ мѣстамъ. — Теперь онъ сталъ бывать у нихъ. Она понравилась ему. Онъ ей также, — по крайней мѣрѣ, такъ ей казалось тогда. Ей могло казаться это; она могла сама не понимать себя. Правда, ей было уже двадцать лѣтъ; но она почти вовсе не бывала въ свѣтѣ. Правда и то, ей уже дѣлали предложенія; но какіе люди? — или пожилые, или, если молодые, то слишкомъ не блестящіе. У нея не было приданаго. А жили они такъ уединенно, воспитана она была такъ скромно, что романическихъ отношеній она не имѣла. Она не видывала вблизи молодыхъ людей, которыхъ

можно было-бы сравнивать съ Савеловымъ. Онъ красивый мужчина, съ прекрасными манерами. Говорили, что онъ суровъ; но говорили только взяточники. Всѣ честные люди хвалили его. Въ ихъ городѣ онъ казался полу-богомъ по своей силѣ въ Петербургѣ. Ея отецъ и мать, еще и не мечтая о возможности предложенія, такъ много говорили о немъ, о блистательной карьерѣ, какая ждетъ его. Могло-ли ей не казаться, что онъ нравится ей? — Могла-ли она не почесть себя счастливой, когда онъ сдѣлалъ предложеніе?

Такъ она говорила. Даже и недогадливому Волгину не трудно было понять изъ этихъ словъ и ея характеръ, и то, съ какими чувствами она выходила замужъ. — Человѣкъ съ поэтическою дурью или съ неумолимыми принципами думалъ-бы о ней очень низко. Но Волгинъ, хотя и простякъ, все-таки зналъ, что люди слишкомъ любятъ рисоваться, и цѣнилъ въ ней то, что она не сочинила ни принужденія со стороны отца съ матерью, ни романическаго увлеченія со своей стороны. Пусть, она вышла замужъ больше по разсчету, нежели по влеченію сердца, — за что презирать ее, когда у нея не было ни расположенія къ другому, ни отвращенія къ тому, за кого рѣшалась идти? — Она, конечно, думала, что пылкія страсти — выдумка поэтовъ, или сумасбродство. Вѣроятно, она и прожила-бы весь свой вѣкъ безъ увлеченій, если-бы не попала въ общество, гдѣ слишкомъ много блеска и пустоты, праздности, скуки, пронырствъ и волокитства. Она казалась Волгину женщиною кроткаго характера и не пылкаго темперамента; быть можетъ, она увлекалась надеждою блистать въ Петербургѣ, желаніемъ стать важною дамою, — но и женихъ не былъ ни старикъ, ни уродъ. Напротивъ, онъ, дѣйствительно, былъ красивый мужчина, очень изящный. Волгинъ не сомнѣвался въ томъ, что, кромѣ разсчета, было у нея и влеченіе къ нему. Пусть не очень глубокое или поэтическое, — но она и говоритъ о своемъ влеченіи безъ пышныхъ фразъ. Простота и честность нравились Волгину, и онъ всегда называлъ хорошимъ человѣкомъ того, въ комъ находилъ ихъ. За нихъ онъ всегда готовъ былъ извинять и довольно большія слабости.

— Вы не были влюблены въ вашего жениха? — спросилъ онъ, чтобы испытать, не слишкомъ-ли полагается на простоту и честность ея характера. — Она поняла, что онъ невыгодно думаетъ о томъ, какъ она шла замужъ, и покраснѣла. Ему показалось, что она и колеблется, какъ отвѣчать. Но если она и дѣйствительно колебалась, она вышла изъ борьбы съ честью для себя, по крайней мѣрѣ, въ его глазахъ ея отвѣтъ дѣлалъ честь ей:

— Нѣтъ, — сказала она, потупивши глаза: — Я не была влюблена въ него; и я не была влюблена ни въ кого, до.... до.... вы знаете.... Она не заплакала. Но видно было, что ей легче-бы дать волю слезамъ, нежели сдержать ихъ.

„Она и неглупая женщина, — по крайней мѣрѣ, умѣетъ отвѣчать“, подумалъ Волгинъ: — потому что заставила меня опять нѣсколько расчувствоваться.

Она довольно долго молчала. Потомъ стала говорить довольно спокойно. Ея слова были опять такъ просты, что даже и Волгину было нетрудно видѣть изъ ея разсказа всю правду. Впрочемъ, и правда эта была очень проста для пониманія.

Она не была влюблена въ Савелова. Но она была хорошо расположена къ нему. Отъ него зависѣло, чтобъ это чувство сохранилось, упрочилось. Но онъ человѣкъ сухого сердца. Она не была требовательна въ этомъ отношеніи: она не сходила съума отъ любви къ мужу, и ей вовсе не было надобно, чтобъ онъ былъ безъ ума отъ нея. Но она имѣла расположеніе къ нему, — она не могла быть счастливою, когда поняла, что онъ совершенно холоденъ къ ней. — „Я говорю о его сердцѣ“, — сказала она: — „Зачѣмъ онъ бралъ жену, если жена — существо, такое незанимательное для него? — Удобнѣе, лучше для него было бы нанимать маленькую квартиру для какой-нибудь женщины, взятой съ улицы. Это стоило-бы ему дешевле, нежели жена. Онъ не способенъ понимать, что жениться не значитъ только взять женщину на содержаніе. У него сердце, неспособное къ привязанности.“

— Я увѣренъ, что онъ очень привязанъ къ вамъ, — васъ называютъ красавицею, — сказалъ Волгинъ.

— На улицѣ онъ могъ-бы найти любовницу очень красивую, — отвѣчала она: — Для него было бы все равно, та или другая женщина, лишь была-бы молода и красива. — Но что я говорю? — Онъ вѣренъ мнѣ, а я.... о, до какого униженія довелъ онъ меня! — Я должна сознаваться, что онъ правъ передо мною, а я преступница передъ нимъ!...

Она залилась слезами. Волгинъ разсудилъ, — и совершенно справедливо, — что сдѣлалъ не очень хорошо, заставивши ее плакать.

— На васъ досадно смотрѣть, какими пустяками вы смущаетесь, — извините меня, вы могли уже видѣть, что я не умѣю говорить деликатно. Что вамъ за охота не понимать вашихъ истинныхъ отношеній къ мужу? — Зачѣмъ онъ женился на васъ? — Вы говорите, вы нравились ему. Согласенъ. Но вы сами говорите, всякая красивая женщина съ улицы была-бы очень хороша ему, а стоила-бы гораздо дешевле. Значитъ, жена ему была нужна не для него самого, — для общества. Почему онъ выбралъ васъ? Аристократку, — то есть, настоящую, важную аристократку, — за него не отдали-бы тогда; изъ мелюзги, которая воображаетъ себя аристократіею, отдали-бы, но какая польза отъ такого родства? — Ему нужно было стать своимъ, въ настоящемъ, сильномъ аристократическомъ обществѣ. Онъ разсчиталъ:

„Ея дядя хорошъ въ немъ. Онъ эгоистъ, не хочетъ ничего сдѣлать для родныхъ. Но пусть онъ увидитъ племянницу женою человѣка, который не нуждается въ его протекціи; пусть онъ увидитъ, что она — блестящая молодая женщина. Онъ пріймeтъ ее, какъ самую блестящую находку: пусть она украшаетъ собою его обѣды, вечера.“ — Было это? Хорошо принялъ васъ дядя? Просилъ васъ быть хозяйкою на его обѣдахъ и вечерахъ?

— Да.

— То-то-же и есть. И вы вошли въ аристократическое общество?

— Да.

— А вашъ мужъ?

— Конечно, и его не могутъ не принимать хорошо въ тѣхъ домахъ, которые дружны со мною.

— То-то-же и есть. Это хорошая вещь подружиться съ аристократами, не переставая быть демократомъ. Какъ ему было втереться самому? Первое, собственно его-то и не впустили-бы; второе, стараясь втереться, испортилъ-бы репутацію демократа. Нынѣ, извѣстно, все реформы; реформировать должны демократы. Надобно было и залѣзть въ высшій кругъ, и сберечь свою славу, что онъ дѣльный реформаторъ. Удалось, какъ видите. И я думаю, онъ говоритъ друзьямъ-демократамъ въ минуты откровенности: „противъ воли якшаюсь съ аристократами и продолжаю ненавидѣть ихъ“. — Такъ думаетъ Рязанцевъ, — вѣроятно, не самъ выдумалъ, слышалъ отъ него. — Хорошо. Вы производите эффектъ; за вами ухаживаютъ; а вы неглупая женщина. Что-же изъ этого? — Натурально: „прошу тебя, душа моя, будь любезна съ такимъ, онъ мнѣ нуженъ“. — „Душа моя, прошу тебя, будь очаровательно-мила съ женою, или съ сестрою, или съ теткою такого-то, онъ мнѣ нуженъ“, — позвольте спросить, такъ-ли? — Да и спрашивать нечего. — Въ чемъ-же, оказывается, вся сущность дѣла? — „Я предлагаю вамъ, mademoiselle, переименоваться въ madame и помогать моимъ дѣламъ.“ — Вы помогаете. Чего-жъ ему больше? — Больше ничего и не требуется.

Раздался звонокъ. По манерѣ звонить Волгинъ узналъ жену.

— Ну, вотъ и Лидія Васильевна. — Да-съ, чего-же ему больше? — Вашего расположенія? — Вотъ, очень оно ему нужно! Еслибъ оно было важностью для него, онъ и сохранилъ бы его, вы сами сказали. — Чѣмъ ему огорчаться? — Что онъ, маленькій ребенокъ, что-ли? — Не зналъ онъ впередъ, что если женщина окружена поклонниками и потеряла расположеніе къ мужу, то увлечется кѣмъ-нибудь другимъ? — Зачѣмъ-же онъ не берегъ вашего расположенія? — Значитъ, самъ рѣшилъ: „Душа моя, конечно, для мужа непріятно, если жена увлекается другимъ, но ты видишь, у меня много интересовъ гораздо поважнѣе этого. Мнѣ съ тобою некогда нянькчиться, душа моя. Знаю, ты увлекаешься кѣмъ-ни-

будь, — но, душа моя, продолжай усердно помогать мнѣ въ дѣлахъ, болѣе важныхъ для меня.“ Теперь, вы видите...

Взошла Волгина. Савелова бросилась на шею къ ней. Пока она душила и заливала слезами Лидію Васильевну, онъ перебиралъ пальцами бороду: ловко-ли уйти, не договоривши, — и особенно когда говорилъ съ горячимъ участіемъ? — Неловко. — Но случай уйти не раскланиваясь былъ очень хорошъ. Раскланиваться! — Да; если пропуститъ эту минуту, надобно будетъ раскланиваться. — Онъ пятился къ двери и благополучно исчезъ.

Вчера Савелова съ трепетомъ возвращалась домой. Нивельзинъ оставилъ ей въ магазинѣ записку, наскоро написанную карандашемъ: „Онъ подозрѣвалъ. Но опасность совершенно миновала. Благодарите Волгину.“ Магазинщица также успокоивала ее. Но она все-таки боялась. Напрасно. Перчатка Волгиной имѣла полный успѣхъ. Савеловъ былъ уже дома, когда жена, сдѣлавши нѣсколько визитовъ, чтобы дать себѣ время сколько-нибудь оправиться отъ волненія, вернулась. Мужъ, противъ обыкновенія, встрѣтилъ ее: онъ дожидался! — Это снова испугало ее. Онъ очень ласково обнялъ ее, и, какъ ей показалось, не замѣтилъ ея смущенія. Она ободрилась и успѣла подавить свое замѣшательство. Но все она еще не знала, какъ понимать его ласковость и веселость. Не притворяется-ли онъ, чтобы лучше можно было продолжать слѣдить? — Но уйдя въ свою комнату раздѣться, она увидѣла на столикѣ у трюмо новую коробочку. Это былъ дорогой браслетъ, слишкомъ дорогой по доходамъ ея мужа. Такого дорогого подарка онъ не могъ-бы сдѣлать для притворства: видно было, что въ самомъ дѣлѣ онъ былъ въ восторгѣ, забылъ разсчетъ отъ радости. Теперь она перестала сомнѣваться. Но какъ ей тяжело было идти благодарить за подарокъ! — За подарокъ, который сдѣланъ обманщицѣ обманутымъ мужемъ!....

Она съ неподдѣльнымъ чувствомъ говорила о томъ, какъ мучительно было для нея лицемѣрить передъ мужемъ. Она получила награду за вѣрность! — Мужъ былъ въ этой новой сценѣ совершенно довѣрчивъ; ему даже было какъ будто-бы совѣстно за себя передъ женою. Если-бы она захотѣла вырвать у него признаніе, что онъ подозрѣвалъ ее, — онъ сталъ-бы просить прощенія! — Но ей и безъ того было слишкомъ тяжело: она получила награду за вѣрность!

— Пусть онъ перестанетъ подозрѣвать; но на долго-ли? — стала говорить Волгина: — Такія опасныя отношенія не могутъ продолжаться.

При первыхъ словахъ ея объ этомъ Савелова заплакала.

— Чего вы требуете отъ меня? — Чтобы я разлюбила Нивельзина? Чтобы я перестала видѣть его? — я не могу.

Волгина была проникнута сожалѣніемъ о бѣдной женщинѣ; но эти слова очень дурно подѣйствовали на нее. Съ чего она взду-

мала, что отъ нея требуютъ бросить Нивельзина? — Волгина должна была сдѣлать усиліе надъ собою, чтобъ не отвѣчать рѣзко. Но не могла принудить себя говорить съ прежнею нѣжностью. Она не могла притворяться; все, что она могла, было только сдерживать себя.

— Я не говорила, чтобъ вы бросили Нивельзина, — сказала она: — Я сказала только, что это не можетъ продолжаться такъ: и вы сами должны понимать: не можетъ. Ваше положеніе слишкомъ опасно и тяжело. Какъ вы думаете выйти изъ него?

Савелова не замѣтила перемѣны въ ней. Плакала, плакала, и опять бросилась на шею къ ней. — Волгина подавила свою досаду.

— Я слышала, что Нивельзинъ очень хорошій человѣкъ; правда это? — Я слышала также, что онъ пересталъ быть вѣтренникомъ, и я расположена думать, что онъ серьезно любитъ васъ. — Такъ и вамъ кажется? — или я ошибаюсь?

Савелова стала съ энтузіазмомъ говорить о Нивельзинѣ.

— Вѣрю всему, что вы говорите о немъ, и искренности его любви къ вамъ. Но я жду, на что-же вы рѣшитесь.

Савелова плакала. — Помогите мнѣ!

— Вы видѣли, я и безъ вашей просьбы помогала вамъ.

— Посовѣтуйте мнѣ, что мнѣ дѣлать.

— Послушайте, въ такихъ важныхъ дѣлахъ нельзя поступать по чужому совѣту. Рѣшайтесь сами такъ или иначе.

Савелова плакала. — Я не знаю на что мнѣ рѣшиться... Давно онъ убѣждаетъ меня бросить мужа... Помогите мнѣ, посовѣтуйте!..

— Ахъ, вотъ что! — сказала Лидія Васильевна съ досадою, но опять подавила ее: — Онъ убѣждалъ васъ. Почему-же вы не рѣшались? — Вы не были увѣрены въ томъ, что его любовь прочна?

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Я знаю, онъ любитъ меня!.. — Она продолжала плакать: — Помогите мнѣ, посовѣтуйте, что мнѣ дѣлать...

— Совѣтовать вамъ я не могу. Вы не ребенокъ. Помочь? — Извольте. Вы понимаете, что это не можетъ продолжаться такъ. Если вы не рѣшаетесь бросить мужа, я пошлю моего мужа вытребовать отъ Нивельзина, чтобы онъ не видѣлъ васъ больше. Вы говорите, Нивельзинъ благородный человѣкъ, и искренно любитъ васъ, — и я думаю, что это правда; не сомнѣвайтесь-же, онъ поймете необходимость повиноваться...

Савелова слушала какъ убитая. Встрепенулась и съ энтузіазмомъ воскликнула: — Я рѣшаюсь бросить мужа.

— Я очень рада, если такъ, — сказала Волгина: — Я начинала терять терпѣніе съ вами. — Она стала ободрять Савелову и сдѣлалась опять ласковою; ободряла, хвалила. — Савелова экзальтировалась и была совершенно счастлива своею рѣшимостью.

— Ну, что, голубочка? — спросилъ Волгинъ, обертываясь отъ письменнаго стола къ женѣ, которая, проводивши Савелову, шла къ нему: — Знаешь, она мнѣ понравилась: въ сущности, хорошая женщина. Хочетъ бросить мужа?

— Да. Нивельзинъ уже предлагалъ ей это. Остается только, чтобы ты отправился къ нему, сказалъ, что она согласна. Ты говорилъ мнѣ, нужно трое сутокъ, чтобы получить заграничный паспортъ.

— Это обыкновеннымъ порядкомъ, голубочка. Если захотѣть, можно и скорѣе.

— Помню, ты говорилъ. Но я уже сказала ей, три дня...

— Зачѣмъ-же ты сказала, голубочка, „три дня“, когда можно-бъ и скорѣе? — не утерпѣлъ не сказать Волгинъ. Если онъ не могъ пояснить, то уже непремѣнно желалъ поясненій.

— Было-бы долго говорить, мой другъ: тебѣ надобно поскорѣе ѣдти къ нему. Но между прочимъ, я сказала такъ и потому, что вовсе нѣтъ надобности подымать шумъ особенными хлопотами.

— Это твоя правда, голубочка; — согласился мужъ.

— У меня была и другая причина; но послѣ, когда будетъ время говорить. Можетъ быть, я и ошибаюсь. Но некогда заводить длинный разговоръ. — Я сказала ей, что она не должна теперь ни видѣться съ нимъ, ни переписываться. Ты...

— Натурально, голубочка, — не преминулъ пояснить мужъ: — Имъ обоимъ надобно теперь держать себя посмирнѣе, чтобы не возбудить какъ-нибудь новаго подозрѣнія. Значитъ, и я долженъ сказать ему: не ищите видѣться и не пишите. — Онъ взялъ фуражку: — Какъ-же теперь условіе? — Беретъ паспортъ себѣ и еще какой-нибудь женскій, — не на ея имя, конечно, голубочка? — Натурально, не мудрено: ну, тамъ швея какая-нибудь, француженка, ѣдетъ за границу. Понимаю это. Значитъ, только время и мѣсто.

— Въ четвергъ, въ одиннадцать часовъ вечера...

— Правда, голубочка; — не могъ не пояснить Волгинъ: — Въ одиннадцать, будетъ уже ночь. Раньше, еще свѣтло.

На каждомъ словѣ задерживаемая его основательными поясненіями, Волгина досказала и остальныя подробности.

Въ то время желѣзной дороги изъ Петербурга къ западной границѣ еще не было. Кто не хотѣлъ ждать парохода, ѣхалъ на почтовыхъ. — Нивельзинъ, въ дорожной каретѣ, будетъ ждать у квартиры Савеловыхъ.

— Прекрасно; — заключилъ Волгинъ общимъ поясненіемъ, пояснивъ по одиночкѣ всѣ подробности: — Прекрасно, голубочка. Тѣмъ больше, что она понравилась мнѣ.

— Иди-же, будь спокоенъ: вѣрю, что она понравилась тебѣ. Не увѣряй больше.

— Эхъ, ты, голубочка, все смѣешься надо мною; — сказалъ мужъ и залился руладою, раскаты которой продолжали долетать до Волгиной и съ лѣстницы.

Нивельзинъ ходилъ по комнатѣ, служившей ему кабинетомъ. Онъ встрѣтилъ Волгина съ боязнью. Волгинъ захохоталъ во все горло по одной изъ многихъ милыхъ своихъ привычекъ:

— Что, видно, боитесь, что я стану читать мораль? Оно и стоило-бы за вашу вчерашнюю неосторожность. Должны были знать, съ какимъ человѣкомъ имѣете дѣло. Слѣдовало-бы осматриваться повнимательнѣе. Ну, да ужъ такъ и быть. — Сейчасъ, — ахъ, позвольте, какъ ея имя и отчество? — Я сохраняю нравы доброй старины, не могу говорить, не зная имени и отчества; ну, васъ-то зовутъ Павелъ Михайлычъ, кажется; такъ? — А ее?

— Антонина Дмитріевна. Но умоляю васъ, говорите скорѣе: зачѣмъ вы? что вы знаете о ней?

— Сейчасъ, погодите, попросите прежде сѣсть, — Волгинъ залился руладою отъ восхищенія своимъ остроуміемъ: ха - ха - ха! — Ну-съ, теперь можно. Сейчасъ Антонина Дмитріевна была у насъ, — онъ погрузился въ серьезность: — и проводивши ее, Лидія Васильевна послала меня сказать вамъ, чтобы вы собирались за границу.

— Я зналъ это; — проговорилъ Нивельзинъ, опускаясь какъ пораженный громомъ.

— Что вы? — Да натурально съ нею! — Она рѣшилась.

— Она рѣшилась! — Она рѣшилась, говорите вы? — Онъ казался помѣшаннымъ отъ радости.

— Само собою, рѣшилась. — Волгинъ погрузился въ размышленіе. — Антонина Дмитріевна очень хорошая женщина, Павелъ Михайлычъ;—произнесъ онъ чрезвычайно поучительнымъ тономъ.

— Какъ поняла она мое чувство къ ней! — съ увлеченіемъ сказалъ Нивельзинъ: — Такое довѣріе ко мнѣ! — какъ она знала, что не обманется во мнѣ!

— Позвольте, Павелъ Михайлычъ, — перервалъ Волгинъ: — о какомъ довѣріи вы говорите? Зачѣмъ-же вы думаете о себѣ такъ низко, будто можно не считать словъ вашихъ серьезными?

— Какихъ моихъ словъ? — Нивельзинъ не понималъ въ свою очередь. Но Волгинъ уже успѣлъ сообразить, и потому отвѣчалъ очень ловко, по крайней мѣрѣ, очень возгордился въ глубинѣ души ловкостью своего отвѣта:

— Оно, разумѣется, Павелъ Михайлычъ: съ одной стороны вы и правы. Она ввѣряетъ вамъ свое счастіе — какъ-же не довѣріе?

Нивельзинъ былъ такъ взволнованъ, что не замѣтилъ ловкости,

съ какою увёрнулся Волгинъ. Онъ былъ мало знакомъ съ глубокомысленнымъ дипломатомъ, но достаточно зналъ его за дикаря, который, по разсѣянности и неловкости, очень часто говоритъ вздоръ, ни къ селу, ни къ городу. Вѣроятно, такъ онъ и понялъ замѣчаніе и уступку Волгина; по крайней мѣрѣ, пропустилъ ихъ безъ особеннаго вниманія.

— Она оказываетъ мнѣ великое довѣріе, и какъ возвышаетъ она меня имъ въ моемъ собственномъ мнѣніи! — продолжалъ онъ, и довольно долго, очень горячо толковалъ на эту тему: Савелова оказала ему необыкновенное довѣріе, онъ очень гордится тѣмъ, что она такъ хорошо поняла его чувства.

Волгинъ, какъ человѣкъ, отличавшійся догадливостью нисколько не меньше нежели ловкостью, теперь уже совершенно ясно понималъ, въ чемъ дѣло: между Нивельзинымъ и Савеловою никогда не было рѣчи о такой развязкѣ, на какую она рѣшилась. Нивельзинъ никогда не предлагалъ ей бросить мужа. Она могла только вообще видѣть, что онъ готовъ былъ-бы и умереть за нее, не только посвятить свою жизнь ея счастію. Но онъ никогда не говорилъ ей ничего, кромѣ страстныхъ фразъ, въ которыхъ не бываетъ никакого опредѣленнаго смысла, или вѣрнѣе, ровно никакого смысла.

„Вотъ это штука!“ — размыслилъ онъ: — „И какъ могла выйти такая штука?“ — При своей необычайной сообразительности онъ не затруднился и объяснить себѣ, какъ могла она выйти, и былъ готовъ головою ручаться, что не ошибается въ своемъ предположеніи; но его прежнее мнѣніе о характерѣ Савеловой значительно измѣнилось отъ этого предположенія.

— Да, она очень понравилась мнѣ; — замѣтилъ онъ, считая обязанностью выразить свою симпатію разгоряченному Нивельзину, восторженно твердившему, что вся жизнь его будетъ одною непрерывною заботою о счастіи „Нины“, какъ называлъ онъ Савелову: — Знаете, я не очень-то много наблюдателенъ, но тутъ даже и я увидѣлъ съ перваго раза: — кроткая женщина, не рисуется, — очень хорошая женщина.

— Вы не ошиблись, — подхватилъ Нивельзинъ, и совершенно отдался порывамъ своего чувства, увѣренный въ сочувствіи слушателя. Волгинъ, дѣйствительно, восхищался честностью сердца, раскрывавшагося передъ нимъ, — расчувствовался; но и глубокомысленно соображалъ: онъ всегда соображалъ, и всегда глубокомысленно.

Кроткая! — надобно слышать, какъ она говоритъ о своихъ завистницахъ: никогда, ни объ одной изъ нихъ не сказала она ни одного злого слова; она умѣетъ мстить имъ только молчаніемъ, если не можетъ мстить услугами. Скромная! — надобно слышать, что говорятъ о ней ея завистницы: при всемъ ожесточеніи принуждены онѣ сознаваться, что въ ней нѣтъ кокетства.

Онѣ только могутъ называть ее холодною, лишенною сердца, бѣснуясь отъ досады, что не могли до сихъ поръ найти ни малѣйшаго предлога для сплетень о ней. Какъ стыдится онъ за свое прошлое, сравнивая себя съ нею! — На какія пошлыя увлеченія потратилъ онъ свѣжесть своего сердца!

До недавняго времени онъ былъ пошлымъ человѣкомъ. Единственное хорошее, что было въ немъ, — онъ любилъ науку. Но какую? — отвлеченную, которая могла развить умъ, доставить ученую репутацію, — только; она не облагораживала его сердца, и его образъ мыслей оставался мелоченъ, мертвъ, гадокъ. Онъ не думалъ о народѣ, не думалъ о счастіи людей. Отечество было для него — оффиціальный механизмъ, со своею мишурною стройностью, славою. Этому отечеству онъ служилъ, и воображалъ, что исполняетъ весь долгъ гражданина, стараясь помогать увеличенію силъ механизма, который давитъ народъ. Онъ усердно служилъ этому чудовищу своими знаніями — и затѣмъ, считалъ себя въ правѣ не думать ни о чемъ, кромѣ грубыхъ наслажденій. Въ своемъ помѣстьѣ видѣлъ онъ источникъ средствъ для покупки наслажденій, въ женщинахъ — торговокъ, продающихъ наслажденія собою. — Онъ и былъ правъ, думая такъ о женщинахъ, которыми наслаждался. Пока онъ былъ юношею, не могъ играть роль въ свѣтѣ, онъ кутилъ съ тѣми женщинами, которыя продаютъ себя прямо за деньги. Онъ вошелъ въ свѣтъ и увлекся другими, болѣе граціозными: этихъ надо было покупать, затмѣвая соперниковъ свѣтскимъ блескомъ: точно также, бросая деньги, только не прямо въ руки ихъ, а на лошадей, на всяческія безразсудства, для потѣхи имъ; — а прямо имъ самимъ, вмѣсто денегъ, надобно было давать лесть, — и онѣ отдавались также легко и съ такимъ-же сердечнымъ влеченіемъ, какъ и тѣ обыкновенныя продажныя женщины...

— Ну, позвольте, Павелъ Михайлычъ, это уже слишкомъ мрачно; — возражалъ Волгинъ, съ неизмѣнною своею основательностью, и совершенно справедливо объяснялъ, что и въ самыхъ отъявленныхъ кокеткахъ часто бываетъ нѣкоторая сердечная теплота, потому что и онѣ тоже люди, слѣдовательно, имѣютъ нѣкоторую потребность привязываться; что въ бѣдныхъ женщинахъ, принужденныхъ продавать себя, это человѣческое чувство проявляется еще менѣе рѣдко. И надобно думать, что довольно многія привязывались къ Нивельзину довольно искренно, потому что онъ и самъ по себѣ очень можетъ нравиться, независимо отъ своихъ денегъ или своей лести.

— Конечно, бывало, что и онѣ привязывались, и я къ той или другой; — соглашался Нивельзинъ: — Но съ обѣихъ сторонъ человѣческое чувство было такъ слабо, такъ мимолетно, такъ загрязнено пошлостью, и такъ легко исчезало, лишь только разводилъ насъ или случай, или новый капризъ.

— И опять-же нѣтъ вамъ причины особенно стыдиться за себя, — пояснилъ Волгинъ: — Правда, вы не имѣли порядочнаго образа мыслей, потому провели первые годы молодости въ пошлыхъ кутежахъ и волокитствахъ. Но всѣ молодые люди, имѣвшіе деньги, вели себя тогда не лучше вашего. Время было такое безсмысленное.

— Я думаю, что мнѣ это менѣе простительно, нежели другимъ. Другіе были невѣжды.

— Да, ну это вы сами справедливо замѣтили: тогдашняя наука была безжизненная; потому и не могла облагораживать человѣка. Общество не требовало отъ человѣка ничего, кромѣ пошлости.

— Вотъ это мнѣ горько, что я не могъ очнуться отъ нея самъ, — сказалъ Нивельзинъ: — Я раскрылъ глаза на свою жизнь и сталъ понимать свои обязанности только тогда, когда пробудилось такое-же сознаніе въ цѣломъ обществѣ.

— Объ этомъ уже сказано, Павелъ Михайлычъ:

„Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,“

продекламировалъ Волгинъ и залился руладою, въ одобреніе остроумной цитатѣ. — Аполлонъ, т. е. общество; подъ именемъ-же поэта разумѣй всякаго человѣка. Одинъ воинъ въ полѣ не рать, говоря проще, Павелъ Михайлычъ: потому и хорошій воинъ отлагаетъ оружіе и предается занятіямъ, несвойственнымъ его мужественной природѣ. — Онъ опять залился хохотомъ, потому что и новая острота была очень недурна, по его мнѣнію, а вслѣдъ за тѣмъ предался размышленію и вздохнулъ:

— „Пробудилось сознаніе въ цѣломъ обществѣ“! — Ну, хватили, Павелъ Михайлычъ! — Онъ покачалъ головою и опять вздохнулъ.

— По крайней мѣрѣ, стало пробуждаться, — сказалъ Нивельзинъ. Тогда и онъ увидѣлъ передъ собою вопросы, отъ которыхъ затрещало у него въ головѣ. Какъ должны быть рѣшены они? — Онъ сознался себя невѣждою во всякомъ живомъ знаніи, и ясно было для него только одно: онъ расточалъ на свои пошлости чужія деньги, добываемыя, быть можетъ, не потомъ только, но и кровью; быть можетъ, — потому что онъ не зналъ, какъ живутъ крестьяне его села. Онъ поѣхалъ туда.

— Ну, что-же? — и поступили тамъ очень хорошо; Рязанцевъ говорилъ, — одобрилъ Волгинъ.

Правда, Рязанцевъ хвалитъ. И въ самомъ дѣлѣ, онъ прожилъ около года въ деревнѣ не совсѣмъ безъ пользы и для крестьянъ, и для себя. Если что помогло крестьянамъ, то именно его незнакомство съ ихъ бытомъ и надобностями. Оно отнимало у него всякую мечту благодѣтельствовать имъ по своему усмотрѣнію. Онъ могъ только спрашивать ихъ, чего они желали-бы.

Спросивши, онъ сдѣлалъ какъ они считали хорошимъ. Они, конечно, остались довольны. Но велики-ли желанія людей, которые привыкли жить очень бѣдно? Жалкое благосостояніе, благосостояніе по ихъ понятіямъ! — Теперь они даже боятся освобожденія! — Трудно-ли удовлетворить желаніямъ людей, которые боятся освобожденія?

— А въ какомъ положеніи были они прежде? Раззорены? — спросилъ Волгинъ.

— По ихъ словамъ, и прежде жили хорошо. Хорошо! — Впрочемъ, отвѣтъ ихъ былъ резонный: „Какъ-же не хорошо? Гдѣ-же въ сосѣдяхъ-то живутъ лучше?“

— Много вамъ стоило поправить это прежнее хорошее? Половины доходовъ?

— Да, около.

— То есть, больше, нежели половины?

— По двумъ, тремъ годамъ нельзя вывести вѣрнаго разсчета, — отвѣчалъ Нивельзинъ: — Но вообще, я стараюсь какъ можно меньше думать о благоденствіи моихъ крестьянъ: и вспоминать о немъ грустно, а смотрѣть было очень непріятно. Поэтому, я не выдержалъ и одного года въ деревнѣ, хоть мнѣ очень хотѣлось-бы остаться тамъ подольше: развлеченій не было, я могъ читать и думать вволю. Но невыносимо было видѣть крестьянъ съ ихъ довольствомъ.

Онъ поѣхалъ за границу. Прожилъ съ полгода въ Парижѣ. Тамъ онъ провелъ время недурно. Веселая сторона Парижа осталась неизвѣстна ему: пошлости опротивѣли ему. Но для человѣка, желавшаго учиться, Парижъ былъ хорошъ. Парижскій народъ держитъ въ своихъ рукахъ судьбу Европы. Любопытно было всматриваться, чего можно ждать отъ него. Но упадокъ духа въ парижскихъ работникахъ очень великъ. Это, тоже, своего рода русскіе крѣпостные крестьяне, по широтѣ размѣра своихъ желаній. Разница только та, что у русскихъ крестьянъ и не было никогда желаній, болѣе широкихъ; а тамъ были, но убиты. Это еще грустнѣе. Онъ не выдержалъ въ Парижѣ болѣе полугода, и поѣхалъ въ Петербургъ: у насъ, все-таки, жизнь пробуждается, а не замираетъ; гораздо больше отрадно.

Но то общество, въ которомъ онъ погубилъ свои прежніе годы, конечно, не могло уже привлекать его. Онъ сталъ сходиться съ передовыми людьми Петербурга. Нѣкоторыхъ онъ нашелъ пустыми фразерами. Другіе внушили ему и любовь, и уваженіе. Въ особенности Рязанцевъ, въ которомъ великій умъ и колоссальная ученость соединены съ энтузіазмомъ къ правдѣ, съ пламенною преданностью народному дѣлу. Онъ былъ такъ счастливъ, что пріобрѣлъ расположеніе Рязанцева. У Рязанцева изрѣдка бываетъ Савеловъ. Онъ познакомился тамъ съ этимъ замѣчательнымъ

человѣкомъ, которому, къ счастью для русскаго прогресса, открывается такая блистательная карьера.

— Вотъ какъ вы расхваливаете его, — вставилъ Волгинъ: — Признаться, я не ждалъ этого.

Нивельзинъ отвѣчалъ, что готовъ, если-бы то понадобилось, стрѣляться на смерть съ Савеловымъ, какъ частный человѣкъ съ частнымъ человѣкомъ, но долженъ признавать его чрезвычайно полезнымъ государственнымъ дѣятелемъ. Какъ реформаторъ, онъ безусловно честенъ. Энергія его непреклонна. Онъ преклоняется передъ благороднымъ двигателемъ освобожденія крестьянъ.

Онъ сталъ бывать у Савелова. Не очень часто, потому что время Савелова дорого. Но не рѣдко, потому что Савеловъ желалъ сблизиться съ нимъ, хотѣлъ сдѣлать его однимъ изъ своихъ помощниковъ. Да, это положительно вѣрно. Уже были намеки, довольно ясные. Савеловъ говорилъ съ нимъ о дѣлахъ; давалъ прочитывать ему разные проэкты и просилъ дѣлать замѣчанія о нихъ. Говорилъ, что когда будетъ рѣшено освобожденіе крестьянъ, то Нивельзину будетъ надобно бросить „свое бездѣлье“. — Когда Нивельзинъ пріѣзжалъ къ Савелову, то, обыкновенно, обѣдать. Обѣдъ — почти единственный часъ отдыха и свободы для Савелова. Онъ живетъ очень скромно. У него нѣтъ состоянія, и онъ безкорыстенъ. Министръ предлагалъ увеличить его жалованье, онъ постоянно отказывался. Онъ отказался-бы и отъ половины того, что получаетъ, если-бы не зналъ, что это показалось-бы лицемѣріемъ. — Обыкновенно, они обѣдали втроемъ; изрѣдка, чиновникъ, который заработался до обѣда съ Савеловымъ, и оставленъ былъ продолжать работу послѣ обѣда; еще рѣже, — какой-нибудь оффиціальный гость, пожилой, умѣющій говорить только о службѣ. — Иногда Савеловъ оставался съ женою и Нивельзинымъ довольно долго послѣ обѣда; чаще, ему не было времени и Нивельзинъ оставался одинъ съ хозяйкою. Савеловъ былъ чуждъ всякой мысли опасаться Нивельзина; отчасти, быть можетъ, потому, что видѣлъ въ немъ человѣка честнаго, серьезнаго, а главное, человѣка, которому до омерзѣнія надоѣло волокитство; но еще гораздо болѣе потому, что не опасался ничего: онъ былъ совершенно увѣренъ въ своей женѣ.

Она вполнѣ заслуживала того. Такой мужъ и не могъ-бы вѣрить ей, если-бъ она не заслуживала того вполнѣ. Возвратившись въ Петербургъ, Нивельзинъ почти совершенно пересталъ бывать въ большомъ свѣтѣ. Но у него остались связи съ нимъ. Нивельзинъ зналъ репутацію Савеловой. Страннымъ феноменомъ казалась эта женщина молодымъ людямъ, которые прежде были товарищами Нивельзина по вѣтренности, и изъ которыхъ иные теперь оставались его пріятелями, потому что и сами отчасти подверглись перемѣнѣ къ лучшему. Между множествомъ кокетокъ, довольно большимъ количествомъ искреннихъ вѣтренницъ,

въ большомъ свѣтѣ есть, хоть и немногія, молодыя дамы, вѣрныя мужьямъ. Но это или набитыя дуры, у которыхъ недостаетъ ума даже и на то, чтобъ измѣнить, — или женщины, которыхъ никто не желаетъ соблазнять, — такъ ужасно некрасивы онѣ, — или женщины безъ души и сердца, совершенно холодныя эгоистки, разсчетливыя лицемѣрки, злыя завистницы, разсудившія, что надобно затмѣвать другихъ добродѣтелью, потому что не могли-бы затмить ихъ ни красотою, ни граціею. Но такихъ женщинъ, какъ Савелова, пріятели Нивельзина не видѣли въ аристократическомъ кругу. Она была добра и мила; она была умна. По красотѣ мало было соперницъ ей; по граціозности еще меньше. Толпы поклонниковъ тѣснились къ ней; — она дозволяла говорить себѣ любезности, пока любезности говорились безъ претензій. Но едва любезность переходила границы ничтожной болтовни, она заставляла замолчать; заставляла безъ жеманства, не разыгрывая оскорбленную, не прикидываясь ни ангеломъ наивности, ни мегерою добродѣтели. Навязчивыхъ глупцовъ она отдаляла отъ себя. Неглупые люди, отказавшись отъ претензій, могли оставаться хороши съ нею; и когда они послѣ говорили ей, что не могутъ понять ее, она отвѣчала: „Я не такъ глупа, чтобы вѣрить, и не такъ вѣтренна, чтобы увлекаться когда не вѣрю“. — Тѣмъ, которые были особенно хороши съ нею, она прибавляла: „Я должна быть въ обществѣ, и люблю его. Но я ѣзжу въ общество за тѣмъ, чтобы поддержать отношенія, которыми должна дорожить, и вмѣстѣ съ тѣмъ веселиться. Но вовсе не за тѣмъ, чтобы кокетничать, — это дурно; еще меньше за тѣмъ, чтобы влюбляться; влюбляться — значило-бы страдать и подвергаться униженію; я не хочу ни того ни другого.“ — Сначала нѣкоторые глупцы отваживались повторять какую-нибудь сплетню, сочиненную какою-нибудь подлою завистницею. Но ихъ слова были встрѣчаемы такимъ хохотомъ и такимъ презрѣніемъ менѣе глупыхъ товарищей, что они со стыдомъ прикусывали языки. — Довольно давно уже не было и попытокъ сплетничать о Савеловой: кокетки убѣдились, что она не отнимаетъ ни у одной изъ нихъ ни одного любовника, добродѣтельныя Фуріи убѣдились, что никто не повѣрилъ-бы новымъ клеветамъ.

Нивельзинъ зналъ, что она не позволила-бы волокитства за собою; да и не былъ расположенъ волочиться: пора легкомысленныхъ ухаживаній прошла для него. Но Савелова произвела на него очень хорошее впечатлѣніе; кромѣ своей красоты, также и умомъ, добротою. Когда мужъ уходилъ послѣ обѣда работать, ему было пріятно оставаться съ нею. И ей также было пріятно, что онъ остается: прежде ей почти всегда приходилось проводить одной время между обѣдомъ и началомъ аристократическаго вечера. Они продолжали говорить такъ-же, о томъ-же, какъ и при мужѣ. Иногда они читали. Они стали дружны.

Это могло-бы продолжаться много времени, могло-бы продолжаться, быть можетъ, до той поры, пока Нивельзинъ не полюбилъ-бы другую, — конечно, дѣвушку, — потому что ему казалось, онъ уже не полюбитъ иначе, какъ съ мыслью жениться. Одно обстоятельство дало его чувствамъ направленіе, какого онъ не воображалъ: онъ увидѣлъ, что Савеловъ держитъ себя въ такихъ отношеніяхъ къ женѣ, которыхъ нельзя одобрить. Она была для мужа не больше какъ должностное лицо. Это лицо должно было исполнять свои обязанности. Одна, не очень важная — замѣнять экономку; другая, гораздо интимнѣе, — замѣнять наложницу; но еще гораздо важнѣе была третья: помогать его возвышенію пріобрѣтеніемъ очень сильныхъ или очень знатныхъ друзей, которые легче и прочнѣе привязываются самою ничтожною внимательностью красивой и граціозной дамы, нежели самыми старательными заискиваніями мужчины. Савелова безукоризненно исполняла двѣ первыя обязанности, съ большимъ успѣхомъ третью. Поэтому она была въ совершенной милости у мужа. Онъ не дѣлалъ ей выговоровъ по хозяйству и по обѣду; напротивъ, часто выражалъ свое удовольствіе тѣмъ или другимъ блюдомъ. Онъ не ѣздилъ ни къ какой лоретѣ и, очень лестно для законной своей одалиски, называлъ себя счастливымъ мужемъ. За хорошее выполненіе своихъ инструкцій о томъ, какъ съ кѣмъ должна она держать себя въ обществѣ, онъ очень любезно благодарилъ ее; однажды, — когда она успѣла наконецъ очаровать долго неподдававшуюся чрезвычайно важную и еще болѣе злую старуху, онъ такъ обрадовался, что благосклонно поцаловалъ руку жены, — но и тѣмъ не ограничилъ своей награды: съ глубокимъ чувствомъ сказалъ: „Ты незамѣнимая жена“. Онъ былъ очень милостивый начальникъ.

Довольно долго Нивельзинъ не видѣлъ, что онъ только начальникъ и содержатель своей жены. Въ свѣтѣ было рѣшено, что она любитъ мужа: иначе, она не могла держать себя такъ безукоризненно. А онъ не имѣлъ любовницы: какъ-же не владѣла его сердцемъ жена, при томъ-же такая красавица? — Конечно, она и владѣла-бы сердцемъ мужа,—если-бъ у мужа было сердце.

Нивельзинъ не могъ предполагать, что Савеловъ неспособенъ любить. Можетъ-ли благородный гражданинъ быть бездушнымъ эгоистомъ въ частной жизни? — Нивельзинъ и теперь не понималъ, какимъ образомъ это возможно. Онъ только видѣлъ, что въ Савеловѣ это такъ. Ему трудно было замѣтить это, потому что это было неимовѣрно.

Но убѣдившись, что Савеловъ не имѣетъ ни искры теплаго чувства къ женѣ, онъ не могъ не понять, что эта добрая и нѣжная женщина не совсѣмъ счастлива. Въ ней была потребность любви.

Нивельзинъ замѣтилъ, что слишкомъ живо жалѣетъ о ней. Онъ

не былъ неопытный юноша, чтобы не разсмотрѣть, какое чувство скрывается подъ симпатіею къ женщинѣ, лицо которой казалось ему очень мило. Онъ не колебался: онъ не могъ сохранить личной привязанности къ человѣку сухой души, но глубоко уважалъ въ Савеловѣ благороднаго государственнаго дѣятеля.....

— Эхъ, вы! — перервалъ Волгинъ, покачалъ головою, размыслилъ и повторилъ съ удвоеннымъ чувствомъ: — Эхъ, вы! — Связать бы васъ съ Рязанцевымъ по ногѣ, да пустить по водѣ! — Онъ залился руладою въ поощреніе остроумію, съ которымъ воспользовался поговоркою.

— Шутки не опроверженія, — сказалъ Нивельзинъ: — факты за насъ съ Рязанцевымъ.

— Хорошо; не спорю; факты, — сказалъ Волгинъ, покачалъ головою и опять превратился въ смирнаго слушателя.

Нивельзинъ не колебался. Онъ высказалъ Савелову, что рѣшился не принимать никакого оффиціальнаго мѣста. — „Прежде мнѣ казалось, что вы не прочь служить, лишь-бы съ пользою для общества“, сказалъ Савеловъ. — „Желалъ-бы; но увидѣлъ, что неспособенъ.“ — Савеловъ сталъ говорить, что когда двинется дѣло объ освобожденіи крестьянъ, будутъ устроены консультативныя коммиссіи, что ихъ члены будутъ пользоваться полною независимостью. — Нивельзинъ отвѣчалъ, что не приметъ никакого назначенія, и потерялъ интересъ для Савелова.

— Вы не были у насъ цѣлую недѣлю, — сказала ему Савелова.

Онъ пересказалъ ей разговоръ, который имѣлъ съ мужемъ въ прошлый разъ. — „Прежде мы съ нимъ думали, что можемъ пригодиться другъ другу. Теперь я нашелъ, что не могу ни быть полезенъ ему, ни получить пользы отъ него.“

— Но онъ всегда будетъ дорожить вашею дружбою.

— Да; и я его дружбою. Но это не резонъ, чтобы я по прежнему отнималъ у него время.

— Если не хотите отнимать времени у него, то у меня отнимайте какъ можно больше. У меня его очень много.

Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ Савеловъ и увезъ его къ себѣ, говоря что такъ велѣла жена.

Прошло еще нѣсколько дней. Она увидѣла его въ оперѣ, призвала въ ложу, осыпала его упреками за то, что онъ забываетъ ее; а она — она скучаетъ безъ него. — Она все еще думала только, что скучаетъ безъ него. Онъ видѣлъ, что она любитъ его. Онъ могъ-бы давно видѣть это, если-бы не воображалъ, что она уже никого не полюбитъ. Она взяла съ него слово, что завтра онъ обѣдаетъ у нихъ.

Въ тотъ вечеръ онъ очень много думалъ. Его голова стала горѣть. Онъ написалъ ей. Онъ говорилъ ей въ этомъ письмѣ, что не долженъ больше видѣть ее, и умолялъ ее написать ему хоть одно слово, въ утѣшеніе. — Поутру, его голова нѣсколько

прояснилась; но было уже поздно: письмо, отданное слугѣ на разсвѣтѣ горячечной ночи, было уже отнесено. — Онъ мучился совѣстью за свою слабость, за свой эгоизмъ, — и былъ радъ, что уже не можетъ поправить свое безразсудство.

Она отвѣчала. Она говорила, что его письмо удивило ее; что она не сердится; что она прощается съ нимъ, но не навсегда. Она проситъ его успокоиться. Они были дружны. Его экзальтація пройдетъ, и тогда они опять будутъ дружны.

Онъ отвѣчалъ. Она отвѣчала опять. Они стали переписываться. Если-бъ его письма попали въ руки ея мужа, они были-бы лучшимъ оправданіемъ ей. — Онъ умолялъ ее о свиданіи. Она говорила, что это безразсудно. Онъ покорился, и хотѣлъ только хоть издали видѣть ее: онъ сталъ снова бывать въ обществѣ, гдѣ могъ встрѣтить ее. — Она просила его не дѣлать и этого: они вовсе не должны видѣть другъ друга, даже и въ обществѣ, пока его экзальтація пройдетъ. — Онъ покорился и этому. Она хвалила его послушаніе, благоразуміе, утѣшала тѣмъ, что современемъ они снова будутъ друзьями... Ея письма были иногда залиты слезами; но ея нѣжность всегда была тиха.

Онъ повиновался ея кроткой волѣ. Но силы его разсудка изнемогали. По временамъ, безумные проэкты овладѣвали его мыслями. То ему воображалось, что онъ могъ-бы послать вызовъ Савелову, и придумывалъ предлоги для ссоры. То ему мечталось, будто онъ говоритъ Савелову: — „Вы не можете любить никого; ваше великое сердце холодно ко всему, кромѣ великаго, кромѣ желанія заслужить славу, давъ счастіе народу. Я люблю ее. Жду отъ васъ рѣшимости, достойной васъ. Скажите ей, что вы позволяете ей быть счастливою.“ — Онъ смѣялся надъ этими фантазіями, но смѣялся съ ужасомъ: онъ чувствовалъ, что начинаетъ терять власть надъ своими мыслями.

Никакія развлеченія не были возможны для него. Онъ старался искать разсѣянія въ физической усталости. Онъ бродилъ изъ улицы въ улицу, пока ноги подламывались. Тогда онъ могъ спать.

Онъ услышалъ, что послѣ-завтра будетъ большой балъ во дворцѣ.

„Она будетъ тамъ, — стало думаться ему. — Она не замѣтила-бы меня въ толпѣ“.

На другое утро ему думалось: „Я буду тамъ говорить съ нею. И мужъ ея будетъ тамъ. Я подойду къ нему. Я выпрошу у нея позволеніе бывать у нихъ. Ея мужъ скажетъ: „Что-жъ это, вы совсѣмъ забываете насъ? — Завтра мы будемъ ждать васъ“.

Онъ шелъ по Невскому. Далеко впереди, изъ Караванной, показалась ея карета, проѣхала сотню шаговъ и остановилась у

моднаго магазина. Она вышла изъ кареты. Она не видѣла его: онъ былъ очень далеко.

Онъ опомнился уже только отъ того, что рука его взялась за холодную бронзовую ручку двери магазина. — „Идти, или нѣтъ? — подумалось ему. — Идти. Все равно, я увидѣлся-бы съ нею такъ, или иначе.“

Она испугалась, увидѣвъ его. — „Одну минуту разговора, и я опять буду послушенъ вашей волѣ“, сказалъ онъ. — „Безумецъ! — Я думала, что вы уважаете меня.“ — „Вы боитесь? — сказалъ онъ съ улыбкою: — Вы боитесь меня? Вы знаете, что вы не должны бояться меня.“ — Онъ улыбался, а на глазахъ у него были слезы. — „Я вѣрю вамъ, Нивельзинъ,— сказала она: — Вы не только влюблены въ меня, вы другъ мнѣ“. — „Madame угодно будетъ пожаловать въ комнату за магазиномъ, чтобы примѣрять платье?“ — скромно и ничего не понимая, сказала магазинщица.

Свиданіе длилось не одну минуту. Но мать, сестра могли-бы быть свидѣтельницами его. Савелова сохраняла власть надъ собою. Нивельзинъ былъ покоренъ ея тихому напоминанію: „Милый Поль, я вѣрила тебѣ, — будь-же другомъ, достойнымъ моего довѣрія“.

Онъ умолялъ ее согласиться на второе свиданіе. Она была увѣрена и въ себѣ, и въ немъ. Она пріѣхала на второе свиданіе безъ опасеній. И на этотъ разъ она не обманулась ни въ себѣ, ни въ Нивельзинѣ.

Свиданія продолжались. Конечно, они не могли долго сохранять того совершенно идеальнаго характера, какой имѣли въ началѣ. Она привыкла больше и больше надѣяться на себя и на повиновеніе Нивельзина. Она забывала осторожность. Она видѣла Нивельзина блѣднымъ, и тревожилась за него, и позволяла ему все болѣе жгучія ласки.

„Я не виню тебя, милый Поль, — говорила она, когда, очнувшись отъ забвенія, увидѣла себя его любовницею: — Я не хотѣла дѣлать тебя моимъ любовникомъ. Но ты счастливъ, Поль, и я счастлива, что ты не будешь думать, что я мало люблю тебя. И не напрасно-ли я мучила тебя, безразсудная? — Но теперь я погубила себя, если мой мужъ узнаетъ, что мы видѣлись: я погубила себя первымъ-же свиданіемъ.“

Прошло уже три дня, послѣ того какъ Волгинъ передалъ Нивельзину рѣшеніе Савеловой. Погода была ясная. Волгина хотѣла воспользоваться ею, чтобы ѣхать искать дачу. Она послала взять карету. — Наташа, очень молоденькая дѣвушка, титулао

вавшая себя горничною Лидіи Васильевны, отправленная съ этимъ порученіемъ, вернулась и съ гордостью объявила, что наняла карету полтинникомъ дешевле, нежели думала Лидія Васильевна, и карета самая прекрасная, и лошади самыя прекрасныя.

Но Волгиной еще надобно было кончить дѣло, которымъ начала она заниматься, пославъ за каретою.

Она стояла въ залѣ у двухъ сдвинутыхъ вмѣстѣ и раскрытыхъ ломберныхъ столовъ. На столахъ лежали куски шелковой матеріи. Въ рукахъ у Волгиной были ножницы. Она кроила платье. — Блондинка, одѣтая какъ барышня, но не барышня по своимъ слишкомъ бойкимъ манерамъ, слѣдила, едва помня себя отъ восторга, за движеніями ножницъ.

— Если-бы вы опоздали еще пять минутъ, вы уже не застали-бы меня, стала говорить Волгина, когда выкроила лифъ и рукава, и осталось только отрѣзать кусокъ для юбки, — работа, не требующая вниманія: — Слышите, карета уже взята. Я не была-бы виновата: я говорила Миронову, что буду ждать васъ въ двѣнадцатомъ часу.

— Все выбирала матерію, Лидія Васильевна,—отвѣчала блондинка: — Денегъ-то немного, а хочется, чтобы матерія была получше.

— Съумѣете-ли вы перекроить сами другія платья по этому?

— Не знаю, Лидія Васильевна; можетъ быть, съумѣю.

— Это значитъ, не съумѣете. Но, по крайней мѣрѣ, не полѣнитесь перешить ихъ. Судя по тому, въ которомъ вы шли вчера, и по этому, которое теперь на васъ, всѣ надобно перешить. И это сидитъ на васъ мѣшкомъ, какъ-то.

— Не полѣнюсь, Лидія Васильевна; покорно васъ благодарю. — Блондинка съ быстротою молніи нагнулась и чмокнула руку Волгиной.

— Что вы, съума сошли, Даша? А если я прибью васъ за такія глупости?

— Какъ-же, Лидія Васильевна, когда вы такъ милостивы ко мнѣ, больше обѣщанія вашего Петру Ильичу? — Хотите перекроить всѣ. А у меня ихъ цѣлыхъ семь.

— Хочу? — И цѣлыхъ семь! — Хочу всѣ перекроить! — Однако, вы догадливы, Даша. Не хочу-ли я сдѣлать вамъ еще какую-нибудь милость?

— Какъ-же, Лидія Васильевна? — Вы прикажете, чтобы я, какъ сошью это, и потомъ, какъ перешью, приходила-бы показывать вамъ, хорошо-ли сидитъ.

— Извольте, Даша, съ удовольствіемъ буду смотрѣть; и поправлять, если понадобится. Но я увѣрена, что съ перваго раза будетъ хорошо. На такую правильную талію легко кроить. Вы прекрасно сложены, Даша.

Блондинка съ примѣрною застѣнчивостью потупила глаза, и очевидно, желала даже покраснѣть. Этого желанія не удалось ей исполнить; но глаза потупились какъ нельзя лучше.

— Будьте-же и по поступкамъ такою-же прекрасною дѣвушкою, Даша. Будьте разсудительною, не прихотницею, не мотовкою. Я говорила Миронову, чтобы вы принесли мнѣ перекроить платье, въ которомъ шли съ нимъ, — а вы купили матеріи на новое. Помните, Даша, что у Миронова не такъ много денегъ; и если-бъ даже могъ онъ получать больше, у него теперь не такое время, чтобы ему слѣдовало набирать много уроковъ. Помните, что съ каникулъ онъ будетъ послѣдній годъ въ университетѣ; ему надобно какъ можно болѣе заниматься для окончательнаго экзамена. Это можетъ имѣть вліяніе на всю его жизнь. Не забывайте этого, хорошенькая моя Дашенька.

— Не думайте такъ обо мнѣ, Лидія Васильевна, — отвѣчала блондинка: — Кромѣ вотъ этого браслетика, — она приподняла больше на видъ руку въ браслетѣ, стоившемъ рублей двадцать, — я ничего не получала отъ Петра Ильича; и то, въ первое время. — Буду-ли я требовать отъ него? — Напротивъ, Лидія Васильевна: сама была-бы готова помочь ему, если-бъ онъ нуждался.

— Вотъ какъ! — Отъ кого-жъ это новое платье, Даша?

— Ахъ, боже мой! — А я думала, онъ сказывалъ вамъ! — проговорила блондинка, совершенно растерявшись, и сильно покраснѣла.

— Тѣмъ лучше, — Даша, сказала Волгина, засмѣявшись: — Но когда такъ, вамъ не слѣдовало ходить подъ руку съ Мироновымъ: сохрани богъ, увидятъ, — вамъ бѣда; и будете раззорять Миронова.

— Ну, пусть увидитъ, толстый дуракъ: не такое сокровище, чтобъ заплакала, если броситъ,—отвѣчала блондинка, сначала разсудивши потупить глаза, потомъ нашедши, что это лишнее: — Я ужъ и сама думаю, не бросить-ли его. Скряга-то какой, если-бъ вы знали, Лидія Васильевна. Да что-же, вы можете судить, какъ я живу, когда я должна сама себѣ шить платья. А сколько деньжищевъ-то у него! — Ей-богу, такъ, Лидія Васильевна! Согласитесь сами: надобно подумать о будущемъ. Не вѣкъ будешь молода. А что я могу нажить, живучи съ нимъ? — Такъ вотъ, только доброе мое сердце. Но ей-богу, самой передъ собой совѣстно, что всякій умный человѣкъ сочтетъ меня дурою. Одно можно сказать въ похвалу ему: не пьянствуетъ. Потому не имѣешь непріятностей. Господи! — и что это за слабость у мужчинъ: нѣтъ имъ веселья безъ вина! — Но не всѣ-же. — Но ей богу: лучше ужъ пойду замужъ, съ волей прощусь, если не дастъ богъ человака получше. Ей-богу, пойду, и съ волей прощусь, на зло ему, толстому чорту, скрягѣ.

— Замужъ, Даша? — Такъ у васъ и женихъ готовъ? — сказала Волгина, опять улыбнувшись, и продолжала серьезно: — Хорошій человѣкъ, Даша? Не будетъ съ вашей стороны обмана? И не будетъ онъ попрекать васъ послѣ? — Когда все такъ, это лучше, нежели связываться съ дрянью, — потому что всѣ такіе люди дрянь, Даша: у нихъ нѣтъ совѣсти; если-бы была, не заставляли-бы дѣвушекъ стыдиться, — если нравится жить съ дѣвушкою, то и женились-бы на ней: не могутъ отговориться тѣмъ, что нѣтъ денегъ, когда находятъ деньги, чтобы содержать, не женившись: совѣсти у нихъ нѣтъ, Даша, — лучше-же, нежели связываться съ такою дрянью, идти замужъ, хоть-бы и не за богатаго человѣка, но который имѣетъ совѣсть и истинное расположеніе къ вамъ.

— Хорошій человѣкъ, Лидія Васильевна. И обманывать его нечего: знаетъ. Говоритъ: „Если-бы вы пошли за меня, Дарья Ивановна, то никогда-бы я не подумалъ на васъ.“ И изъ за чего-жъ ему тогда думать? — Идешь замужъ, то, когда имѣешь каплю совѣсти, понимаешь: замужняя женщина должна держать себя, какъ слѣдуетъ замужней женщинѣ. Да и до того-ли, скажите сами? — Захочешь дѣтей имѣть; когда дѣти, то тѣ-ли мысли?... Ахъ, Лидія Васильевна, какая у меня къ вамъ просьба... — Бойкая блондинка запнулась и оробѣла. — Лидія Васильевна, Петръ Ильичъ говорилъ мнѣ, что вы оберегаете Наташу. Но клянусь вамъ моимъ богомъ, что не услышитъ она отъ меня ничего дурного. Вы уѣдете, а мнѣ позвольте остаться поиграть съ Володенькою: люблю дѣтей, Лидія Васильевна; а Петръ Ильичъ говорилъ про вашего маленькаго, что онъ...

— Не Мироновъ-ли это? легокъ на поминѣ, — замѣтила Волгина: — за вами, вѣроятно? — Но нѣтъ, онъ не такъ звонитъ. Это кто-то чужой.

— Петръ Ильичъ и не можетъ быть; онъ будетъ ждать меня. Я сказала, что отъ васъ пройду къ нему.

Наташа отворила дверь.

— А! — тихо проговорила Волгина, и тѣнь пробѣжала по ея лицу. — Играйте съ Володею, Даша: я очень рада. Зачѣмъ вы думаете, что я считаю васъ дурною дѣвушкою?

Вошла Савелова.

Бѣленькое, розовое личико Савеловой было блѣдно, блѣдно, и не розовое, а желтовато-красное. Глаза ввалились. Видно было, что бѣдняжка мало спала въ эту ночь, и много плакала; и краска ея только краска волненія.

Волгина угадывала, о чемъ плакала она, и если-бы она не была жалка, Волгина сказала-бы ей: „Можетъ быть вы ошиблись? —

Это не квартира Нивельзина. Вѣроятно, вы спѣшили къ нему? — Если да, то прекрасно.“ Но жалость взяла верхъ. Если-бы могла, Волгина возвратила-бы своему голосу и взгляду ласковость, съ которою проводила Дашу. Но она могла только не быть суровою.

Этого было довольно для Савеловой. Глаза, подернутые слезами, видятъ въ состраданіи сочувствіе. Савелова бросилась на шею Волгиной и заплакала.

— Помогите мнѣ!

— Я обязана. Я вмѣшалась въ ваше дѣло, и должна не отступаться отъ него до конца. — Если-бы Волгина могла давать своему голосу тотъ или другой тонъ по произволу, она сказала-бы это съ нѣжностью. Но все, что было въ ея власти, было говорить спокойно. — Перестаньте плакать. Вы не могли любить вашего мужа, потому что онъ неспособенъ любить никого, кромѣ самого себя. Онъ одинъ виноватъ въ томъ, что вы полюбили другого. Никто изъ умныхъ и честныхъ людей не осудитъ васъ за то, что вы не захотѣли оставаться обманщицею. Онъ самъ покажетъ себя благороднымъ человѣкомъ, когда увидитъ, что не можетъ вредить вамъ. Онъ согласится на разводъ. Нивельзинъ безгранично любитъ васъ. Мой мужъ очень долго говорилъ съ нимъ, и остался въ восторгѣ отъ него. Вся жизнь его будетъ посвящена вашему счастью. О чемъ-же вы плачете? — Васъ надобно оправдывать во всемъ; нельзя оправдать только въ томъ, что вы плачете. — Савелова плакала.

— Перестаньте. Подумайте, какое впечатлѣніе произведутъ на Нивельзина ваши раскраснѣвшіеся глаза, ваше желтое лицо, если вы не перестанете плакать. — „Неужели ей такъ трудно было рѣшиться? — подумаетъ онъ: — О чемъ она такъ горевала? Неужели она такъ мало любитъ меня?“ — Скажите, вы мало любите его?

— Его? — я, мало люблю? — воскликнула Савелова, и нѣжныя слова съ искреннимъ энтузіазмомъ полились у нея.

Искренность чувства бѣдной женщины опять пробудила въ Волгиной расположеніе къ ней. Волгина получила силу приласкать ее.

— Когда вы такъ любите его, то не плачьте-же. Будьте тверды. — Волгина поцаловала ее: — Будьте умница, моя милочка. Вы боитесь, что у васъ недостанетъ рѣшимости. Оставайтесь-же здѣсь, у меня.

Савелова бросилась обнимать Волгину. — „Да, я останусь у васъ!“

Волгина продолжала ласкать ее, какъ маленькую дѣвочку, успокаивала, одобряла. Наконецъ, Савелова стала казаться твердою.

— Теперь можете дать мнѣ слово, что не будете плакать?

— Да, теперь я не измѣню себѣ и ему! — съ энтузіазмомъ отвѣчала Савелова.

— И будете счастливы, моя хорошенькая, моя миленькая. До свиданья-же. Мнѣ надобно ѣхать. Я собралась нынѣ ѣхать искать дачу. Я объѣду острова; можетъ быть, проѣду въ Лѣсной. Будьте-же безъ меня хозяйкою. Если я не вернусь въ четыре часа, прикажите подавать обѣдъ.

— Возьмите меня съ собою; — сказала Савелова съ умоляющимъ взглядомъ.

— Нѣтъ, вы должны хозяйничать безъ меня; — шутя, но рѣшительно отвѣчала Волгина: — умойтесь холодною водою, отдохните. Вы утомлены, и васъ ждетъ дорога. Когда я пріѣду, вы будете опять розовенькая, глазки у васъ будутъ свѣтленькіе, веселые; и — такъ и быть, хоть я не охотница нѣжничать, я опять поцалую васъ; — мы сядемъ обѣдать, а сами пошлемъ сказать ему, чтобъ онъ велѣлъ запрягать лошадей, — мы встаемъ изъ-за стола, онъ входитъ, — я посажу васъ въ карету, поцалую еще разъ, поскорѣе, — и до свиданья.

Въ половинѣ пятаго Волгинъ вошелъ къ Нивельзину. — Въ передней лежали два сакъ-вояжа и чемоданъ. Въ кабинетѣ, вещи съ письменнаго стола и съ этажерки были убраны. — Нивельзинъ ходилъ по комнатѣ.

— Значитъ, совсѣмъ собрались въ дорогу, Павелъ Михайлычъ? — вяло сказалъ Волгинъ, флегматически усаживаясь на диванъ. — Когда все готово, то и прекрасно. И лошади наняты, какъ вы тогда говорили, — съ утра готовы, и дорожная карета готова?

— Лошади стоятъ въ конюшнѣ. Карета куплена, привезена. Хотите взглянуть? — Очень хорошая и легкая.

— Нечего смотрѣть-то, я думаю, хорошая. Да и увижу, какъ буду провожать васъ. Прикажите запрягать лошадей.

— Еще рано.

— Не рано.

— Она у васъ? ждетъ меня? — Онъ дернулъ сонетку и велѣлъ поскорѣе запрягать лошадей.

— Да, она пріѣхала къ намъ. Да вы садитесь-ко, это лучше. — Онъ притянулъ къ себѣ Нивельзина и заставилъ сѣсть подлѣ: — Самъ не люблю ходить, и другимъ, по моему, лучше сидѣть. — Онъ залился руладою, потому что сострилъ, какъ, по крайней мѣрѣ, самъ былъ убѣжденъ. Потомъ погрузился въ размышленіе. — Это затѣмъ я васъ посадилъ подлѣ, чтобы взять въ руки; и возьму, и не выпущу, пока не выпровожу. Нельзя иначе, потому

что невозможно надѣяться на людей, — надо держать ихъ въ рукахъ. — Эта острота была нисколько не хуже первой, и слѣдовало бы Волгину также наградить себя за нее руладою, но онъ оставилъ себя безъ поощренія; помолчавши, вздохнулъ, покачалъ головою и началъ. — Да, надобно будетъ взять васъ въ руки. Точно, она пріѣхала къ намъ; это было поутру; была взволно....

— Она у васъ съ утра? — Что-же вы не прислали сказать мнѣ? — Паспорты готовы у меня съ десяти часовъ.

— Недослушавши, да ужъ и сердитесь, — эхъ, вы! — вяло сказалъ Волгинъ: — Вы дослушайте, я вамъ говорю, она была взволнована...

— Савеловъ догадался? Сдѣлалъ сцену? Она больна?

— Да нимало; ничего такого. Здорова, и мужъ ея до сихъ поръ ничего не предполагаетъ. Да вы лучше слушайте, а не перебивайте. Впрочемъ, ничего особеннаго; не пугайтесь. Ровно ничего особеннаго. — Пріѣхала поутру, была взволнована. Лидія Васильевна успокоила ее, — и точно, бояться было нечего; ну, да и велѣла мнѣ не уходить изъ дому, — натурально, я сидѣлъ, писалъ, — что мнѣ? — Конечно, былъ увѣренъ, что не пріѣдетъ, да и не подозрѣваетъ, — ну, если-бъ и пріѣхалъ, не велика трудность: „очень радъ, пожалуйте въ кабинетъ, — очень радъ", — а между тѣмъ, взялъ за шиворотъ, повалилъ на диванъ, завязалъ ротъ, — ну, и лежи: я ужъ разсудилъ, какъ это сдѣлать; — это-то я еще съ дѣтства выучился ломать, хоть съ виду и плохъ, — знаете, въ дѣтствѣ-то много игралъ, — ну, она-бъ и не услышала. Ну, потому я спокоенъ, тѣмъ больше, что самъ знаю, этого и не будетъ, онъ не пріѣдетъ, не знаетъ, не подозрѣваетъ. — Ну, и сижу, натурально, пишу. Хорошо. Слышу, вернулась Лидія Васильевна. Идетъ, слышу, къ себѣ; — идетъ, потомъ, слышу, ко мнѣ. Ну, натурально, я знаю, зачѣмъ она идетъ: скажетъ „иди, вели ему, — то есть, вамъ, — приказать запречь лошадей", — вотъ, какъ я теперь и сказалъ вамъ, — разумѣется, я жду этого отъ Лидіи Васильевны, а она: „Давно уѣхала Савелова?" — Уѣхала? Какъ? Я, натурально, ротъ рози... Да будьте-же мужественны! — Волгинъ подхватилъ застонавшаго и покачнувшагося Нивельзина: — Будьте мужественны, Павелъ Михайлычъ! — Что это вы, помилуйте! — Будто вы сами не должны были понимать, что это очень возможная вещь — даже слишкомъ возможная. Это только я, дикій человѣкъ, не понималъ ея характера, сомнѣвался въ опасеніяхъ Лидіи Васильевны за ея характеръ, — а вы сами должны были имѣть эти опасенія, — иначе, развѣ вы давнымъ давно не предложили-бы ей бросить мужа? — Предложили-бы съ перваго-же свиданія! — Чего, съ перваго свиданія, съ перваго-же письма! — Видно, хоть вы и были ослѣплены, и не могли видѣть, а инстинктивно чув-

ствовали, что нельзя предлагать — не бросить мужа; — васъ-то, положимъ, любить, но, пока можно, не бросая мужа, то и любить: мужъ-то гораздо поважнѣе васъ для нея...

Волгинъ могъ очень свободно излагать свои совершенно основательныя соображенія, держа Нивельзина за плечо, чтобы вразумляемый не повалился съ дивана: вразумляемый сидѣлъ очень смирно подъ поддерживающею рукою основательнаго мыслителя; но основательный мыслитель постигъ, наконецъ, что слушатель не слышитъ, потому, неспособенъ воспользоваться справедливыми его соображеніями.

Совершенно справедливо сообразивши: „Однако-же, въ самомъ дѣлѣ, удивительный мастеръ я! — Отлично хватилъ, какъ молоткомъ по лбу треснулъ! — Но, разумѣется, опамятуется, и ничего: человѣкъ молодой, здоровый... — Основательно похваливъ и успокоивъ себя этими очевидно вѣрными соображеніями, Волгинъ прислонилъ Нивельзина спиною въ уголъ дивана, вздохнулъ, покачалъ головою и сталъ закуривать сигару, въ ожиданіи упрямаго сопротивленія отъ Нивельзина, когда Нивельзинъ очнется. Волгинъ былъ глубокій знатокъ человѣческаго сердца, потому былъ увѣренъ, что, какъ опомнится, Нивельзинъ окажется очень упрямъ, вздумаетъ хвататься за всяческія нелѣпыя мысли съ пустою надеждою. Но факты были слишкомъ ясны; потому Волгинъ, какъ мыслитель очень основательный, нимало не сомнѣвался, что уломаетъ „юношу“, какъ называлъ его въ своемъ сообразительномъ умѣ, таки запрячетъ его въ дорожную карету и благополучно выпроводитъ изъ Петербурга.

— Гдѣ-жъ она? — глухо проговорилъ Нивельзинъ: — зачѣмъ оставляли ее одну?

— Зачѣмъ Лидія Васильевна оставила ее одну? — Затѣмъ, Павелъ Михайлычъ, что можно уговаривать, возбуждать человѣка, но надобно и дать ему время подумать; затѣмъ, Павелъ Михайлычъ, что нельзя приневоливать человѣка быть счастливымъ по нашему, потому что у разныхъ людей разные характеры: для однихъ, напримѣръ, счастіе въ любви; для другихъ любовь пріятное чувство, но есть вещи дороже ея; затѣмъ, Павелъ Михайлычъ, что и неопытныхъ дѣвушекъ не велятъ вести подъ вѣнецъ насильно, не велятъ потому, что отъ этого не бываетъ счастья ни имъ, ни ихъ мужьямъ. А она не глупенькая дѣвушка, которая еще можетъ не понимать ни людей, ни саму себя: она вѣрнѣе всѣхъ насъ можетъ знать, въ чемъ для нея счастье. Она показала вамъ, въ чемъ: васъ она любитъ; но съ мужемъ у нея такая блистательная карьера! — Онъ и теперь сильный человѣкъ, — куда ни явится, она окружена почетомъ; а скоро онъ будетъ министромъ, — и какимъ министромъ? — какихъ у насъ еще и не бывало. Это что за министры! — надъ ними дворъ; они мелочь. А онъ возьметъ власть по общественной необходимости,

во имя реформъ и государственнаго блага. Да, онъ разсчитываетъ быть не такимъ, какъ эти мелкіе люди, — и кто изъ самыхъ важныхъ аристократовъ не будетъ гнуть спины передъ женою всемогущаго перваго министра?...

Нивельзинъ вскочилъ и быстро подошелъ къ письменному столу, отперъ портфель, лежавшій на немъ, и пододвинулъ кресло. Волгинъ, съ неизмѣнною своею сообразительностью, понялъ, что до сихъ поръ Нивельзинъ былъ все еще оглушенъ ударомъ и плохо понималъ его справедливыя разсужденія, но что вотъ теперь „юноша“ опомнился, начнетъ сумасбродствовать и будетъ очень упрямъ.

— Что это, вы хотите писать ей, Павелъ Михайлычъ?

Нивельзинъ, не отвѣчая, вынималъ изъ портфеля письменныя принадлежности.

Волгинъ съ быстротою молніи сообразилъ изъ этого молчанія, что не ошибся въ своемъ соображеніи о томъ, что „юноша“ будетъ очень упрямъ. Но, какъ основательный мыслитель, Волгинъ не поколебался и въ той своей увѣренности, что все-таки упрячетъ его въ дорожную карету: Факты слишкомъ ясно показываютъ, что всякое сумасбродство безполезно, — „юноша“, какъ ни будетъ отбиваться, уломается.

Глава Вторая.

Прошло съ мѣсяцъ, и больше. Волгина давно жила на дачѣ, около Петровскаго дворца. Мѣстность эта недурна, по крайней мѣрѣ, на островахъ нѣтъ мѣстности, менѣе сырой. Если-бы не дѣла мужа, Волгина, конечно, не захотѣла-бы искать дачу на островахъ: подальше отъ Петербурга есть мѣстности лучше его ближайшихъ окрестностей. Волгинъ обѣдалъ обыкновенно на дачѣ, но бо́льшую часть времени долженъ былъ проводить въ Петербургѣ. Часто, дня по два, по три онъ не показывался на дачу, какъ ни близко была она.

Недѣли двѣ онъ бывалъ на дачѣ только такими урывками, на нѣсколько часовъ около времени обѣда, дня черезъ два, черезъ три. Наконецъ онъ доработался до конца, и теперь, на нѣсколько дней будетъ нѣсколько посвободнѣе.

Онъ возвращался къ обѣду. Обѣдъ ждалъ его.

— Измучился, работавши? — Не спалъ эту ночь? — Не увѣряй, что спалъ, нечего увѣрять. И должно быть, очень измучился, когда, при всемъ своемъ притворствѣ, пріѣхалъ съ такимъ веселымъ лицомъ, — говорила жена, ведя его обѣдать.

— Видишь, голубочка, конечно, я радъ, что управился съ работою, и могу пробыть здѣсь сутокъ двое, не ѣздивши въ городъ, — но не въ этомъ главная штука: выходитъ штука очень хорошая, какой, признаться тебѣ сказать, я уже переставъ и надѣяться. Вообще, голубочка, могу свалить съ себя часть работы, — и теперь ты уже можешь быть спокойна: не буду не спать по ночамъ, — хоть это и гораздо рѣже бывало, нежели ты думаешь, — но все-таки; а теперь этого уже вовсе не будетъ.

— Нашелъ человѣка, который тоже можетъ писать какъ надобно по твоему? — съ живою радостью сказала Волгина, съ такою радостью, что глаза ея сіяли.

— Нашелся такой человѣкъ, — да, нашелся, голубочка. И вообрази, какъ ты угадала тогда, — помнишь, какъ ты замѣтила Савелова, какъ онъ подстерегалъ? — Ну, а передъ тѣмъ самымъ, — тоже, уже на Владимірской площади, встрѣтился намъ студентъ, — помнишь? — и ты сказала: „чрезвычайно умное лицо; очень рѣдки такія умныя лица“, — помнишь? — Ну, онъ самый и есть. Фамилія его Левицкій. Вчера, вечеромъ, приноситъ статью

— небольшую, — читаю: вижу, совсѣмъ не то, какъ у всѣхъ дураковъ, — читаю, думаю: „неужели наконецъ попадается человѣкъ со смысломъ въ головѣ?“ — Читаю, — такъ, такъ, должно быть, со смысломъ въ головѣ! — Ну, и потомъ сталъ говорить съ нимъ. И вотъ, потому мнѣ собственно пришлось не спать, — нельзя, мой другъ, за это и ты не можешь осудить. Проговорилъ съ нимъ часовъ до трехъ. Это — человѣкъ, голубочка; со смысломъ человѣкъ. Будетъ работать...

— Помню теперь, — замѣтила Волгина, когда мужъ наговорился безъ отдыха о своей радости: — очень высокій, нѣсколько сутуловатый, — русый, некрасивый, — не уродъ, но вовсе не красивый. Помню теперь. — Но это еще вовсе молодой человѣкъ, мой другъ, — и уже такъ разсудительно понимаетъ вещи, которыя, по твоему, не понимаетъ никто изъ литераторовъ?

— Да, ему двадцать первый годъ, только еще. Замѣчательная сила ума, голубочка! — Ну, пишетъ превосходно, не то, что я: сжато, легко, блистательно; но это хоть и прекрасно, пустяки, разумѣется, — дѣло не въ томъ, а какъ понимаешь вещи. Понимаетъ. Вее понимаетъ, какъ слѣдуетъ. Такая холодность взгляда, такая самобытность мысли въ двадцать одинъ годъ, когда всѣ, поголовно, точно пьяные! — хуже: — пьяный проспится, дуракъ никогда. — Да, о дуракахъ-то, кстати: вчера пріѣзжалъ Рязанцевъ. Вотъ, ты, я думаю, полагала, что я, по своему обыкновенію, забылъ, — оказалось, не забылъ сказать ему, что я интересуюсь Нивельзинымъ, и если онъ что узнаетъ, сказалъ-бы. Я и думалъ, что позабылъ, — а видишь, нѣтъ. Нивельзина видѣли въ Римѣ, — здоровъ, разумѣется; этотъ господинъ, который видѣлъ его, говоритъ, что немножко хандритъ, — но, говоритъ, ничего. Изъ Рима думаетъ проѣхать въ Парижъ.

— Благодарю тебя, что не забылъ сказать Рязанцеву. И какой милый этотъ Рязанцевъ! — вѣрно, какъ услышалъ новое о Нивельзинѣ, сейчасъ пріѣхалъ сказать тебѣ.

— Добрякъ, голубочка.

— И любитъ тебя, мой другъ; это замѣтно, хоть я мало видѣла его. И она, говорятъ, очень хорошая женщина, — и хорошенькая, говорятъ, — очень молода, хоть уже лѣтъ десять замужемъ. — Но, послушай-же, мой другъ: если этотъ Левицкій такъ понравился тебѣ, то привези его сюда.

— Хорошо, голубочка, — говоря это, Волгинъ началъ погружаться въ размышленіе, и съ тѣмъ вмѣстѣ улыбаться, — погрузился, сталъ мотать головою, и наконецъ, разразился неистовымъ хохотомъ: — Охъ, голубочка, охъ! — Это я вспоминалъ, какъ я запрятывалъ Нивельзина въ карету! — Ну, точно! — Было хлопотъ! — Молодецъ я, голубочка, увѣряю! — Ха, ха, ха! — Эхъ, голубочка! — Волгинъ вздохнулъ: — Ну, что тутъ было мудренаго, скажи ты сама? — Другой урезонилъ-бы его въ пол-

часа, а я провозился съ нимъ и не знаю сколько временй! — Это удивительно, голубочка, какой я жалкій человѣкъ! — Онъ мелетъ чепуху, а я спорю, когда слѣдовало-бы просто взять, повести да посадить, — потому что, скажи ты сама, можно-ли переслушать всѣ вздоры, когда человѣкъ самъ не понимаетъ, что̀ говоритъ? — А я себѣ слушаю, возражаю! — Это удивительно!

— Ты очень терпѣливъ, мой другъ, и мало бывалъ въ обществѣ, мало знаешь людей, не привыкъ обращаться съ ними. — Но ты и слишкомъ преувеличиваешь, когда воображаешь, будто очень легко было-бы другому заставить его уѣхать. Не совсѣмъ-то легко, мой другъ. Ты напрасно смѣешься надъ собою.

— Но ты возьми то̀, голубочка, съ какой-же стати мнѣ было не понимать его? — То есть, это я уже обо всемъ этомъ дѣлѣ. Напримѣръ. Пріѣзжаетъ Савелова — въ первый-то разъ. „Люблю, люблю“. — Я и развѣсилъ уши. Кажется, ясно: Что-жъ вы, милостивая государыня, не разошлись съ вашимъ супругомъ? — Одно изъ двухъ: или вашъ господинъ милый не желаетъ этого, — то есть, вы любите мерзавца, который не любитъ васъ, — или вы не желаете этого? — Что-же привязываетъ васъ къ мужу, позвольте спросить? — Есть привязанности, сильнѣе всякой страсти, — и можно быть расположенной къ мужу даже больше, чѣмъ къ любовнику, при самой страстной любви къ любовнику и безо всякаго пылкаго чувства къ мужу, — но вы нисколько не расположены къ мужу, — что-же васъ привязываетъ къ нему? — Ясно, кажется. А я сижу, слушаю, какъ она поетъ: „люблю, люблю!“ — удивительно, голубочка! — Это было глупо съ моей стороны, голубочка, увѣряю тебя, непростительно глупо, непростительно. — Онъ съ негодованіемъ замоталъ головою.

— Опять тотъ-же отвѣтъ, мой другъ: ты ребенокъ въ жизни; тебѣ надобно больше бывать въ обществѣ.

— Хорошо. Опять: ты, разумѣется, поняла съ перваго взгляда, — но она, по твоему, курица, да и вообще, тебѣ жаль ее; думаешь: „попробую; можетъ быть, она только робка, — или, можетъ быть, еще не такъ поддалась пошлости, чтобы нельзя было ей поправиться“; — потомъ говоришь мнѣ: „назначила ей отъѣздъ черезъ три дня, — ступай, скажи Нивельзину“. — Три дня! — когда я говорилъ тебѣ, что въ три дня получается заграничный паспортъ безъ хлопотъ, а похлопотать, можно выѣхать черезъ нѣсколько часовъ — „голубочка, зачѣмъ-же три дня?“ — Кажется, можно было понять зачѣмъ. Нѣтъ. Ты говоришь: „пусть она имѣетъ время обдумать, — пусть испытаетъ себя, — я сомнѣваюсь въ ней“. — А я: „голубочка, она хорошая женщина, и любитъ его“. — Удивительно! — Удивительно! — повторилъ онъ съ удвоенною силою негодованія. — И потомъ, когда пріѣхала къ тебѣ въ другой разъ: „Голубочка, мнѣ жалко ее; зачѣмъ ты уѣзжаешь и не берешь ее съ собою? — Она про-

ситъ, голубочка; она чувствуетъ сама, бѣдненькая, что одной ей плохо оставаться, — голубочка, пожалѣй, возьми ее съ собою.“ — Это удивительно! — „Если-бы я не считала необходимымъ, чтобы она осталась одна сама съ собою, то и нечего было-бы ждать: я давно послала-бы тебя къ Нивельзину; я думаю, у него все готово къ отъѣзду.“ — А я: „голубочка, жалко. Ну, хоть позволь мнѣ выйти къ ней, — ну, хоть черезъ часъ, — ну, хоть на минуту, — все-же, поддержалъ бы ее.“ — Удивительно! — Удивительно! — За такую глупость, голубочка, маленькихъ дѣтей надобно сѣчь, — а когда дуракъ въ мои лѣта, что съ нимъ дѣлать? — Да, благодарила-бы тебя Савелова, если-бы ты послушалась моей жалости! — Я думаю, давно проклинала-бы свою судьбу, — да и Нивельзину было-бы очень пріятно! — Благодарили-бы тебя оба! — Нѣтъ, голубочка, ты не оправдывай меня тѣмъ, что я мало бывалъ въ обществѣ: просто, дрянь. Вотъ что я тебѣ скажу, голубочка: самъ не понимаю, какъ это у меня достаетъ глупости быть такою дрянью! — Удивительно! — Волгинъ стиснулъ зубы и устремилъ свирѣпый взглядъ на салфетку. — Вотъ видишь, голубочка, эта тряпка, — онъ взялъ салфетку: — это я и есть.

— Если-бы тутъ былъ посторонній человѣкъ, онъ умеръ-бы со смѣху, мой другъ. Даже мнѣ смѣшно, мой другъ, какъ ни привыкла я къ твоимъ странностямъ. Можно-ли такъ горячиться изъ-за такихъ пустяковъ?

Волгинъ глубоко вздохнулъ. — Онъ грустно покачалъ головою и продолжалъ уже обыкновеннымъ своимъ вялымъ тономъ: — Возьми ты то, голубочка, что вотъ я хорошъ, а другіе-то еще глупѣе. Что хорошаго можетъ выйти изъ этого?

— Ахъ, ты все печалишься объ обществѣ,—хорошо, ты увидишь у меня, каково забывать мои приказанія! — Говорила я тебѣ, или нѣтъ, чтобы ты думалъ о нашемъ сынѣ, а не о всякихъ вашихъ глупостяхъ, которыя вы называете общественными вопросами? — Самъ-же ты говоришь мнѣ, что это глупости, и думать о нихъ нечего. Зачѣмъ-же не слушаешься? — Знаешь-ли, что я сдѣлаю съ тобою за это? — Мы съ Володею и съ Нататею поѣдемъ кататься на лодкѣ, — вотъ, я велю тебѣ ѣхать съ нами, и поѣдемъ.

— Ахъ, ты, голубочка, голубочка! — Это, ты думаешь, богъ знаетъ какая важность для меня? — Да я поѣду съ удовольствіемъ. Увѣряю, — храбро возразилъ Волгинъ.

— Хорошо, вѣрю. Я тебя отучу огорчать меня твоими печалями о будущемъ. — Но, мой другъ, въ самомъ дѣлѣ смѣшно, что ты такъ много думаешь о пустякахъ. Пусть себѣ живутъ, какъ имъ нравится. Пусть прежде поумнѣютъ, — хоть немножко, тогда другое дѣло. А если общество такъ глупо, какъ ты говоришь, стоитъ-ли горячиться?

— Само собою, не стóитъ, голубочка. — Волгинъ погрузился въ размышленіе. — Разумѣется, не стóитъ.

— Наташа! — гдѣ вы съ Володею? — Не слышитъ. — Позови ты, мой другъ, — только не такъ громко, чтобы оглушить меня.

Волгинъ закричалъ съ умѣренностью, потомъ вздохнулъ: — Голубочка, ты хочешь послать ихъ, чтобы старикъ шелъ съ веслами въ лодку? — Ты, въ самомъ дѣлѣ, возьми тоже и меня. Этотъ вечеръ я могу ничего не дѣлать.

— Ахъ, мой другъ, если-бы я почаще слышала отъ тебя это! — Но теперь и буду слышать чаще, ты обѣщаешь.

— Теперь у меня будетъ много свободнаго времени, голубочка. — Но ты, пожалуйста, ласкай этого Левицкаго, голубочка.

— Еще-бы нѣтъ! — весело сказала Волгина: — Я убѣждена, онъ стóитъ того, чтобы полюбить его и мнѣ, когда онъ такъ понравился тебѣ.

Прошло съ недѣлю, или больше. У Волгина опять выбралось довольно свободное время. День опять былъ очень хорошій. Подъ вечеръ Волгина пошла гулять по набережной, и взяла съ собою мужа.

Тотъ край Петровскаго острова, хоть и одна изъ самыхъ близкихъ отъ города дачныхъ мѣстностей, хоть и одна изъ самыхъ сухихъ на островахъ, былъ тогда, — вѣроятно, остался и теперь, — очень глухимъ мѣстомъ. Между сотнею скромныхъ, или даже бѣдныхъ дачъ, было тамъ тогда развѣ три-четыре барскихъ, да и то не великолѣпнаго сорта, и сколько помнится, чуть-ли не всѣ обвѣтшалыя, полуразваливающіяся. Одна такая, съ обтерхавшимися претензіями на пышность, стояла на берегу Малой Невы, въ сотнѣ сажень отъ уютнаго дома, который занимали Волгины. Самый домъ стоялъ въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ набережной; на нее выходилъ садикъ, принадлежавшій къ нему.

— Наташи съ Володею нѣтъ, — сказала Волгина, окинувши взглядомъ свой небольшой садикъ: — Должно быть, она унесла Володю на набережную. — А я не спросила тебя, мой другъ: что-жъ ты не привезъ Левицкаго?

— Вотъ и я забылъ сказать тебѣ, голубочка: онъ уѣхалъ къ роднымъ.

— По крайней мѣрѣ, не на долго?

— Не на долго, разумѣется; мѣсяца на полтора, много на два.

— Это непріятно.

— Разумѣется, непріятно, голубочка; но удерживать было нельзя: четыре года не видѣлся съ ними.

— Мнѣ кажется, ты говорилъ, что у него нѣтъ близкихъ род-

ныхъ, кромѣ маленькихъ брата и сестры, или сестеръ, — что они всѣ еще очень маленькіе, что они воспитываются у какой-то двоюродной тетки, — такъ? — И мнѣ кажется, ты не замѣчалъ въ немъ мысли ѣхать къ нимъ въ это лѣто? — По твоимъ словамъ мнѣ казалось, будто онъ не думалъ ѣхать: что-жъ это ему вдругъ вздумалось? — Ты разсчитывалъ, что теперь-же передашь ему часть своей работы, съ нынѣшняго-же мѣсяца.

— Ну, такъ и быть, — сказалъ Волгинъ: — Все равно.

— Нѣтъ, не все равно, мой другъ: жить побольше на дачѣ, это было-бы хорошо для тебя. — Но куда-же дѣлась моя Наташа?

Они въ это время вышли на набережную. Набережная, какъ обыкновенно, была почти пуста. Немногіе гуляющіе были всѣ видны на перечетъ, далеко въ обѣ стороны.

— Гдѣ-бы ни была, къ чаю сама отъищется, — сказалъ Волгинъ: — А Володя ужасно любитъ ее, должно быть, голубочка?

— „Должно быть!“ — Хорошъ отецъ! — Конечно, больше, нежели тебя. — Впрочемъ, нельзя и давать его тебѣ въ руки: такъ ловокъ! — Волгинъ воспользовался случаемъ залиться руладою, и жена засмѣялась. — Она ласковая, кроткая; я очень довольна ею. И неглупая дѣвочка; знаетъ, что если останавливаютъ ее, то для ея-же пользы. Можно будетъ найти ей хорошаго жениха: совершенно скромная дѣвочка. Но — что такое? — Каково? — Волгина сдвинула брови и ускорила шагъ: — Хвалю ее, что слушается, — а она... ахъ ты глупая дѣвчонка! — Я очень строго приказывала ей, чтобы она не смѣла ни слова говорить ни съ кѣмъ на этой гадкой дачѣ, — и вотъ вамъ умная дѣвушка! — уже подружилась съ какою-то фавориткою мерзкаго старичишки!

— Гдѣ-же, голубочка, ты видишь ее? — сказалъ Волгинъ, прищуривая глаза, которые и въ очкахъ очень плохо видѣли въ даль: — А, точно! — Вижу, сквозь акаціи, — подъ сводикомъ воротъ: такъ, ея платье, голубое.

— Ея платье! — Да знаешь-ли ты хоть ее-то саму въ лицо? — Я думаю, еще не успѣлъ замѣтить въ полгода, и воображаетъ, что помнитъ, въ какомъ платьѣ она! — У нея нѣтъ голубаго платья. Вовсе нѣтъ, и не было. Она та, которая въ розовомъ. О, какъ-же я побраню ее! — И мало того, что побраню: на цѣлую недѣлю я посажу ее сидѣть дома, — дальше нашего садика ни шагу!

— И это будетъ очень хорошо, голубочка. Ты больше брани ее, голубочка: нельзя, для ея-же пользы. Увѣряю тебя.

— Ни она, ни ты не можете пожаловаться, довольно браню васъ обоихъ, — сказала, Волгина засмѣявшись: — Достаточно забочусь о вашей пользѣ. — Но это что-то не такъ, другъ мой, какъ я подумала: это не можетъ быть какая-нибудь Фаворитка.

Дѣвушка въ свѣтло-голубомъ платьѣ, говорившая съ Наташею подъ ощипаннымъ садикомъ изъ акацій богатой полуобнищавшей дачи, шла на встрѣчу Волгинымъ.

— Кто такая могла-бы она быть? — тихо замѣтила Волгина и шепнула мужу: — Какъ подойдетъ, ты посмотри на нее хорошенько: привлекательное лицо, мой другъ.

— Ну, въ родѣ твоей Савеловой, — блондинка, должно быть, тоже?

— Савелова очаровательна, потому что красавица. Но это не то, мой другъ: это привлекательное лицо; пожалуй, тоже красавица; но главное, выраженіе лица.

Дѣвушка въ свѣтло-голубомъ платьѣ, легкой, небогатой матеріи, безъ роскошной отдѣлки, очень простаго покроя, была блондинка лѣтъ семнадцати-осьмнадцати, съ русыми волосами нашего обыкновеннаго русаго оттѣнка, не пепельнаго, не золотистаго, не эффектнаго, но волосами густыми, прекрасными. Локоны ихъ падали свободно: дѣвушка несла свою соломенную шляпу въ рукѣ, приподнявъ ее къ Володѣ, на рукахъ у Наташи продолжавшему играть лентами этой простенькой шляпы. — Даже самъ Волгинъ, отличавшійся необычайнымъ умѣніемъ разсуждать и соображать, увидѣлъ и понялъ, что простота наряда молоденькой блондинки стóитъ быть замѣчена: на четверть ниже рукъ Наташи, державшей малютку, колебался очень маленькій кружочекъ, сплошь сверкавшій искрами, — конечно, часы этой дѣвушки, угадалъ Волгинъ, крошечные часы, усыпанные брилліантами: вѣроятно, Володя игралъ этими часами прежде, нежели вздумалъ предпочесть имъ ленты шляпы. Волгинъ, съ неизмѣнною своею основательностью, заключилъ, что дѣвушка изъ богатаго сословія, и одобрилъ ее за скромность. То и другое мнѣніе совершенно подтвердилось, когда она подошла, и близорукій Волгинъ могъ видѣть все въ подробности: точно, часы были крошечные, и очень, очень дорогіе, а на лицѣ дѣвушки не было ничего, подобнаго чванству.

Блондинка подошла къ Волгиной непринужденно, даже смѣло, или, лучше сказать, довѣрчиво, но съ легкимъ румянцемъ маленькаго стыда, и попросила „не бранить Наташу“: Наташа очень испугалась, увидѣвши Лидію Васильевну; — Наташа сказала, что m-me Волгину зовутъ Лидія Васильевна; — Наташа вовсе не хотѣла ослушаться Лидію Васильевну, долго не подходила къ изгороди изъ акацій; но она упросила Наташу перейти въ тѣнь, потому что надобно было снять шляпу для Володи, онъ непремѣнно хотѣлъ теребить ленты, и надобно было уйти съ солнца въ тѣнь, потому что отъ деревцевъ на набережной вовсе нѣтъ тѣни; она сама подошла къ Наташѣ, — Наташа сидѣла вотъ у этого дерева, — Наташа не виновата... Но она ви-

дитъ, что Лидія Васильевна не сердится на Наташу. — Она — Илатонцева...

Мгновенно Волгинъ схватился пальцами за свою бороду. Впрочемъ, это было, по всей вѣроятности, необходимо для поддержанія бороды, потому что Волгинъ споткнулся, но очень ловко поправился, кашлянувъ раза два, и опять пошелъ совершенно молодцомъ. — „Въ самомъ дѣлѣ, что за важность? — сообразилъ онъ: — Илатонцева, то Илатонцева; какое мнѣ дѣло? — Я ничего не знаю, да и она, вѣроятно, тоже. Онъ уѣхалъ съ ея отцомъ, когда ея не было въ Петербургѣ. Положимъ, очень легко можетъ быть, что она упомянетъ о братѣ, о гувернерѣ; но, я думаю, еще и не знаетъ фамилію гувернера. Но пусть знаетъ; пусть скажетъ; — что за важность? Фамилія-то слишкомъ обыкновенная; Лидія Васильевна и не подумаетъ. Но пусть Лидія Васильевна и спроситъ; могу сказать просто: не знаю; онъ мнѣ сказалъ, что ѣдетъ въ деревню, — ну, я подумалъ: значитъ, къ роднымъ. Только. Что за важность?“ — При способности Волгина дѣлать соображенія съ быстротою молніи, натурально было ему споткнуться и кашлянуть раза два, и еще натуральнѣе было, что послѣ того онъ почувствовалъ себя, какъ ни въ чемъ не бывало: выводъ былъ очень успокоителенъ, а способность Волгина быть храбрымъ ни мало не уступала его сообразительности.

— Что ты, мой другъ? споткнулся? — Онъ у меня очень ловкій, каждую минуту жду, переломитъ себѣ руку или ногу, — замѣтила Волгина блондинкѣ, въ объясненіе страннаго обстоятельства, что Волгинъ съумѣлъ заставить вздрогнуть ихъ всѣхъ трехъ, и даже Володю, сильно покачнувшись на гладкой дорогѣ, гдѣ никакому другому человѣку не было возможности споткнуться:

— Не ушибъ ногу, мой другъ?

— Нѣтъ, голубочка; ничего; — успокоилъ храбрый мужъ.

— Такъ вы Илатонцева, — я слышала вашу фамилію. А зовутъ васъ?

— Надежда Николаевна, — подсказала Наташа.

— Я знаю вашу фамилію; не видѣлъ вашего батюшки, — конечно, я не ошибаюсь, каммергеръ Илатонцевъ, который долго жилъ за границею, вашъ батюшка? — сказалъ Волгинъ — сказалъ отчасти потому, что былъ совершенно спокоенъ, отчасти потому, что идти на встрѣчу опасности — самое лучшее дѣло, когда человѣкъ разсудилъ, что большой опасности и быть не можетъ.

— Да, я его дочь, отвѣчала дѣвушка.

— Погодили-бы вы отвѣчать, — или, лучше, не спрашивать-бы мнѣ, а прямо начать съ того, что я знаю о каммергерѣ Илатонцевѣ, — сказалъ Волгинъ: — Теперь поздно говорить это, неловко.

Хорошій человѣкъ вашъ батюшка. — Да, хорошій человѣкъ. Нѣтъ нужды, что аристократъ; нѣтъ нужды, что страшный богачъ, — все-таки, хорошій человѣкъ. — Это Волгинъ сказалъ уже не по храбрости, а просто.

Дѣвушка опять слегка покраснѣла отъ удовольствія. — Да, я видѣла, что многіе любятъ его, — въ селахъ у насъ, всѣ.

— Какимъ-же образомъ вы здѣсь, на этой дачѣ, — и, должно быть, одна? — спросила Волгина. — Здѣсь живетъ старикъ, у котораго не бываетъ никого, кромѣ такихъ-же какъ онъ. И я слышала, что онъ совершенно одинокій, что у него нѣтъ родныхъ.

Дѣвушка отвѣчала, что онъ дальній родственникъ ея тетушки, — ея тетушка тоже Тенищева; — какъ родственникъ, она не умѣетъ сказать хорошенько. Тетушка не говорила. Тетушка хотѣла ѣхать за-городъ, прокатиться. Она поѣхала съ удовольствіемъ. Но вдругъ тетушкѣ вздумалось заѣхать на эту дачу: тетушка вспомнила, что тутъ живетъ ея родственникъ, котораго тетушка не видала очень давно. Онъ удивился, обрадовался тетушкѣ. Тетушка представила ему ее. Онъ обѣдалъ. Послѣ обѣда тетушка уѣхала: ей надобно было видѣть своихъ знакомыхъ на Крестовскомъ и на Елагинѣ. Потомъ уѣхалъ и Тенищевъ. Она осталась одна въ этомъ большомъ домѣ, такомъ пустомъ, такомъ мрачномъ. Ей было скучно. Нѣтъ, не скучно: если-бы только скучно, то, вѣроятно, было-бы можно достать какую-нибудь книгу, — или она пошла-бы гулять по саду, хоть и одна, и скука разсѣялась-бы. Но она чувствовала какую-то странную боязнь, или тоску, — она сама не знаетъ, какъ назвать это чувство. Вѣроятно, это чувство было оттого, что все въ этомъ домѣ такъ странно: оборвано, въ пыли, въ безпорядкѣ; и прислуга такая странная: дѣвушки одѣты нарядно, но неопрятны, и такъ странно пересмѣиваются: и дерзкія, и подобострастныя, все вмѣстѣ; а мужская прислуга, — все какіе-то старики, старые, старые, сморщенные, угрюмые, будто злые, и одѣты бѣдно, съ продранными локтями, съ заплатами... Она ходила по саду, и все-таки ей было грустно. Она такъ обрадовалась, когда увидѣла на берегу молоденькую няньку съ ребенкомъ, ласковую къ нему, веселую. Въ болтовнѣ съ Наташею время пролетѣло у нея незамѣтно....

— Вамъ непріятно, одной, въ пустомъ домѣ; идемъ-же гулять съ нами; — сказала Волгина.

— Но я не знаю... — начала было Илатонцева отговорку, которой, очевидно, не могла желать успѣха.

— Если вы оправдали передо мною Наташу, я тѣмъ больше найду оправданіе вамъ передъ вашею тетушкою.

— Ваша тетушка услышитъ отъ Лидіи Вас... — сообразилъ было пояснить Волгинъ, но разсудилъ, что Лидія Васильевна,

если найдетъ умѣстнымъ сообщить Илатонцевой, какую лекцію прочтетъ ея тетушкѣ, то и сама съумѣетъ сообщить.

— Ваша тетушка молодая дама? — спросила Волгина: — очень молодая?

Илатонцева покраснѣла и взглянула на Волгину, какъ будто просила прощенія: — Вы осуждаете тетушку. Но когда вы увидите ее, вы полюбите. Она такая добрая, что я не знаю, способна-ли сердиться, или сказать злое слово. Я говорю это не для того, чтобы сказать, что я не жду выговора отъ нея, — боже мой, когда я съ вами! — но если-бъ это были не вы, все равно, я не боялась-бы выговора отъ нея. Я могу дѣлать что̀ мнѣ угодно; я совершенно свободна. И это очень естественно, что она спѣшитъ повидаться со своими знакомыми: мы ѣдемъ изъ-за границы, въ деревню...

— Это еще не резонъ, чтобъ она бросала васъ одну, скучать, — основательно возразилъ Волгинъ.

— Ваша правда, это была-бы еще не причина, или, если угодно, не извиненіе бросать меня одну; но я почти отказывалась дѣлать визиты, ѣздить въ гости къ незнакомымъ людямъ. Въ Петербургѣ я почти никого не знаю: я еще не выѣзжала въ свѣтъ. И я не скучала въ эти дни. Она думала, что мнѣ было-бы скучно ѣхать съ нею. Я сама не знала, что эта дача произведетъ во мнѣ такое тяжелое чувство. Мы только что пріѣхали сюда; я не успѣла осмотрѣться, когда тетушка собралась. Если-бы я знала, то могла-бы ѣхать съ нею.

— Вы не знали, — натурально; но она должна была знать за васъ, что эта дача произведетъ на васъ непріятное впечатлѣніе; — сказалъ Волгинъ.

— Почему-же она должна была предвидѣть это? — Потому, что я привыкла къ роскошнымъ комнатамъ? — Правда, привыкла, но привыкла и къ очень небогатымъ. Въ Провансѣ мы съ madame Lenoir, съ Луизою и Жозефиною жили въ очень небогатомъ домикѣ, — и какъ счастлива была я!

— Вы воспитывались за границею? — и такъ говорите по русски? — Madame Lenoir, это была ваша гувернантка? — спросила Волгина.

— И жили въ Провансѣ? — прибавилъ Волгинъ.

— Почему же не воспитываться въ Провансѣ, если воспитываться во Франціи? — обратилась Волгина къ мужу: — Кажется, въ Провансѣ самый лучшій климатъ во Франціи?

— Но тамъ другой языкъ, не тотъ, которому учатся, — отвѣчалъ Волгинъ: — главная разница та, что окончанія словъ стерлись въ сѣверномъ французскомъ, да и всѣ слова скомканы выговоромъ; а въ южномъ, какъ въ итальянскомъ и въ испанскомъ, формы словъ остались цѣлы, длинны. Напримѣръ...

— Отъ примѣровъ ты пощадишь; тѣмъ больше, что я ѣпом-

нила; — сказала, смѣясь, Волгина: — Видите, Надина, какой онъ у меня ученый. Страшно надоѣдаетъ. Нельзя ни о чемъ спросить его: вмѣсто того, чтобъ отвѣчать въ двухъ словахъ, начнетъ цѣлую диссертацію. Разумѣется я не дослушиваю. Только тѣмъ и спасаюсь; иначе, меня уже назначили-бы профессоромъ въ университетъ. — Но говорите, зачѣмъ и какъ вы жили въ Провансѣ?

Она жила въ Провансѣ, потому что madame Lenoir хотѣла жить въ этой части Франціи. Madame Lenoir была ея гувернанткою, это правда, — но больше, нежели гувернанткою. Ея мать, умирая, просила madame замѣнить ей мать... Madame Lenoir съ самого замужства ея матери была ихъ другомъ. Дружба эта началась черезъ то, что monsieur Lenoir и ея отецъ были хороши между собою еще прежде. Monsieur Lenoir былъ другъ Базара; ея отецъ въ молодости былъ знакомъ съ Базаромъ...

Свѣдѣнія Волгина объ Илатонцевѣ не простирались до такихъ подробностей. — „Гм! — Съ Базаромъ! — промычалъ онъ: — Вашъ батюшка былъ знакомъ съ Базаромъ! — Гм!“

— Madame Lenoir говорила мнѣ, и я сама читала, что очень многіе дурно говорятъ о Базарѣ, — сказала Надина: — Но я привыкла слышать отъ madame Lenoir, что Базаръ всю свою жизнь посвятилъ пользѣ людей...

— Вы не такъ поняли меня, Надежда Николаевна; — сказалъ Волгинъ.

Ея отецъ въ молодости былъ довольно хорошъ съ Базаромъ и познакомился у него съ m-r Ленуаромъ. Когда ея отецъ и мать, послѣ свадьбы, переѣхали жить въ Парижъ, m-r Ленуаръ также уже былъ женатъ, и ея мать получила большое уваженіе къ m-me Ленуаръ. Вскорѣ послѣ того, m-r Ленуаръ былъ убитъ — 12 мая, это она знаетъ хорошо, потому что m-me Ленуаръ всегда очень много плакала въ этотъ день, — но она не умѣетъ сказать m-r Волгину, въ какомъ году это было, — кажется, въ 1840-мъ.

— Въ 1839; — сказалъ Волгинъ.

— Какъ это ты все помнишь; — замѣтила жена.

— Этого нельзя не помнить, голубочка; — отвѣчалъ онъ, не понявши, въ какомъ смыслѣ было сдѣлано замѣчаніе: — Это не мелочь какая-нибудь; это было важное дѣло, великая ошибка, страшный урокъ, — и остался безполезнымъ, натурально. — Видишь, въ первые годы Людовика-Филиппа республиканцы подымали нѣсколько возстаній; неудачно; — разсудили: „подождемъ, пока будетъ сила“; ну, и держались нѣсколько лѣтъ смирно; и набирали силы; но опять не достало разсудка и терпѣнія; подняли возстаніе; — ну и поплатились такъ, что долго не могли оправиться. А чего было и соваться? — если-бы было довольно силы, чтобы выиграть, то и сражаться-то было-бы нечего: преспокойно получали-бы уступки, одну за другою, — дошли-бы и до власти, съ согласія самихъ противниковъ. Когда видятъ силу, то не

будутъ вызывать на бой, — смирятся самымъ любезнымъ манеромъ. Охъ, нетерпѣніе! — Охъ, иллюзіи! — Охъ, экзальтація! — Волгинъ покачалъ головою.

— Madame Ленуаръ говорила также, что ея мужъ не одобрялъ, предсказывалъ погибель.

— Когда ты помнишь это съ такими мыслями, это ничего, мой другъ, — замѣтила Волгина: — Но кстати: кто-же былъ Базаръ?

— Главный изъ сен-симонистовъ, голубочка; лучше сказать, самый дѣльный. Анфантенъ взялъ верхъ въ обществѣ и пріобрѣлъ больше извѣстности. Но у Анфантена было много чепухи въ головѣ, и, я думаю, слишкомъ любилъ рисоваться. Но Базаръ былъ не съумасшедшій, и безусловно честный человѣкъ, — благородный, великій человѣкъ. Дѣльный человѣкъ. Ты не подумай, что онъ, или вообще сен-симонисты подняли это возстаніе: онъ умеръ за нѣсколько лѣтъ до того, да и общество сен-симонистовъ распалось гораздо раньше. Ну, довольно, чтобы не надоѣсть тебѣ.

— Благодарю за то, что съумѣлъ самъ удержаться. — Теперь, и я вижу, Надина, что вашъ отецъ долженъ быть очень честный и добрый человѣкъ: очень богатъ, а дружился съ людьми, которые заботились, какъ-бы сдѣлать, чтобъ не было ни бѣдныхъ, ни очень богатыхъ.

— Такъ говоритъ madame Ленуаръ; — сказала Илатонцева, опять слегка покраснѣвъ отъ удовольствія.

По смерти мужа, madame Ленуаръ осталась безъ денегъ. Старшая сестра и зять, — они жили также въ Парижѣ, — звали ее къ себѣ. Она говоритъ, что они были хорошіе люди. Но сами были небогаты. Она говоритъ, что поэтому она была рада предложенію своей богатой знакомой жить у нея.

Умирая, мать Илатонцевой просила m-me Ленуаръ не покидать сироту. Илатонцевой было тогда лѣтъ семь. Поэтому она очень мало помнила мать, и знала ее почти только по разсказамъ отца, и въ особенности m-me Ленуаръ... — Волгина спросила, на кого она больше похожа, на отца, или на мать? — Больше на отца.

Илатонцевой говорили, что въ первые годы своего дѣтства она звала madame своею бабушкою, и плакала, когда мать увѣряла, что она почти однихъ лѣтъ съ ея бабушкою: „вы не старуха“. M-me Ленуаръ казалась ей старухою, потому что была сѣда; она посѣдѣла послѣ смерти мужа. Она не носитъ траура, но Илатонцева не помнитъ, чтобы на ней когда-нибудь было платье свѣтлаго цвѣта... Нѣтъ, было: передъ отъѣздомъ Илатонцевыхъ въ Англію m-me Ленуаръ носила свѣтлыя платья. Но въ Англію она опять пріѣхала въ темномъ.

Можно было малюткѣ считать m-me Ленуаръ своею бабушкою

не по сѣдымъ волосамъ только, но и потому, какъ обращались съ этою сѣдою женщиной отецъ и мать Илатонцевой. Отецъ говорилъ, что ея мать во всемъ совѣтовалась съ m-me Ленуаръ.

Одна m-me Ленуаръ всегда серьезна,—вѣроятно, всегда грустна. Въ обществѣ она никогда не улыбается; и если начинается веселая болтовня, она молчитъ или уходитъ. — Но она любила, чтобы Илатонцева веселилась; — и потомъ, когда стала жить съ племянницами, она умѣла дѣлать, чтобъ всѣмъ тремъ имъ было весело. Если онѣ хотѣли, она играла съ ними.

Послѣ Февральской революціи Илатонцевъ съ дочерью и сыномъ, — ея братъ былъ тогда малютка, — уѣхалъ въ Англію. M-me Ленуаръ плакала, провожая ихъ, но рѣшилась остаться въ Парижѣ. Разлука была недолга: мѣсяца черезъ два m-me Ленуаръ пріѣхала къ нимъ въ Лондонъ, — и говорила Илатонцеву: „мы съ вами ошиблись; не будетъ ничего хорошаго; по прежнему, и нетерпѣливы, и нерѣшительны, и легковѣрны“. Отецъ, какъ ни радъ былъ за дочь пріѣзду m-me Ленуаръ, горько жалѣлъ, и девятилѣтняя дѣвочка плакала, сама не понимая о чемъ.

Нѣсколько времени они жили въ Англіи. Потомъ Илатонцевъ былъ вызванъ въ Петербургъ; скоро вышелъ въ отставку, и они жили попеременно то въ Петербургѣ, то въ Илатонѣ, — это недалеко отъ Волги, между Сызранью и Хвалынскомъ. Ей очень нравилось въ Илатонѣ: тамъ у нихъ такой большой садъ; подлѣ такой прекрасный лѣсъ; и всѣ въ Илатонѣ такъ любили ея отца, и полюбили m-me Ленуаръ, — m-me Ленуаръ въ первое-же лѣто выучилась говорить по русски, — за отца и m-me Ленуаръ всѣ тамъ любили и ее.

Три года назадъ m-me Ленуаръ получила письмо, что ея старшая сестра умерла. У сестры остались двѣ дочери, — одна, ровесница Илатонцевой, другая двумя годами моложе. Онѣ остались круглыми сиротами. Тетка должна была ѣхать, заботиться о нихъ. Илатонцевъ упрашивалъ ее только съѣздить за ними, привезти ихъ. Она не согласилась. Она говорила: „у нихъ нѣтъ состоянія; онѣ должны выйти за людей небогатыхъ; потому, не должны пріучаться къ роскоши, не должны и видѣть ее вблизи“...

— Да, роскошь портитъ людей; вотъ, напримѣръ, васъ какъ испортила, — замѣтилъ Волгинъ и залился руладою въ одобреніе своему остроумію; кончивъ руладу, обратился къ женѣ: — Что, каково, голубочка? — Видишь, свѣтскій человѣкъ! — и повторилъ руладу.

— Спросите свѣтскаго человѣка, Надина, — пріятно-ли ему ваше общество, — сказала жена: — О себѣ, я спрашиваю: онъ каждый день увѣряетъ меня, что пріятно.

— Что-же, голубочка, ты должна видѣть, нравится-ли мнѣ Надежда Николаевна; — отвѣчалъ Волгинъ: — А что-же вы смѣетесь

Надежда Николаевна? — Голубочка, чему-жъ смѣется Надежда Николаевна?

— Будь увѣренъ, что не твоей свѣтскости: можетъ быть, просто по сочувствію твоей веселости. — Вы любите кататься на лодкѣ, Надина?

— Да, люблю.

— Въ самомъ дѣлѣ, вечеръ прекрасный, погода тихая, — съ большимъ одобреніемъ сказалъ Волгинъ: — Значитъ, послать старика, голубочка?

— Разумѣется, сходишь за нимъ, и принесешь два пальто, мнѣ и Надинѣ, — Наташа дастъ тебѣ, — наденешь и самъ пальто.

— Ну-у, голубочка; — уныло затянулъ Волгинъ, и очень убѣдительно прибавилъ: — А я и позаботился-бы, голубочка, чтобы готовъ былъ чай къ тому времени, какъ вы...

— Можете видѣть, Надина, какъ ему пріятно не только ваше, но и мое общество.

— Ахъ, ты, голубочка! — Это значитъ, ты шепнула Надеждѣ Николаевнѣ, покуда я хохоталъ! — Эхъ, голубочка!

— Вы видите, Надина, что у него надобно учиться не только любезности, но и хитрости: онъ даже и надобность придумалъ, для насъ-же, чтобы онъ остался дома. — Ты позаботишься о чаѣ! — Хорошъ будетъ чай! — Но, иди-же за старикомъ, не переслушаешь всѣхъ похвалъ себѣ. — Пошли старика на дачу Тенищева сказать, что Надина съ нами.

Волгинъ вздохнулъ, но пустился чуть не бѣгомъ къ избушкѣ подлѣ маленькой пристани. — На пристани была привязана рыбацкая лодка. Изъ избушки вышелъ старикъ-рыбакъ съ довольно большимъ ковромъ, принялся раскладывать и оправлять его по лодкѣ. А Волгинъ между тѣмъ стремглавъ летѣлъ домой, придерживая рукою фуражку, чтобы не сорвалась отъ неуклюжихъ, но очень успѣшныхъ прыжковъ, которыми онъ отмахивалъ чуть не по двѣ сажени.

— Славный коверъ! Мы будемъ сидѣть, какъ на подушкахъ! — сказала Илатонцева, когда подошла съ Волгиною къ лодкѣ: — Рыбная ловля здѣсь выгодна, если рыбакамъ можно покупать такіе ковры.

— Ничего, слава богу, живемъ, барышня; — отвѣчалъ старикъ: — Но, впрочемъ, коверъ не мой, а Лидіи-Василіевнинъ; онъ такъ ужъ и лежитъ у меня. Гдѣ нашему брату рыбаку имѣть такіе.

— Конечно, рыбакъ не захотѣлъ-бы купить, но если-бы вздумалъ, то могъ-бы купить такой коверъ, еслибы не пропилъ на прошлой недѣлѣ тридцать рублей; — серьезно замѣтила Волгина.

— Эхъ, Лидія Васильевна, вотъ за это не люблю васъ: больно вы строги; — отвѣчалъ старикъ будто шуткою, но не успѣвая заглушить въ голосѣ жалобу. — Вотъ, барышня, будьте вы судьею

между нами: все лѣто слуга покорный Лидіи Васильевнѣ, а не вижу отъ нея ни гроша, послѣ трехъ рублей, что получилъ въ задатокъ, — и не увижу, она говоритъ. „У старухи твоей лучше пойдетъ въ пользу“, говоритъ. Значитъ, что-жъ я выхожу послѣ этого? — Батракъ на свою старуху! — Что ты станешь дѣлать? — Такой упрямый человѣкъ она, Лидія-то Васильевна...

Между тѣмъ, примчался галопомъ Волгинъ. — Волгина оправила на Илатонцевой свое лучшее черное бархатное пальто, и лодка поплыла по взморью, по тихой зыби едва замѣтныхъ струекъ.

— Хорошій вечеръ; — сказала Волгина: — А въ Провансѣ, Надина, почти круглый годъ вечера такъ хороши, — и половину года бываютъ лучше? — Правда это?

— Да; — отвѣчала Илатонцева, и стала вспоминать, какъ хорошо въ Провансѣ, и какъ особенно хорошо въ ихъ домикѣ, въ ихъ долинѣ. Маленькій домикъ m-me Ленуаръ стоитъ въ одной изъ долинъ Mont de l'Etoile, немножко въ сторонѣ отъ желѣзной дороги изъ Э въ Марсель...

— Mont de l'Etoile, — замѣтилъ Волгинъ едва-ли когда слыханнымъ до него въ мірѣ французскимъ выговоромъ: — Mont de l'Etoile — не помню, да и въ какую сторону Э отъ Марсели, не знаю; но, кажется, читалъ, что дорога изъ Э въ Марсель ведетъ черезъ такія очаровательныя долины, какихъ немного и въ самомъ Провансѣ. А что, это высокая гора, Mont de l'Etoile? — и въ какую сторону отъ нея домикъ madame Lenoir?

— Домикъ на югъ отъ горы; она довольно высокая.

— А, ну, это очень хорошо; значитъ, долина закрыта отъ мистраля.

— Что это мистраль? — спросила Волгина: — сѣверный вѣтеръ?

— Да, голубочка; отъ него въ иной годъ пропадаетъ сборъ оливокъ въ мѣстахъ, открытыхъ на сѣверъ. А ихъ много, въ особенности по Ронѣ, потому что Рона, знаешь, течетъ тамъ прямо съ сѣвера на югъ. Ну, разумѣется, это провансальцы называютъ мистраль морозомъ, а у насъ... Ну, да впрочемъ, ты учишь, голубочка, Надежду Николаевну смѣяться надо мною.

— Да, это очаровательное мѣсто, долина, гдѣ стоитъ домикъ madame Ленуаръ; — продолжала Илатонцева. Ея отецъ ѣздилъ самъ искать, гдѣ купить домъ. — Когда madame Ленуаръ отказалась взять племянницъ въ Россію, онъ попросилъ ее, чтобы она взяла его дочь въ свое новое семейство. Онъ хотѣлъ ѣхать самъ во Францію, и жить подлѣ. Madame Ленуаръ сказала: „Нѣтъ, если Надина будетъ жить съ моими племянницами, вы не должны жить подлѣ насъ. Мои племянницы не должны видѣть никакой роскоши подлѣ себя.“ — Ему было очень тяжело

это условіе; но онъ принужденъ былъ согласиться, что она говоритъ правду. Онъ сказалъ: „Пусть будетъ по вашему. Но я провожу васъ и найду для васъ жизнь въ деревнѣ; деревенскій воздухъ лучше парижскаго для тихаго воспитанія, а поселиться въ Провансѣ всегда было вашею мечтою.“ — Она видѣла, что онъ хочетъ сдѣлать ей подарокъ; но не могла отказаться. Прежде, она не хотѣла брать жалованья, какое слѣдовало-бы; у нея не было ничего; тоже и у племянницъ. Она только настояла, чтобъ домъ былъ маленькій, и земли при немъ немного: — Платонцевъ поѣхалъ изъ Парижа въ Провансъ, возвратился, повезъ ихъ на новоселье, взглянулъ, какъ онѣ тамъ устроились, и уѣхалъ. — Потомъ, онъ пріѣзжалъ два раза, — оба раза на нѣсколько дней. Madame Ленуаръ не позволяла ему оставаться дольше. „Я не хочу, чтобы вы избаловали моихъ племянницъ“.

Онѣ жили очень скромно. Земля давала тысячи двѣ франковъ. Онѣ вчетверомъ должны были жить на это, потому что madame Ленуаръ говорила: „Когда вы хотите, чтобы Надина жила со мною, она не должна ничѣмъ отличаться отъ моихъ племянницъ, и ей нѣтъ надобности въ деньгахъ“. — Онѣ должны были сами дѣлать довольно много, потому что у нихъ была только одна служанка, а при домикѣ есть садикъ съ виноградомъ, съ фруктовыми деревьями. — Платонцева забывалась отъ восторга, вспоминая ту жизнь въ обществѣ двухъ подругъ, добрыхъ, добрыхъ дѣвушекъ... Онѣ всѣ три такъ любили другъ друга и madame Ленуаръ..... Заботы о хозяйствѣ, безконечныя игры.... Прогулка, иногда втроемъ, или вчетверомъ, съ madame Ленуаръ, — иногда, съ сосѣдними сельскими дѣвушками и молодыми людьми, иногда и въ обществѣ какихъ-нибудь гостей изъ Марсели....

Платонцева задумалась.

— Вотъ, вы четыре года, — или три? — прожили въ Провансѣ,— началъ Волгинъ: — Положимъ, французскій акцентъ не испортился у васъ отъ этого, потому что вы жили въ семействѣ парижанокъ; кромѣ того, я и не слышалъ, какъ вы говорите по французски, да и не могъ-бы судить, если-бы слышалъ. Ну, а вотъ это какъ-же, что вы говорите по русски, будто и не выѣзжали изъ Россіи?

— Когда мы жили въ Парижѣ... въ нашемъ семействѣ говорили по русски... Отецъ и мать... у меня была русская нянька... Потомъ мы жили... въ Россіи. Я уѣхала съ madame Ленуаръ уже пятнадцати лѣтъ... — Платонцева довольно на долго остановилась. — Madame Ленуаръ говорила со мною по русски... у нея дурной акцентъ, но она говоритъ довольно свободно...— Платонцева опять остановилась.

Волгинъ бросилъ на жену умоляющій взглядъ. Но Волгина промолчала.

— Да-съ, вы говорили, Надежда Николаевна, что madame Ленуаръ заботилась о русскомъ языкѣ.

— Да.... заботилась... Она для этого даже согласилась... взять съ собою мою Мери, мою горничную... внуку моей няньки... Маша такъ любила меня... что рѣшилась прислуживать всѣмъ тремъ намъ... — Илатонцева опять остановилась.

Волгинъ опять бросилъ умоляющій взглядъ на жену. Опять это осталось безуспѣшно. Неужели она не замѣчаетъ?

Лодка давно выѣхала на взморье, и качалась уже довольно сильно. — Пока Илатонцева не замѣчала этого, въ увлеченіи воспоминаніями о madame Ленуаръ и Провансѣ, все было хорошо. — Но когда Волгинъ возобновилъ разговоръ, отрывочность ея словъ показалась ему заслуживающею размышленія, и съ обыкновенною догадливостью, онъ постигъ, что Илатонцева больше думаетъ о волнахъ, нежели о разговорѣ. — Лидія Васильевна не хотѣла замѣчать его взглядовъ; онъ, при своей изобрѣтательности на очень замысловатые обороты, не затруднился придумать, какъ ему надобно говорить:

— Голубочка, знаешь, пожалуста: лучше поѣдемъ назадъ. Тамъ, впереди, волны еще больше.

— Знаю-ли, что ты трусъ? — Еще-бы не знать! — Я думаю, видитъ уже и Надина. Посмотри на нее и постыдись, мой другъ: въ ея лицѣ не замѣтно никакой перемѣны. Ты хуже всякой дѣвушки, — я думаю, хуже всякой дѣвочки.

— Мы очень часто бывали въ Марсели, и катались въ лодкѣ по морю. Я слишкомъ хорошо знаю, что это волненіе ничтожно, не только безопасно. — Вы просите вернуться потому, что думаете, мнѣ страшно. Но я вижу, что нѣтъ никакой опасности. Можетъ быть, вамъ показалось, что мое лицо нѣсколько блѣдно: это оттого, что мы сидимъ; у меня, вѣроятно, былъ румянецъ отъ прогулки. Теперь онъ сошелъ. Кромѣ того, воздухъ начинаетъ быть прохладенъ. Но въ Провансѣ я привыкла любить прохладный воздухъ. А самой мнѣ тепло въ этомъ пальто. Посмотрите. — Она протянула изъ подъ пальто руку и сняла перчатку. — Рука теплая, не правда-ли?

— Рука теплая; — согласился Волгинъ.

— О чемъ мы говорили? — Да, о Машѣ, которую мы теперь зовемъ Мери. Она очень любитъ меня. Ея отецъ управлялъ нашимъ домомъ въ Петербургѣ, когда мы жили въ Парижѣ. Прежде онъ былъ каммердинеромъ у моего отца. Когда мы переѣхали жить въ Россію, она сдѣлалась моею горничною: она четырьмя годами старше меня. Madame Ленуаръ говорила, что она очень умная дѣвушка. Сколько я могу судить, это правда. Когда madame Ленуаръ должна была ѣхать во Францію, и хотѣла взять меня съ собою, то не хотѣла, чтобы у меня была

особенная прислуга. Но Мери сказала, что будетъ прислуживать и ея племянницамъ. Тогда madame Ленуаръ согласилась взять ее. Тѣмъ больше, что и сама любила ее, и была рада, что мнѣ будетъ съ кѣмъ говорить по русски... Она и прожила нѣсколько времени у насъ въ Провансѣ... И всѣ были очень довольны ею... Но потомъ она не жила съ нами... Она жила въ Парижѣ... Вернулась къ намъ только уже не задолго передъ моимъ отъѣздомъ... Она очень любитъ меня.... Но я забываю, что это нисколько не интересно для васъ...

Видно было, что она говорила только для того, чтобы говорить, и перестала говорить также только потому, что опять ей стало трудно удерживать связь мыслей. — Лодку качало сильнѣе и сильнѣе. — Теперь уже и Волгинъ видѣлъ, что Илатонцева блѣдна.

Блѣдна, правда. Но держала себя превосходно. — Волгинъ посмотрѣлъ на жену съ выраженіемъ, говорившимъ: — „Голубочка, похвали ее“.

Волгина засмѣялась. — Взгляните, Надина, какъ сочувствуетъ вамъ свѣтскій человѣкъ. — Но въ самомъ дѣлѣ нельзя не похвалить васъ, Надина. У васъ есть характеръ.

— Мнѣ очень стыдно за себя; — отвѣчала Илатонцева: — Я какъ нельзя лучше вижу, что нѣтъ ни малѣйшей опасности. — Я говорила, кажется, что Мери пріѣхала съ нами въ Провансъ. Madame Ленуаръ была очень довольна ею. Она нисколько не тяготилась тѣмъ, что должна была и одѣваться, и жить, какъ наша другая служанка, старушка изъ сосѣдней деревни. Но она прожила съ нами не больше полугода. Потомъ уѣхала въ Парижъ. На дорогѣ въ Провансъ мы пробыли въ Парижѣ недѣли полторы, пока папа купилъ и устроилъ домикъ. Вѣроятно, въ это время Мери успѣла пріобрѣсти въ Парижѣ знакомства, которыя пригодились ей: она дѣвушка очень умная. Она уѣхала отъ насъ въ Парижъ потому, что ее пригласили быть конторщицею въ какомъ-то косметическомъ магазинѣ... Madame Ленуаръ не хотѣла отпускать ее... потому что она говорила со мною по русски.... и потому что онѣ всѣ любили ее.... и я, конечно....

Илатонцева опять остановилась. Съ минуту лодка продолжала плыть впередъ. — Черезъ край плеснуло нѣсколько капель.

— Повернемъ назадъ; — сказала Волгина старику-лодочнику. — Опасности не было-бы, Надина, хоть-бы мы плыли до Кронштадта и за Кронштадтъ. Но я скупа. Пальто, которое на мнѣ, не боится не только брызгъ, но и проливнаго дождя. Но было-бы жаль бархатнаго, которое на васъ. Сколько стоитъ такое въ Парижѣ? — Я думаю, рублей пятьдесятъ, или меньше? — А мнѣ оно обошлось въ семьдесятъ, я то лишь потому, что я

дружна съ моею модисткою, и ея дочери — миленькія нѣмочки — вѣшаются мнѣ на шею.

— Мнѣ смѣшно и стыдно за себя, — сказала Илатонцева: — Я знала, что нѣтъ опасности, и нисколько не боялась. Но мнѣ было надобно большое усиліе воли, чтобы не дрожать. Мнѣ тѣмъ стыднѣе за свою трусость, что можно было-бъ отстать отъ нея, катаясь по морю.

— Это не трусость, Надежда Николаевна;—возразилъ Волгинъ: — Вы созданы для тихой жизни только. — Вы разсказывали о вашей горничной.

— Но, я понимаю, что это вовсе не интересно для васъ.

— Нѣтъ, это интересно. Не правда-ли, голубочка?

Онъ думалъ о томъ, что горничная должна быть дѣвушка опасная. — Ее изъ Прованса вызвали въ Парижъ быть конторщицею! Въ Парижѣ мало желающихъ быть конторщицами! — — Очевидно, она уѣзжала туда быть авантюристкою.

— Вы видите, Надина, онъ интересуется всѣмъ, что близко къ вамъ; — сказала Волгина: — Если-бы вы знали, какой онъ дикарь, вы удивлялись-бы, что онъ разговорился съ вами. Вы видите, я такъ рада этому чуду, что и не мѣшаюсь въ вашъ разговоръ: пусть хоть немножко привыкаетъ говорить съ людьми о чемъ нибудь, кромѣ книгъ и глупостей, которыя называются у нихъ общественными дѣлами.

— Почему-жъ она возвратилась быть вашею горничною? — спросилъ Волгинъ: — Ей не повезло житье въ Парижѣ?

Кажется, напротивъ. Правда, она не хвалилась особеннымъ счастьемъ въ Парижѣ. Но она и не жаловалась на неудачи. Вообще, она мало говорила о своей парижской жизни. Но когда она вернулась оттуда, она привезла порядочный гардеробъ, много дорогихъ вещицъ. Мери вернулась, безъ всякаго сомнѣнія, только потому, что очень любитъ ее; соскучилась по ней...

Madame Ленуаръ приняла Мери очень сурово. Довольно долго не соглашалась, чтобы она заняла прежнее мѣсто...

— Madame Ленуаръ должна была полагать, что Мери вернулась къ вамъ не по расположенію къ вамъ, а по корыстолюбивымъ разсчетамъ; — замѣтилъ Волгинъ, самъ, при всей своей простотѣ, видя, что не обманулся относительно парижской карьеры Мери: „Очевидно, madame Ленуаръ знала, что Мери была тамъ авантюристкою.“ — Madame Ленуаръ была, по моему, права, — продолжалъ онъ.

— Теперь я понимаю, чего опасалась m-me Ленуаръ! — сказала Илатонцева: — Такъ! такъ! она опасалась, что Мери хочетъ обманывать меня, выманивать у меня деньги, подарки, когда мы будемъ жить въ Петербургѣ! — А я рѣшительно не могла объяснить себѣ, почему madame была вооружена противъ Мери! — На мои просьбы за Мери она говорила только, что Мери не ра-

вится ей, — а я думала: что-жь это? — Неужели madame Ленуаръ можетъ такъ долго сердиться, такъ наказывать Мери за то, что Мери два года назадъ не послушалась ея мнѣнія? Я очень рада, что вы объяснили мнѣ единственный случай, въ которомъ я не умѣла понять, что madame Ленуаръ совершенно права. — Конечно, — о, конечно, madame Ленуаръ должна была опасаться за мои наряды, деньги! — Это подозрѣніе такъ естественно! — Возвращаться изъ конторщицъ въ горничныя — въ самомъ дѣлѣ, трудно повѣрить съ перваго раза, что это дѣлается по расположенію, а не по разсчету обирать меня.

Но Мери успѣла разсѣять предубѣжденіе madame Ленуаръ. Мери впередъ сказала ей: „Я снова заслужу ваше расположеніе, каковы-бы ни были мои недостатки или ошибки“, и поселилась въ Марсели. — Онѣ часто ѣздили въ Марсель; у нихъ было много знакомыхъ тамъ. — Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ m-me Ленуаръ сказала: „Мери хорошая дѣвушка. Она сдѣлалась даже лучше, нежели была до разлуки съ нами. Тогда она была немножко слишкомъ шаловлива; теперь она совершенно серьезна.“

Была-ли madame Ленуаръ обманута? — раздумывалъ Волгинъ: — Очевидно, эта Мери очень хитрая дѣвушка. Но видно и то, что у нея твердая воля. — Трудно предположить, чтобы умная женщина, хорошо знавшая Мери, могла обмануться притворнымъ раскаяніемъ. Вѣроятнѣе, что Мери дѣйствительно остепенилась. Но это вздоръ; дѣло не въ томъ, будетъ-ли шалить Мери или нѣтъ. Дѣло въ томъ, что она хитра и умна. Если она вздумаетъ жертвовать счастьемъ Илатонцевой для своихъ разсчетовъ, она можетъ погубить это нѣжное существо, непонимающее ничего злаго. — У Илатонцевой громадное приданое. Какъ она явится въ свѣтѣ, сотни мерзавцевъ будутъ льнуть къ нему. Горничная пользуется довѣріемъ Илатонцевой; опытна, ловка; важная союзница. Тотъ изъ мерзавцевъ, который искуснѣе всѣхъ, то есть, бездушнѣе, подлѣе всѣхъ, — подкупитъ горничную чтобы она пѣла про него, — и устроится сватьба... Илатонцевъ, положимъ, хорошій человѣкъ. Но отецъ не замѣна матери. Тетка, очевидно, пустѣйшая женщина...

— Ты задумался, мой другъ; — замѣтила Волгина.

— Видишь-ли, голубочка, я скажу тебѣ откровенно. Надежда Николаевна очень хорошая дѣвушка, и я полюбилъ ее.

— О чемъ-же тутъ горевать? — Договаривай: тебя пугаетъ за нее то, что у нея богатое приданое?

— Разумѣется, голубочка, потому что ты всегда знаешь всѣ мои мысли.

— Чрезвычайно мудрено отгадывать ихъ. — Но прежде, нежели будешь давать свои совѣты Надинѣ, спросишь у меня. — Ты всегда согласенъ со мною, а я съ тобою не всегда.

Волгинъ погрузился въ новое размышленіе: Лидія Васильевна не можетъ не знать, что собирался онъ посовѣтовать Илатонцевой. Натурально, что: „Будьте дружны съ Лидіею Васильевною; не теперь, — теперь, не въ чемъ вамъ быть довѣрчивою; но всегда, всегда". — Неужели-же Лидія Васильевна не хочетъ замѣнить старшую сестру для этой прекрасной дѣвушки?

Илатонцева разсказывала между тѣмъ, какъ боролись въ ней чувства, когда отецъ написалъ, что тетка ѣдетъ взять ее домой. Да, и хотѣлось поскорѣе увидѣть отца и брата, жаль было и разставаться съ madame Ленуаръ и ея племянницами. — Тетка выѣхала, онѣ ждали ее, — ждали мѣсяца два: онѣ уже думали, не занемогла-ли тетушка. Но отецъ успокоилъ ихъ: онъ написалъ, что тетушка живетъ въ Парижѣ и здорова.

Илатонцева сама не знала, чего хотѣлось ей больше: того-ли, чтобъ тетка скорѣе пріѣхала за нею, или того, чтобы она жила и жила въ Парижѣ. — Наконецъ, она пріѣхала. Тутъ было слезъ! — Madame Ленуаръ говорила, что когда выдастъ племянницъ, пріѣдетъ жить въ Илатонѣ. Она полюбила русскій народъ, и говорила: „у насъ во Франціи мало людей, которые искренно желаютъ пользы народу; но все-таки находятся они въ каждомъ уголкѣ. А у васъ народу рѣшительно не съ кѣмъ посовѣтоваться, не отъ кого услышать доброе". „Но это было прежде, говорила она: — Въ эти три года у васъ многое перемѣнилось. Мы видимъ по журналамъ, Надина, — онѣ получали въ Провансѣ русскіе журналы, — Мы видимъ по журналамъ, Надина, что у васъ начинаютъ заботиться о народѣ. Но все еще очень мало людей, и я буду не лишняя." — Она жалѣла и о томъ, что ея воспитанница не будетъ имѣть подругъ въ деревнѣ. Жаль, что не въ Провансѣ, не у madame Ленуаръ, а уже на дорогѣ, въ Италіи, было получено письмо отца, гдѣ онъ говорилъ о молодомъ человѣкѣ, который согласился ѣхать съ нимъ въ деревню, гувернеромъ Юриньки. Она переписала ту часть письма, гдѣ...

— Вашъ батюшка такъ доволенъ гувернеромъ вашего братца? — замѣтилъ Волгинъ: — Я очень радъ, потому что подружился съ дальнимъ родственникомъ и однофамильцемъ этого молодаго человѣка, — тоже молодымъ человѣкомъ. Потому-то я и слышалъ о вашемъ батюшкѣ, что родственникъ моего знакомаго, тоже Левицкаго, гувернеръ вашего брата.

Нельзя было иначе, надобно было поступить рѣшительно. — Опасность, о которой давнымъ давно забылъ Волгинъ, вдругъ нависла надъ его головою. Еще два, три слова — и Илатонцева назвала бы фамилію гувернера. Но — что значитъ храбрость и быстрота! — Теперь опасность была совершенно уничтожена. — Волгинъ гордился собою. — Пусть теперь Илатонцева говоритъ о гувернерѣ своего брата что угодно, сколько угодно, — бѣды

не будетъ. — Удивительно было ему только то, — Волгину всегда было что-нибудь удивительно, — удивительно было ему только то, какъ тогда, въ минуту встрѣчи, не пришло ему въ голову такое легкое средство отвратить опасность: тогда не было-бы ему надобности пугать жену, Наташу, Илатонцеву своимъ спотыканіемъ и кашлемъ.

Она переписала для madame Ленуаръ ту часть письма, гдѣ отецъ ея говорилъ о гувернерѣ Юриньки. Отецъ убѣжденъ, что она полюбитъ Левицкаго. Онъ описываетъ его такимъ, что и нельзя не полюбить. Madame Ленуаръ будетъ очень рада, что въ ихъ семействѣ живетъ новый человѣкъ, такой умный, прекрасный, благородный. Теперь madame будетъ увѣрена, что ей не будетъ скучно въ деревнѣ. — Впрочемъ, можетъ быть, она найдетъ тамъ и подругъ; madame Ленуаръ говорила: „Въ эти три года настроеніе умовъ у васъ въ Россіи очень перемѣнилось; вѣроятно, многіе изъ вашихъ сосѣдей, которые прежде отталкивали отъ себя дикими понятіями, теперь будутъ рады слушать твоего отца". — Прежде ея отецъ и не могъ и не хотѣлъ сойтись ни съ кѣмъ изъ сосѣдей. Онъ слишкомъ расходился съ ними въ образѣ мыслей. — Но если оправдаются надежды madame Ленуаръ, вѣроятно, и отецъ найдетъ себѣ сочувствіе, и она найдетъ себѣ подругъ...

— А, должно быть, вы съ тетушкою долго ѣхали въ Россію, если получали на дорогѣ письма отъ вашего батюшки; — замѣтилъ Волгинъ.

— Да. Тетушка поѣхала изъ Прованса черезъ Италію, довольно долго оставалась во Флоренціи...

Должно быть однако сильная охотница кутить; — разсудилъ Волгинъ: — Парижа было ей мало, хотѣлось навѣстить и Флоренцію, по слухамъ, что нигдѣ нѣтъ такихъ удобствъ для кутежа, какъ во Флоренціи. — То-то и есть, — замѣтилъ онъ вслухъ: — Мой знакомый, Левицкій, говорилъ мнѣ про гувернера Юриньки, что больше мѣсяца онъ со дня на день все уѣзжаетъ изъ Петербурга съ вашимъ батюшкою, — и все не можетъ уѣхать. — Вашъ батюшка ждалъ, ждалъ васъ въ Петербургѣ, — и наконецъ получаетъ письмо, что вы проѣдете въ деревню черезъ Одессу, — онъ въ деревню, думаетъ найти васъ тамъ, — и вотъ, я вижу теперь, только что уѣхалъ онъ изъ Петербурга, по вашему письму, — а вы въ Петербургъ. — Ну, признаться, тетушка у васъ!

Если М-г Волгинъ познакомится съ ея тетушкою, онъ не будетъ въ силахъ сердиться на тетушку. У тетушки такое доброе сердце. Но правда, тетушка нѣсколько непостоянна въ своихъ мысляхъ. Тетушка велѣла ей написать отцу, что онѣ выѣзжаютъ изъ Флоренціи въ Вѣну и поѣдутъ въ свою деревню черезъ Одессу, а потомъ вздумала видѣть Женевское озера. Онѣ про-

были нѣсколько дней на берегахъ Женевскаго озера, потомъ проѣхали по Рейну, черезъ Берлинъ, Штеттинъ; правда, сй было очень грустно, что она уже не застала отца и брата въ Петербургѣ. Тѣмъ больше, что отецъ долженъ былъ безпокоиться, не нашедши ихъ въ деревнѣ. Но она уже послала извѣстіе отцу, — и теперь уже все равно: отецъ будетъ спокоенъ. Правда, ей хотѣлось-бы поскорѣе ѣхать къ нему и брату, — но что-жъ дѣлать? — тетушкѣ нельзя уѣхать изъ Петербурга, не повидавшись съ знакомыми.

— Голубочка, не правда-ли, хороша тетка у Надежды Николаевны? — замѣтилъ Волгинъ.

— Что, мой другъ? — Тетка Надины? — Что такое?

— Да ты не слушала?

— Я задумалась о Володѣ. Забавно и пріятно было смотрѣть, какая храбрая Надина, и мы заплыли далеко... Спитъ-ли онъ, мой милый, или нѣтъ? — Ну, что-же тетушка Надины?

Волгинъ сталъ пересказывать о томъ, какъ тетушка Надины перепутала все. Илатонцева защищала тетку. — Волгина слушала разсѣянно. — Лодка проплыла Крестовскій мостъ. — Волгина смотрѣла на берегъ Петровскаго острова. Волгинъ спорилъ съ Илатонцевой.

— Лидія Васильевна, вы? — закричала издали съ берега Наташа.

— Что Володя? Спитъ?

— Спитъ, Лидія Васильевна, а я смотрю васъ, подавать самоваръ. — Наташа побѣжала домой.

Напившись чаю, Илатонцева попросила Волгину дать ей кого-нибудь проводить ее на дачу Тенищева.

— Вы думаете, я отпущу васъ одной быть въ этомъ домѣ, который наводилъ на васъ тоску и днемъ? — Когда пріѣдетъ ваша тетушка, можетъ заѣхать сама взять васъ.

— Если еще не позабыла, что завезла племянницу въ чужой пустой домъ и бросила одну, — добавилъ Волгинъ, который никакъ не соглашался простить тетушку: — А я уйду, голубочка, — ты вѣдь не пустишь Надежду Николаевну, не надо мнѣ провожать ее?

— Иди себѣ, работай. Но въ два часа долженъ спать, — слышишь?

Волгинъ ушелъ. Волгина продолжала болтать съ Илатонцевой... Пробило одинадцать часовъ. Илатонцева опять стала просить Волгину дать ей кого-нибудь, проводить ее на дачу Тенищева.

— Полноте, Надина: видно, что ваша тетушка осталась гдѣ-нибудь на вечерѣ, на балѣ, когда нѣтъ ее до сихъ поръ.

— Да, я сама уже думаю, что она не вернется раньше двухъ, трехъ часовъ... и мы будемъ ночевать на дачѣ этого Тенищева... Но быть можетъ, она пріѣдетъ раньше...

— И захочетъ вернуться ночевать домой? — Пусть будетъ и такъ. Она заставила васъ дожидаться ея; можетъ и сама подождать, пока мы съ вами напьемся чаю завтра поутру.

— Нѣтъ, отпустите меня, пожалуйста...

— Вы боитесь выговора?

— Нѣтъ, она неспособна дѣлать выговоры. Но мнѣ самой не хотѣлось-бы...

Вмѣсто отвѣта Волгина вынула булавку изъ ея волосъ. — „Боже мой!“ — проговорила дѣвушка въ смущеніи, почти въ испугѣ, подхватывая рукою густые локоны. — „Боже мой!“ — повторила Волгина, поддѣлываясь подъ нѣжный сопрано дѣвушки, и выдернула другую булавку: — „Ахъ, зачѣмъ у меня не такіе волоса!“ — проговорила она съ досадою.

— Ваши гуще моихъ; — сказала Илатонцева.

— Но они черные! — Зачѣмъ я не блондинка! Такая досада! — А Наташа дивится, что я умѣю причесать себѣ волоса безъ зеркала! — Поневолѣ выучишься! — Такая досада! — Впрочемъ, теперь, конечно, все равно. — Идемъ ко мнѣ въ спальную. Пора спать. Володя мастеръ будить. Голосокъ такой-же прекрасный, какъ у отца. — Она почти насильно подняла Илатонцеву со стула и повела, — но сошедши съ мѣста противъ воли, Илатонцева съ восторгомъ заговорила: — О, какъ я рада, что вы не пустили меня! — Мнѣ было-бы такъ тяжело, страшно одной въ этомъ сыромъ, гадкомъ домѣ!

— Володя не будетъ мѣшать вамъ: онъ здоровъ и не плачетъ по ночамъ; но часовъ въ восемь разбудитъ. — Перемѣни простыню на диванѣ, — возьми изъ моихъ, Наташа; и подушку положи изъ моихъ.

— А гдѣ-же спать мнѣ, Лидія Васильевна?

— Ахъ, какая ты глупая дѣвчонка! — Она готова плакать, что у нея отнимаютъ диванъ!

— Нѣтъ, Лидія Васильевна, — убѣдительнымъ голосомъ возразила Наташа: — Я ничего; только я не знаю, гдѣ-же вы прикажете мнѣ лечь; здѣсь-ли, на полу, принести тюфякъ, или въ кухнѣ?

— Я прикажу тебѣ вовсе не ложиться: иди въ залъ и сиди всю ночь у окна.

— Зачѣмъ-же, Лидія Васильевна? — и не спать? — съ отчаяніемъ спросила Наташа.

— И не спать. Сиди и молись, чтобы я сдѣлалась такая-же добрая, какъ Надежда Николаевна, которая тебѣ нравится.

Очень хоро... начала было Наташа, но не договоривши, передумала: — Да вы смѣетесь, Лидія Васильевна!

— Убирайся въ кухню къ Авдотьѣ, — ложись въ залѣ, если не боишься одна, — ложись здѣсь, — не все-ли равно? — Когда ты перестанешь быть глупою и надоѣдать мнѣ всякими пустяками, все равно, какъ Алексѣй Иванычъ?

— Нѣтъ, Лидія Васильевна, Алексѣй Иванычъ не такой какъ я: Алексѣй Иванычъ самый умный человѣкъ; это говоритъ и Мироновъ, и всѣ. Да и что-же вы притворяетесь передъ Надеждою Николаевною, будто сами не знаете этого?

Илатонцева не выдержала, засмѣялась. — Ложитесь здѣсь, Наташа, и доскажите мнѣ сказку о Марьѣ Маревнѣ, критской королевнѣ.

— Посмотрите, какая бойкая она стала! — Распоряжается въ моемъ домѣ, будто хозяйка!

— Въ самомъ дѣлѣ, съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхала отъ madame Ленуаръ, я не чувствовала себя такою свободною и довольною; — сказала Илатонцева, съ оттѣнкомъ грусти.

— У васъ добрый отецъ, Надина; при немъ вы будете опять чувствовать себя свободною и довольною.

— О, да, да! — радостно сказала Илатонцева.

Пришедши поутру пить чай, Волгинъ увидѣлъ въ столовой только жену. — А гдѣ-же Илатонцева, голубочка? Неужели тетка успѣла уже прислать за ней? — Еще нѣтъ десяти часовъ? Неужели старая дурища, прорыскавши чортъ знаетъ гдѣ до поздней ночи, уже вскочила опять рыскать?

— Илатонцева ушла, какъ встала; не хотѣла даже подождать чаю. Авдотья говоритъ, — Авдотья проводила ее, — что умная тетушка еще спитъ. Пріѣхала часу въ пятомъ.

— Плясала на балѣ, или просто кутила, — основательно замѣтилъ Волгинъ: — А славная дѣвушка эта Илатонцева.

— Очень хорошая. И ты вчера уже вздумалъ было навязывать мнѣ заботу о ней? — Очень достаточно мнѣ и того, что няньчусь съ Володею и съ тобою.

— Я вовсе не думалъ, голубочка, — съ убѣдительною искренностью сказалъ мужъ: — Увѣряю тебя, не думалъ.

— Не думалъ! — Если-бы я не замѣтила и не остановила тебя, когда ты печалился ея приданымъ, ты сейчасъ-бы началъ внушать ей, чтобы она, когда пріѣдетъ изъ деревни, обо всемъ совѣтовалась-бы со мною.

— Ну, что-же, голубочка? — Разумѣется, всякіе тамъ мер-

завцы, -- ну, можетъ-ли она понимать мерзавцевъ? — Что-же, разумѣется, это жалко: одна, некому вразумить. — Волгинъ былъ хорошъ тѣмъ, что ни мало не стѣснялся и объяснять свои мысли, послѣ того, какъ отперся отъ нихъ.

— Совершенная правда, мой другъ; но я не хочу продолжать тѣснаго знакомства съ нею. Такія знакомства не по нашимъ деньгамъ. Да я и не люблю бывать у людей, которые важнѣе насъ съ тобою. Ты долженъ-бы помнить это.

— Ну, конечно, это хорошо, голубочка, и все такъ. Но для нея можно-бы сдѣлать исключеніе.

— Хорошо; я доставлю тебѣ и случай сдѣлать исключеніе. Я иду гулять, — ты останешься дома, — такъ?

— Голубочка! — эта дурища, какъ протретъ глаза, прійдетъ благодарить тебя за любезность къ ея племянницѣ! — Тебя не будетъ дома, а я буду дома! — Жена засмѣялась.

— Я пойду гулять по нашему садику. Я не хочу отнять у себя удовольствія прочесть ей лекцію.

— И не вызовешь меня къ ней?

— Нѣтъ, не вызову, другъ мой, не бойся. У меня нѣтъ только охоты, у тебя нѣтъ и времени для лишнихъ знакомствъ.

Черезъ полчаса Волгина вернулась изъ садика въ комнату мужа:

— Давай то, что у тебя приготовлено для типографіи. Я ѣду въ городъ, буду въ той сторонѣ. Эта глупая Наташа вздумала пристать ко мнѣ, чтобы я купила ей золотыя серьги: Илатонцева подарила ей вчера три рубля.

— А какъ-же лекція, которую ты хотѣла прочесть этой старой дурищѣ? — Наташа могла-бы подождать, — поѣхала-бы, голубочка, послѣ обѣда.

— Послѣ обѣда некогда. Вчера Мироновъ не былъ, — значитъ, пріѣдетъ обѣдать. Будетъ еще кто-нибудь изъ моихъ пріятелей. Возьму коляску, или шарабанъ, если ихъ будетъ много, и поѣду въ Парголово. Я еще не была тамъ.

— Ну, такъ могла-бы Наташа подождать до завтра.

— Нельзя ей, потому-то она и пристала: на дачѣ, гдѣ живутъ столяры, нынче большой праздникъ, день рожденія жены втораго брата, -- того, который приходилъ къ намъ поправлять мебель. Наташа непременно хочетъ отличиться тамъ въ золотыхъ сережкахъ.

За обѣдомъ Волгина сказала мужу, что Илатонцева заходила съ теткою къ нимъ, и оставила записку, въ которой говоритъ, что тетушка и она заѣдутъ послѣ завтра.

Но передъ обѣдомъ на другой день пріѣхалъ слуга Илатонце-

выхъ и подалъ новую записку. Дѣвушка извиняла свою тетку и себя въ томъ, что онѣ не будутъ завтра у Лидіи Васильевны; нынѣ поутру тетушкѣ представилась непредвидѣнная надобность спѣшить отъѣздомъ въ деревню. Черезъ четверть часа онѣ должны быть на желѣзной дорогѣ. Тетушка такъ поздно сказала ей; она торопится и стыдится, что такъ дурно пишетъ. — Тетушка поручаетъ сказать, что первый визитъ ея по возвращеніи въ Петербургъ будетъ къ Лидіи Васильевнѣ.

Въ припискѣ изъ десяти словъ тетушка повторяла то-же извиненіе и увѣреніе по французски, выражаясь о себѣ jait и javait, по грамматикѣ русскихъ аристократокъ и парижскихъ лоретокъ, — какъ замѣтилъ Волгинъ, съ обыкновеннымъ своимъ остроуміемъ, за которое одобрилъ себя необходимою руладою.

— Обѣщаніе тетушки не очень страшно: къ тому времени пятьсотъ разъ успѣетъ забыть обо мнѣ. — Илатонцева будетъ иногда заѣзжать, пока не будетъ у нея жениха.

— То есть, очень недолго; — замѣтилъ Волгинъ съ неизмѣнною своею основательностью: — А что касается ея тетки, то увѣряю тебя, голубочка, надобность этой дурищѣ спѣшить въ деревню та-же самая, какая заставила ее тогда рыскать чортъ знаетъ гдѣ, бросивши племянницу. Просто, вѣтеръ ходитъ у нея въ головѣ: онъ подуетъ, она и несется, — увѣряю.

Прошло еще мѣсяца два, или больше. Приближалась осень. Аристократы, вѣроятно, въ своихъ каменныхъ дачахъ, еще и не начинали думать о возвращеніи въ городъ; Волгина уже думала. Но послѣ двухъ, трехъ ненастныхъ дней погода поправилась, и Волгина воспользовалась этой отсрочкою, чтобы перемѣнить обои на своей городской квартирѣ: денежныя дѣла мужа быстро улучшались; на прошлой недѣлѣ онъ получилъ за мѣсяцъ сотнею рублей больше прежняго. Такъ онъ будетъ получать и въ слѣдующіе мѣсяцы, до новаго года. А потомъ, счеты будутъ вестись на новыхъ основаніяхъ, уже очень выгодныхъ для него.

— Это прелесть, какою миленькою, веселою станетъ наша квартира! — говорила Волгина мужу, возвратившись изъ города, куда ѣздила выбирать обои. Она стала описывать до мельчайшихъ подробностей, какіе обои взяла для какой комнаты: — Словомъ, ты понимаешь, во всѣхъ комнатахъ будутъ свѣтлые обои; только въ твоемъ кабинетѣ не свѣтлые, синіе: они лучше для глазъ... Ахъ, мой другъ, я боюсь, что ты утомляешь свои глаза!

— Напрасно, голубочка; мои глаза очень близоруки, но за то чрезвычайно здоровы. Сколько лѣтъ я, можно сказать, только

тогда и отрывалъ ихъ отъ книги, когда спалъ, — и ни разу не чувствовалъ зрѣнія утомленнымъ. У очень близорукихъ очень часто бываютъ ужасно крѣпкіе глаза.

— Но какіе-бы ни были они крѣпкіе, все-таки, я опасаюсь за нихъ. Готлибъ Карлычъ пилъ кофе, когда я привезла ему то, что ты приготовилъ; сѣла выпить чашку, — славный кофе, — мы разговорились. Онъ сказалъ: „Ни одинъ литераторъ не пишетъ столько. Ни я, никто изъ наборщиковъ не видывали, чтобы кто-нибудь писалъ такъ много.“

— Это ничего не значитъ, голубочка. Я пишу сплеча, даже не перечитываю. Другіе обдумываютъ, потомъ поправляютъ. Иные сидятъ за письменнымъ столомъ не менѣе моего, быть можетъ.

— Все-таки, ты долженъ писать меньше. Теперь ты сталъ получать больше, нежели надобно мнѣ.

— Ну, голубочка, еще далеко до того, чтобы получать, сколько надобно. Ты вспомни: тебѣ надобно имѣть экипажъ, пару лошадей, — а когда дойдетъ до такого дохода? — Развѣ года черезъ полтора наберешь денегъ. Но главное, голубочка, вовсе не твои надобности. Прежде, точно, главное было въ нихъ, когда искалъ работы, хотѣлъ зарекомендовать себя, что могу писать быстро. А теперь, голубочка, совсѣмъ другое. Совѣсть, — эко, даже совѣсть пришелъ къ такимъ пустякамъ! — само собою вздоръ; но что-же ты станешь дѣлать съ этою моею глупостью, когда такъ думаю: если не напишу объ этомъ, то будетъ написана чепуха, — а „объ этомъ“ выходитъ обо всемъ, о чемъ ни бываетъ надобно, — ну, даже и не успѣваю.

— Но что-же такъ долго не ѣдетъ твой Левицкій? — Ты говоришь, онъ уѣзжалъ тогда мѣсяца на два. Давно пора-бы ему пріѣхать. Ты написалъ-бы ему, поторопилъ-бы его.

— Твоя правда, голубочка. Напишу.

— Ты забудешь, я знаю тебя! — Но я сама буду за тебя помнить. Завтра, когда ѣхать въ городъ, спрошу, готово-ли письмо, и если не готово, заставлю написать при себѣ. Или, хочешь, я напишу за тебя? — Это я съумѣю. Ты не говори мнѣ, какъ писать. Только скажешь мнѣ адресъ. — Волгина уже сидѣла за письменнымъ столомъ мужа и доставала почтовую бумагу. — Ты не говори мнѣ, что писать. Я сама знаю. Ахъ, какъ хорошо я напишу! Это будетъ прелесть! Я даже не покажу тебѣ, что напишу; — ни за что не покажу.

Теперь уже неотвратимо. Можно только объяснить, почему адресъ будетъ въ деревню Илатонцева. Конечно, Левицкій сказалъ, что ѣдетъ въ глухое село, куда нѣтъ почты, и что если писать ему, то черезъ этого родственника, который гувернеромъ у Илатонцева.

Жена сложила письмо, взяла конвертъ. — Адресъ, мой другъ.

— Адресъ, голубочка: Владиміру Алексѣичу, — ну, Левицкому, это знаешь, — въ Харьковѣ, въ домѣ Левицкихъ, у Троицкой церкви.

Десяти минутъ было достаточно Волгину, чтобы найти способъ отвратить неотвратимое. Въ особенности онъ былъ доволенъ домомъ Левицкихъ у Троицкой церкви. Харьковъ, это еще не важность: и Калуга, и Орелъ, все годилось-бы. Но „въ домѣ Левицкихъ“ — что можетъ быть натуральнѣе, когда онъ уѣхалъ къ роднымъ? — „у Троицкой церкви“ — что можетъ быть короче, проще, несомнѣннѣе?

— Какъ я рада, что хоть немножечко помогла тебѣ! Ахъ, мнѣ хотѣлось-бы помогать тебѣ! — Не умѣю, мой другъ; ничему не училась. — А теперь поздно, когда Володя не идетъ изъ ума! — Сяду читать, и вдругъ замѣчаю: ничего не прочла, все думала о Володѣ... Какъ я рада, что вздумала написать за тебя! Хочешь, я стану писать за тебя всѣ письма? Это я съумѣю...

Она такъ радуется, что помогла ему! — Ему стало стыдно за свое двоедушіе передъ нею: она не могла-бы сказать: „въ домѣ Левицкихъ, у Троицкой церкви“.

— Милая моя голубочка, ты сядь подлѣ меня и не огорчись тѣмъ, что я скажу. Ты знаешь, у меня характеръ мнительный, робкій. Потому, не придавай важности моимъ словамъ: ты знаешь, у насъ все тихо, и я думаю о будущемъ только потому, что я трусъ. Воображаю то, чего, можетъ быть, и не будетъ. Ты знаешь, я держу себя осторожно. Если-бы я не былъ трусъ, то и нечего было-бы мнѣ думать ни о тебѣ, ни о Володѣ. Ты знаешь, я не думаю ни о своихъ глазахъ, ни о своемъ здоровьи: за мое здоровье и за мои глаза ты напрасно опасаешься, повѣрь мнѣ. Одно можетъ повредить тебѣ съ Володею: перемѣна обстоятельствъ. Дѣла русскаго народа плохи. Будь что-нибудь теперь, намъ съ тобою еще ничего. Обо мнѣ еще никто не позаботился-бы. Но моя репутація увеличивается. Два, три года, — и будутъ считать меня человѣкомъ со вліяніемъ. Пока все тихо, то ничего. Но, какъ я говорю, и сама ты знаешь, дѣла русскаго народа плохи. Передъ нашею свадьбою я говорилъ тебѣ и самъ думалъ, что говорю пустяки. Но чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ виднѣе, что надобно было тогда предупредить тебя. Я не жду пока ровно ничего непріятнаго тебѣ. Но не могу не видѣть, что черезъ нѣсколько времени...

— Такъ ты вотъ о чемъ! — Она поблѣднѣла: — Молчи, не смѣй говорить! — Она вскочила и зажала ему ротъ: — Не смѣй! — Молчи! Я слышала разъ, — довольно. Не смѣй! — Она убѣжала.

Натурально. Тогда она еще могла слушать, потому что еще

и не воображала, что будетъ такъ расположена къ нему. Натурально, теперь ей труднѣе слушать: прожили вмѣстѣ три года; и теперь она понимаетъ, что это и можетъ случиться; тогда и не понимала. Конечно, теперь вовсе не слѣдовало говорить. Или слѣдовало?

Онъ пошелъ за нею.

Она прижимала сына къ груди и рыдала надъ нимъ: „Володя, мы съ тобою будемъ сиротами!“

Не время было доканчивать основательное изложеніе мотивовъ, по которымъ онъ дошелъ до изобрѣтенія дома Левицкихъ у Троицкой церкви. — Онъ сталъ говорить, что преувеличивалъ, что ей нечего обращать вниманіе на его слова, потому что она знаетъ, у него мнительный и робкій характеръ. — Когда она совершенно измучилась, она стала успокоиваться.

Потомъ она побранила его: зачѣмъ говорить объ этомъ?—Было сказано разъ. И довольно. Она помнитъ. Но не хочетъ помнить. Зачѣмъ помнить? — Пусть онъ никогда не смѣетъ не только говорить ей, и самъ пусть не смѣетъ думать. Онъ думаетъ потому, что всегда фантазируетъ. Это вздоръ. Ничего этого не будетъ.

Она довольно спокойно стала играть съ Володею, и къ вечеру стала опять весела.

Глава Третья.

Не только люди, жившіе на дачахъ, построенныхъ изъ досокъ, по соображенію съ итальянскимъ климатомъ, но и аристократы перебрались въ городъ. Начинались разговоры о будущемъ оперномъ сезонѣ. Наконецъ, явились и афиши о первомъ спектаклѣ.

Волгина была хороша съ Рязанцевою. Видѣлись онѣ не часто. Сборы дамъ другъ къ другу всегда длинны. Но черезъ Миронова онѣ постоянно передавали другъ другу свои новости. Рязанцевъ былъ профессоръ въ университетѣ. Мироновъ былъ однимъ изъ лучшихъ студентовъ. Въ тѣ времена русскіе прогрессисты любили русскую молодежь. И молодежь любила ихъ. Мироновъ пользовался расположеніемъ Рязанцева. Потому, и расположеніемъ Рязанцевой. Иначе, и быть не могло, потому что она вѣровала въ мужа. Не вѣровать было-бы нельзя: она любила его. И не любить нельзя: онъ стоилъ того.

Рязанцевъ былъ главнымъ мѣстнымъ авторитетомъ прогрессистовъ въ Петербургѣ. Прогрессистовъ въ Петербургѣ было тогда безчисленное множество. Всѣ, кто только могъ, лѣзли къ Рязанцеву. По вторникамъ, квартира Рязанцевыхъ была биткомъ набита прогрессистами. Переполнивши всѣ болѣе или менѣе открытыя для гостей комнаты, они вламывались даже въ дѣтскую. Рязанцева только умоляла не кричать тамъ. — Всѣ, кто могъ, считали за величайшее удовольствіе себѣ оказать услугу madame Рязанцевой. Если-бъ она пожелала бросить букетъ Бозіо, ей навезли-бы пол-сотни самыхъ дорогихъ букетовъ. Но она желала только достать билетъ въ 4-й ярусъ. Десять прогрессистовъ заглушали другъ друга предложеніями привезти билетъ во 2-й ярусъ, въ 1-й ярусъ, въ бель-этажъ. Рязанцева едва могла вразумить ихъ, что не хочетъ сорить деньгами. Двадцать прогрессистовъ заспорили о томъ, кому достанется удовольствіе добыть для нея билетъ въ 4-й ярусъ.

Поутру въ день перваго спектакля она прислала Миронова сказать Волгиной, что имѣетъ билетъ. Волгина была очень рада. Она пошла спросить мужа, поѣдетъ-ли онъ съ нею. Ему было нельзя: онъ долженъ провести этотъ вечеръ въ типографіи. Она была нѣсколько огорчена этимъ; думала, что онъ, по своему обыкновенію, только отговаривается. Но онъ сказалъ: „говорю

правду, голубочка". По этой формулѣ, она уже всегда могла быть увѣрена, что онъ не лжетъ. Она сказала Миронову, что беретъ съ собою его.

Типографія была въ Коломнѣ, недалеко отъ оперы. Поэтому, взяли четвероместную карету, чтобы кстати завезти Волгина въ типографію. Волгинъ былъ завезенъ въ типографію, и карета поѣхала къ оперѣ.

Вошедши въ типографію, Волгинъ увидѣлъ, что пріѣхалъ цѣлымъ часомъ раньше, нежели нужно. Правда, можно начать работу хоть сію минуту; но если такъ, черезъ четверть часа опять прійдется ждать. Куда дѣвать ему время? — Опера въ сотнѣ шаговъ. Не лучше-ли всего пройти туда? Это доставитъ удовольствіе женѣ.

Онъ пришелъ; сталъ подыматься по лѣстницѣ. Но куда-жъ идти ему? Въ 4-й ярусъ, положимъ, но въ какой нумеръ? — Только тутъ, поднимаясь на лѣстницу, онъ сообразилъ, что не знаетъ нумера ложи. Онъ остановился, подумалъ: какъ быть съ этимъ? — Убѣдился, что затрудненіе непреодолимо, пошелъ внизъ. Спускаясь, все соображалъ; и вдругъ, сообразилъ, что если уже такъ, то можно устроить другое дѣло, удовольствіе самому себѣ. Онъ подошелъ къ кассѣ: — „Позвольте два билета въ боковыя мѣста, одно мѣсто съ одной стороны, другое съ другой". — Кассиръ отвѣчалъ, что нѣтъ ни одного билета въ боковыя мѣста. Видя, что человѣкъ опечалился, а одѣтъ не бѣдно, и украшенъ золотыми очками, кассиръ прибавилъ, что самые дешевые билеты, какіе остаются, — въ шестой рядъ креселъ. — Волгинъ подумалъ: Дорого; но это-бы такъ и быть. А главное, въ креслахъ его увидитъ Лидія Васильевна. Нельзя. Онъ пошелъ отъ кассы, перебирая пальцами свою рыжеватую бороденку. Но сообразительность его была неистощима. Онъ промычалъ „гм!", — въ одобреніе своему уму, и пошелъ вверхъ. Онъ вспомнилъ средство, которымъ пользовался, при недостаткѣ билетовъ въ боковыя мѣста, въ послѣдній годъ своего студенчества, когда былъ отчасти меломаномъ.

Но теперь желаніе у него было не то, какъ тогда. Не слушать, а произвести осмотръ, — и основательный, полный. Для полноты онъ и спрашивалъ два билета. „Есть у васъ хорошій биноклъ?" — спросилъ онъ, для основательности, у капельдинера боковыхъ мѣстъ. — Старикъ подалъ довольно хорошій. — „А получше нѣтъ?" — „Это очень хорошій". — „Мнѣ надо лучше". — „Если вамъ нужно самый хорошій, дочка у меня сбѣгаетъ внизъ, достанетъ". — Дѣвочка притащила биноклъ, дѣйствительно,

отличный. „Хорошо“, сказалъ Волгинъ, и сторговался, чтобы пустили его постоять между лавокъ.

Онъ сталъ систематически обозрѣвать, сначала кресла, рядъ за рядомъ: точно-ли бинокли изъ креселъ повертываются больше все вверхъ, на одну ложу. Такъ; вертятся по всѣмъ направленіямъ, а больше все вверхъ, и на одну ложу. Разумѣется, онъ и говорилъ, что должно быть такъ. Нельзя иначе. Онъ говорилъ. Потомъ онъ внимательно сталъ осматривать противуположную сторону театра, съ бенуара, черезъ бель-этажъ, первый ярусъ. И тутъ, все такъ: нельзя, онъ зналъ, что должно быть такъ. Отъ усердія разсматривать основательно онъ страшно нахмурилъ брови, но очень самодовольно улыбался: онъ могъ быть доволенъ собою: — онъ разсматривалъ внимательно; разумѣется, и смотрѣть напрасно; но отчего-же и не посмотрѣть, что оно такъ, какъ знаешь, — отчего не посмотрѣть, когда есть свободное время? — Разумѣется, и смотрѣть нечего. Но отчего не смотрѣть?

Кончивши обзоръ противуположной стороны, онъ вышелъ въ корридоръ, сказалъ капельдинеру, что идетъ на ту сторону, беретъ бинокль съ собою, оставилъ денегъ для вѣрности, что не унесетъ бинокль, и пошелъ на другую сторону боковыхъ мѣстъ. Сообразилъ, которая дверь приходится прямѣе противъ девятой ложи отъ сцены, купилъ у капельдинера разрѣшеніе войти въ эту дверь, сталъ между скамьями второго ряда, принялся доканчивать свой осмотръ, — разумѣется, и съ этой стороны все такъ, — кончилъ осмотръ, потомъ сталъ глядѣть на девятую ложу 4-го яруса. — Черезъ нѣсколько времени онъ замѣтилъ, что очки его начинаютъ тускнѣть; потому, опустилъ бинокль, сталъ протирать ихъ, а въ это досужее время предался размышленію. Размышленіе состояло въ томъ, что въ сущности, конечно, Лидія Васильевна справедливо разсудила, что не могла-бы быть счастлива, если-бы согласилась пойти за кого-нибудь другаго; и само собою, невозможно не согласиться, что она тогда дѣлала хорошо, что не слушалась его. И конечно, ея жизнь все-таки лучше, нежели была-бы въ другомъ замужествѣ, — это она говоритъ правду. Потому, дѣйствительно, съ его стороны совершенно глупо жалѣть, что она согласилась выйти за него. — Размышленія Волгина всегда были такъ основательны, что онъ постоянно видѣлъ себя принужденнымъ соглашаться съ собою, что разсуждаетъ очень справедливо. — Потому и теперь у него осталось только одно сомнѣніе: умѣлъ-ли онъ протереть очки такъ ловко, что никто изъ сосѣдей и сосѣдокъ не обратилъ вниманія. Потому что ему никогда не было пріятно, чтобы кто-нибудь замѣчалъ, когда онъ поступаетъ нѣсколько странновато. Онъ надѣлъ, оправилъ очки и повелъ глазами по сосѣдямъ и сосѣдкамъ: кажется, никто не обращаетъ вниманія на него: ни этотъ молодой человѣкъ, вѣроятно, чиновникъ, — ни этотъ, вѣроятно, тоже чи-

новникъ, — ни эта, вѣроятно, сестра этого, — ни эта, должно быть, мать ихъ, — ни этотъ, должно быть, небогатый купецъ, — ни эта, должно быть, его жена, — ни этотъ... Вотъ тебѣ разъ, кто этотъ-то?

— Какъ это вы здѣсь, въ боковыхъ-то мѣстахъ? — въ полголоса сказалъ Волгинъ, пригнувшись къ уху „этого-то“, и дотрогиваясь до его плеча. „Этотъ-то“ былъ Нивельзинъ.

Нивельзинъ оглянулся. — Волгинъ! Вы! — Если кому, то мнѣ дивиться, что мы встрѣчаемся здѣсь. Какъ это вы забрались въ боковыя мѣста? — Танечка, вы извините меня, мнѣ надобно поговорить съ г. Волгинымъ,—обратился онъ къ своей сосѣдкѣ, до которой еще не доходило пересчитыванье Волгина. — Я надѣюсь, вы не до такой степени заинтересованы увертюрою, чтобъ отказать мнѣ въ нѣсколькихъ минутахъ разговора, m-r Волгинъ? — Прощайте, Танечка.

— Идите, богъ съ вами! будто я не понимаю! — сказала дѣвушка больше съ шуткою, нежели съ досадою: — Ступайте въ ложу къ вашимъ друзьямъ.

— Я не пойду въ ложу къ Рязанцевымъ. Вы увидите, что напрасно обижаетесь. Серьезно, мнѣ надобно поговорить съ m-r Волгинымъ. Вы увидите, я буду сидѣть въ четвертомъ ряду креселъ.

— Посмотримъ. Если не пойдете въ ихъ ложу, то прекрасно. Но въ такомъ случаѣ незачѣмъ было прощаться. Поговорили-бы съ m-r Волгинымъ, и пришли-бы назадъ.

— Я компрометировалъ-бы васъ, Танечка, если-бы возвратился сюда: въ антрактѣ, въ фойе, знакомые увидятъ меня. Какъ я скрылся-бы послѣ того? Они стали-бы смотрѣть, куда я пропалъ.

Дѣвушка смѣялась. — Oh, traître! Oh, monstre! — Почему-же вы не сказали мнѣ, что пробудете здѣсь только до перваго антракта? — Oh, monstre! Voyez comme il sait mentir! Mais je vous assure, que vous êtes un monstre!

— Порокъ наказанъ въ моей персонѣ; — сказалъ Нивельзинъ, вышедши съ Волгинымъ въ корридоръ: — Я былъ друженъ съ Танечкою, — она жила съ однимъ изъ моихъ знакомыхъ. Входя въ театръ, встрѣтивъ ее, спросилъ о немъ, — я только вчера пріѣхалъ, еще почти ни съ кѣмъ не видѣлся; — пока я путешествовалъ, онъ женился. Вы видите, она мила, — и даже съ нею можно говорить; она читаетъ французскіе романы.

— И вы пошли съ нею въ боковыя мѣста?

— Чего-же вы хотите? — Я не былъ влюбленъ ни въ кого, я не думалъ о возможности жениться.

— А теперь думаете? — Волгинъ залился руладою, отъ которой вздрогнула прислуга корридора: — Когда-жъ это успѣли рѣшиться? — Однако, я думаю, мнѣ пора: я пришелъ въ типо-

графію, — здѣсь, подлѣ, — было еще рано, — зашелъ сюда. — Онъ вынулъ часы. — Пора. — А когда вы къ намъ? — Жена будетъ очень рада видѣть васъ.

— На дняхъ!

— Эко, хватили: „на дняхъ!“ — Завтра.

— Можетъ быть, завтра.

— Ну, тоже хорошо: „можетъ быть!“ — Завтра, да и кончено. Обѣдать. — Вы видите, васъ зовутъ съ искреннимъ расположеніемъ. Чего-жъ тутъ? Много вы насчитаете семействъ, гдѣ искренно расположены къ вамъ? — Рязанцевы, да и обчелся, я думаю. Такъ завтра?

— Я давно уважалъ васъ. Вѣроятно, вы замѣчали, что я всегда хотѣлъ сойтись съ вами, когда мы встрѣчались у Рязанцевыхъ...

— А я пятился? — Натурально, у меня нѣтъ празднаго времени. Но когда зову, то, значитъ, расположенъ. Чего-жъ тутъ? — Завтра?

— Завтра. — Нивельзинъ долженъ былъ видѣть расположеніе въ нелѣпыхъ фамильярностяхъ дикаго человѣка.

— Ну, и прекрасно. — Пора въ типографію! — А, да еще нужно будетъ занести бинокль! Совсѣмъ было забылъ! — Съ этими словами Волгинъ поскакалъ внизъ по лѣстницѣ черезъ двѣ и три ступени.

Пока театръ наполнялся, Волгина смотрѣла на публику. Теперь давно забыла думать о ней.

— Нивельзинъ пріѣхалъ; — сказала Рязанцева мужу. — Сейчасъ вошелъ. Въ четвертомъ ряду.

— А! — Очень радъ! — очень радъ! — Послушаемъ, что привезъ, какія новости! — Рязанцевъ потиралъ руки отъ удовольствія.

— Нивельзинъ, въ четвертомъ ряду креселъ? — сказала Волгина и взглянула: — Въ самомъ дѣлѣ! — Она пожала плечами.

— Вы знакомы съ нимъ? — спросила Рязанцева.

— Знаю его въ лицо. Но мы еще не знакомы.

— Я думала, вы уже познакомились передъ его отъѣздомъ, потому что, кажется, онъ очень сошелся въ то время съ вашимъ мужемъ.

Отъ Рязанцевой нельзя было ждать ни колкостей, ни темныхъ намековъ. Если она говорила такъ, она должна была думать, что услышатъ это очень равнодушно. Что-жъ она говоритъ? Неужели сдѣлались извѣстными отношенія Нивельзина къ Савеловой?

— Почему вы думаете, что мой мужъ очень сошелся съ Нивельзинымъ передъ его отъѣздомъ?

— Мы тоже знаемъ кое-что; — сказалъ Рязанцевъ такъ быстро, что перебилъ отвѣтъ у жены, и съ такимъ удовольствіемъ, что опять потеръ руки: — Мы знаемъ, что именно Алексѣй Иванычъ и отправилъ его за границу.

Очевидно, все это говорилось съ полнѣйшимъ незлобіемъ.

— Алексѣй Иванычъ отправилъ его за границу! — Меня начинаетъ очень интересовать это.

— Передъ нами нечего скрывать; — сказалъ Рязанцевъ, продолжая потирать руки, понижая голосъ и нагибаясь ближе къ Волгиной: — Нивельзинъ, быть можетъ, и поѣхалъ-бы за границу, — но не такъ поспѣшно. Алексѣй Иванычъ ускорилъ его отъѣздъ, если не послалъ нарочно. — Рязанцевъ совершенно пригнулся къ уху Волгиной и шепнулъ: — Алексѣй Иванычъ посылалъ его съ порученіями въ Лондонъ.

Волгина вздохнула свободно: правды и не подозрѣваютъ, говорятъ какой-то вздоръ, который, въ чемъ-бы не состоялъ, не можетъ имѣть никакого отношенія къ Савеловой. — Въ Лондонъ? съ порученіями? Въ Лондонъ съ порученіями посылаютъ купцы, покупать и продавать на милліоны, — о, я очень рада, если у Алексѣя Иваныча завелись милліоны! — Отниму всѣ у него!

— Тише, могутъ слышать; — шепнулъ Рязанцевъ въ совершенномъ восхищеніи: — Вы отговариваетесь очень мило, но напрасно.

— Ахъ, теперь понимаю, если вы совѣтуете говорить, чтобъ не могли услышать! — Совсѣмъ забыла, что въ Лондонѣ живутъ наши! — Но съ чего-же вы взяли, что Алексѣй Иванычъ посылалъ Нивельзина съ порученіями къ нимъ? — Алексѣй Иванычъ не могъ сказать этого. Неужели Нивельзинъ такъ сказалъ вамъ?

— Такія вещи не сказываются, онѣ только угадываются; — съ восхищеніемъ шепталъ Рязанцевъ: — Человѣкъ не думалъ о путешествіи. Вдругъ объявляетъ: послѣ завтра ѣду за границу; — оказывается, напанунѣ былъ у него Алексѣй Иванычъ. Человѣкъ ѣдетъ, — и Алексѣй Иванычъ одинъ знаетъ часъ его отъѣзда, — приходитъ провожать его, — провожаетъ до кареты, обнимаются, оба, кажется, плачутъ, цалуются, Алексѣй Иванычъ усаживаетъ его въ карету, — мы знаемъ только эти факты. Давайте намъ факты, до ихъ значенія мы какъ-нибудь доберемся своимъ умишкомъ, — хе, хе, хе. — Онъ смѣялся отъ глубины души.

Если-бы Волгиной привелось услышать такое объясненіе въ тотъ вечеръ, когда она была взволнована соображеніями мужа о будущемъ, она приняла-бы слова Рязанцева очень горячо. Но она не любила унывать; она не любила заранѣе мучить себя страхами. Мужъ могъ разстроить ее своими предсказаніями, но лишь на нѣсколько часовъ. На другое утро она встала уже съ тѣми-же мыслями, какія имѣла до этой тревоги: не все то сбы-

вается, чего боятся мнительные люди, между которыми мужъ ея былъ одинъ изъ самыхъ искусныхъ для придумыванія. Она твердо знала, что кто остороженъ, тотъ почти всегда совершенно безопасенъ. Поэтому слова Рязанцева хоть и были не совсѣмъ пріятны ей, показались больше забавны.

— Что за вздоръ! — сказала она, засмѣявшись: — Вы сами говорили мужу, что онъ проѣхалъ въ Римъ, — какія-жъ это посылки наскоро въ Лондонъ, когда человѣкъ ѣдетъ въ Римъ и живетъ тамъ, потомъ въ Парижъ и живетъ тамъ? — Вы говорили мужу, что онъ хотѣлъ проѣхать въ Англію только уже на возвратномъ пути въ Россію?

— Те, те, те! — прошепталъ Рязанцевъ, плутовски прищуривая глаза и потирая руки съ ожесточеніемъ восторга: — Те, те, те! — Черезъ двѣ недѣли по выѣздѣ изъ Россіи доѣхавши до Рима, можно было имѣть время завернуть въ Лондонъ! — Алексѣй Иванычъ ведетъ дѣла похитрѣе насъ грѣшныхъ. Отъ насъ ѣдутъ прямо въ Парижъ, по торной дорогѣ въ Лондонъ, — а у него: поѣхалъ по дорогѣ въ Италію! — Кому интересно слѣдить, какъ онъ поѣхалъ въ Италію? — Свернулъ съ половины дороги, и опять попалъ на нее — все шито и крыто, иголочки не подпустишь! — Да, надо намъ всѣмъ поучиться у Алексѣя Иваныча! — Жаль одного: расходъ слишкомъ тяжелъ! — Такія большія издержки можно дѣлать только въ немногихъ, чрезмѣрно важныхъ случаяхъ.

— Если-бы вы знали, какой вздоръ вы говорите! — И мужъ, и Нивельзинъ расхохотались-бы.

— Вы отстаиваете ихъ очень твердо, но скоро мы произведемъ маленькое слѣдствіе, и получимъ улики; — сказалъ Рязанцевъ, лукаво приморгнувъ: — Нивельзинъ навѣрное зайдетъ сюда, и мы произведемъ ему допросъ! Небольшой допросецъ!

— Такъ вы еще не знакомы съ Нивельзинымъ? — сказала Рязанцева: — А я думала, что и вы хороши съ нимъ. Когда вы взглянули на него, вы пожали плечами, и онъ вспыхнулъ.

— Вѣроятно, онъ понялъ, почему я пожала плечами. И если онъ придетъ сюда, то убѣдится, что я очень люблю дѣлать выговоры.

— За что-жъ вы сдѣлаете ему выговоръ?

— За то, что онъ перемѣнилъ мѣсто.

— Онъ перемѣнилъ мѣсто? Гдѣ-жъ онъ былъ прежде? За кѣмъ онъ смѣлъ волочиться?

— Какъ вы любопытны! — Какъ вы неосторожны! — Вашъ мужъ слушаетъ насъ, вы забыли это.

— Я слушаю, это правда; но ничего не слышу. Я образцовый мужъ.

— Не очень шутите, мой милый мужъ: я въ самомъ дѣлѣ немножко влюблена въ него, не смотря на мои двадцать восемь

лѣтъ. Несчастная! Онъ ни разу не взглянулъ на меня, съ тѣхъ поръ, какъ мы поклонились!

— Творецъ! — почему влюбляются въ такихъ жестокихъ? — патетически сказалъ Мироновъ: — Почему не влюбляются въ меня? — Онъ сталъ утирать кулакомъ глаза: — Влюбитесь въ меня, я не буду жестокъ! У меня чувствительное сердце! — я продолжалъ хныкать, пока не кончился длинный дуэтъ между пѣвцами, которыхъ никому не было охоты слушать. — Онъ недурно поддѣлывался своимъ хныканьемъ подъ ихъ достойные оплакиванья голоса, и заслужилъ то, что три довольно хорошенькія дамы изъ сосѣдней ложи шептали ему: браво! — Онъ раскланивался имъ, прижимая руку къ сердцу, и стискивая ручку своей студенческой шпаги, бросалъ такіе свирѣпые взгляды на двухъ мужчинъ, бывшихъ въ той ложѣ, что и они расправили свои оффиціальныя лица.

— Я устала сидѣть; — сказала Рязанцева, когда кончился первый актъ: — Пойдемъ ходить по корридору.

— Пожалуй, отвѣчала Волгина.

Онѣ успѣли сдѣлать лишь нѣсколько шаговъ, Нивельзинъ уже взбѣжалъ въ ихъ корридоръ. — Онъ подошелъ къ Рязанцевой, сказалъ, что пріѣхалъ только вчера, что множество дѣлъ не позволило ему сдѣлать еще ни одного визита, что по этому Рязанцева должна извинить его.

Рязанцевъ шелъ позади, съ Мироновымъ. Онъ крякнулъ дѣловымъ образомъ, чтобы заставить его оглянуться, и сказалъ:

— А съ Алексѣемъ Иванычемъ Волгинымъ вы уже видѣлись?

— Да, я видѣлъ его.

— Хе, хе, хе, — вы видѣлись съ нимъ! — Рязанцевъ лукаво приморгнулъ: — Мы не въ претензіи; — продолжалъ онъ серьезно и одобрительно: — Важныя дѣла прежде мелкихъ. Мы понимаемъ, что вы должны были увидѣться съ нимъ первымъ.

Добрякъ торжествовалъ: онъ сдѣлалъ „маленькій допросецъ“ и „получилъ улику“. — Волгина не могла оставить этого такъ: Нивельзинъ, конечно, относилъ слова Рязанцева къ дѣйствительнымъ причинамъ своего сближенія съ ея мужемъ. Надобно было показать ему, что Рязанцевъ ничего не знаетъ.

— Скажите, Нивельзинъ, гдѣ видѣли вы моего мужа?

Нивельзинъ посмотрѣлъ на нее изумленными глазами.

— Скажите Григорію, гдѣ видѣли вы моего мужа. Онъ воображаетъ, будто вамъ было поручено видѣть его тотчасъ-же по пріѣздѣ въ Петербургъ.

— Я видѣлъ m-r Волгина сейчасъ, здѣсь, въ театрѣ; мы встрѣтились совершенно случайно.

Рязанцевъ былъ сраженъ. Но въ тотъ-же мигъ на его лицѣ выразилось пониманіе, довольство и съ тѣмъ вмѣстѣ уваженіе, близкое даже къ благоговѣнію.

— Не спрашиваю больше; — сказалъ онъ, таинственно понижая голосъ: — Вы не искали другъ друга. Вамъ не было надобности видѣться. Вы встрѣтились въ оперѣ совершенно случайно. Какія дѣла могутъ быть въ оперѣ? О чемъ можно говорить въ оперѣ? — Чья-бы ни была эта мысль, я выражаю свое уваженіе къ этому человѣку и молчу.

Конечно, онъ понялъ, что Волгинъ ведетъ свои дѣла еще искуснѣе, нежели предположилъ онъ по отправленію агента въ Лондонъ черезъ Австрію. — Волгиной было важно только то, чтобы Нивельзинъ не считалъ нарушенной тайну своихъ отношеній къ Савеловой. Нивельзинъ могъ видѣть, что Рязанцевъ толкуетъ о rendez-vous, нисколько не похожихъ на любовныя. Этого было довольно для Волгиной. Теперь Нивельзинъ самъ постарается заставить Рязанцева высказать ему свое предположеніе и съумѣетъ объяснить ему вздорность этой фантазіи.

— Хе, хе, хе! — Я молчу. Оставимъ это. Не любопытствую, что привезли вы Алексѣю Иванычу; — продолжалъ Рязанцевъ таинственнымъ шопотомъ: — Но что-же вы привезли мнѣ? Только поклоны? Или и порученія? — Какъ поживаютъ? Скучаютъ по родинѣ?

— Къ вамъ есть письма. Въ нихъ ничего особенно важнаго. Я не зналъ, что найду васъ здѣсь, и ихъ нѣтъ при мнѣ. Привезу завтра поутру. Но мы поговоримъ съ вами, когда взойдемъ въ ложу. — Нивельзинъ бросилъ Рязанцева и подошелъ къ Рязанцевой: — Я имѣю вамъ сказать нѣсколько словъ, Анна Александровна.

— По секрету? Что подумаетъ мой мужъ? — Предупреждаю васъ, Лидія Васильевна: это страшный вѣтренникъ, — по крайней мѣрѣ былъ вѣтренникъ прежде, нежели сдѣлался моимъ постояннымъ поклонникомъ, — и рекомендую: Нивельзинъ.

— Мы немножко знакомы; — сказала Волгина, подавая ему руку: — И когда вы разскажете ваши секреты Аннѣ Александровнѣ, я также по секрету сдѣлаю вамъ выговоръ.

Рязанцева пошла тише.

— Кто это? — тихо спросилъ Нивельзинъ, когда они отстали на нѣсколько шаговъ.

— Вы могли видѣть изъ разговора кто она: madame Волгина; я назвала вамъ и ея имя: Лидія Васильевна.

— Прежде нежели я подошелъ къ вамъ, я очень хорошо зналъ, что это не можетъ быть madame Волгина; я прошу васъ сказать кто она?

— Вы съума сошли, Нивельзинъ?

— Это очень можетъ быть. Тѣмъ меньше надобности дурачить меня. Ради бога: кто она?

— Васъ дурачатъ? — Рѣшительно вы сошли съума.

Онъ промолчалъ съ терпѣливою досадою человѣка, который предоставляетъ желающимъ мистифировать его убѣдиться, что онъ слишкомъ ясно понимаетъ мистификацію.

— Да увѣряю-же васъ, это madame Волгина. — Вы даже не удостоиваете меня отвѣта? — Если-бы вы знали, какъ очевидно, что вы сошли съума! — Спросите у нея, если вамъ неугодно вѣрить мнѣ. — Лидія Васильевна, — сказала она громче: — Угадайте, о чемъ мы говоримъ?

— О чемъ, не знаю; о комъ, это понятно: обо мнѣ.

— Онъ вообразилъ, что вы не можете быть Лидія Васильевна Волгина.

— Почему-же не могу?

— Спросите у него сами. Меня онъ даже не удостоиваетъ спора: такъ твердъ въ помѣшательствѣ. — Рязанцева, смѣясь, пошла рядомъ съ мужемъ и Мироновымъ.

— Вы думаете, Нивельзинъ, что мы сговорились мистифировать васъ? — Правда, вы могли видѣть, что мы много смѣялись послѣ того, какъ вы перешли въ кресла. Но вы ошибаетесь. Вы видите, они вовсе и не воображали, что мой мужъ былъ здѣсь. Значитъ, они не смотрѣли въ ту сторону и не видѣли васъ тамъ. Они ничего не замѣчали, Нивельзинъ.

— Я вовсе не зналъ, смѣялись-ли вы и они, послѣ того, какъ я перешелъ въ кресла.

— Ваша правда, — вы, поклонившись имъ, держали себя очень умно. Зачѣмъ давать людямъ смѣяться надъ собою? — Мнѣ было-бы досадно, если-бы могли смѣяться надъ вами. — А теперь, Нивельзинъ, они смѣются: держать себя умно, — и вдругъ начать фантазировать такъ, что они видятъ, вы влюблены какъ юноша! — Это совершенно лишнее, Нивельзинъ, чтобы они смѣялись надъ вами.

— Могутъ-ли они не смѣяться, когда они согласились участвовать въ томъ, чтобы мистифировать меня?

— Вы забываете, Нивельзинъ, что если Рязанцева дружна съ вами, то я еще не была знакома. Это было-бы слишкомъ много уступать чужому желанію, если-бы я согласилась, чтобъ она пользовалась мною для мистификаціи. Да и могла-ли я полагать, что вы не знаете меня въ лицо? — Правда, теперь вы заставили меня вспомнить, что вы тогда не замѣтили поклонъ моего мужа, — не видѣли ни его, ни меня; — правда, эта гадкая женщина затворила гостинную, гдѣ я сидѣла, и вы, проходя черезъ залъ, опять не могли видѣть меня; — но не могли-же такія мелочи оставаться у меня въ свѣжей памяти столько времени, — я со-

вершенно не вспоминала ихъ, и мнѣ думалось, что и вы видѣли тогда меня, — потому что я видѣла васъ. — Теперь, надѣюсь, вы убѣждены, что дама, пославшая вамъ свою перчатку, была я?

— Я вижу, что вы пользуетесь полною довѣренностью madame Волгиной. Вы ея сестра, потому что вы знали, что я еще не былъ у нихъ по пріѣздѣ, — вы живете вмѣстѣ съ ними. Вы ея сестра, или близкая родственница.

— О, если-бы мой мужъ слышалъ это! — Онъ разогналъ-бы весь театръ своимъ хохотомъ. Но я скажу вамъ, что я прощаю вамъ только потому, что вы мало знаете меня: если-бы madame Волгина имѣла сестру, она могла-бы разсказывать сестрѣ свои тайны, а не чужія.

— Не смѣйтесь надо мною; — сказалъ онъ печально.

— Вы могли замѣтить, что я сдѣлалась очень серьезна, потому что вы нѣсколько разсердили меня: я могла-бы разсказать кому-нибудь чужую тайну! Нѣтъ, я не похожа на вашего Рязанцева, который все знаетъ и все говоритъ. Я не могу ничего говорить, потому что я ничего не знаю. — Вы поняли, что онъ знаетъ? — Вы были посланы моимъ мужемъ въ Лондонъ съ важными секретными порученіями! — Выбейте у него изъ головы эту глупость, прошу васъ. Я не могла продолжать разговора съ нимъ объ этомъ; я не могла говорить о вашемъ отъѣздѣ: я не могу понимать причинъ вашего отъѣзда, не могу дѣлать никакихъ предположеній. Объясните ему какъ-нибудь вашъ отъѣздъ, и главное, докажите ему, что вы проѣхали прямо въ Италію; отдайте ему отчетъ о каждомъ днѣ, каждомъ часѣ вашего времени на пути отъ Петербурга до Рима, откуда вы писали ему.

— Я сдѣлаю это; но умоляю васъ, скажите ваше имя; скажите, какъ вы родственница madame Волгиной или monsieur Волгину? кто вы?

— Боже мой, да бросьте-же вашу выдумку, будто васъ мистифируютъ. Убѣдитесь хоть тѣмъ, что нашъ разговоръ принялъ такое серьезное направленіе, при которомъ шутка была-бы совершенно некстати.

— Вы нарочно дали ему такое направленіе, чтобы я сдѣлался легковѣрнѣе. И въ самомъ дѣлѣ, вы сказали мнѣ столько подробностей о дѣлѣ, которое знали только madame Волгина и m-r Волгинъ, вы такъ сильно говорили о томъ, что надобно сдѣлать для безопасности m-r Волгина, что я, конечно, видѣлъ-бы въ васъ madame Волгину, если бы не зналъ, что вы не можете быть ею.

— Почему-жъ это я не могу быть сама собою? — Какъ ни была я серьезна, вы начинаете опять заставлять меня смѣяться. Почему-же вы знаете, что я не я?

— Я знаю, что m-r Волгинъ женатъ уже три года. Дама, ко

торая три года замужемъ, не можетъ имѣть семнадцати лѣтъ. Раньше шестнадцати не вѣнчаютъ.

— А, это я слышу иногда, что даютъ мнѣ меньше лѣтъ, нежели я имѣю. Меня могли-бы повѣнчать семь лѣтъ тому назадъ, если-бы я вздумала, потому что, похвалюсь вамъ, семь лѣтъ тому назадъ у меня были женихи.

— Вы хотите увѣрить меня, что вамъ двадцать три года!

— Мнѣ такъ непріятны эти слова „двадцать три года“, что я старалась обойти ихъ. Но увы! Это правда, Нивельзинъ, мнѣ уже двадцать три года!

— Вы мало приготовились отвѣчать на вопросы, и стали говорить болѣе невѣроятныя вещи, нежели требовала необходимость. Вы могли-бы сказать, что вамъ девятнадцать лѣтъ; тогда, хоть-бы съ трудомъ, еще можно было-бы вѣрить.

— Желала-бы сказать, Нивельзинъ; къ сожалѣнію, не могу. Впрочемъ, если хотите, думайте, что мнѣ девятнадцать лѣтъ, — это было-бы очень пріятно мнѣ; — пожалуй, хоть семнадцать, хоть шестнадцать — тѣмъ лучше.

— Кромѣ того, что вы не имѣете столько лѣтъ, сколько должна имѣть madame Волгина, — она живетъ въ Петербургѣ три года, — я знаю, m-r Волгинъ живетъ здѣсь уже три года; — а вы пріѣхали въ Петербургъ очень недавно. Въ прошлый сезонъ васъ не было въ Петербургѣ.

— Вы раздѣляете мнѣніе моего мужа, что всѣ должны смотрѣть на меня? — Она засмѣялась. — Мнѣ очень нравится это мнѣніе. Но не доводите его до такой крайности, какъ мой мужъ, чтобы не быть смѣшнымъ какъ онъ. — Вы не замѣтили чѣмъ онъ занимался здѣсь? — Разсматривалъ всѣхъ дѣвушекъ и молодыхъ дамъ, чтобы сказать мнѣ, что вотъ, онъ пересмотрѣлъ всѣхъ, и что я лучше всѣхъ. О, боже мой, я не видывала такого смѣшнаго мужа! — Она опять засмѣялась. — Почему Петербургъ не могъ прежде исполнять обязанность, которую возлагаетъ на него мой мужъ, объясняется очень легко. Въ первую зиму у насъ съ мужемъ не было денегъ. Я должна была продать даже тѣ пять-шесть шелковыхъ платьевъ, которыя привезла съ собою. Я не охотница входить въ общество, когда у меня нѣтъ денегъ, чтобы быть одѣтой не хуже другихъ. Потомъ, я не могла бывать ни въ театрѣ, ни на балахъ, потому что сама кормила Володю. Только съ нынѣшней весны...

— У васъ даже есть сынъ? — Нивельзинъ пожалъ плечами.

— Есть. — Она засмѣялась. — Но послушайте, Нивельзинъ, — стала она говорить опять серьезно: — Съ тѣхъ поръ какъ я стала понемножку выѣзжать здѣсь въ общество, я успѣла узнать, что молодые люди въ Петербургѣ такіе-же смѣшные, какъ у насъ въ провинціи. Они говорятъ все тоже самое, хоть умѣютъ говорить менѣе избитыми фразами. — Я согласна, что вы умѣете

говорить любезности очень ловко, — и вовсе не хочу скрывать, что поэтому мнѣ было пріятно слушать ихъ. Но довольно. Потому что это пріятно лишь на нѣсколько минутъ, для начала знакомства. Дальше это было-бы скучно. — Лучше, нежели долго слушать любезности, я люблю дѣлать выговоры, — и умѣю дѣлать ихъ длинные, — о, длинные! — Будьте спокойны: придумывать новые обороты любезностей вамъ не понадобится, потому что у насъ не будетъ недостатка въ предметахъ для разговора. — Напримѣръ, скажите, пожалуйста, кто хорошенькая, — очень хорошенькая дѣвушка, подлѣ которой вы сидѣли? — Вы должны знать ее: вы такъ много говорили съ нею. Кто-жъ она? — Вы краснѣете? — Чего вы краснѣете? Того, что вы волочитесь за бѣдною, незнатною? — Или того, что я видѣла, что вы волочились? — О, и въ этомъ случаѣ напрасно. Если-бъ я и не видѣла, я знала-бы, что вы волочились за кѣмъ-нибудь, — не нынѣ, то вчера. Я хочу бранить васъ не за то, что вы волочились. Мой мужъ говоритъ, что волочиться—тяжелое преступленіе. Съ своей точки зрѣнія онъ правъ: онъ ученый, и думаетъ о томъ, какъ надобно было-бы перестроить общество, чтобы люди не вредили другъ другу и не унижались въ собственномъ своемъ мнѣніи. Онъ долженъ строго судить обо всемъ, что дурно. Но я не ученая, я не присвоиваю себѣ права быть такою строгою. Впрочемъ, и онъ говоритъ, что нельзя много винить человѣка, который дѣлаетъ только то, что дѣлаютъ всѣ другіе. Я знаю, что всѣ молодые люди, у которыхъ есть деньги, волочатся за красивыми дѣвушками, которыя бѣдны и беззащитны. Я... — Въ это время грянулъ оркестръ, всѣ пошли въ свои ложи. Она торопливо договорила: — Я не виню васъ. Но я прошу васъ вернуться къ ней. До свиданья. Послѣ я доскажу вамъ.

Онъ шелъ за нею въ ложу.

— Вы сошли съума? Вы воображаете, что это капризъ? Что я говорила это, чтобъ уколоть васъ? — Даже, можетъ быть, по досадѣ, изъ ревности? — Вы могли-бы слышать, что я говорю вовсе не такимъ тономъ. Я просто говорю вамъ, что вы должны сдѣлать. Въ слѣдующій антрактъ вы прійдете. Но если вы смѣете войти въ ложу, я разсержусь. И съумѣю заставить васъ уйти. — Я сказала вамъ: идите къ ней.

Она затворила дверь ложи.

Второй актъ кончился. — Пойду, посмотрю, живъ-ли мой Нивельзинъ, — сказала Волгина.

— Что значитъ любить человѣка! Предполагаешь всякія бѣды съ нимъ, если онъ не на глазахъ! — А вотъ я, такъ увѣренъ,

что онъ не умеръ, потому что слышу, давно кто-то все ходитъ мимо ложи по корридору.

— Позвольте мнѣ съѣздить купить новые сапоги и поднести ихъ ему отъ вашего имени, Лидія Васильевна; — сказалъ Мироновъ.

— Надумались, Нивельзинъ, — поняли, что я вовсе не сердилась на васъ, а просто говорила, какъ вамъ слѣдуетъ сдѣлать? Или еще не поняли? — По крайней мѣрѣ, видите, что теперь я говорю нисколько не сердясь? А теперь, было-бы гораздо больше поводовъ сердиться. Какъ вы смѣли не послушаться меня? — Предупреждаю васъ, я очень не люблю, когда не слушаются меня. Потому что я не люблю приказывать; и если приказываю, то, значитъ, считаю необходимымъ приказать.—Гдѣ вы пропадали? Все время сидѣли или бродили по корридору? — Вотъ было-бы хорошо! — Надѣюсь, вы не дѣлали изъ себя такого посмѣшища для капельдинеровъ и ихъ дѣтей? — Надѣюсь вы уходили въ фойе?

— Да, я ходилъ курить; — отвѣчалъ Нивельзинъ, все еще совершенно потерявшійся, какъ ребенокъ передъ гувернанткою, читающею ему мораль.

— Кто она? — Я могла видѣть, что она очень небогата, и привыкла къ тому, что не уважаютъ ее. Но я и не спрашиваю о томъ, какъ барышня съ приданымъ, за которою смотрятъ мать и десятокъ сестеръ, кузинъ, тетокъ, за которую вступилось-бы все общество, если-бы кто вздумалъ топтать ее въ грязь. Я спрашиваю: вы любовникъ ея, или нѣтъ? — Вы пріѣхали вчера; у васъ не было, вѣроятно, времени сдѣлать ее вашею любовницею, — но вы уже дѣлали ей предложенія, или она видѣла, что вы думаете сдѣлать ихъ? — Это почти все равно. — Вы поступили съ нею слишкомъ неделикатно, бросивши ее. Она должна была понимать, почему вы бросили ее. Это обидно, Нивельзинъ. Понимаете-ли вы теперь, почему вы должны были возвратиться къ ней? — Исправьте вашу неделикатность. Если вы хотѣли разстаться съ нею, вы должны были сдѣлать это такъ, чтобы у нея осталось пріятное воспоминаніе о васъ. У нея, бѣдной, не очень много будетъ пріятныхъ воспоминаній, когда прійдетъ ей пора раздумья о жизни, — если еще не пришла.

— Я пойду къ ней... Если вы потребуете, я останусь знакомъ съ нею... Я... я... дурно провелъ мою молодость... Я... я... — Волгина должна была взять его подъ руку, потому что его шаги сдѣлались невѣрны.

— Вамъ надобно успокоиться, Нивельзинъ. Я передамъ васъ Рязанцеву. Онъ горитъ нетерпѣніемъ распрашивать васъ о своихъ лондонскихъ друзьяхъ. А мы съ вами еще будемъ имѣть время наговориться. Я возьму васъ проводить меня домой. Вы

еще юноша, хоть и много повѣсничали. Вы съ перваго взгляда понравились мнѣ. Теперь нравитесь еще больше.

Она присоединилась къ Рязанцевой и Миронову. Рязанцевъ овладѣлъ Нивельзинымъ и повелъ съ нимъ таинственный разговоръ.

Антрактъ кончился. Нивельзинъ удержалъ Миронова, шедшаго въ ложу позади другихъ. — Мироновъ вздрогнулъ отъ неожиданнаго прикосновенія: онъ вовсе не разсчитывалъ, что Нивельзинъ схватится за него, чтобы добиться правды.

— Два слова, Мироновъ. Скажите, пожалуйста, кто эта дѣвушка?

Мироновъ сдѣлалъ очень серьезное лицо. — Madame Рязанцева говорила вамъ, кто эта дама, и разсказывала мнѣ, что вы вздумали вообразить, будто мы сговорились мистифировать васъ. Изумляюсь, какъ пришла вамъ въ голову такая фантазія! — Мироновъ ужаснѣйшимъ образомъ пожалъ плечами.

— Продолжать мистификацію безполезно. Вы не убѣдите меня въ невозможномъ.

— Почему-жъ невозможно, что она madame Волгина? — спросилъ Мироновъ, еще сильнѣе утрируя серьезность.

— Madame Волгиной должно быть, по крайней мѣрѣ, девятнадцать лѣтъ, а ей не можетъ быть больше семнадцати. И она сама совершенно разстроила мистификацію слишкомъ невѣроятными выдумками. Она вздумала сказать мнѣ, что у нея есть сынъ.

— „Невѣроятно!“ — Мало-ли что невѣроятно, и однако-же правда? — „Невозможно!“ — Мало-ли что кажется невозможнымъ? — сказалъ Мироновъ съ величайшимъ пренебреженіемъ къ аргументамъ Нивельзина. — Но чѣмъ усерднѣе утрировалъ онъ свою серьезность, тѣмъ очевиднѣе было Нивельзину, что это притворство.

— Вотъ еще фактъ, Мироновъ. Волгинъ былъ въ оперѣ. Я говорилъ съ нимъ.

— Но, конечно, не сказалъ-же онъ вамъ, что это не жена его?

— Не сказалъ, потому что я не спрашивалъ. Что-же спрашивать человѣка, не жена-ли его сидитъ въ ложѣ, когда въ ложѣ есть свободное мѣсто, а онъ принужденъ покупать у капельдинера позволеніе стоять между лавками?

— Если вы не хотите вѣрить мнѣ, то безполезно обращаться ко мнѣ съ вопросами. До свиданія. Вы и такъ слишкомъ долго задержали меня. Сейчасъ начинается хоръ, котораго я не хочу пропустить.

— Я не пущу васъ, пока вы не скажете мнѣ правду. — Онъ схватилъ Миронова за руку.

Мироновъ сдѣлалъ притворную попытку; почувствовалъ, что онъ

удерживаетъ его руку крѣпко, разсчиталъ, что можно вырваться посильнѣе, сталъ вырываться будто всей силою и притворился побѣжденнымъ, состроивши раздосадованную гримасу.

— Нивельзинъ, вы изломаете мнѣ руку. Пустите-же.

Нивельзинъ видѣлъ, что онъ готовъ покориться, и не отвѣчая, продолжалъ крѣпко держать его руку. — Изъ-внутри театра раздался хоръ. — Мироновъ сдѣлалъ видъ, будто хочетъ вырваться невзначай; но и это не удалось.

— Извольте, я скажу вамъ все, только пустите. Она дѣйствительно madame Волгина, но она вдова. Ея мужъ былъ двоюродный дядя Волгина, котораго вы знаете. Онъ былъ старикъ. Онъ былъ очень друженъ съ ея дѣдомъ. Онъ любилъ ее, какъ родную внуку. Она была сирота и бѣдна. У него было небольшое состояніе. Когда онъ почувствовалъ, что близокъ къ смерти, онъ подумалъ: „сдѣлаю доброе дѣло“. — Онъ былъ принесенъ въ церковь на креслахъ. Его водили вокругъ налоя, поддерживая подъ руки, — лучше сказать, носили. — Повидимому, его поступокъ эксцентриченъ. Но его наслѣдники, родные племянники, — богатые люди, алчные скряги, отчаянные кляузники. Они оспаривали-бы дѣйствительность завѣщанія, если-бы оно было сдѣлано въ пользу посторонней. Ему надобно было, чтобы она была называема въ завѣщаніи его женою. Иначе, я сказалъ вамъ, поднялась-бы безконечная тяжба, которая поглотила-бы все наслѣдство. — Эта свадьба была нынѣ лѣтомъ. Когда она овдовѣла, она пріѣхала къ старшей сестрѣ, — то есть, къ женѣ Алексѣя Иваныча Волгина. — Вотъ вамъ вся правда. — Пустите-же меня.

— Какъ ея имя?

— Софья Васильевна.

— Благодарю васъ, Мироновъ. — Нивельзинъ, задумавшись, пошелъ вверхъ по лѣстницѣ, въ боковыя мѣста.

Мироновъ имѣлъ сильное влеченіе приставить къ своему носу большой палецъ и растянуть другіе, на проводы ему, но удовлетворился тѣмъ, что немножко высунулъ языкъ, и вошедши въ ложу, ждалъ-не дождался пока начнутъ пищать плохіе пѣвцы.

— Лидія Васильевна, знаете кто вы? — Я сдѣлалъ васъ вдовою, и зовутъ васъ Софья Васильевна. Старикъ, другъ вашего дѣда, когда сталъ умирать, велѣлъ нести себя въ церковь, вѣнчаться съ вами, чтобы негодяи, племянники его, не могли отнять у васъ его маленькаго имѣнія.

— Какъ вы могли выдумать такую исторію? — Я очень сердита на васъ.

— Какъ могъ выдумать? — отвѣчалъ онъ, мало пугаясь того, что она сдвинула брови: — Разумѣется, не могъ-бы выдумать въ четверть часа цѣлый романъ; только тѣмъ и ограничились мои труды, что немножко прикрасилъ анекдотъ, который слы-

шалъ въ дѣтствѣ отъ родныхъ: они увѣряли, что былъ когда-то въ ихъ городѣ такой случай. — Напрасно сердитесь: добрые люди смѣются, — видите.

Въ самомъ дѣлѣ, Рязанцевъ хихикалъ и Рязанцева смѣялась.

— Онъ былъ дряхлъ, онъ уже не могъ держаться на ногахъ, и падалъ-бы вотъ такъ, — Мироновъ опустился въ глубинѣ ложи на колѣни: — и голосъ у него дрожалъ, — Мироновъ заговорилъ дрожащимъ стариковскимъ голосомъ: „Сонечка, дружочекъ мой, твой дѣдушка былъ мнѣ другъ; я хочу обезпечить тебя, чтобы ты была свободна, независима“...

— Шутъ! разсмѣшилъ меня; не могу сердиться.

— „Сонечка, дружочекъ мой! — будь моею вдовою! — исполни послѣднюю просьбу умирающаго старца! — Подурачь его! — Не ты, Сонечка, виновата, что ты стала моею вдовою, — онъ самъ сочинилъ твою исторію при помощи шута Миронова. Шутъ Мироновъ не перестанетъ паясничать, пока ты не согласишься на мою послѣднюю просьбу, — и что-же будетъ, если ты не поспѣшишь согласиться? — Вотъ, ты уже смѣешься, а Анна Александровна еще громче, а Григорій Сергѣичъ уже хватается за бока; шутъ Мироновъ доведетъ васъ до хохота, всѣ услышатъ, всѣ осудятъ васъ, подумаютъ: не хорошо хохотать въ оперѣ, когда чувствительные люди плачутъ, и самъ шутъ Мироновъ расчувствовался до слезъ...“ онъ хныкалъ и строилъ гримасы.—Такъ вы будете мистифировать его, Лидія Васильевна! — весело продолжалъ онъ своимъ настоящимъ голосомъ, уже увѣренный въ ея согласіи...

— Въ самомъ дѣлѣ, это будетъ забавно. — Но зачѣмъ-же вы, Мироновъ, сдѣлали меня вдовою? — Я не хочу быть вдовою. — Лучше, вы оставили-бы меня дѣвушкою, какъ онъ воображалъ.

— Нельзя было, Лидія Васильевна: вы слишкомъ смѣлая. И вдову, и замужнюю женщину не скоро найдешь такую. — Невозможно! — Вы не могли-бъ играть роль дѣвушки.

— Вотъ прекрасно! Когда я была дѣвушкою, я была еще смѣлѣе нежели теперь, потому что совершенно не понимала, что такое влюбляться, — безпрестанно воображала, что влюблена, и чувствовала, что это вздоръ. Впрочемъ, это почти совершенно правда: самый глупый вздоръ. Ребячество, забавное ребячество.

— Вотъ за это-то и надобно наказать его, что онъ имѣлъ глупость влюбиться въ васъ, Лидія Васильевна, — сказалъ Мироновъ, полу-шутя, полу-серьезно: — Алексѣй Иванычъ говоритъ правду, что никто не долженъ влюбляться въ васъ. Я вотъ и моложе Нивельзина, а не влюбляюсь. Ему слѣдовало-бы быть умнѣе меня, а не глупѣе. Пожалуйста, проучите его хорошенько. Смѣетъ влюбляться! — Я готовъ поколотить его, ей богу!

— Это будетъ весело, Мироновъ, но я очень недовольна, что

вы хоть въ шутку назвали меня вдовою. Я не хочу быть вдовою. Я буду дѣвушкою.

Она замолчала, и повидимому стала внимательно слушать пѣніе. Но черезъ минуту обратилась къ Миронову и повторила: — Я очень недовольна, Мироновъ, что вы назвали меня вдовою.

Много разъ Мироновъ украдкою заглядывалъ сбоку на ея лицо, продвигаясь къ барьеру ложи, будто-бы для того, чтобы лучше видѣть дѣйствіе на сценѣ. Но ни разу не отважился заговорить.

Опера кончилась. Волгина стала надѣвать шляпу и взглянула на Миронова.

— Что вы такой хмурый? — Думаете, я все сержусь на васъ? — Но вы ужасно разстроили меня, мой милый Петруша.

У Миронова всегда была охота дурачиться. Тѣмъ больше теперь: ему хотѣлось развлечь Волгину. — Лидія Васильевна, пожалуйста, возьмите его съ собою; я увѣренъ, онъ прилетитъ провожать васъ. Вы добрая, Лидія Васильевна: возьмите его съ собою.

— Я уже сказала ему, что беру.

— Вы возьмете его, а я поѣду къ вамъ, поскорѣе, впередъ, подъучить Наташу; и Алексѣя Иваныча, если онъ уже дома. Наташа будетъ называть васъ Софьею Васильевною, скажетъ, что ваша сестрица, Лидія Васильевна, уже легла спать...

— Хорошо, — разсѣянно сказала Волгина, разсѣянно простилась съ Рязанцевыми и поклонилась подходившему Нивельзину. Мироновъ убѣжалъ: — Я очень любезна къ новому знакомому, — сказала она, молча прошедши два или три яруса лѣстницы: Но это и лучше, если вы съ перваго-же нашего знакомства будете знать, что иногда вамъ будетъ скучно со мною... Впрочемъ, я не всегда такая. Обыкновенно, я веселая.

— Я исполнилъ ваше приказаніе.

— Видѣла. — Она опять замолчала.

Она молча дожидалась, пока подъѣдетъ карета; молча сѣла въ нее.

— О, какая тоска! — проговорила она, когда карета выѣхала изъ хаоса экипажей около театра: — Но я не хочу поддаваться ей, хочу быть веселою. Я не люблю тосковать. Говорите что-нибудь смѣшное, Нивельзинъ; заставьте меня смѣяться... Впрочемъ, что-жъ я говорю, чтобъ вы шутили, разсказывали смѣшныя глупости? — Я думаю, ваши мысли спутаны хуже моихъ... Конечно, такъ; потому что вы объясняете мою молчаливость смущеніемъ, раздумьемъ о себѣ и о васъ. Вы должны такъ думать, потому что должны были замѣтить, что очень понравились мнѣ; да если-бъ не замѣтили сами, я уже говорила вамъ. Но я ду-

мала не о себѣ, или о васъ, я думала о моемъ бѣдномъ мужѣ... Ахъ, какая досада! — При васъ, едва знакомомъ, должна утирать слезы! — Какая досада, что въ каретѣ не совершенно темно, чтобы вы не могли видѣть, какъ я смѣшна! — Расплакаться отъ мысли, что я вдова! Это смѣшно! Въ самомъ дѣлѣ, это смѣшно! — Плакать о томъ, что я вдова! — Она засмѣялась. — Будемъ-же говорить что-нибудь веселое, Нивельзинъ; я хочу забыть свои мысли... Что-же вы молчите? — Да, я опять забыла, что у васъ не можетъ быть расположенія смѣяться и смѣшить... Да и я не могла-бы слушать со вниманіемъ, хоть-бы вы стали разсказывать самые смѣшные анекдоты. Лучше будемъ молчать, пока у меня нѣтъ охоты ни говорить, ни слушать.

Она замолчала.

— Вы человѣкъ съ тактомъ, Нивельзинъ; — начала она минутъ черезъ десять: — Вы умѣете молчать, когда лучше всего молчать. Вамъ должна была казаться очень странною моя грусть; вѣроятно, даже смѣшною. Ахъ, я сама желала-бы смѣяться надъ нею!... И буду смѣяться. Алексѣй Иванычъ увѣряетъ, что я боюсь напрасно. Я не знаю, не понимаю, что такое дѣлается у насъ въ Россіи, что выйдетъ изъ этого. Я должна вѣрить ему. Буду вѣрить.

Она опять замолчала и начала спокойнѣе.

— Но у меня есть и свои опасенія за него. Отъ нихъ онъ не можетъ отговорить меня; потому что это я сама понимаю; это можетъ понимать всякій. Какого здоровья можетъ достать надолго при такой работѣ? — Прійдешь поутру звать его пить чай, онъ сидитъ и пишетъ; увѣряетъ, что недавно проснулся; потомъ пьетъ чай, а у самого слипаются глаза: какъ-же повѣрить ему, что онъ спалъ? — Это бываетъ часто, Нивельзинъ; каждый мѣсяцъ. И всегда работаетъ цѣлый день; какъ всталъ, такъ и за работу, — и до поздней ночи. Ни напиться чаю, ни пообѣдать какъ слѣдуетъ, ему некогда. Схватитъ стаканъ и уйдетъ за свою проклятую работу; даже тарелку съ послѣднимъ кушаньемъ уноситъ въ свой проклятый, проклятый кабинетъ. Только и отдыха, если кто прійдетъ къ нему, или ему надобно идти; да и отъ этого иногда только больше горя мнѣ: прошло два, три часа днемъ безъ работы, онъ и сидитъ за нею ночью. Поэтому, даже рѣдко заставляю его идти или ѣхать со мною: думаешь, вмѣсто отдыха сдѣлаешь ему больше изнуренія. Какое здоровье выдержитъ такую жизнь? — „Ничего, голубочка; Я вовсе не такъ много работаю, какъ ты воображаешь“; — я воображаю! — Другой отвѣтъ: „Голубочка, нельзя иначе; и такъ я не успѣваю сдѣлать всего, что нужно“. Безсовѣстный человѣкъ! ему ничего, что онъ огорчаетъ меня!... И для чего онъ убиваетъ себя такою работою? — для того, чтобъ у меня были лишнія деньги! — Ему самому ничего не нужно. Каждый разъ, когда заказы-

ваешь ему новое платье, ссора съ нимъ; запоетъ, заноетъ: „Зачѣмъ, голубочка?“ — „Напрасно, голубочка!“ — и ноетъ, споритъ, пока не разсердитъ меня. Каждый разъ это кончается тѣмъ, что я должна браниться. И это изъ-за всякой мелочи, изъ-за каждаго галстуха, изъ-за теплой фуражки на зиму! — Каждый разъ получаешь огорченіе. Покупаешь ему, радуешься, — нѣтъ, успѣетъ огорчить. Это ужаснѣйшій человѣкъ, съ несноснѣйшимъ характеромъ, совершенно безо всякой совѣсти! — Онъ даже не любитъ ничего. У него достаетъ совѣсти отрекаться ото всего. Онъ не любитъ никакого кушанья; — какъ вамъ нравится это? — И онъ твердъ въ своемъ: нарочно не ѣстъ своихъ любимыхъ блюдъ, какъ только замѣтитъ, что готовишь ихъ для него. — Пока не пойметъ, ѣстъ; только это одно и миритъ съ нимъ, что не догадливъ, ни на что не обращаетъ вниманія, совершенно слѣпой; — пока не замѣтитъ, ѣстъ; замѣтитъ, что кушанье готовится для него, кончено: — „Не хочу, голубочка“. — „Почему не хочешь?“ — „Не нравится, голубочка“. — „Какъ-же не нравится? Ты любишь это“. — „Никогда не любилъ, голубочка: прежде, нравилось; а теперь не нравится“. — Что прикажете дѣлать? — Какъ ни бранишь его, не помогаетъ: не ѣстъ. — Бросаешь, пока забудетъ; забудетъ, опять ѣстъ. Только это хорошо въ немъ, что безпамятенъ и ничего не замѣчаетъ. И хоть-бы не понималъ, что надобно-же готовить что-нибудь; почему-же не быть одному блюду и по его вкусу? Больше одного ему не нужно, и тѣмъ больше все равно, что я ѣмъ все. Толкуешь ему это. Понимаетъ. Но уже такой характеръ. Иногда, замѣтно, онъ и самъ не радъ, что все только огорчаетъ меня. Но не можетъ исправиться. — Какъ не можетъ! — Просто, не хочетъ, потому что въ немъ нѣтъ ни искры стыда, а жалости еще меньше. Говоритъ, что любитъ меня, а хоть-бы сколько-нибудь пожалѣлъ! Огорчаетъ меня каждый день, каждую минуту! — Я не видывала такихъ глупыхъ людей! — Ему жаль, когда сдѣлаешь какой-нибудь расходъ для него, хоть самый маленькій: „зачѣмъ, голубочка?“ — „Не нужно, голубочка!“ — Ему все кажется, что у меня мало удобствъ, — теперь, когда стала выѣзжать, — что у меня мало денегъ на наряды, на развлеченія. Мои платья не нравится ему! — Мои платья! — Каково? — И хоть-бы кто говорилъ, а то онъ, который даже и не отличитъ порядочную матерію отъ самой плохой! — „Голубочка, ты шила-бы себѣ платья получше“. — Можно-ли имѣть платья лучше моихъ? — Скажите, была-ли, напримѣръ, въ оперѣ хоть одна дама или дѣвушка, которая была-бы одѣта лучше меня? — Богаче, почти всѣ, и въ 4-мъ ярусѣ; но лучше, ни одной и въ бель-этажѣ. — Нѣтъ, онъ недоволенъ. Чѣмъ? спросите его, — тѣмъ, что я пошла за него! — Какъ вамъ это нравится? — Замѣтили? онъ глядѣлъ, глядѣлъ на меня, и началъ утирать слезы;

о чемъ? — объ этомъ! — Необыкновенно уменъ! — Какъ будто есть на свѣтѣ женщина счастливѣе меня! — Могъ-бы самъ видѣть, счастлива-ли я; — и видитъ. Но совѣсти нѣтъ у человѣка. Несносный характеръ! Я нисколько не ангелъ; но онъ и ангела вывелъ-бы изъ терпѣнія! Я не понимаю, что это за глупый человѣкъ!... Потому я вышла за него, что видѣла какой это человѣкъ. Онъ не думалъ объ этомъ; совѣтовалъ мнѣ идти за другаго. Ахъ, сколько надоѣдалъ онъ мнѣ этими просьбами: „идите за него, идите за него“, — надоѣлъ, надоѣлъ... „Не пойду“, сказала ему. — Нѣтъ, свое: „идите“. — Тотъ его другъ, мой женихъ, былъ очень похожъ на васъ, Нивельзинъ. Разумѣется, понравился мнѣ. Но я увидѣла, что съ моимъ характеромъ нельзя идти замужъ: всѣ мужчины воображаютъ, Нивельзинъ, что они умнѣе и благоразумнѣе насъ, что они должны управлять нами. Я рѣшилась не идти замужъ ни за кого. Мужчины не умѣютъ только любить, Нивельзинъ. Они хотятъ господствовать. Они слишкомъ глупы, они дикари, Нивельзинъ. Не будьте такимъ, когда женитесь...

Она замолчала.

— Вы не знаете, Нивельзинъ, какой это человѣкъ! — И никто еще не знаетъ! Только я одна знаю это. Я давно узнала это; хоть я и не ученая, и не видывала тогда ученыхъ людей. Я увидѣла это изъ первыхъ-же нашихъ разговоровъ, хоть они были пустые, хоть, разумѣется, онъ не могъ говорить со мною ни о чемъ ученомъ: я не поняла-бы, какъ и теперь не понимаю; и не слушала-бы, какъ и теперь не слушаю. Но это было видно мнѣ. Я узнала, какой это человѣкъ; тогда всѣ думали, что онъ пролежитъ весь свой вѣкъ на диванѣ съ книгою въ рукахъ, вялый, сонный. Но я поняла, какая у него голова, какой характеръ! — потому что безъ его характера, даже и при его умѣ, ему нельзя было-бы такъ понимать всѣ эти ученыя вещи. Я, неученая, увидѣла это изъ первыхъ разговоровъ, пустыхъ, обо мнѣ, о пустякахъ, о моемъ счастьи, — я увидѣла, какая разница между нимъ и другими! — И ошиблась-ли я? — Вы знаете, какъ теперь начинаютъ думать о немъ. Но его время еще не пришло, они еще не понимаютъ его мыслей; — пріѣдетъ его время, тогда заговорятъ о немъ! — И пусть будетъ съ нимъ и со мною, что будетъ! Я хочу, чтобъ о моемъ мужѣ говорили когда-нибудь, что онъ раньше всѣхъ понималъ, что нужно для пользы народа, и не жалѣлъ для пользы народа — не то, что себя — велика важность ему не жалѣть себя! — не жалѣлъ и меня! — и будутъ говорить это, я знаю! — и пусть мы съ Володею будемъ сиротами, если такъ нужно!

Она замолчала и задумалась.

— О, боже мой, какъ я разговорилась; — начала она послѣ долгой паузы: — Вамъ должно было быть смѣшно слышать это

отъ женщины; отъ женщины неученой, которая не понимаетъ ничего въ ученыхъ вещахъ и не думаетъ о нихъ. Вообще, я и не говорю о нихъ. Но я была взволнована, Нивельзинъ; а вы такъ понравились мнѣ, да и мой мужъ очень хвалитъ васъ, и видно, что мы будемъ очень дружны; — я чувствовала, что могу говорить какъ будто не съ чужимъ. — А вы, вѣроятно, ждали не такого разговора? — Думали, что я стану вызывать васъ на любезности? — Конечно, такъ. Потому что вы думали волочиться за мною. Впрочемъ, вы сами не знали; что вы думали: вы такъ влюбились, что не могли думать. Но нечего жалѣть вамъ, что я не была въ настроеніи слушать любезности. Въ нихъ нѣтъ надобности: я уже сказала вамъ, что вы нравитесь мнѣ. Волочиться — совершенно лишнее, когда вы уже услышали, что вы нравитесь.

— Я не думалъ волочиться за вами; — сказалъ Нивельзинъ: — Я не думалъ, что М-г Волгинъ вашъ мужъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, я совершенно забыла, что вы вообразили, будто васъ мистифируютъ, а повѣса Мироновъ воспользовался этимъ и наговорилъ вамъ вздора, чтобы послѣ намъ всѣмъ вмѣстѣ посмѣяться. Ахъ, какъ жаль, что я забыла! — И все оттого, что Мироновъ разстроилъ меня этимъ гадкимъ словомъ „вдова". — Какъ жаль, что я забыла! — было-бы такъ весело! — и сколько мы съ вами смѣялись-бы послѣ! — А пока я не раздумалась, не раздумалась, и не стала совсѣмъ грустная, я хотѣла продолжать шутку. Разумѣется, я не осталась-бы вдовою, была-бы дѣвушкою. Стоило только сказать, что моя свадьба съ этимъ старикомъ—невѣрный слухъ; что правда, все было готово къ вѣнчанію, но женихъ мой умеръ, когда его несли въ креслахъ вѣнчаться; что я не имѣю права носить его фамилію; но изъ признательности къ нему, за доброе намѣреніе люблю, чтобы меня называли такъ; потому, знакомые и называютъ Волгиною, хоть настоящая моя фамилія — Платонова; Мироновъ не слышалъ ея, слышалъ, что всѣ зовутъ меня Волгиною, потому и ошибся. И вы опять вѣрили-бы всему, и это было-бы очень весело! — И вы сдѣлали-бы мнѣ предложеніе, — и какъ мы съ вами смѣялись-бы!.. Или, можетъ быть, я теперь мистифировала васъ, называя Алексѣя Ивановича моимъ мужемъ? Можетъ быть, я остаюсь вдовою? — Пожалуй, остаюсь: теперь я смѣюсь надъ своимъ страхомъ.

— Мое положеніе чрезвычайно странно; — проговорилъ Нивельзинъ.

— Почему?

Нивельзинъ молчалъ.

— Почему-же? — Я не понимаю на что вы сердитесь. Вы могли-бы быть разочарованы, раздосадованы, если-бы вздумали,

что не нравитесь мнѣ. Но я сказала и говорю: нравитесь; очень нравитесь.

— Именно потому я и называю свое положеніе чрезвычайно страннымъ.

— Вотъ это мило! — Вамъ непріятно, что вы нравитесь мнѣ?

— Вы любите вашего мужа.

— О, боже мой! — проговорила Волгина, засмѣявшись: — О, боже мой! — повторяла она, переводя духъ отъ смѣха: — О, боже мой! — Я люблю моего мужа! А вамъ хотѣлось-бы, чтобы я не любила его? — Посмотрю, посмотрю, какъ это вы сами не будете любить его, когда хорошенько познакомитесь съ нимъ! Но позвольте спросить, съ чего вы взяли, что я люблю его? — Я вовсе не говорила этого. Напротивъ, жаловалась вамъ на него, называла его человѣкомъ несноснѣйшаго характера, разсказывала, что безпрестанно браню его.

— Вы смѣетесь надо мною. Я не привыкъ быть предметомъ насмѣшекъ.

— Я вижу, съ вами надобно говорить, какъ съ наивнѣйшимъ юношею, какъ съ маленькимъ ребенкомъ, — сказала Волгина уже совершенно серьезно: — Я такъ и думала, что вы юноша, не смотря на всѣ ваши волокитства и побѣды. Но не воображала, что вы юноша до такой степени. Вздумайте, кстати, обидѣться также и этимъ. Надъ своею досадою вы сами скоро будете смѣяться. Надъ нею я смѣюсь, но только надъ нею. Это не значитъ, что я смѣюсь надъ вами. За что-же я стала-бы смѣяться надъ вами? — За то, что вы влюбились въ меня? — но что-же тутъ смѣшнаго? — ровно ничего. Было-бы очень глупо смѣяться надъ вами, если-бы вы и не нравились мнѣ. Но вы нравитесь. Поэтому, я нахожу прекраснымъ, что вы влюбились въ меня: вы не будете скучать быть у насъ очень частымъ гостемъ, — скоро и не гостемъ, а своимъ. А я хочу этого. Видите-ли, какъ просто объясняется все? Поняли, что вамъ нечѣмъ было обижаться?

Нивельзинъ молчалъ.

— Неужели надобно толковать вамъ еще подробнѣе? — Очень жаль, что съ нами нѣтъ Алексѣя Иваныча. Я попросила-бы его говорить. Онъ охотникъ разсуждать обо всемъ, что должно быть понятно безъ всякихъ разсужденій. А я скучаю такими лекціями. Но для васъ, такъ и быть, стану объяснять, потому что вы очень понравились мнѣ съ перваго-же взгляда, а теперь я думаю, что даже серьезно полюблю васъ, потому что вы держали себя какъ умный человѣкъ: не театральничали, не декламировали, хоть вамъ было очень досадно. — Слушайте-же. — Что общаго между мною и Алексѣемъ Ивановичемъ? — Только то, что онъ всею душою любитъ меня, а я не могу не чувствовать очень сильнаго расположенія къ нему за это. Но то, что занимаетъ

его, непонятно и скучно мнѣ; то, что интересуетъ его, заставляетъ меня зѣвать. Онъ ученый; я не читала почти ничего серьезнаго; не читаю даже того, что онъ пишетъ: пробовала нѣсколько разъ, потому что люблю его, но всегда бросала на первыхъ страницахъ. Онъ говоритъ: это потому, что онъ пишетъ очень дурно, растянуто; можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ онъ пишетъ скучно; но я бросала его статьи просто потому, что предметы ихъ не занимательны для меня. Его жизнь — совершенно кабинетная; о чемъ онъ сталъ-бы разсказывать мнѣ? — не о чемъ, кромѣ какъ о томъ, что онъ читаетъ и пишетъ. Это скучно мнѣ. — Я всегда имѣю много разсказывать ему: я не сижу въ заперти какъ онъ. Онъ слушаетъ меня и не скучаетъ; но только потому, что ему нравится слушать меня; но слушаетъ, и самъ не слышитъ, а если и слышитъ, черезъ минуту забываетъ; потому что, какую-же занимательность имѣютъ для него мои прогулки и выѣзды, покупки, наряды, танцы, моя болтовня съ молодыми людьми? - Вамъ будетъ смѣшно, пока вы не привыкнете: онъ не знаетъ въ лицо многихъ изъ молодыхъ людей, которые бываютъ у меня: обѣдаетъ съ ними, пьетъ чай, — и все таки не знаетъ тѣхъ изъ нихъ, которые не пускаются въ ученые разговоры съ нимъ. Онъ разсѣянъ и невнимателенъ.

Карета остановилась.

— А, пріѣхали! - - Что-же вы думали сдѣлать, Нивельзинъ? Идти къ намъ, или раскланяться у двери подъѣзда и уйти, чтобъ никогда не возвращаться? — Увы, мой милый Нивельзинъ: рѣшеніе не зависитъ отъ вашей воли. Вы должны помочь мнѣ взойти на лѣстницу. И предупреждаю, это будетъ не очень легко для васъ, потому что, когда иду на лѣстницу, я опираюсь на руку моего кавалера очень солидно. Бѣдныя мои ноги все еще слабы. Въ прошлую зиму, я думаю, я еще не могла-бы танцовать. Я была очень больна послѣ того, какъ родился Володя. Хорошо-ли онъ спитъ безъ меня, мой милый? — Ахъ, Нивельзинъ, если-бы дѣти знали, сколько болѣзней, страданій переносятъ матери! — Ваша мать жива, Нивельзинъ? Вы любите ее?

— Она жива. Я очень люблю ее.

— Почему-же вы живете не вмѣстѣ съ нею? Она закоснѣлая провинціалка и не любитъ Петербурга?

— Да. Въ деревнѣ она окружена родными.

— Вы давно были у нее?

— Два года.

— Два года! — Не хорошо, Нивельзинъ: — Вамъ надобно было-бы проѣхать изъ-за границы къ ней. — Устала рука или нѣтъ? — Я думаю! — Бѣдныя мои ноги! Но все-таки я уже танцую почти такъ-же легко, какъ прежде. Но бѣгать, прыгать по прежнему я не могла-бы; можетъ быть, уже и не хотѣлось-бы, если-бы

могла; не знаю. Когда-то мнѣ можно будетъ опять ѣздить верхомъ? — Этого я не разлюбила. Но въ нынѣшнее лѣто еще не рѣшалась. Посмотримъ на слѣдующее лѣто, хорошо-ли вы ѣздите. — Прошу; будете гость, пока не привыкнете считать себя не чужимъ у насъ. — Она ввела его въ дверь.

— Лидія Васильевна уже легли почивать и просили васъ, Софья Вас... — начала Наташа.

— Уже нечего разсказывать о Лидіи Васильевнѣ; онъ знаетъ, что Лидія Васильевна — я. А гдѣ Мироновъ? Позови его; пусть будетъ вмѣсто хозяина и хозяйки, пока выйду въ гостинную. Терпѣть не могу корсетовъ, Нивельзинъ. Идите прямо, потомъ на лѣво.

— Моя, или вѣрнѣе, ваша собственная мистификація уже разрушилась? — Очень жалѣю; — сказалъ Мироновъ, выходя въ гостинную къ Нивельзину.

— Я не понимаю этой женщины, Мироновъ.

— Это просьба, чтобъ я помогъ вамъ понять ее? — Ждите отъ меня помощи, когда я желаю вамъ провалиться сквозь землю! — За что? — За то, что вы вздумали нынѣ отправиться въ оперу. За слѣдующее нельзя винить васъ. Но почему-бы вамъ не во французскій театръ, если уже не сидѣлось дома?

— Вы бранитесь, Мироновъ; вы не бранились-бы, если-бы знали, о чемъ мы говорили; — лучше сказать, она говорила, потому что я только слушалъ, а чувствовалъ себя въ отчаянно-глупомъ положеніи.

— Очень любопытно мнѣ знать, что она говорила вамъ! — я думаю только о томъ, что она теперь будетъ говорить мнѣ чаще прежняго! — Вы чувствовали себя въ глупѣйшемъ положеніи! — Очень нужно мнѣ ваше удостовѣреніе, чтобы знать это! Я полагаю, что лучше всего будетъ намъ заняться исключительно куреньемъ: мнѣ, чтобъ не продолжать браниться; вамъ, чтобъ не смѣшить меня. — Онъ закурилъ и сталъ ходить, заложивъ руки за спину.

Наташа принесла чай. На подносѣ, кромѣ стакановъ для Миронова и Нивельзина, была чашка.

— Лидія Васильевна скоро прійдетъ? — спросилъ Мироновъ.

— Я сказала ей, что несу чай; она сказала „иду“. — Наташа ушла.

— Что-же вы не пьете, Нивельзинъ? — сказалъ Мироновъ черезъ минуту: — Я слышалъ, что влюбленные не ѣдятъ; но пить чай, если не ошибаюсь, могутъ. — Или вамъ хотѣлось-бы съ ядомъ вмѣсто сливокъ? — На ваше горе нѣтъ при мнѣ мышьяку, а то не отказалъ-бы.

— Неужели вы сами не влюблены въ нее, Мироновъ? — Влюблены въ нее, это видно.

— Такая догадливость дѣлаетъ честь вашему сумасшествію.

Вошла Наташа, взяла чашку и выпитые стаканы; опять принесла чай Миронову и Нивельзину, и опять чашку.

— Что-же, Лидія Васильевна скоро пріѣдетъ? — спросилъ Мироновъ.

— Я сказала ей, что иду перемѣнить стаканы; не перемѣнить-ли ея чашку, или подождать, чтобъ и эта не остыла? Она сказала: „Нѣтъ перемѣни; я сейчасъ иду".

— Что-жъ не идетъ? что тамъ дѣлаетъ? Готовитъ закуску?

— Господи! — Я думаю, сама положу сыръ, ветчину, сама знаю какъ открывается коробочка съ сардинками! — Что она? — Извѣстно, подошла да и стоитъ; „иду", да и стоитъ.

— Подошла къ Володѣ?

— Ахъ ты, господи! — Точно не по русски говорю вамъ! — Двое у нея дѣтей, что-ли, что спрашиваете? — Извѣстно, къ Володѣ. Онъ спитъ, она глядитъ. — Наташа ушла.

— Должно быть, Нивельзинъ, что Володя тутъ только предлогъ; а не выходитъ она потому, что все не можетъ успокоить своего волненія: ужъ очень влюблена въ васъ.

— Послушайте, Мироновъ: она любитъ мужа; какъ-же вы ревнуете ее?

— А вотъ какъ: она можетъ имѣть къ своему мужу какія ей угодно чувства, а я чувствую охоту поколотить васъ! — Мироновъ стукнулъ кулакомъ по столу.

— Что вы стучите, повѣса? — Смотрите, разбудите у меня Володю! — Я васъ тогда!.. — Волгина вошла въ блузѣ. — Любезная хозяйка, Нивельзинъ, — совсѣмъ бросила васъ. Но привыкайте къ моему характеру. Вотъ поэтому не могу сближаться съ дамами, даже съ тѣми, которыя сами по себѣ нравились-бы мнѣ, напримѣръ, Рязанцева. Съ ними слишкомъ много церемоній: пріѣдешь, садись на опредѣленное мѣсто, сиди смирно, говори какъ принято; она пріѣдетъ, какъ бросить ее? — какъ уйдешь въ кухню, въ дѣтскую?

— Дружба между дамами гораздо рѣже, нежели между мужчинами; — замѣтилъ Нивельзинъ: — Насъ связываютъ дѣла, одинаковость образа мыслей. У женщинъ, у каждой, своя отдѣльная жизнь: личная, семейная; общественныя связи не охватываютъ ихъ. — Я почти незнаю примѣровъ дружбы...

— До свиданья, Лидія Васильевна; мнѣ уже давно хотѣлось уйти; — перебилъ Мироновъ: — Только не смѣлъ безъ васъ, чтобы вы не бранились, что бросилъ Нивельзина.

— Вижу, Мироновъ, что вы злитесь на него. Угадываете, что теперь гораздо чаще прежняго буду прогонять васъ заниматься дѣломъ?

Мироновъ поцаловалъ ея руку, пошелъ, но вернулся, подошелъ къ окну, пробормотавши: „чуть не забылъ! А Даша пріѣдетъ зав-

тра поутру!“ — и схватилъ съ окна небольшую плоскую картонку. Движеніе было порывистое, крышка приподнялась, выскользнула и сама картонка упала. Цвѣты, ленты разсыпались по полу. — Мироновъ зацѣпилъ, какъ попалось, первые, какіе подвернулись, чтобы пихнуть назадъ въ коробку.

— Осторожнѣе, все испортите. Кладите на окно. Въ картонку уложу сама. — Волгина подошла къ окну, стала укладывать. — Идите, спросите у Наташи веревочку, завязать получше. А то, съ вашею досадою, еще разроняете по дорогѣ. — Мироновъ принесъ веревочку. Волгина завязала картонку. Онъ опять поцаловалъ руку и ушелъ.

Нивельзинъ внимательно всматривался въ цвѣты и ленты, которые подбиралъ Мироновъ, и лицо его прояснилось: онъ долженъ былъ замѣтить, что ленты нѣсколько помяты; вѣроятно, онъ убѣдился изъ этого, что Даша никакъ не сестра Миронова: Волгина не могла дарить сестрѣ своего пріятеля уборы, которые бросила и могла бы отдать своей горничной.

— Мнѣ кажется, я начинаю нѣсколько понимать васъ; — сказалъ онъ, проводивъ глазами Миронова.

— Понимать меня вовсе не трудно: надобно только понимать въ самомъ простомъ и прямомъ смыслѣ все, что я говорю.

— Именно поэтому-то и очень трудно понять васъ: вы слишкомъ не похожи по характеру на другихъ женщинъ.

— Мой мужъ говоритъ: это потому, что всѣ онѣ такъ или иначе, невольницы. Онъ говоритъ, что я никогда не могла-бы стать похожа на невольницу. Не знаю; онъ слишкомъ любитъ меня; поэтому, какъ говоритъ со мною обо мнѣ, фантазируетъ до смѣшнаго.

— И вы, я увѣренъ, нѣсколько преувеличиваете, когда говорите о томъ, какъ онъ изнуряетъ себя работою. Я не замѣчалъ, чтобы онъ когда-нибудь былъ похожъ на изнуреннаго. Правда, онъ нѣсколько блѣдноватъ! но всмотрѣвшись, видишь, что это уже природный цвѣтъ, не болѣзненный. — Вы огорчаетесь тѣмъ, что онъ отказываетъ себѣ во всякихъ развлеченіяхъ; онъ не отказываетъ себѣ въ нихъ; они, дѣйствительно, скучны ему. Когда втянешься въ работу, которая по сердцу, она становится занимательнѣе всякихъ развлеченій. Иногда и мнѣ случалось испытывать это, хоть, вообще, у меня были слишкомъ дурныя привычки.

— Благодарю васъ, Нивельзинъ, за то, что вы говорите такъ хорошо. Я и сама понимаю, что отчасти я могу преувеличивать. Но въ самомъ дѣлѣ онъ работаетъ слишкомъ много... Знаете-ли, что мнѣ вздумалось? — Онъ такъ хвалитъ васъ. Онъ говоритъ, что вы и очень ученый, и что у васъ благородный образъ мыслей. Я знаю, вамъ нѣтъ надобности писать. Но вы сами сказали, что находили удовольствіе въ работѣ, даже и тогда, когда вели раз-

сѣянную жизнь. Попробовали-бы вы сдѣлаться писателемъ, Нивельзинъ: можетъ быть, вы стали-бы писать хорошо.

— Чтобы помогать Алексѣю Иванычу? — Нѣтъ, Лидія Васильевна: мнѣ надобно еще слишкомъ много учиться и думать, чтобы моя работа годилась для него. Онъ съ пренебреженіемъ смотритъ на людей, которыхъ я еще уважаю. Онъ высказываетъ мысли, о которыхъ я часто и не знаю, какимъ образомъ можно дойти до нихъ. — Я могу писать только о математикѣ, объ астрономіи; это не нужно ему. — Онъ могъ-бы легко найти десятки помощниковъ, гораздо лучше меня. Но у него такой образъ мыслей, котораго они не раздѣляютъ; а я еще не умѣю и понимать хорошенько.

— Какъ это жаль, Нивельзинъ! — А я вздумала было такъ хорошо... Зачѣмъ я сама не училась ничему?... Правда, мнѣ было не у кого учиться... Но я и сама была такая рѣзвая: все бѣгала, ѣздила, только въ томъ и прошло все дѣтство... И послѣ тоже самое, только прибавились танцы, наряды... А въ двадцать слишкомъ лѣтъ, съ хозяйствомъ, съ ребенкомъ начинать учиться, — поздно... Она замолчала, потомъ засмѣялась. — Видите, какъ мы хорошо говоримъ, Нивельзинъ. Это такъ и будетъ. А вы еще не хотѣли быть дружны съ нами.

— Для васъ это будетъ такъ; для меня это не могло-бы быть такъ. Теперь, я очень хорошо вижу, что вы не думали смѣяться надо мною. Но...

Въ эту минуту раздался звонокъ.

— Ахъ, наконецъ-то! Слава богу! — Я думала, онъ останется тамъ до втораго, до третьяго часу! — Говорите, Нивельзинъ: онъ намъ не помѣшаетъ. Поздоровается и поплетется къ себѣ въ кабинетъ, если не велѣть ему сидѣть съ нами.

— Но вы не хотите помнить, что я сошелъ съ ума, увидѣвши васъ; — договорилъ Нивельзинъ и замолчалъ.

— Я вовсе не забываю этого, Нивельзинъ; но я не придаю этому важности. Это довольно скоро пройдетъ; кто изъ насъ не ребячился, кромѣ моего Алексѣя Иваныча;—но смотрите, что будетъ, — договорила она тихо: — только сидите смирно, не вставайте, не кланяйтесь.

Она могла-бы сказать это и громче; мужъ не услышалъ-бы; онъ еще изъ зала началъ свою рѣчь:

— А вообрази, голубочка, что я тоже былъ въ оперѣ! — Пришелъ въ типографію, — рано; — вздумалъ пойти къ вамъ въ ложу; — но представь себѣ: вдругъ, вижу, не знаю нумера! — Что-же? — пошелъ, взялъ мѣсто вверху! — Молодецъ! — Ну, и вообрази: кого я тамъ встрѣтилъ въ оперѣ? — Съ этими словами онъ показался въ дверяхъ. — Вообрази: Нивельзина! — Позвалъ его завтра обѣдать. Въ сущности, очень хорошій человѣкъ; — онъ шелъ мимо носа Нивельзина, преспокойно про-

должая: — Да, хорошій, въ сущности. Только вчера пріѣхалъ. — Здравствуй, здравствуй, моя милая голубочка! Давно не видались! — Онъ сталъ цаловать руку жены.

— Если Нивельзинъ такъ нравится тебѣ, ты поздоровался-бы съ нимъ.

— Ну, да въ самомъ дѣлѣ, это вы, Павелъ Михайлычъ! — воскликнулъ Волгинъ, обернувшись: — Въ самомъ дѣлѣ, это вы! — А я и не гляжу; думаю: Мироновъ! — Очень радъ, очень радъ!

— Положимъ, не глядѣлъ, могъ-бы не разсмотрѣть лица; но какъ-же принять человѣка въ статскомъ платьѣ за человѣка въ мундирѣ?

— Ну, что-же тутъ такого, голубочка? — Не обратилъ вниманія; и опять-же по разсѣянности, — возразилъ Волгинъ.

— Я видѣла тебя въ оперѣ; и ты огорчилъ меня: зачѣмъ плакалъ? — Стыдись, нехорошо.

— Ну, что-же, голубочка; — жалобно затянулъ Волгинъ: — Это я только такъ... Да впрочемъ, это тебѣ только такъ показалось, голубочка, — спохватился онъ: — Увѣряю, голубочка.

— Можете судить, есть-ли у него совѣсть; — замѣтила Волгина Нивельзину. — Ты усталъ; ступай себѣ, раздѣнься, — ляжешь спать?

— Что-же ложиться-то понапрасну, голубочка? — Раньше часу, все равно, не усну.

— Если не ляжешь, я пришлю къ тебѣ Нивельзина.

— Хорошо, голубочка. Приходите, Павелъ Михайлычъ.

— Я даю вамъ порученіе, Нивельзинъ: просидите съ нимъ до часу, пожалуйста. Тогда онъ ляжетъ. А то, пожалуй, усѣлся-бы за работу и заработался-бы долго. — Кто изъ насъ не ребячился, Нивельзинъ? — И я влюблялась, въ старину. Потому и знаю, что это вздоръ, которому не слѣдуетъ придавать важности. — Это хорошо для баловъ, для танцевъ: о чемъ было-бы говорить? — Пока не о чемъ думать, и возвратившись съ балу, можно думать, — и думаешь, бывало, Нивельзинъ: „ахъ, я влюблена въ него!“ — Потомъ, я не спорю, это можетъ иногда обращаться въ серьезную любовь, — вѣнчаются, — или, если женщина уже замужемъ, начинаются измѣны, ссоры, ужасы. Но это, когда женщина и безъ того дурно жила съ мужемъ. А когда вы расположены и къ мужу, и къ женѣ, — помилуйте, долго-ли продержится у васъ въ головѣ влюбленность? — Очень скоро вы будете видѣть во мнѣ добрую, простую женщину, которая отъ всей души расположена къ вамъ. — Завтра, въ часъ, въ половинѣ втораго, приходите, отправимся гулять. А теперь пора мнѣ спать: Володя умѣетъ будить, — голосъ будетъ совершенно такой-же, какъ у отца.—Я очень рада, что Алексѣй Иванычъ вернулся не такъ поздно: хотѣла ждать его, а потомъ Володя не далъ-бы выспаться. — Пойдемъ, провожу васъ къ Алексѣю Иванычу, —

и пожалуйста, до часу сидите, но дольше половины не засиживайтесь.

— Вы такъ легко смотрите на мое сумасшествіе, — сказалъ онъ: — вы ошибаетесь.

— Полноте, что за вздоръ. — Она взяла его за руку. — Идемъ. — Она повела его.

— Вы ошибаетесь, мое сумасшествіе не такъ легко можетъ пройти; — сказалъ онъ, но съ такимъ усиліемъ, что слышно было, какъ не хотѣлось-бы сказать это: — Я долженъ былъ-бы избѣгать васъ, — я долженъ избѣгать васъ.

— Что за вздоръ, нѣтъ никакой надобности; — отвѣчала она весело.

— А если вы ошибаетесь?

— Не будемъ пугаться того, что невѣроятно! — Лучше, помните, что я говорила вамъ: до часу сидѣть, дольше половины втораго не смѣть. Онъ будетъ удерживать васъ, — онъ очень деликатенъ, при всей своей неловкости; у него никогда не достаетъ духа показать, что ему некогда, или человѣкъ наскучилъ ему, — тѣмъ болѣе, онъ будетъ внимателенъ, и по своему, любезенъ съ вами: но вы сами должны помнить время. — Слышишь, мой другъ, что я говорю Нивельзину: чтобъ онъ не слишкомъ полагался на твои любезности, — да и тебѣ велѣла-бы не удерживать его, если-бы не знала, что ты уже не можешь обойтись безъ этого. — Чай уже принесли тебѣ? — Хорошій; — закуску я сейчасъ пришлю сюда.

— Ну, хорошо, голубочка; — отвѣчалъ мужъ: — А ты сама-то хочешь спать?

Она зевнула. — Мнѣ пора спать. Володя поднялъ нынѣ въ семь часовъ. Такой несносный мальчишка.

— Я не знаю, хорошо-ли я дѣлаю, оставаясь у васъ; — сказалъ Нивельзинъ, — а самъ, между тѣмъ, уже взялъ сигару, которую подалъ ему Волгинъ.

— Отчего-же? — До часу, все-равно, не спалъ-бы. Очень радъ посидѣть съ вами, потому что надобно-жъ иногда и отдохнуть. Работаешь, работаешь, да и надоѣдаетъ. — А знаете, я даже и подумалъ тогда, что найду васъ здѣсь; потому что извѣстно, какъ сдерживаются подобныя обѣщанія: „не пойду къ нимъ въ ложу“; а Лидія Васильевна еще тогда, — весною-то, — хотѣла познакомиться съ вами. Ну, конечно, повидавшись съ нею, увидѣла, какой оборотъ приметъ дѣло. Конечно, разсудила, что если такъ, то лучше ей и не видѣться самой съ вами. Та, бѣдная, пожалуй, забрала-бы себѣ въ голову, что отбиваютъ у нея. Не будь этого соображенія, Лидія Васильевна, конечно, велѣла-бы мнѣ только позвать васъ къ ней, а не стала-бы поручать мнѣ самому говорить съ вами: слава богу, знаетъ, какой мастеръ я говорить.

— Изъ того, что вы бывали у меня, вышелъ слухъ, вѣроятно, очень непріятный для васъ. Рязанцевъ убѣжденъ, что вы посылали меня въ Лондонъ съ какими-то порученіями.

— Э, вздоръ-то! — сказалъ Волгинъ, махнувши рукою: — Ну, пусть думаетъ, — пусть и разсказываетъ: велика важность!

— Я старался разубѣдить его, но, кажется, не могъ.

— И не стоило.

— По моему, очень стоило; и не отстану, пока не разувѣрю.

— Ну, этого-то, положимъ, вамъ не удастся. Да не стóитъ и думать.

— Тѣмъ больше стóитъ, что онъ не самъ выдумалъ. Это ему объяснилъ Савеловъ.

— Да ну ихъ къ чорту! — Ну, и Савеловъ пусть думаетъ. Велика важность! — Кто не старается заискать въ Лондонѣ? — Савеловъ-то самъ старается вилять хвостомъ такъ, чтобы тамъ замѣтили; а вы думаете, нѣтъ? — Волгинъ принялъ глубокомысленный видъ: — Навѣрное, да. И не сомнѣвайтесь.

— Мнѣ нечего сомнѣваться. Откуда-же беретъ Рязанцевъ документы, о которыхъ потомъ дивятся, какъ они туда попали?

— Въ самомъ дѣлѣ! — воскликнулъ Волгинъ: — Это удивительно! — Какъ-же это никогда не пришло мнѣ въ голову? — То-то-же и есть,—продолжалъ онъ съ прежнимъ глубокомысліемъ: — Потому я и говорилъ вамъ: этотъ слухъ для меня пустяки. — Не стóитъ говорить объ этомъ. — А знаете-ли, что я вамъ скажу, Павелъ Михайлычъ: это вы не съ проста повернули, — я объ одномъ, а вы о другомъ, — будто не успѣли-бы сказать послѣ! — Это мнѣ вотъ сейчасъ только пришло въ голову. — И знаете-ли, если такъ, то и съ самаго-же начала вы тоже не съ проста, должно-быть, сказали, что не знаете, хорошо-ли дѣлаете, оставаясь у меня! — А я, знаете, такъ и понялъ, что вы боитесь отнять у меня время! — Это удивительно! — Онъ покачалъ головою: — Это удивительно, я васъ увѣряю, какъ я не понялъ! — Натурально, это вы говорили не обо мнѣ, — то есть, не обо мнѣ одномъ, а вы говорили объ насъ. — Вотъ, тоже, вздоръ-то, Павелъ Михайлычъ! — Онъ покачалъ головою. — И знаете-ли, отчего это? Оттого, что вы не понимаете характера Лидіи Васильевны. Видите-ли...—Онъ погрузился въ размышленіе. — Видите-ли, вамъ надобно понять ея характеръ. — Ну, что, какъ вы нашли Парижъ? Поумнѣли тамошніе республиканцы послѣ уроковъ, которые получили въ 1848 году и 2-го Декабря?

Нивельзинъ, въ свою прежнюю поѣздку, когда прожилъ въ Парижѣ довольно долго, сошелся съ нѣкоторыми изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ тамъ предводителей рѣшительной демократической партіи. Теперь онъ опять видѣлъ ихъ; видѣлъ и нѣкоторыхъ французскихъ изгнанниковъ въ Англіи. У него было много разсказовъ на вопросы Волгина. — Такъ они проговорили о Франціи

до часу. Въ часъ, Нивельзинъ всталъ и ушелъ, какъ ни упрашивалъ его Волгинъ посидѣть еще.

Проводивъ Нивельзина, Волгинъ тотчасъ-же легъ спать, зѣвая самымъ многообѣщающимъ для сна образомъ. Но оказалось, что не спится. Пробило два часа, все еще не дремалось. Онъ всталъ, съ большимъ неодобреніемъ себѣ покачалъ головою, опять надѣлъ халатъ и сѣлъ писать. Пробило шесть часовъ. Онъ разсудилъ, что пора снова попробовать, не уснется-ли, и дѣйствительно, заснулъ довольно скоро.

— Я сердита, — этими словами встрѣтила Волгина Нивельзина, когда онъ на другое утро явился, по уговору, провожать ее на прогулку: — Я очень сердита, отчасти и на мужа, но больше на васъ. Онъ такой человѣкъ, что я ужъ и отступилась отъ него: не можетъ не упрашивать „посидите“, — по его мнѣнію, этого требуетъ деликатность. А на васъ я надѣялась, что вы исполните мою просьбу. — До какихъ поръ вы сидѣли? — Онъ все еще спитъ.

Нивельзинъ оправдывался: онъ ушелъ въ часъ, какъ она приказывала ему.

— Значитъ, онъ послѣ васъ таки принялся работать! Это еще хуже. Лучше-бы вы были виноваты. Надобно будетъ бранить его. Ахъ, если-бъ это помогало! Давно онъ былъ-бы самымъ послушнымъ человѣкомъ! — Ступайте, велите Наташѣ принести шляпу и перчатки. — Да, вы еще не знаете куда идти: налѣво, и опять налѣво.

Онъ пошелъ, принесъ перчатки и шляпу. — Она заставила его любоваться на шляпу, которая очень мила. Онъ согласился.

— Въ передней стояла Наташа, чтобы подать пальто и запереть дверь.

— Прислушивайся, какъ проснется Алексѣй Иванычъ, и если заставишь его долго ждать чаю, или напоишь холоднымъ, я надеру тебѣ уши такъ, что будутъ горѣть весь день.

— Да отъ кого еще узнаете, если дамъ остыть самовару? — Авдотью попрошу, чтобы не выдала меня.

— А на Алексѣя Иваныча ты ужъ надѣешься, что онъ не скажетъ? — Видите, Нивельзинъ, какой онъ у меня человѣкъ: Наташа, глупая дѣвчонка, и та понимаетъ, что нельзя такъ жить на свѣтѣ! — Она вздохнула. — Иногда, съ нимъ смѣхъ; больше, скука, даже горе.

— Ахъ, господи, что вы говорите, когда сами знаете, что дай богъ, чтобы всѣ мужья были такіе! — не могла не вступиться Наташа.

Погода была очень хорошая. Волгина стала говорить, что

когда устанетъ, возьметъ коляску, и они поѣдутъ кругомъ города; что послѣ верховой ѣзды самое любимое ея удовольствіе — кататься. Теперь, она можетъ всегда доставлять его себѣ: деньги на это есть. Потомъ она распрашивала Нивельзина о его родныхъ, особенно о матери. Потомъ опять говорила о верховой ѣздѣ, восхищалась тѣмъ, что на слѣдующее лѣто опять будетъ ѣздить верхомъ, разсказывала, какія лошади были у нея въ старину, радовалась тому, что года черезъ полтора опять у нея будутъ свои лошади. Потомъ, опять слушала, какая деревня у Нивельзина. — Они много разъ прошли по Невскому.

— Начинаю уставать, — сказала она. — Но заговорившись, ходила дольше, нежели думала. Брать коляску на полтора часа не стоитъ: жаль денегъ. Зайдемъ въ Гостинный Дворъ, тамъ отдохну.

Она зашла въ одну лавку, въ другую, въ третью. Купцы были ея пріятели. Они приносили ей складной стулъ, если въ лавкѣ не было дивана. Они подчивали ее чаемъ, если пили. Она велѣла пить Нивельзину. Она толковала съ куццами о ихъ семейныхъ дѣлахъ. Они показывали ей новые товары, хоть она и говорила, что пришла не покупать, а въ гости къ нимъ.

— Успѣемъ зайти еще въ гости? — сказала она, выходя изъ третьей или четвертой лавки. — О, уже почти четыре часа! Пора домой! Очень скучно было вамъ, Нивельзинъ, въ Гостинномъ Дворѣ? Ахъ, я забыла, что влюбленные не могутъ скучать!

— Я нѣсколько скучалъ; — сказалъ онъ.

— Уже скучали! — Это утѣшительно! — Видите, какъ скоро проходитъ, — даже скорѣе, чѣмъ я думала; и это немножко обидно мнѣ.

Онъ сталъ серьезно говорить, что теперь его разсудокъ прояснился. Она прояснила его разсудокъ своимъ простымъ, беззаботнымъ разговоромъ и обращеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, не надобно было придавать важности тому, что онъ былъ влюбленъ въ нее. — „Былъ“, — будто это уже прошло! Быть можетъ, еще не совсѣмъ. Но если еще и не совсѣмъ прошло, то онъ видитъ, что довольно скоро пройдетъ совершенно. Ему теперь грустно за себя, что онъ не понималъ ея. Она должна извинить ему это, потому что онъ былъ человѣкъ съ испорченнымъ сердцемъ. Но онъ чувствуетъ теперь, что это не было сродно ему, потому что ему такъ легко было сознать нелѣпость, мелочность, пошлость, варварство понятій, которыя онъ долженъ отбросить. Они были внушены ему обществомъ. Но не проникли до глубины его души: онъ чувствуетъ, что въ его сердцѣ воскресли чувства, достойныя порядочнаго человѣка. У него только не доставало силы самому сбросить съ себя иго азіатской дикости. По дикимъ привычкамъ общества, молодой человѣкъ непременно долженъ волочиться за молодою женщиною, если сближается съ нею; она,

если не отталкиваетъ его, непременно хочетъ, чтобы онъ волочился за нею. Но это пошлый азіатизмъ, хоть онъ и присланъ къ намъ изъ Европы; это — продолженіе гаремныхъ нравовъ подъ формами цивилизаціи. Развѣ единственная жизнь женщины — любовныя интриги? — Такъ, но только въ гаремѣ. И развѣ мужчина — животное, незнающее другихъ радостей, кромѣ тѣхъ, какихъ азіатецъ ищетъ въ гаремѣ? — Такъ, но только пока мужчина — тиранъ, самъ подавленный рукою другаго тирана. — Онъ воображалъ себя цивилизованнымъ человѣкомъ, и не понималъ, что молодая женщина можетъ говорить съ молодымъ человѣкомъ просто какъ человѣкъ съ человѣкомъ...

— О, боже мой!—замѣтила она, засмѣявшись, когда они подходили къ ея квартирѣ: — Отъ Гостиннаго Двора до Владимірской описываете ваше исправленіе, и все еще не кончили! Вы обманывались и обманули меня, сказавши вчера, что не можете писать статьи для Алексѣя Иваныча. Вы напишите все это, и выйдетъ статья длинная, какъ тѣ, которыя пишетъ Алексѣй Иванычъ. — Не нужно вашей руки, — я еще никогда не ходила столько, — посмотримъ, трудно-ли будетъ взойти одной на лѣстницу. — Нѣтъ, давайте руку, устала. Но все-таки, хорошо, что могла сдѣлать такую долгую прогулку, и опять легко дойти отъ Гостиннаго Двора сюда. На слѣдующее лѣто можно будетъ ѣздить верхомъ. — Всталъ Алексѣй Иванычъ? — Давно? — обратилась она къ Наташѣ.

— Въ третьемъ часу, въ половинѣ. И чай былъ самый горячій, Лидія Васильевна.

— Ахъ, что за глупая дѣвчонка! Она воображала, что я въ самомъ дѣлѣ не надѣюсь на нее!

— Нѣтъ, я понимаю, Лидія Васильевна, что если-бы вы не надѣялись на меня, то не ушли-бы, а сами бы дождались; — убѣдительнымъ тономъ возразила Наташа.

— А если понимаешь, то чѣмъ-же хвалишься? — Вотъ, хоть-бы съ нея ты бралъ примѣръ; — обратилась она къ мужу, который шелъ встрѣчать: — Ей, что я скажу, она все такъ и дѣлаетъ. А ты? Не совѣстно?

— Ну, что-же, голубочка! — жалобно запѣлъ мужъ.

— Стыдись. — Давай скорѣе обѣдать, Наташа. Я проголодалась. — Помнишь ты моего пріятеля, Романа Дементьича? — Да онъ бывалъ и здѣсь, — помнишь, немножко рябой? — Зоветъ меня быть крестною матерью. Обѣщала.

— А, помню! — Знаю твоего Романа Дементьича; — съ неподдѣльнымъ удовольствіемъ сказалъ мужъ; дѣйствительно, онъ могъ обрадоваться Роману Дементьичу: значитъ, выговоръ кончился.

Волгинъ былъ въ отличнѣйшемъ расположеніи духа за обѣдомъ: жена такъ легко простила ему сонъ до третьяго часа дня. Онъ впалъ въ остроумнѣйшее настроеніе. Онъ восхищался собою, — когда онъ бывалъ остроуменъ, онъ больше всего любилъ восхищаться собою. Эта тема была неистощима. Дѣйствительно, онъ потѣшался надъ собою отъ души, и многіе подвиги его ловкости, сообразительности, находчивости были очень забавны. Нивельзинъ смѣялся.

Но для Волгиной забавные разсказы мужа не были новы. Сначала она слушала, потомъ перестала слушать.

— Голубочка, задумалась? — О чемъ? — сказалъ Волгинъ, замѣтивши, наконецъ, что она не смѣется.

— Думаю о томъ, что въ самомъ дѣлѣ ты не мастеръ устраивать свои дѣла. — Съ каждымъ мѣсяцемъ хуже. Бывало, когда ты поѣдешь просидѣть вечеръ въ типографію, я знаю, что ты кончилъ писать на эту книжку, и можешь отдохнуть. А теперь, и въ этомъ ошиблась. Не оправдывайся. Я знаю, ты не забываешь моей просьбы беречь свое здоровье, не сидѣть по ночамъ: и если не всегда соблюдаешь ее, то лишь по невозможности. Но тѣмъ хуже, мой другъ, что это необходимость. И самъ ты виноватъ въ этомъ своимъ неумѣньемъ заботиться о своихъ дѣлахъ. Зачѣмъ ты далъ уѣхать Левицкому? Какъ можно было дать уѣхать ему?

— Да, это, точно, была большая ошибка съ моей стороны, голубочка; — согласился Волгинъ. — Да, Павелъ Михайлычъ, — обратился онъ къ Нивельзину: — вотъ наше съ Лидіею Васильевною горе: у всѣхъ у нашихъ господъ просвѣщателей публики чепуха въ головѣ; пишутъ ахинею, сбиваютъ съ послѣдняго толка русское общество, которое и безъ того уже находится въ полупомѣшательствѣ. Нѣтъ между ними ни одного, котораго-бы можно было взять въ товарищи. Поневолѣ, принужденъ одинъ писать всѣ статьи, которыми выражается мнѣніе журнала. И не успѣваю. Нѣтъ человѣка съ свѣтлою головою, да и кончено! Нашелся было одинъ; Лидія Васильевна такъ была рада! — а онъ взялъ да и уѣхалъ, — выпустилъ я его, — ждалъ и не дождался, когда пріѣдетъ.

— Хоть-бы отвѣчалъ, по крайней мѣрѣ, когда пріѣдетъ! — сказала Волгина: — Давно-бы пора быть отвѣту, — что-жъ онъ молчитъ? Я писала ему такъ, что онъ не могъ не отвѣчать мнѣ. Я думаю, мой другъ: дошло-ли до него мое письмо? не затерялось-ли?

— Очень возможная вещь; — согласился Волгинъ.

— Онъ могъ уѣхать еще куда-нибудь изъ Харькова, — продолжала Волгина.

— Очень можетъ быть, голубочка; — согласился мужъ.

— Надобно написать къ нему опять, — и кромѣ того, спросить у его родственника, который гувернеромъ у Илатонцевыхъ.

Волгинъ сильно раскашлялся.

— Что съ тобою? — не простудился-ли, мой другъ?

— Нѣтъ, не простудился, голубочка; только понерхнулся; — успокоилъ мужъ.

— Нивельзинъ, будьте милъ, съѣздите завтра въ домъ Илатонцева, на Литейной, узнайте, пріѣхали-ль Илатонцевы; — если да, спросите гувернера, Левицкаго, не знаетъ-ли онъ, гдѣ теперь его родственника, Владиміръ Алексѣичъ? — Но если и не запомните имя, все равно, помните только: молодой человѣкъ, который нынѣшнею весною кончилъ курсъ въ Педагогическомъ Институтѣ, — гдѣ онъ, что съ нимъ, куда писать ему: гувернеръ долженъ знать, они хороши между собою, потому что этотъ Владиміръ Алексѣичъ разсказывалъ и о немъ, и объ Илатонцевыхъ; — а если Илатонцевы и гувернеръ ихъ не возвратились, привезите, по крайней мѣрѣ, адресъ, какъ написать этому гувернеру.

— Съ удовольствіемъ; — сказалъ Нивельзинъ.

Волгинъ имѣлъ время обдумать дѣло со всѣхъ сторонъ, потому что былъ необычайно быстръ въ соображеніяхъ. Соображеній было очень много, но выводъ изъ всѣхъ одинъ: ни одно никуда не годится. Продолжать обманъ невозможно. Онъ долженъ признаться Лидіи Васильевнѣ, что обманывалъ ее, что самъ удалилъ Левицкаго изъ Петербурга, что адресъ въ Харьковъ былъ фальшивый, что Левицкій, гувернеръ Илатонцевыхъ, именно и есть Владиміръ Алексѣевичъ Левицкій, его Левицкій. — Это неизбѣжно; иначе, все равно, правда откроется черезъ нѣсколько дней. — Одно оставалось не рѣшено: какъ объяснить Лидіи Васильевнѣ мотивы, по которымъ онъ такъ поступалъ. Тогда она была такъ страшно взволнована, едва онъ началъ говорить. Не придумывалось, какъ сказать ей. Но время терпитъ. Илатонцевы еще не вернулись въ Петербургъ. Что-нибудь придумается.

Волгинъ вооружился храбростью и похвалилъ Лидію Васильевну за то, какъ вздумала она сдѣлать; онъ снова сталъ балагурить на прежнюю тему. Конечно, не всѣ его разсказы о своихъ неловкостяхъ и промахахъ были одинаково забавны. Но много было дѣйствительно забавныхъ и во всякомъ случаѣ не уступавшихъ тѣмъ, надъ которыми прежде смѣялся Нивельзинъ. — Теперь Нивельзинъ не смѣялся; лишь иногда улыбался будто принужденно, да и не въ попадъ. Конечно, Волгинъ нескоро замѣтилъ это, но все-таки, наконецъ, замѣтилъ, при всемъ своемъ неумѣньи наблюдать.

Взглянуть-бы на Лидію Васильевну, — но, разумѣется, незачѣмъ и смотрѣть: она, конечно, замѣтила и поняла, если даже и онъ замѣтилъ и понялъ. Какъ ему было поступать? — Онъ былъ неловокъ до смѣшнаго, но онъ сдѣлалъ, какъ достало у

него умѣнья, и надобно сказать, что нельзя было ожидать отъ его обыкновенной находчивости даже и такого оборота.

— Ну-съ, вотъ каковъ я молодецъ, — похвалилъ онъ себя, кончивъ анекдотъ, который разсказывалъ во время этого раздумья. — Ловкій человѣкъ? Вы думаете, вѣроятно, и нельзя увидѣть такого другаго? Но вотъ пріѣдетъ Левицкій, будете видѣть двухъ такихъ. — Помнишь, голубочка, его наружность, или забыла?

— Помню; — сухо отвѣчала жена.

— Но если-бы знала какой онъ неловкій! — Даже мнѣ смѣшно, увѣряю. Повѣрь, не лучше меня.

— Бери еще пирожнаго, ты любишь это пирожное; — сказала жена.

— Хорошо, голубочка, сказалъ Волгинъ, взялъ столько и сталъ ѣсть съ такимъ усердіемъ, которое сдѣлало-бы честь очень хорошему обжорѣ.

— Я встрѣчался съ Илатонцевымъ, когда бывалъ въ обществѣ; — сказалъ Нивельзинъ: — Это одинъ изъ немногихъ людей аристократическаго круга, которыхъ я искренно уважаю, и я очень радъ случаю, который, быть можетъ, сблизитъ насъ. — Нивельзинъ былъ опять веселъ и сдѣался разговорчивъ.

Наташа принесла самоваръ. — Наливши мужу и Нивельзину по второму стакану, Волгина встала.

— Если будете пить еще, то наливайте сами. — До свиданья, Нивельзинъ.

— Голубочка, сыграй что-нибудь;—сказалъ мужъ: — Ты устала, должно быть; но для меня сыграй что-нибудь, — пожалуйста, голубочка.

— Нѣтъ, я не чувствую усталости; но я не расположена играть. — Она пошла.

— Для меня, голубочка, — пожалуйста. Часто-ли я слушаю, когда ты играешь? — Пожалуйста. — Ты сама говоришь, что у меня слишкомъ мало развлеченій, — такъ не откажи въ развлеченіи, когда мнѣ хочется развлечься.

Она пошла въ залъ и сѣла за рояль. Сначала оставалась холодна, потомъ увлеклась. Она не могла быть виртуозкою, потому что не имѣла хорошихъ учителей, да и мало училась. Притомъ, почти три года въ Петербургѣ она не имѣла рояля. — Онъ былъ купленъ еще не очень давно. Но она играла недурно и любила музыку.

Когда она стала играть какой-то романсъ, Нивельзинъ попросилъ у нея позволенія пѣть. — „Пойте“, сухо отвѣчала она. — Но онъ пѣлъ хорошо, и она стала слушать его съ удовольствіемъ.

Мало по малу она сдѣлалась разговорчива, и Волгинъ разсудилъ, что можетъ уйти.

— Будьте снисходительны ко мнѣ; — сказалъ Нивельзинъ:

— мое сумасшествіе проходитъ, но оно еще не совсѣмъ прошло. Не сердитесь на больнаго.

— Я еще не такъ сильно расположена къ вамъ, чтобъ могла сильно сердиться, — сказала она: — Но идите къ Алексѣю Иванычу, или уходите. Я сѣла играть только для него. Мнѣ не хотѣлось. — До свиданья.

Она ушла. Нивельзинъ пошелъ проститься съ Волгинымъ. — Волгинъ попросилъ его сѣсть и курить, посадилъ, не слушая его отговорокъ, и началъ:

— Вчера, Павелъ Михайлычъ, я хотѣлъ предупредить васъ, — вѣроятно, вы и замѣтили; но, знаете, разсуждалъ и то, что, можетъ быть, нѣтъ никакой надобности въ этомъ. Остановило меня и то, что не мастеръ я вести разговоръ, какъ слѣдуетъ, чтобы не выходило неловко. Думалъ: пусть онъ получше познакомится съ нами; а то, пожалуй, мои слова покажутся ему странны; раньше времени не слѣдуетъ ничего дѣлать. Нельзя и спорить, прекрасное правило: дѣлай все во-время. Однимъ оно дурно: обстоятельства не ждутъ, чтобы намъ пришла пора дѣлать что-нибудь, заставляютъ приниматься за дѣло раньше времени. Оттого-то, всегда, у всѣхъ народовъ и выходитъ чепуха. Возьмите вы нашъ вчерашній разговоръ о 1848 годѣ. Какъ я бранилъ французскихъ демократовъ за то, что они сочинили Февральскую революцію, когда общество еще не было приготовлено поддерживать ихъ идеи. Такъ-то оно, такъ; разумѣется, вышла мерзость. Но только, не они сочинили Февральскую революцію: обстоятельства такъ шли, что заставили ихъ, волею-неволею, участвовать въ сочиненіи глупости... — Волгинъ задумался. — Такъ вотъ оно и у насъ. Толкуютъ: „освободить крестьянъ". Гдѣ силы на такое дѣло? — Еще нѣтъ силъ. Нелѣпо приниматься за дѣло, когда нѣтъ силъ на него. А видите, къ чему идетъ: станутъ освобождать. Что выйдетъ? — сами судите, что выходитъ, когда берешься за дѣло, котораго не можешь сдѣлать. Натурально, что: испортишь дѣло, выйдетъ мерзость... — Волгинъ замолчалъ, нахмурилъ брови и сталъ качать головой. — Эхъ, наши господа эмансипаторы, всѣ эти ваши Рязанцевы съ компаніею! — вотъ хвастуны-то; вотъ болтуны-то; вотъ дурачье-то! — Онъ опять замоталъ головою.

Вѣроятно Нивельзинъ ждалъ не разсужденія о Февральской революціи и отмѣнѣ крѣпостнаго права; и вѣроятно, былъ мало расположенъ сосредоточить свое вниманіе на вопросѣ о силахъ и способностяхъ русскихъ эмансипаторовъ. Но слова Волгина звучали такимъ ретроградствомъ, которое было нестерпимо человѣку съ горячими стремленіями къ добру. — Волгинъ выслушалъ его возраженія, помоталъ головою:

— Это и прекрасно, если все такъ. Но само собою, не въ томъ дѣло. Натурально, я говорилъ о вашихъ господахъ эман-

синаторахъ только для примѣра, что нельзя бываетъ ждать, пока прійдетъ пора. А такъ-ли оно, или нѣтъ, конечно, можно спорить. Напримѣръ, умно или глупо я сдѣлалъ вчера, что разсудилъ: лучше, подожду. Поговори я съ вами вчера, какъ слѣдуетъ, — могло-бы не выйти нынѣшней непріятности. Значитъ, можно сказать: сдѣлалъ глупо, что не говорилъ. Но съ другой стороны: вчера, вы подумали-бы: „что такое? съ какой стати?“ — А теперь, поймете, что я говорю дѣло, будете помнить, будете такъ и держать себя. Значитъ, если хотите, можно и оправдать меня, что не говорилъ, пока не представился хорошій случай. — Онъ встряхнулъ головою, и продолжалъ, разгорячась собственными словами отъ вялости до того, что подъ конецъ ему стало трудно сдерживать голосъ. — Вотъ что, — началъ онъ вяло: — Что такое имѣть довѣріе къ человѣку? — То, что вамъ нѣтъ надобности понимать его поступка, чтобы знать: онъ не поступаетъ дурно. Напримѣръ, почему я говорю съ вами? — Не понимаете, навѣрное не понимаете; натурально, вамъ кажется очень странно. Не понимаете, согласенъ. Но знаете, что я не имѣю въ мысляхъ никакого коварства. Такъ или нѣтъ? — Знаете это? — Ну и не ошибаетесь, разумѣется. Потому что я не дурной человѣкъ. Можете-ли вы забыть это, при какихъ-бы то ни было недоразумѣніяхъ съ вашей стороны? — Не можете... По необходимости, всегда будетъ вамъ думаться: „Я не понимаю, почему Алексѣй Иванычъ поступаетъ такъ; но тутъ не должно быть ничего дурнаго“. Такъ или нѣтъ? — Голосъ Волгина поднимался: — Такъ или нѣтъ? — Ну-съ, такъ помните-же, что есть люди лучше меня. Помните это. Больше, никогда, ничего не надобно вамъ знать. Знайте это, и довольно. Такъ: знайте это, и довольно. Да. — Онъ остановился, замѣтивъ, что если продолжать, то будетъ слишкомъ громко, вздохнулъ, мотнулъ головою, и этого было довольно, чтобы возвратиться къ обычной вялости: — Да, Павелъ Михайлычъ, — продолжалъ онъ флегматически: — Мало-ли бываетъ случаевъ, что мы не можемъ понимать, пока не узнаемъ подробностей? — Тутъ надобно не пускаться въ фантазіи, а когда знаете человѣка за хорошаго человѣка, то просто надобно думать: „не знаю, и знать не хочу, пока не случится узнать.“ И узнавать не надобно: нечего узнавать, когда не говорятъ вамъ, — значитъ нѣтъ ничего любопытнаго для васъ. И думать нечего: значитъ дѣло не касается васъ, и не должно касаться, — значитъ, и нечего думать. — Онъ погрузился въ размышленіе. — Само собою, мы говоримъ о частной жизни, о личныхъ отношеніяхъ. Общественныя дѣла совершенно другая исторія. Въ нихъ вы гражданинъ: давай отчетъ; не мое дѣло, общественное, подавай отчетъ. Напримѣръ, какъ частный человѣкъ, я говорю вамъ: „одолжите мнѣ десять рублей изъ вашего кармана“ — спросите-ли на что? — истребуете-ли росписки? — если я за-

хочу дать, не возьмете; напишу и дамъ, изорвете. Но: „дайте мнѣ десять копѣекъ изъ общественной суммы". — Другая матерія. — „На что тебѣ?" — „Я хорошій человѣкъ, можете быть увѣрены, употреблю съ пользою для общества". — „Дудки, братецъ, говори, на что". — „А безъ росписки, можете дать? — я не воръ, не отрекусь". — „Дудки, милочка! — вижу, что ты не воръ, — проваливай! — Господа, помогите проводить мошенника въ шею!" — Волгинъ залился руладою въ поощреніе своему остроумію; перевелъ духъ и флегматически сказалъ: — А ну ихъ къ чорту, и общественныя дѣла, и нашихъ либераловъ! — Все забываю изъ-за нихъ о томъ, что говорю. И васъ-то, я думаю, смѣшу: „Эко, не можетъ видѣть, — вы думаете, — не можетъ видѣть, что я отъ него жду, что это за штука такая на счетъ Левицкаго".

— Нѣтъ, я не жду этого; я не хочу знать ничего; — съ порывомъ отвѣчалъ Нивельзинъ.

— Ну, да все равно: поѣдете спрашивать въ домъ Илатонцева, тамъ открылось-бы: Владиміръ-то Алексѣичъ Левицкій, котораго мы не знаемъ гдѣ найти, — онъ-то, именно, и есть, разумѣется, гувернеръ, у котораго мы хотимъ спрашивать, не знаетъ-ли, куда дѣвался нашъ Левицкій! — Это удивительно! — высказалъ Волгинъ свое мнѣніе о такой штукѣ, и покачалъ головою: — Это удивительно, какую исторію я сочинилъ! — Илатонцевы-то еще не вернулись изъ деревни, и его нѣтъ еще въ Петербургѣ, натурально. Но все равно, не могло-бы скрыться отъ васъ: какъ спросили-бы у швейцара, или у кого тамъ, такъ и сказали-бы вамъ: „Владиміръ Алексѣичъ еще не пріѣхалъ". — Чего-жь тутъ? Не могли-бы вы не увидѣть, въ чемъ штука. Да и скрывать-то теперь безполезно: дольше тянуть нельзя. Скажу Лидіи Васильевнѣ. Натурально, непріятно. Ну, да нельзя теперь.

Нивельзинъ былъ совершенно согласенъ съ мнѣніемъ Волгина, что „это удивительно". Онъ удалилъ изъ Петербурга человѣка, который былъ незамѣнимъ для него, — обманывалъ жену, отправлялъ письма съ фальшивымъ адресомъ, чтобы продлить обманъ, — что-же заставляло его дѣлать такъ?

— Эхъ, Павелъ Михайлычъ! — Волгинъ покачалъ головою: — мало вы знаете человѣческія слабости, — напримѣръ, до чего можетъ доводить человѣка самолюбіе. — Волгинъ вздохнулъ: — Конечно, совѣстно признаваться, — да нечего дѣлать.

— Вы хотите сказать, что удалили отъ литературы соперника по таланту?

— Видите, вы не совсѣмъ удачно выразились. Литературнаго таланта у меня нѣтъ. Я пишу плохо. Длинно, часто безжизненно. Десятки людей у насъ умѣютъ писать гораздо лучше меня. Мое единственное достоинство, — но важное, важнѣе всякаго мастерства писать — состоитъ въ томъ, что я правильнѣе

другихъ понимаю вещи. — А у него, кромѣ этого достоинства, есть и талантъ. Огромный.

— Вы увлеклись авторскимъ самолюбіемъ; — какъ вѣрить послѣ того, что вы сейчасъ сказали? — Какое самолюбіе въ васъ?

— Ну, не самолюбіе, то зависть, — какъ тамъ это назвать, все равно; вещь непонятная, — съ флегматическимъ цинизмомъ отвѣчалъ Волгинъ: — Впрочемъ, само собою, это только сущность дѣла, а оболочка на немъ, натурально, хорошая: что-же я за дуракъ, въ самомъ дѣлѣ, чтобы не найти благовиднаго предлога? — Вы знаете, начинать писать рано — значитъ, истощать свой талантъ. Опять-же: писать и учиться, одно съ другимъ плохо уживается. Готовься, готовься! — Руссо готовился сорокъ лѣтъ, потому и могъ сказать что-нибудь свое, глубоко-обдуманное, дѣльное. — А возьмите вы Дидро, Вольтера; можетъ быть были и не глупѣе Руссо, — но принялись строчить, когда еще борода не росла, — и прекрасно строчили, — только, своей мысли ровно ни одной. — Левицкому только 21 годъ.

— Я не такъ хорошо знаю исторію литературы, чтобы спорить съ вами, — сказалъ Нивельзинъ: — Но мнѣ кажется, ваше мнѣніе утрировано. У кого есть охота учиться, не можетъ не продолжать учиться и сдѣлавшись писателемъ. У кого есть самобытный умъ, тотъ не лишится оригинальности только оттого, что не будетъ жечь своихъ бумагъ до сѣдыхъ волосъ.

— Видите, я и не говорю, что мое мнѣніе справедливо: я вотъ говорю только, чѣмъ я могу объяснить то, что удалилъ Левицкаго. И если сказать правду, должно быть, я самъ чувствую, что это вздоръ, когда не говорилъ Лидіи Васильевнѣ. Натурально, какой отвѣтъ? — „Что ты городишь вздоръ?“ — Ну, и промолчалъ, — и дошелъ до того, что сталъ обманывать. Разумѣется, побранитъ. Скажетъ: „глупо, мой другъ!“ Натурально, глупо. — Ну, да все это не важно, разумѣется. — Волгинъ погрузился въ размышленіе и выразилъ его результатъ: — Разумѣется, не имѣетъ большой важности. Глупо-то глупо, не спорю. Но, только и всего. — Онъ помолчалъ. — А что, скажите, Павелъ Михайлычъ: я думаю, для васъ очень странно, что Лидія Васильевна вышла за меня? — Согласенъ съ вами, это странно, видѣть меня подлѣ нея. И скажу вамъ...

— Не приписывайте мнѣ того, чего я не думаю; — замѣтилъ Нивельзинъ: — Вы некрасивы и неловки; конечно, вы были совершенно бѣдны. Вы хотите сказать, что она могла-бы выбрать между женихами, гораздо лучшими, нежели вы? — Но въ комъ бы она нашла такого преданнаго друга? — Я не нахожу ея выбора страннымъ.

— Это правда, — согласился Волгинъ: — Конечно, я осуждаю ее. Но въ сущности, не могу сказать, что она ошиблась. — Онъ

помолчалъ и размыслилъ: — Дѣйствительно, нельзя осуждать ее, потому что, это правда, я не могу сказать, что у меня нѣтъ большаго уваженія къ ней.

Нивельзинъ сталъ прощаться, говоря, что былъ до глубины души тронутъ искренностью его расположенія.

Глава Четвертая.

Нивельзинъ былъ изъ хорошей фамиліи, имѣлъ порядочное состояніе. Но онъ не принадлежалъ къ высокой аристократіи, не былъ даже и въ родствѣ ни съ одною изъ вельможескихъ фамилій. Бывая въ свѣтѣ, онъ попалъ въ нѣкоторые изъ первыхъ домовъ Петербурга, но лишь въ нѣкоторые. Въ другихъ онъ не бывалъ, и довольно мало зналъ о нихъ, — если не интересовался спросить; а въ тѣ времена, у него былъ одинъ интересъ — волокитство.

Ему не случилось тогда быть близкимъ ни съ кѣмъ изъ близкихъ Илатонцева. Онъ зналъ этого аристократа за честнаго и добраго человѣка. Когда они встрѣчались, они здоровались, иногда обмѣнивались нѣсколькими словами.

Великолѣпный швейцаръ сказалъ ему, что Николай Андреичъ не думаетъ возвратиться въ Петербургъ раньше новаго года; но что Алина Константиновна въ Петербургѣ, и у себя. Не угодно-ли ему пожаловать къ Алинѣ Константиновнѣ, — можетъ быть отъ нея узнаетъ онъ что-нибудь больше, хотя едва-ли. — Кто Алина Константиновна? — Сестра покойной супругѣ Николая Андрѣича, фрейлина Тенищева. — Нивельзинъ вспомнилъ, что, дѣйствительно, есть на свѣтѣ какая-то фрейлина Тенищева; что это за особа, онъ не могъ вспомнить. — Вы говорите, что она едвали знаетъ больше вашего; да мнѣ и не нужно знать ничего, кромѣ того, что Николай Андреичъ еще долго пробудетъ въ деревнѣ, — да того, гдѣ эта деревня, какъ адресовать письмо къ нему; а это и вы скажете. — „Все равно, не угодно-ли пожаловать къ Алинѣ Константиновнѣ? — Онѣ будутъ очень рады, и могутъ знать что-нибудь больше моего“. — Въ самомъ дѣлѣ, быть можетъ.

Въ передней было два лакея, повидимому, даже порядочные люди, какимъ казался и швейцаръ. — „Доложите Алинѣ Константиновнѣ Тенищевой; скажите, что я хочу спросить...“ — „Все равно, скажите ей; пожалуйте“, отвѣчалъ одинъ изъ лакеевъ, а другой уже понесъ карточку Нивельзина. — „Неужели фрейлина Тенищева такъ любитъ гостей?“ — подумалъ Нивельзинъ.

Дверь огромной, роскошной гостинной отворилась; изъ-за стола, нагруженнаго множествомъ серебряной позолоченой посуды, открыла себя, отбросивши большой вѣеръ, полная, очень

полная, бѣлая и румяная, очень бѣлая и румяная, женская фигура, въ бальномъ платьѣ, очень, очень открытомъ. — Фигура эта, имѣвшая лѣтъ сорокъ, была очень памятна Нивельзину: на рѣдкомъ изъ аристократическихъ баловъ онъ не видѣлъ ее. Но хоть и видѣлъ десятки разъ, увидѣлъ теперь, что не имѣлъ справедливаго мнѣнія о ея наружности: не считая необходимостью изслѣдовать близко, онъ издали судилъ, что бѣлизна ея плечъ и румянецъ слишкомъ полнаго лица имѣютъ происхожденіе, обычное на фигурахъ подобныхъ ей; въ чертахъ лица не видѣлъ ничего, кромѣ того, что онѣ расплылись отъ излишней полноты; въ бальномъ платьѣ ничего, кромѣ бальной формы; въ его излишней открытости — обыкновенную претензію молодиться. Но она сидѣла одна, прельщать ей было некого, — она, какъ видно, только что встала и умылась, — да и умыванья, можетъ быть, еще не сдѣлала; по крайней мѣрѣ, еще не причесала волосъ, кое-какъ, едва пригладила ихъ, можетъ быть и не гребнемъ, а рукою, и уже была въ бальномъ платьѣ: какія тутъ претензіи, какія тутъ бѣлила и румяна! — Добрая душа сидѣла полуобнаженная для своего собственнаго удовольствія. И ни на плечахъ, ни на лицѣ, дѣйствительно, не было подлога: Нивельзинъ смотрѣлъ теперь близко, при полномъ полуденномъ свѣтѣ: ослѣпительно бѣлыя плечи и грудь не нуждались ни въ какихъ бѣлилахъ, и еще были-бы привлекательны своею свѣжестью, если-бы не были слишкомъ жирны. И румянецъ на лицѣ былъ-бы очень хорошаго оттѣнка, если-бы доброй женщинѣ не было жарко: кожа была чиста и нѣжна. И тонкія черты лица были-бы еще очень милы, если-бы не такъ трудно было разсмотрѣть ихъ въ затопившей ихъ массѣ жира, но жира еще свѣжаго, не брюзглаго.

— Нивельзинъ! это вы! — воскликнула добрая полуобнаженная для собственнаго удовольствія женщина, отбрасывая вѣеръ и сильно колышась ослѣпительной грудью отъ усерднаго крика радости: — Это вы, Нивельзинъ! Я въ восторгѣ! я жду, я заждалась васъ? Какъ вамъ не совѣстно было не ѣхать, когда Ченыкаевъ столько разъ обѣщалъ мнѣ привезти васъ. — Какъ вамъ не стыдно было до сихъ поръ не быть у меня, которая такъ дружна съ Ченыкаевымъ?

Нивельзинъ старался вспомнить, кто-бы такой могъ быть Ченыкаевъ; но принужденъ былъ успокоиться на предположеніи, что это какой-нибудь ея пріятель, сходный съ нею тѣмъ, что его можно видѣть вездѣ, и нигдѣ никто не любопытствуетъ узнать, кто онъ.

— Садитесь-же, садитесь, mon cher monsieur Nivelsine, я такъ рада васъ видѣть! — Она хватала гостя за руки, въ совершенномъ восхищеніи: — Хотите мороженаго? — И скажите скорѣе, каково поживаетъ Ченыкаевъ?

Нивельзинъ отвѣчалъ, что недавно вернулся въ Петербургъ, и не умѣетъ ничего сказать о Ченыкаевѣ, что пріѣхалъ къ ней не по его приглашенію, а по надобности узнать, долго-ли проживетъ въ деревнѣ monsieur Илатонцевъ.

— Mon beau-frère! — мой милый, несравненный, очаровательный beau-frère! — скоро-ли пріѣдетъ онъ? — О, скоро, скоро! Я измучилась тоскою въ разлукѣ съ нимъ! Я изнываю, я умираю отъ тоски, ожидая его! — заговорила она съ неудержимымъ восторгомъ, и прежде, нежели Нивельзинъ улучилъ секунду сдѣлать вопросъ о разнорѣчіи ея свѣдѣній со словами швейцара, онъ узналъ, что она дѣйствительно не можетъ не умирать тоскою въ разлукѣ съ beau-frère'омъ, потому что ея beau-frère такъ добръ и уменъ, — она описала его умъ и доброту самыми бурными восхищеніями, и перешла къ тому, что онъ и вообще очарователенъ, и даже очень красивый мужчина, не смотря на свои годы. — Юринька будетъ въ отца: ахъ, если-бъ monsieur Нивельзинъ зналъ, какой восхитительный ребенокъ Юринька! — Что за доброта, что за умъ! — она описала доброту и умъ Юриньки съ тѣмъ-же восторгомъ и тѣми-же чертами, какими были изображены достоинства beau-frère'а, и начала описывать красоту Юриньки, — вѣроятно, тѣми-же чертами, но принуждена была остановиться, перевести духъ. — Нивельзинъ воспользовался этимъ долго жданнымъ мгновеніемъ, чтобы сказать:

— Я хотѣлъ спросить... — Но мгновеніе уже умчалось, Тенищева перевела духъ и барабанила:

— О Надинѣ? — О, вы увидите Надину! — И тогда вы скажете, ослѣплена-ли я, восхищаясь моею Надиною, — пристрастна-ли я къ ней, говоря что... — Послѣдовало изображеніе Надины, совершенно тѣми-же красками, какими были надѣлены портреты ея отца и брата, — при этомъ, оказалось, что Надина очень похожа на отца и на двухъ княгинь, и пошла рисовка ея отца и обѣихъ княгинь, потомъ родныхъ этихъ княгинь, пока портретистка опять не задохнулась.

Прошелъ битый часъ, прежде, нежели Нивельзинъ успѣлъ выспросить у нея, почему она скоро ждетъ своихъ родныхъ, между тѣмъ какъ швейцаръ сказалъ противное, и убѣдился, что она не могла знать больше, нежели швейцаръ: она давнымъ давно уѣхала изъ деревни, куда отвозила племянницу, съ тѣхъ поръ не получала изъ деревни ни одного письма, и знаетъ только то, съ чѣмъ вернулась изъ деревни она и ея свита: въ то время Илатонцевъ не думалъ вернуться скоро; дочь говорила, что рада была-бы прожить въ деревнѣ всю зиму; beau-frère говорилъ, что когда они будутъ собираться ѣхать, извѣстятъ управляющаго домомъ. А пока добился, что нечего было и спрашивать у нея, Нивельзинъ узналъ множество друзей beau-frère'а и самой Тенищевой: всѣ, безъ различія пола и возраста, были совершенно похожи на

beau-frére'a, Надину и Юриньку; и самого Левицкаго, который тоже разъ десять попадалъ на языкъ доброй женщины, невозможно было отличить ни отъ beau-frère'a, ни отъ Надины, ни отъ какого-то загадочнаго адмирала, не уступавшаго ни умомъ, ни добротою, ни даже красотою ни Юринькѣ, ни Надинѣ.

Пріѣхавъ съ этими извѣстіями къ Волгиной, Нивельзинъ нашелъ ее очень серьезною. Онъ спросилъ, не продолжаетъ-ли она сердиться на него. — „О, нѣтъ, давно забыла. Вчера была очень сердита, но на полчаса. Потомъ хотѣла даже выйти, заставить васъ пѣть, потому что вы поете недурно, но васъ уже не было. Мужъ разсердилъ меня, этою своею глупостью съ Левицкимъ. Не то огорчило меня, что онъ лгалъ, — онъ всегда лжетъ, я не вѣрю ему ни въ одномъ словѣ; правда, это дѣло довольно важное, а онъ лжетъ только въ пустякахъ, и я не могла предполагать, чтобы онъ обманывалъ меня, когда я спрашивала о Левицкомъ. Я не сержусь на то, что онъ лгалъ; онъ и вчера опять солгалъ, когда сталъ признаваться; не захотѣлъ сказать правду. Но я поняла ее. Я вспомнила наши прежніе разговоры съ нимъ, и это огорчило меня."

Нивельзинъ былъ еще подъ слишкомъ сильнымъ вліяніемъ вчерашнихъ замѣчаній Волгина; — вѣроятно, такъ; и вѣроятно, не хотѣлъ думать о томъ, чего не понимаетъ въ ея словахъ. По крайней мѣрѣ, онъ не сдѣлалъ никакого вопроса о прежнихъ разговорахъ ея съ мужомъ, воспоминаніе о которыхъ огорчило ее.

Она поблагодарила его за справку объ Илатонцевыхъ, сказала, что не расположена смѣяться, когда онъ сталъ разсказывать о подробностяхъ своего визита; — что она провела однажды цѣлый вечеръ съ дочерью Илатонцева, должна была даже оставить ночевать на своей дачѣ эту добрую дѣвушку, брошенную теткой, которая умчалась объѣзжать знакомыхъ; — что, поэтому, она имѣла понятіе о Тенищевой, но вообще ей не хочется теперь ни говорить, ни слушать. Завтра это, вѣроятно, пройдетъ. Завтра она будетъ ждать Нивельзина. Они отправятся гулять, если будетъ хорошая погода; если нѣтъ, она попроситъ его пѣть, потому что онъ поетъ хорошо. Опять онъ будетъ обѣдать у нея. А теперь, пусть онъ ѣдетъ домой, или пусть идетъ къ Алексѣю Иванычу: Алексѣй Иванычъ кончилъ работу, Нивельзинъ не помѣшаетъ ему. Но она не пріѣдетъ къ нимъ. Она не сердита на мужа, но ей грустно. Она любитъ бытъ одна, когда ей грустно.

Нивельзинъ пошелъ къ Волгину. — Волгинъ хохоталъ, слушая о портретной галлереѣ Тенищевой. Потомъ, съ неизмѣннымъ своимъ глубокомысліемъ, сталъ объяснять, что хоть эта баба и добрая женщина, но страшная дурища, и доказывалъ это чертами

изъ ея поѣздки за племянницею въ Провансъ; какъ она пропадала на дорогѣ туда, и металась изъ угла въ уголъ Европы на дорогѣ оттуда.

Пришла Волгина. — А какъ же, голубочка, ты сказала Павлу Михайлычу, что не прійдешь? — замѣтилъ мужъ.

— Было слишкомъ грустно; — сказала она, и ни разу не улыбнулась остроумнымъ соображеніямъ мужа о томъ, какъ, по всей вѣроятности, отплясывала эта дурища въ Парижѣ на загородныхъ балахъ, и какъ надували ее разные милые господа, умѣющіе обирать подобныхъ госпожъ. — Нивельзинъ сталъ прощаться.

— И умно дѣлаете, Нивельзинъ, что оставляете меня одну; — — сказала Волгина: — Зайдите, пожалуйста, въ мою комнату, скажите тамъ Наташѣ, чтобы принесла Володю ко мнѣ.

— Значитъ, сюда? — замѣтилъ мужъ: — А какъ-же ты сказала Павлу Михайлычу, что хочешь быть одна?

— Съ тобой, я все равно что одна.

— Вотъ, слышите, Павелъ Михайлычъ: меня, даже и за человѣка не считаетъ, — остроумно замѣтилъ мужъ; но она не улыбнулась и этой остротѣ, по его убѣжденію, очень хорошей.

Прошло недѣли двѣ. Нивельзинъ уже и не говорилъ Волгиной, что его сумасшествіе прошло или проходитъ.

Было ясное утро. Хорошая погода въ это время года бываетъ не такъ часто. Невскій проспектъ не наполнился гуляющими.

Волгина и Нивельзинъ были въ числѣ ихъ; прошедши до Полицейскаго моста, шли опять къ Аничкову, и приближались къ Пассажу.

— Ужасно! — вдругъ сказалъ Нивельзинъ, прерывая свой разсказъ о римскомъ corso: — Ужасно! — Назадъ, Лидія Васильевна! — Съ драгуномъ, это Тенищева. — Бѣжимъ!

Волгина взглянула по примѣтѣ, сказанной Нивельзинымъ.

На встрѣчу имъ неслась, объ руку съ драгунскимъ офицеромъ, толстая, бѣлая и румяная пріятельница непостижимаго Ченыкаева и загадочнаго адмирала, не уступавшаго красотою никому въ свѣтѣ, даже изъ женскаго пола, — неслась, разряженная въ пухъ и въ прахъ, въ розовомъ платьѣ съ открытымъ лифомъ подъ разстегнутою бѣлою атласною соболью шубкою, съ цѣлымъ садомъ алыхъ и бѣлыхъ розъ подъ свѣтло-голубою шляпою, неслась быстро, порывисто, бурно до того, что и цвѣты тряслись и полы шубки болтались: такъ стремительны были толчки, которыми подвигалъ добрую женщину ея размашисто-шагавшій кавалеръ.

Кавалеръ былъ мужчина лѣтъ тридцати, казавшійся приземистымъ, ниже своего настоящаго роста отъ слишкомъ широкихъ

плечъ; широколицый, изъ-желто-блѣдный, съ гладкими длинными блѣдно-желтыми волосами, весь почти подъ цвѣтъ своему желтому воротнику. Какой-бы ни былъ, мундиръ армейскаго драгуна плохо шелъ къ кавалеру такой пышной дамы. А на немъ былъ такой мундиръ, что плохо годился и вообще для прогулки по Невскому: пальто было съ новымъ воротникомъ, но само совершенно вѣтхое, изъ грубѣйшаго сукна, ставшаго жидкимъ, чуть не тонкимъ—такъ оно обносилось; чуть не дырявымъ рубищемъ обтянулось оно на громадныхъ плечахъ офицера, ввалившись на яминахъ между костями, высовывалось пригорками по буграмъ костей; оно было узковато для этихъ страшныхъ плечъ, разщелилось на впалой груди; изъ подъ него виднѣлся сюртукъ, заштопанный около петель. Не было это подъ пару собольей шубкѣ его дамы, не шло къ широкому лицу его, мускулистому, выражавшему силу, но изможденному: подъ сѣрыми глазами вырылись глубокія впадины, отъ широкихъ ноздрей приплюснутаго носа тянулись морщины до самыхъ угловъ рта съ темновато-блѣдными губами, блѣдныя щеки глубоко втянулись массивными челюстями и массивно выдающимися скулами. По этимъ разъѣхавшимся и высунувшимся скуламъ, по этому низкому широкому носу, нижняя половина лица имѣла-бы почти калмыцкій типъ, если-бы не бѣлизна блѣдной, до желтаго блѣдной кожи, если-бы не густые желтые усы, и если-бы не нависъ надъ этимъ слишкомъ плоскимъ лицомъ крутой высокій лобъ, съ цѣлыми щетками бровей. Брови были такъ густы и щетинисты, что дѣлали темную полосу, хоть были бѣловаты; лобъ и брови такъ нависли надъ глазами, что глаза, хоть и большіе, были-бы едва замѣтны подъ ними, если-бы были спокойны. Но хотя и были они похоронены подъ своимъ двойнымъ навѣсомъ, они приковывали къ себѣ вниманіе своею неугомонной подвижностью: изъ подъ нависшаго лба, изъ подъ надвинутыхъ бровей, эти сѣрые глаза бросали взгляды, полные дикой, пламенной энергіи, взгляды быстрые, какъ молнія, въ одинъ мигъ перебѣгавшіе съ права на лѣво, впередъ, опять на право, опять на лѣво. Драгунъ говорилъ съ Тенищевой, и впивался въ нее своими огненными взглядами, но этими мгновенными, мгновенно-повторявшимися взглядами, впиваясь въ глаза ей, онъ въ тоже время впивался этими бѣгающими, какъ у дикаго звѣря на поискѣ добычи, взглядами во всѣхъ проходившихъ, во всѣхъ, въ каждаго и въ каждую, и на право, и на лѣво. Прицѣпивши къ себѣ за жирную руку Тенищеву своею сухою, но толстою отъ широкихъ костей, рукою, онъ шелъ, шагая, шагая широко, порывисто, съ размашистымъ поворотомъ ногами на каждомъ шагу, и торопливо сѣменившая ногами Тенищева, съ каждымъ его шагомъ дергалась однимъ плечомъ много впередъ другаго, трясясь и прыгая на его рукѣ, такъ что мотались и бѣлыя атласныя полы собольей шубки, и свѣтло-голубая шляпа со всѣмъ своимъ садомъ бѣлыхъ и алыхъ розъ. Но какъ ни раскачивались розы,

какъ ни повертывался, подпрыгивая и подергиваясь въ бокъ, весь ея корпусъ, глаза ея оставались неподвижно устремлены на впивающіеся глаза ея кавалера, и широко раскрыты, такъ что были чуть не совсѣмъ круглые, и ротъ былъ полу-разинутъ: блѣдно-желтый кавалеръ ея говорилъ; она слушала со вниманіемъ и изумленіемъ.

Онъ говорилъ; и хоть они были еще далеко, сквозь шумъ гуляющей толпы, сквозь стукъ несущихся экипажей, до Волгиной и Нивельзина уже долетали отрывки его рѣчи: „Тѣлесное наказаніе... строгость военной дисциплины... военно-уголовные законы въ Англіи... 50 ударовъ палками... Французская дисциплина...“ Подпрыгивая и подергиваясь, Тенищева жадно ловила палочные удары и поглощала военную дисциплину.

— Бѣжимъ, пока еще можемъ спастись! — сказалъ Нивельзинъ, останавливаясь и отступая, чтобы повернуться назадъ.

— Бѣжать? — зачѣмъ-же? — съ полнѣйшимъ равнодушіемъ отвѣчала Волгина, увлекая его впередъ: — Идемъ, Нивельзинъ.

— Бѣжимъ, ради всего святаго! — Заклинаю васъ вашею любовью къ малюткѣ, вашему сыну! Бѣжимъ, или я погибъ, и вы со мною!

— Фи, какой трусъ! — Идемъ смѣло на нихъ! Неужели она отниметъ кавалера у дамы, съ которой незнакома?

— Вы смѣетесь, а я предчувствую погибель! — сказалъ Нивельзинъ, по неволѣ идя впередъ: — Эта женщина ужасна въ своихъ стремленіяхъ дружиться! — отниметъ-ли она меня отъ васъ? — она способна на все! — Она и васъ возьметъ въ плѣнъ!

— Тише, она можетъ слышать.

— Именемъ моей матери, именемъ вашего сына, заклинаю, бѣжимъ, пока еще возмож...

— Кланяйтесь; она увидѣла васъ и кланяется.

Нивельзинъ почувствовалъ, что рука Волгиной выскользнула изъ подъ его руки, и услышалъ смѣхъ Волгиной уже позади. А передъ нимъ, уже на самомъ носу у него, кивали бѣлыя и красныя розы.

— Monsieur Nivelsine! Enchantée... Что было дальше, несчастный не слышалъ: умъ его затемнился отъ шлепанья двухъ огромныхъ алыхъ розъ о его подбородокъ; когда онъ опомнился, она добарабанивала «...ensemble, j'en suis sûre».—Такъ и есть! Она не только въ восторгѣ отъ встрѣчи съ нимъ, она увѣрена, что онъ пойдетъ съ нею! — „Посмотримъ, удастся-ли тебѣ, — съ ожесточеніемъ подумалъ онъ: — удастся-ли тебѣ забастовать меня!“ — и онъ раскрывалъ ротъ, съ намѣреніемъ объявить, что онъ не гуляетъ, а спѣшитъ домой; дома, его ждутъ важныя, безотлагательныя дѣла. Но пока онъ раскрывалъ ротъ, Тенищева уже кричала по русски, бросивши французскій:

— Рекомендую, это Нивельзинъ; Нивельзинъ, рекомендую вамъ...

— Соколовскій, — договорилъ, перебивъ ее, драгунъ, опуская свой нависшій лобъ и поднимая изъ подъ него и густыхъ блѣдно-желтыхъ бровей взглядъ, впивающійся въ душу: — Очень радъ вашему знакомству, Нивельзинъ, — и въ тотъ-же мигъ, Нивельзинъ почувствовалъ жгучую боль въ кости правой руки: кости хрустнули. Такъ усердно было пожатіе новаго знакомца.

— Я слышалъ вашу фамилію, — продолжалъ онъ, и блѣдное лицо его сіяло радостью: — Я также и читалъ ваши мемуары о теоретической формулѣ преломленія луча въ атмосферѣ и о періодическомъ измѣненіи звѣзды Алголь. Читалъ и записку въ Comptes Rendus Парижскаго Института о вашихъ наблюденіяхъ на римской обсерваторіи. Все это хорошо, прекрасно, Нивельзинъ. Но еще лучше то, что я слышалъ о васъ, какъ о хорошемъ человѣкѣ. — Онъ опять нагнулъ лобъ, и опять впился въ глаза Нивельзину взглядомъ, поднятымъ изъ подъ нависшихъ бровей, и опять кость правой руки Нивельзина хрустнула со жгучей болью.

— Нивельзинъ, я не ошибаюсь, конечно: вы шли съ вашею... затараторила Тенищева, пользуясь мигомъ его молчанія.

— Мы очень благодарны вамъ, Алина Константиновна, за то, что познакомились черезъ васъ; — немедленно перебилъ ее Соколовскій тономъ чрезвычайно кроткимъ, симпатичнымъ, ласкающимъ, но такимъ сильнымъ, что поневолѣ приходилось ей успокоиться, слушать и молчать: ея голосъ не былъ слышенъ за словами Соколовскаго: — И вотъ, мы всѣ трое — друзья, — продолжалъ Соколовскій, и Нивельзинъ почувствовалъ себя охваченнымъ одною рукою новаго своего друга, а другою новый его другъ опять прицѣпилъ къ себѣ Тенищеву: — И вотъ, мы всѣ готовы идти, Алина Константиновна, — съ удвоенною радостью воскликнулъ другъ; — и точно, всѣ они пошли, — всѣ, потому что Нивельзинъ былъ сплетенъ въ одно цѣлое съ Тенищевою, — въ крѣпкое, неразрывное цѣлое.

— Я очень, очень радъ случаю, который познакомилъ меня съ вами; — продолжалъ новый другъ, сіяя любовью и радостью и ведя въ охапкѣ своихъ друзей: — Радъ этому вообще, какъ знакомству съ хорошимъ человѣкомъ: хорошіе люди должны сближаться между собою, это мое правило. Есть у меня и особенная причина радоваться: вы бывшій военный, вы имѣли репутацію одного изъ лучшихъ офицеровъ русской арміи. Ваше мнѣніе по военнымъ вопросамъ можетъ имѣть нѣкоторый вѣсъ у военныхъ властей; и будетъ имѣть; будетъ имѣть даже большой вѣсъ, когда вы будете высказывать его рѣзко и настойчиво. Настойчивость, настойчивость! — съ настойчивостью можно добиться много хорошаго, а я убѣжденъ, у васъ не будетъ недостатка въ ней, потому что дѣло стóитъ того. Вы будете полезны ему, обѣщаю вамъ, будете полезны. О, какая святая отрада, Нивельзинъ, чувствовать себя преданнымъ работникомъ какого нибудь

гуманнаго дѣла! — Вы будете знать ее, обѣщаю вамъ! — Я разскажу вамъ, зачѣмъ я въ Петербургѣ. Въ молодости, я не зналъ русскихъ и не любилъ ихъ...

— Вы не русскій? — Я принялъ васъ за чистѣйшаго русскаго.

— Я полякъ. Но правда, я хорошо говорю по русски. Было время выучиться. Было время и узнать русскій народъ, и полюбить его. Это хорошій народъ, добрый, справедливый. Въ молодости, Нивельзинъ, я предполагалъ быть ученымъ. Тоже метематикомъ, какъ вы. Судьба рѣшила иначе, — и вотъ, въ 30 лѣтъ, я сдѣлался драгунскимъ офицеромъ. Но уже и прежде, уже года 3, у меня было опять время, была и возможность заниматься. Не тѣмъ, чѣмъ я хотѣлъ когда-то. Но все равно. Если нельзя работать надъ тѣмъ, надъ чѣмъ хотѣлъ, надо работать надъ тѣмъ, надъ чѣмъ можно. Я выбралъ себѣ работу. Я военный; — такъ, или иначе, по своей-ли волѣ, или по капризу судьбы, я военный русской службы, и сжился съ жизнью моихъ сослуживцевъ; и полюбилъ ихъ; — за то, что судьба привела меня полюбить ихъ, я благодарю судьбу. Я обязанъ работать для ихъ пользы, Нивельзинъ; каждый обязанъ работать на томъ поприщѣ, на которое поставила его судьба, горька или сладка ему эта обязанность. Мнѣ, она сладка, потому что я могъ полюбить тѣхъ, на пользу которыхъ обязанъ работать. Я доволенъ и хочу употребить всѣ мои силы на улучшеніе участи русскаго солдата. Я думалъ, усердно думалъ о томъ, съ какой стороны приняться за это дѣло, и съ чего начать. Я убѣдился, что первою, настоятельнѣйшею, основною реформою должна считаться отмѣна тѣлеснаго наказанія. При шпицрутенахъ и розгахъ, солдатъ не можетъ сознавать свое достоинство человѣка и гражданина; начальство не можетъ не быть беззаботно, безразсудно, безчувственно, деспотично, расточительно и развратно; солдаты не могутъ не быть каторжными, офицеры — палачами. Прежде всего, надобно добиться отмѣны этого варварства; только тогда будутъ возможны другія серьезнѣйшія улучшенія...

Нивельзинъ уже былъ свободенъ: какая-то встрѣчная группа давно заставила Соколовскаго опустить руку съ тальи плѣнника. Но освобожденный добровольно оставался въ плѣну: блѣдный драгунъ глубоко заинтересовалъ его.

Это энтузіастъ, конечно, но есть разные энтузіасты. Есть такіе, у которыхъ въ головѣ нѣтъ ничего, кромѣ энтузіазма. Этотъ, кажется, не таковъ. Есть такіе, у которыхъ энтузіазмъ весь тратится на горячія рѣчи, такъ что ровно ничего не остается для дѣла. Этотъ, кажется, не изъ такихъ: онъ думалъ и трудился. Дѣйствительно, чѣмъ больше слушалъ его Нивельзинъ, тѣмъ сильнѣе чувствовалъ, что блѣдный драгунъ не изъ такихъ энтузіастовъ, надъ которыми можно смѣяться. Нивельзинъ чувствовалъ его обаяніе.

Соколовскій говорилъ, и говорилъ пламенно, неудержимо, и впивался въ глаза Нивельзину восторженнымъ взглядомъ, горѣвшимъ святою любовью; онъ говорилъ неудержимо, но пламенно лившаяся рѣчь его, при всей восторженности чувства, была дѣльна, логична, исполнена фактовъ, была рѣчью человѣка съ желѣзною волею, всецѣло посвятившаго себя своему дѣлу.

Три года онъ занимался этимъ вопросомъ въ Оренбургѣ. Онъ заставлялъ выписывать книги. Онъ толковалъ со своими сослуживцами, чтобы узнать, до какой степени русскіе офицеры, отъ высшихъ до нисшихъ, способны исполнять реформу, какъ солдаты будутъ держать себя, когда она совершится.... Все, что можно было совершить въ Оренбургѣ, онъ приготовилъ. Теперь, по пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ провелъ 5 мѣсяцевъ въ архивахъ, собирая матеріалы, которыхъ нельзя было достать изъ книгъ. Его матеріалы еще не полны, потому что ему еще не открыты секретные архивы, самые важные. Будутъ открыты, онъ добьется, и Нивельзинъ поможетъ ему добиться.

— Вы совершенно можете располагать не только моимъ вліяніемъ на другихъ, но и мною самимъ; — сказалъ Нивельзинъ.

— Само собою разумѣется; я и не спрашивалъ, могу-ли: я зналъ, что вы хорошій человѣкъ.

Его матеріалы теперь не полны. Но они такъ многосторонни и обширны, что съ ними можно начинать дѣло. Онъ уже началъ бы его, но былъ нѣсколько задержанъ въ работѣ своими личными хлопотами. Онъ долженъ былъ поступить въ Академію Генеральнаго Штаба. Безъ того, ему не было-бы ни служебной, ни денежной возможности оставаться въ Петербургѣ. Кромѣ того, для начальства очень важно ученое званіе человѣка. Онъ долженъ былъ очень много хлопотать, чтобы ему позволили держать экзаменъ въ Академію: Нивельзинъ помнитъ, по правиламъ, для этого надо пробыть два года офицеромъ, а онъ произведенъ въ офицеры нынѣшнею весною. Чтобы сдѣлать для него исключеніе, ему надо было найти какого-нибудь вліятельнаго начальника, который захотѣлъ-бы постараться. И вотъ, онъ нашелъ. Перемѣнилъ пѣхотный мундиръ на драгунскій, чтобы поступить подъ начальство этого человѣка, былъ допущенъ къ экзамену, благодаря ему; — и какъ-бы думалъ Нивельзинъ, кто этотъ начальникъ, и почему старался такъ усердно, что выхлопоталъ позволеніе, почти невозможное? — Ученый, или добрякъ, — по сочувствію къ прогрессу, или по любви къ порядочнымъ людямъ? — Ни мало; это фрунтовикъ, грубый, закоснѣлый невѣжда, не имѣющій въ головѣ ничего, кромѣ фрунтовой муштровки. Онъ очаровалъ этого генералъ-капрала своимъ мастерствомъ въ дѣланіи на караулъ, маршировкѣ. Тяжела была наука вытягивать носокъ, и казалась глупа; а вотъ, ей онъ обязанъ тѣмъ, что онъ теперь

въ Академіи Генеральнаго Штаба, — слѣдовательно, остается въ Петербургѣ, и можетъ приняться вести свое дѣло.

Онъ принялся за него и пишетъ записку; конечно, въ двухъ видахъ: будетъ настоящая записка, подробная, дѣльная. Но она будетъ тяжеловѣсна. У кого изъ важныхъ людей достанетъ терпѣнія прочесть ее? — Потому, будетъ и другая записка, коротенькая. Онъ разскажетъ Нивельзину содержаніе большой записки. —Онъ сталъ разсказывать; у Нивельзина исчезло всякое сомнѣніе въ томъ, заслуживалъ-ли энтузіастъ, чтобы сказать ему: „располагайте и моимъ вліяніемъ, и моимъ временемъ". Содержаніе записки было богатымъ сводомъ безчисленныхъ и глубоко-обдуманныхъ фактовъ, объяснявшихъ вопросъ со всѣхъ сторонъ. Тутъ была исторія дисциплины и боевой годности всѣхъ важнѣйшихъ армій. Исторія каждой арміи доказывала, что тѣлесное наказаніе портитъ войско, ослабляетъ дисциплину, ведетъ къ проигрышу битвъ; что съ отмѣною тѣлеснаго наказанія буйные мародеры обращались въ послушныхъ, вѣрныхъ знаменамъ солдатъ, армія трусовъ обращалась въ армію храбрыхъ. Разсматривая каждый фактъ, который могъ-бы казаться противорѣчащимъ этому, выводилось, что онъ не противорѣчитъ, а подтверждаетъ. Приводилось мнѣніе десятковъ великихъ полководцевъ, замѣчательныхъ военныхъ администраторовъ, и оказывалось, что всѣ они признавали превосходство арміи безъ розогъ и шпицрутеновъ надъ арміею солдатъ съ избитыми спинами. Подробно разсматривались всѣ нравственныя особенности русскаго войска.

— Больше половины этого у меня написано; когда кончу, мы прочтемъ, Нивельзинъ; вы укажете ошибки, недостатки, сообщите мнѣ новыя мысли, новые факты.

Нивельзинъ не видѣлъ ошибокъ въ мысляхъ; думалъ, что и въ обзорѣ фактовъ не будетъ пропусковъ; ему казалось—всѣ возможные доводы, всѣ возраженія предусмотрѣны.

— Вамъ такъ показалось; я очень радъ. Но вамъ такъ показалось на первый взглядъ. Когда вы прочтете записку не разъ и не два, вы найдете посовѣтовать многое. Вамъ надобно будетъ изучить эту записку, не жалѣя труда. Дѣло стóитъ того.

— Я буду дѣлать все, что вы почтете нужнымъ; — отвѣчалъ Нивельзинъ: скромность и дѣльность этого энтузіаста, его сильная, святая преданность дѣлу согрѣвала и Нивельзина: — Располагайте мною вполнѣ.

— Я ждалъ отъ васъ этого, потому что слышалъ о васъ, какъ о хорошемъ человѣкѣ. Вашу руку, Нивельзинъ.

Тенищева воспользовалась мгновеніемъ, на которое умолкъ ея укротитель, чтобы возобновить заглушенный имъ вопросъ: — Съ кѣмъ вы шли Нивельзинъ? это ваша невѣ....

— Да, съ кѣмъ вы шли, Нивельзинъ? — перебилъ Соколовскій.

— Это madame Волгина; — отвѣчалъ Нивельзинъ, произнося слово madame какъ можно вразумительнѣе для Тенищевой.

— Волгина! — воскликнулъ Соколовскій: — Можетъ быть родственница литератору?

— Онъ ея мужъ.

— Вы знакомы съ Волгинымъ? Вы двойная находка для меня. Вы должны подружить меня съ нимъ.

По первому его восклицанію, Нивельзинъ уже предвидѣлъ это заключеніе. Оно необходимо вытекало изъ принципа: хорошіе люди должны сближаться между собою. Притомъ же, Волгинъ располагалъ журналомъ: какъ могъ Соколовскій не накинуться на такую привлекательную добычу? Но не грѣшно-ли будетъ ввести въ кабинетъ Волгина человѣка, заговорившаго саму Тенищеву? Волгинъ смиренъ до беззащитности. Онъ не имѣетъ духа никому дать замѣтить, что ему некогда. А Соколовскій не очень слушался-бы, еслибъ ему и прямо говорить: „извините, мнѣ теперь некогда“. Съ нимъ Соколовскій будетъ экспансивнѣе, нежели съ кѣмъ нибудь: Соколовскій такъ и говоритъ съ перваго слова, что хочетъ „подружиться“ съ нимъ. — Отговариваться безполезно: Соколовскій не затруднится и самъ забраться къ нему. Было одно средство спасти Волгина отъ безпощаднаго энтузіаста:

— Я позову къ себѣ Волгина, если вы хотите. Когда у васъ будетъ свободный вечеръ? — Для него, всѣ вечера равны: всѣ наполнены спѣшною работою. Онъ постоянно заваленъ спѣшною работою, съ утра до ночи. Но такъ и быть, я отниму у него одинъ вечеръ, если это необходимо. — Когда?

— Нынѣ же, о чемъ спрашивать? Нынѣшнимъ вечеромъ я хотѣлъ быть въ домѣ, гдѣ надѣялся встрѣтить одного изъ членовъ Совѣта Военнаго Министерства. Но для Волгина можно отложить это. Пришло, къ нашему счастью, время, что журналистъ — сила, важнѣе всякихъ министровъ! — Вы позовете его нынѣ вечеромъ.

— Хорошо.

— Благодарю. — Соколовскій схватилъ въ свои ужасные тиски злополучную руку Нивельзина.

— Такъ это madame Волгина! — Жадно уловила Тенищева возможность ожить изъ принужденной летаргіи: — Madame Волгина! Я увѣрена, что я слышала о ней, что кто-то звалъ меня къ ней! Кто звалъ? Княгиня Масальская, или баронесса Штраль? или скорѣе баронесса Вейсгауптъ?...

„Теперь, можешь болтать, нечего бояться“, думалъ Нивельзинъ. — Вѣроятно и Соколовскій разсудилъ, что нечего опасаться, когда сказано, что madame Волгина — madame Волгина, жена человѣка, который такъ живъ и здоровъ, что будетъ нынѣ вечеромъ у Нивельзина.

— Такъ, такъ! — начала успокоиваться отъ своихъ сомнѣній

Тенищева, перебравши десятокъ дамъ, каждая изъ которыхъ могла звать ее къ Волгиной: — Такъ, я убѣждена, что это говорила мнѣ графиня Тарновская! Да, да: графиня Тарновская говорила, что очень дружна съ нею, и въ восторгѣ отъ нея! — Милая, эта графиня Тарновская! О, по ея словамъ, я очень хорошо знала madame Волгину. Такъ вотъ она, madame Волгина. А мы съ Соколовскимъ думали, что это ваша невѣста! Ахъ, какъ жаль, Нивельзинъ, что мы ошиблись! Мы были такъ рады за васъ! Мы...

— Алина Константиновна, — началъ Соколовскій внушительнымъ тономъ.

— До свиданія, — сказалъ Нивельзинъ, и пошелъ прочь.

Въ своей, какъ теперь оказалось, ложной безпечности, они оба были застигнуты такъ въ расплохъ внезапнымъ возобновленіемъ атаки, что прежде нежели успѣли принять каждый свои мѣры, Тенищева уже успѣла довольно хорошо оправдать мнѣніе Соколовскаго, что настойчивость достигаетъ успѣха.

Тогда, Нивельзинъ утаилъ отъ Волгиной этотъ эпизодъ. Но впослѣдствіи времени могъ и разсказать его, и признаться, что былъ взбѣшенъ.

Было еще рано возвращаться къ Волгинымъ, обѣдать. Да онъ и былъ не въ такомъ расположеніи духа, чтобы спѣшить къ нимъ. Онъ пошелъ по Невскому, въ направленіи, противоположномъ тому, въ какомъ бросилъ идти Соколовскаго съ Тенищевой. Но скоро его бѣшенство смѣнилось грустью, тѣмъ болѣе горькою, что онъ и сердился на себя за то, что она овладѣла имъ. Вѣроятно ему попадались знакомые. Онъ не замѣчалъ...

— Алина Константиновна раздосадовала васъ; — раздалось у его уха. — Это былъ голосъ Соколовскаго. Нивельзинъ оглянулся; такъ: не одинъ Соколовскій тутъ; по прежнему виситъ на рукѣ у него Тенищева. Потъ лился съ лица несчастной, лился ручьями; должно быть скакала галопомъ въ погоню. Сама скакала и мчала Соколовскаго, или онъ гналъ ее? — Но и то хорошо съ его стороны, если только дозволилъ ей, а не самъ погналъ! — „А мнѣ еще показалось, когда онъ останавливалъ ея умный языкъ, что онъ не совершенно отрѣшился отъ понятій: умѣстно и неумѣстно“, подумалъ Нивельзинъ, безжалостный въ своемъ ожесточеніи. — Но Соколовскій преспокойно объяснялся съ основательностью, которая бы сдѣлала честь самому Волгину: — Алина Константиновна раздосадовала васъ. Она говоритъ иногда лишнее, Нивельзинъ, говоритъ не кстати, неосторожно, и много вредитъ себѣ своимъ простодушіемъ. Но дурные люди не бываютъ простодушны; — вспомните это, Нивельзинъ.

— Помилуйте Соколовскій, съ чего вы взяли ставить меня въ такое неловкое отношеніе къ Алинѣ Константиновнѣ? — Отвѣчалъ Нивельзинъ, по возможности равнодушно: — Я простился съ нею

и съ вами единственно потому, что въ ту минуту мимо насъ прошелъ одинъ изъ моихъ друзей, котораго надобно было догнать, чтобы переговорить объ очень важномъ дѣлѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ! — вступила въ свою роль Тенищева, захлебываясь отъ одышки, и тѣмъ торопливѣе работая языкомъ въ интервалы: — Нѣтъ, нѣтъ, Нивельзинъ, не спорьте! Онъ го-хх-ворилъ мнѣ, что вы будете отрекаться, но я знаю теперь: вы у-хх-шли потому, что разсердились на меня. Я не за-хх-мѣтила, чѣмъ могла огорчить васъ, да и не подумала, что-хх-вы разсердились. Но Соколовскій говоритъ правду. Пусть мы оба думали-хх, что это ваша невѣста. Но не слѣдовало спрашивать: спра-хх-шивать, значитъ навязываться на интимность, а это не-хх-деликатно, говоритъ онъ, и это правда, я понимаю. Онъ два раза и останавливалъ меня, но я не догадалась. Еще непрохх-стительнѣе было, что я сказала, когда уже знала, что-хх-мы ошибались. Я понимаю, что это должно было огорчить-хх-васъ. Но не сердитесь, Нивельзинъ: я не нарочно раздо-хх-садовала васъ. У меня нѣтъ этой привычки, говорить что ни-хх-будь нарочно въ досаду. Я не умѣю этого, Нивельзинъ, я-хх-...

Соколовскій съ одобрѣніемъ глядѣлъ на нее: прекрасно говоритъ свой урокъ; понятливая ученица. — Нивельзину было уже забавно: — дура, — и человѣкъ очень умный; пустѣйшая, — и чрезвычайно серьезный; но пара достойная другъ друга: оба люди золотаго вѣка въ желѣзномъ.

— Смѣю увѣрить васъ, Алина Константиновна, Соколовскій совершенно ошибался и понапрасну разстроилъ васъ. Вы не сказали ничего неловкаго.

— Нѣтъ, нѣтъ! Когда онъ растолко-хх-валъ, не обманете меня. Но я увѣрена и въ томъ, что онъ при-хх-бавилъ: вы полюбите меня, когда больше узнаете. Вы тогда не будете прини-хх-мать въ досаду, если у меня вырвется неосторожное сло-хх-во. А сказала отъ искренней души, какъ-же не пожалѣть.....

— Бросимъ это, Алина Константиновна; — ласково, но незаглушимо вступился въ дѣло гувернеръ, видя, что ученица выбивается изъ роли на свою дорогу: — Нивельзину неловко слушать ваши извиненія, а вамъ нѣтъ надобности продолжать ихъ, потому что онъ уже не сердится. — Да, когда вы побольше узнаете Алину Константиновну, Нивельзинъ, вы оцѣните ее доброе, безгранично доброе сердце, безхитростное, благородное. Она изумила меня младенческою чистотою своей души, юношескою пылкостью въ сочувствіи всему честному и полезному. По пріѣздѣ въ Петербургъ, я долго пренебрѣгалъ возможностью познакомиться съ нею. Въ числѣ двухъ, трехъ десятковъ рекомендательныхъ писемъ, мнѣ дали одно къ „Фрейлинѣ“ Тенищевой. Согласитесь, чего-же искать хорошаго въ Фрейлинѣ? — Я бросилъ письмо къ ней. Но вотъ

недѣли двѣ тому назадъ, вытаскивая изъ подъ матраца грязное бѣлье, отдать прачкѣ....

„Творецъ небесный! — Подкрѣпи меня выслушать, въ какой штукѣ бѣлья найдется письмо!“ подумалъ Нивельзинъ. — Но случай былъ менѣе ужасенъ, чѣмъ могъ бы быть.

Вытаскивая изъ подъ матраца рубашку, — продолжалъ Соколовскій, онъ ощупалъ въ ней жесткій листокъ, — тряхнулъ ее — выпало письмо. Онъ подумалъ надъ нимъ, и рѣшилъ: не измѣнять своему правилу, что вездѣ надобно искать хорошихъ людей. Поѣхалъ къ Тенищевой, и, наперекоръ всякому вѣроятію, нашелъ въ ней хорошаго человѣка, — и не только хорошаго, чрезвычайно полезнаго. Она тотъ часъ же взялась хлопотать за его проэктъ....

„Но это, богъ знаетъ что!“ думалъ Нивельзинъ. „Дѣлать эту, положимъ, добрѣйшую, но пустѣйшую и глупѣйшую женщину двигательницею дѣла, такого серьезнаго, труднаго, важнаго! Разсужденіе о фрейлинѣ при фрейлинѣ и даже исторію грязнаго бѣлья я выдержалъ. Но этого, если это будетъ продолжаться, не выдержу, кажется.“ — „Это“ продолжалось: Соколовскій хоть и горячо по своей натурѣ, но съ полнѣйшимъ спокойствіемъ за здравый смыслъ своихъ словъ, радовался и радовался, какую ревностную помощницу нашелъ онъ въ Алинѣ Константиновнѣ, пылко сочувствующей всему гуманному и прогрессивному... Нивельзинъ почувствовалъ наконецъ, что ему не остается выбора: расхохотаться, если не остановить наивнаго энтузіаста.

— Но, я думаю, военно-уголовные законы были довольно чужды кругу занятій Алины Константиновны, и ваши мысли остаются нѣсколько темны для нея?

— Конечно, прежде она не думала о возможности и важности этой реформы; — отвѣчалъ Соколовскій, какъ ни въ чемъ не бывало: — Но она отдалась дѣлу всею душею. — Правда и то, что попросивъ ее разсказать мнѣ, какъ она передаетъ свои убѣжденія другимъ, я замѣтилъ, что она не вполнѣ овладѣла фактами, необходимыми для ея новой дѣятельности, и не совершенно отчетливо представляетъ себѣ связь между ними. Но тутъ нѣтъ ничего, чтобы надобно было отчаяваться; нельзя же упомнить все съ перваго раза. Я повторяю ей существенные доводы, и мы съ нею будемъ говорить снова и снова, пока все станетъ ясно для нея. Терпѣніе; — обратился онъ съ одобреніемъ къ своей ученицѣ: — Нужно только терпѣніе, какъ оно всегда и во всемъ необходимо человѣку, желающему быть полезнымъ. — Я очень доволенъ ея терпѣніемъ и внимательностью; — похвалилъ онъ ее Нивельзину, для лучшаго ея поощренія.

Волгинъ заливался руладами, украшая множествомъ очень остроумныхъ шутокъ разсказъ Нивельзина о Тенищевой и ея учителѣ. Потомъ, сталъ горячо благодарить Нивельзина, когда услышалъ, какъ избавляетъ его Нивельзинъ отъ нашествія Соколовскаго; при этомъ, не упустилъ случая помотать головою и повздыхать о своей безхарактерности, по которой не можетъ защищаться отъ скучныхъ посѣтителей, отнимающихъ у него время; не замѣдлилъ утѣшиться въ этомъ замысловатою остротою, что Павелъ Михайлычъ необыкновенно обидѣлъ его, принявши его за мокрую курицу, которая не могла-бы сама отбиться отъ Соколовскаго, и послѣ того сталъ опять заливаться на всѣ возможные и невозможные для обыкновеннаго человѣческаго горла тоны, съ несравненнымъ и неистощимымъ остроуміемъ поясняя Нивельзину и женѣ, какой смѣшной человѣкъ Соколовскій. Нивельзинъ кончилъ разсказъ, а Волгинъ все еще сыпалъ превосходнѣйшія шутки на эту тему, и награждалъ себя за нихъ самымъ усерднымъ образомъ, пока не заболѣли у него бока отъ хохота.

— Я молчала, мой другъ, потому что радуюсь когда ты веселъ; хоть у тебя невыносимый голосъ; все равно, рада, — сказала жена: —Но теперь замѣчу, мой другъ, что вы съ Нивельзинымъ весьма легко судите о наивности Соколовскаго. Онъ увлеченъ своими мыслями, поэтому дѣлаетъ и говоритъ много забавнаго. Но судя по вашему же разсказу, Нивельзинъ, онъ вовсе не такой простодушный, какимъ вообразили вы съ Алексѣемъ Иванычемъ. Онъ искрененъ, благороденъ, преданъ своему дѣлу безкорыстно, до самоотверженія, — въ этомъ смыслѣ онъ простодушенъ, — въ хорошемъ смыслѣ слова, но только въ хорошемъ; никакъ не въ смѣшномъ. Онъ умѣетъ вести дѣло, и, по всей вѣроятности, очень умѣетъ понимать людей.

— Въ вашемъ характерѣ нѣтъ насмѣшливости, и вы любите вступаться за тѣхъ, надъ кѣмъ смѣются; — сказалъ Нивельзинъ: — Но...

— Позвольте, Павелъ Михайлычъ; — не замѣдлилъ перебить его Волгинъ: — Согласенъ, Лидія Васильевна не насмѣшлива, и любитъ вступаться, согласенъ. Но дѣло не въ томъ: точно, мы съ вами нѣсколько не доглядѣли. Она говоритъ правду. Соколовскій человѣкъ очень практичный.

— Помилуйте, Алексѣй Иванычъ... — началъ было Нивельзинъ.

— Нечего миловать, Павелъ Михайлычъ. Лидія Васильевна говоритъ правду. Если судить правильно, по всему видно, что онъ человѣкъ очень практичный. Подумайте-ка хоть о томъ, что онъ умѣлъ устроить свое дѣло о поступленіи въ Академію, а вы сами знаете лучше меня, это было дѣло очень трудное. Все разсудилъ, все обработалъ. Какъ сдѣлать? — Надобно пріискать сильнаго протектора. Что это, наивный или практическій взглядъ на вещи?

— И нашелъ, и очаровалъ, — чѣмъ? — Экзальтаціею, благородствомъ, умомъ? — Нѣтъ-съ, извините: на этомъ, говоритъ, далеко не уѣдешь съ такими олухами, — покажу я ему, говоритъ, какъ я марширую и выдѣлываю ружьемъ. Это наивность или практичность? — Да и все разбирайте, — во всякомъ поступкѣ, тоже; и результатъ берите: въ четыре, въ пять мѣсяцевъ, прапорщикъ, — или въ драгунахъ они называются корнетами? — оговорился онъ съ обычной основательностью: — прапорщикъ или корнетъ, безъ гроша денегъ, въ заштопанномъ сюртукѣ, — куда пробрался? — сами сказали: „буду на вечерѣ, гдѣ увижу члена военнаго совѣта“ — ого! — какъ вамъ это нравится? — И по Невскому гуляетъ, — съ кѣмъ? — съ Фрейлиною, въ собольей шубѣ! — тоже не дурно для оборваннаго армейскаго прапорщика, не дурно.

— Но, помилуйте-же, Алексѣй Иванычъ; эта самая Тенищева; — въ какомъ свѣтѣ выставляется его практичность? въ восторгѣ отъ того, что онъ прібрѣлъ себѣ прекраснѣйшую, полезнѣйшую сотрудницу въ Тенищевой! — Пусть еще, была бы молода, имѣла бы поклонниковъ, — тогда, пожалуй, можно бы ждать какой-нибудь пользы отъ ея усердія. Но — пожилая женщина, никому неинтересная, всѣмъ надоѣвшая пустою, невыносимою болтовнею, справедливо заслужившая у самыхъ глупыхъ людей репутацію, что она еще гораздо глупѣе ихъ. — Восхищаться ея усердіемъ, ждать отъ нея пользы, — это имѣетъ смыслъ?

— Для васъ, Павелъ Михайлычъ, это смѣшно, потому что вы не родились агитаторомъ; и для меня это отчасти забавно, потому что я слишкомъ вялый человѣкъ: знаете, я люблю смѣяться надъ тѣмъ, на что не хватаетъ энергіи у меня. Агитаторы мнѣ смѣшны. Но всѣ ваши сомнѣнія и мои насмѣшки ровно ничего не значатъ. Она пуста — такъ что-же? — и пустые люди въ искусныхъ рукахъ бываютъ полезны, лишь были бы усердны. Онъ умѣлъ заставить ее усердствовать, и будетъ польза, потому что она скачетъ по его командѣ, — по глупости, оступится, кинется въ сторону, — онъ поднялъ, повернулъ на дорогу, — и скачетъ опять, какъ ему надобно. — Нельзя-съ, умныхъ людей не наберешь столько, сколько надо агитатору; онъ долженъ няньчиться и съ глупыми. — „Но никто не уважаетъ ее.“ — Пусть, а ему какая надобность? — Все равно, когда это ей не остановка: лѣзетъ ко всякому и барабанитъ. — „Но никто не слушаетъ ея.“ — Слушай, не слушай, по неволѣ кое-что услышишь, когда трещитъ надъ ухомъ. — Помилуйте, умными ли людьми пользуются умные люди, чтобы подымать шумъ? Нѣтъ, умные люди не годятся быть волынками: взялъ подъ мышку, налегай, волынка и дудитъ, — глупые удобны для этой роли. Невозможно вести пропаганду безъ помощи дураковъ и дуръ; ими все дѣло красится и цвѣтетъ.

— Въ вашихъ словахъ много правды; — согласился Нивельзинъ.

— Нельзя, чтобы не было, Павелъ Михайлычъ; и читалъ, и думалъ объ этихъ нелѣпостяхъ, — отвѣчалъ Волгинъ, и задумался.

— Прибавь, мой другъ, она живетъ у Илатонцева; — замѣтила жена.

— Это удивительно! — воскликнулъ онъ съ ожесточеніемъ и покачалъ головою: — Всегда, самое-то главное и оставлю безъ вниманія! Само собою, Павелъ Михайлычъ, все, что я говорилъ о пользѣ отъ языка Тенищевой — мелочь, вздоръ. Натурально, нѣкоторую пользу можетъ принести, но совершенно незначительную. Конечно, у него не тотъ разсчетъ. Въ чемъ-же? — Очень просто: онъ осѣдлалъ ее, сѣлъ верхомъ, и поѣхалъ, — куда-же, позвольте спросить, въѣхалъ онъ на ней? — Въ салоны Илатонцева. Она вѣруетъ въ него, потому, онъ свой въ домѣ Илатонцева. Пріѣдетъ Илатонцевъ, какимъ обществомъ наполнятся салоны? — Члены Государственнаго Совѣта, министры, генералъ-адъютанты. А онъ тамъ свой. — Какъ же вы полагаете: есть разница, мелкій офицеръ подаетъ бюрократическимъ порядкомъ докладныя записки въ руки мелюзгѣ, — или свѣтскій знакомый говоритъ съ знакомыми въ такомъ домѣ, куда они лѣзутъ съ усердіемъ, и гдѣ онъ чуть не хозяинъ? — Какъ находите, Павелъ Михайлычъ: не практиченъ этотъ разсчетъ? — А мы съ вами: „Тенищева дура!“ — Кто же простякъ, онъ или вы? — О себѣ, я не говорю.

— Въ самомъ дѣлѣ, такъ; — сказалъ Нивельзинъ.

— То-то же, — глубокомысленно подтвердилъ Волгинъ. Онъ былъ хорошъ тѣмъ, что если и не замѣчалъ иногда чего-нибудь самъ, — это, иногда случалось, — то, какъ только покажутъ ему, сейчасъ же замѣчалъ и усердно объяснялъ. Въ объясненіяхъ онъ былъ такъ же силенъ, какъ въ остроуміи. — Да, — продолжалъ онъ, погружаясь въ размышленіе: — не знаю, сознательно ли руководится такимъ разсчетомъ Соколовскій, или просто повинуется инстинкту своей агитаторской натуры. Вѣроятнѣе, просто инстинктъ. Претъ его инстинктъ, онъ и лѣзетъ, — какъ лунатикъ, — но только, вы знаете, лунатикъ пробирается такъ ловко и вѣрно, что самый отличный акробатъ не съумѣетъ такъ пройти. — Да, можетъ быть, онъ также непрактиченъ, какъ я, во всемъ, чего не подсказываетъ ему инстинктъ. Но въ немъ есть инстинктъ политическаго дѣятеля, — качество, котораго не найдете вы ни въ одномъ изъ нашихъ либераловъ.

— Думаешь ли ты, мой другъ, что онъ понравится тебѣ? — спросила жена, начиная дѣлать чай. Волгинъ любилъ пить чай послѣ обѣда.

— Это очень можетъ быть, голубочка. Если сказать правду, я почти увѣренъ въ этомъ.

— Если онъ понравится тебѣ, ты не бойся, пригласи его, пусть

бываетъ у тебя, и самъ иногда заходи къ нему, чтобы онъ видѣлъ, что его знакомство пріятно тебѣ. Тебѣ нужно развлеченіе, и я была-бы очень рада, если-бы ты нашелъ хоть одного человѣка, разговоры съ которымъ доставляли бы тебѣ удовольствіе и отдыхъ, а не скуку и утомленіе, какъ съ другими. Не опасайся, что онъ будетъ когда нибудь въ тягость тебѣ. Пусть онъ не способенъ замѣчать самъ, есть тебѣ время болтать съ нимъ, или нѣтъ; но навѣрное, онъ выше всякой мелочности. Если тебѣ некогда, я буду говорить ему: „уйдите, мужу некогда“, и онъ не будетъ въ претензіи; напротивъ, будетъ любить, что съ нимъ обращаются искренно.

— Твоя правда, голубочка; — сказалъ мужъ, подумавши: — Ну, посмотримъ. Если понравится, не буду уклоняться отъ него.

Пришелъ Мироновъ, съ двумя или тремя товарищами. Стали сговариваться о томъ, чтобы устроить маленькій концертъ. — Мироновъ хорошо игралъ на скрипкѣ. У Нивельзина была скрипка: онъ самъ былъ отчасти и виртуозъ, кромѣ того, что порядочно пѣлъ. Послали за нею.

Волгинъ, напившись чаю, пошелъ въ кабинетъ. Черезъ полчаса, вышелъ въ залъ, подождалъ пока кончилась пьеса, и сказалъ Нивельзину:

— Сейчасъ мнѣ вздумалось, не къ Соколовскому-ли относятся разсказы, которые я слышалъ отъ одного старичка-поляка, присланнаго на житье въ городъ, гдѣ я служилъ передъ женитьбою и переселеніемъ въ Петербургъ. Наружность, лѣта, характеръ, ссылка въ оренбургскіе батальоны солдатомъ, все сходится у Соколовскаго съ Болеславомъ, какъ называлъ старичекъ того своего родственника. Мнѣ тогда не пришло въ голову спросить фамилію. Полагалъ, тоже Зелинскій, какъ звали старичка. — Не случилось вамъ узнать, какъ имя Соколовскаго. Болеславъ? — И не разсказывалъ онъ вамъ ничего о дѣлѣ, по которому былъ сосланъ?

Нивельзинъ отвѣчалъ: „нѣтъ“. — Волгинъ сталъ дѣлать другіе вопросы: Не случилось ли Соколовскому упомянуть откуда онъ родомъ? — Не съ Волыни-ли? — Былъ-ли онъ въ университетѣ? и въ какомъ? не въ Петербургскомъ ли?

То и другое такъ; — припомнилъ теперь Нивельзинъ. — Соколовскій упоминалъ, что пріѣхалъ въ Петербургъ позже, нежели могъ. Когда его выпустили изъ Оренбурга, онъ проѣхалъ на Волынь, и зажился тамъ дольше, нежели думалъ. Тамъ у него мать, еще бодрая старушка, и сестра, больная, отъ самаго дѣтства почти не встающая съ постели. — По разговору его видно было, что передъ ссылкою онъ жилъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, а передъ самою ссылкою уѣзжалъ на родину: Онъ выра-

зился, что его провезли мимо дома, гдѣ жила мать и сестра, и не позволили видѣться съ ними.

Все это совершенно такъ. Очевидно было, Соколовскій — тотъ Болеславъ, о которомъ говорилъ Зелинскій.

— Не мѣшай намъ, — сказала Волгина мужу: — Или перестань говорить съ Нивельзинымъ, и пусть онъ опять поетъ, или уведи его къ себѣ: мы обойдемся и безъ него.

— Я пойду къ Алексѣю Иванычу, — сказалъ Нивельзинъ: — Мнѣ любопытно все, что относится къ Соколовскому.

Въ 1848 году, студентъ Петербургскаго университета, полякъ, — не Зелинскій, какъ прежде предполагалъ Волгинъ по ошибочной, но очень естественной догадкѣ, а Соколовскій, отправился провести каникулы на родинѣ — на Волыни. Самъ онъ не имѣлъ ничего; помѣстье его отца было конфисковано послѣ возстанія 1830 года, когда былъ и убитъ отецъ, собравшій партію изъ крестьянъ, своихъ и сосѣднихъ. Но разные родственники его благополучно остались помѣщиками. Ихъ имѣнья лежали вообще недалеко отъ галиційской границы. Соколовскій былъ въ гостяхъ у одного изъ этихъ родныхъ, именно у того самаго Зелинскаго, который впослѣдствіе разсказывалъ все это Волгину. У Зелинскаго былъ вечеръ. Прямо съ вечера Соколовскій уѣхалъ гостить къ другому родственнику; поѣхалъ, по обычаю небогатыхъ людей того края, на телѣгѣ или фурѣ еврея. Другой еврей, бывшій во враждѣ съ этимъ, донесъ на своего недруга, что онъ взялъ провести какого-то студента-поляка за границу. Обвиненнаго еврея арестовали на дорогѣ; также и Соколовскаго. Соколовскаго повезли въ Петербургъ и тамъ рѣшили: сослать въ солдаты въ оренбургскіе батальоны, по подозрѣнію въ намѣреніи уѣхать за границу. Буквально такъ было сказано въ рѣшеніи. Зелинскій справлялся и хлопоталъ; онъ имѣлъ тогда и деньги и знакомыхъ, да и самъ онъ пользовался уваженіемъ: его послали на житье въ Россію уже годомъ позже, за то что онъ помогалъ платьемъ и деньгами проводимымъ чрезъ Волынь полякамъ, взятымъ въ плѣнъ въ Венгерскую кампанію. Въ 1848 году на него смотрѣли еще хорошо. Ему не трудно было узнать всю правду о своемъ родственникѣ. Буквально такъ: „по подозрѣнію въ намѣреніи.“

— По подозрѣнію въ намѣреніи — сослать въ солдаты! — повторилъ Нивельзинъ: — Замѣчательный приговоръ.

— Не столько замѣчательный, сколько прискорбный, — флегматически возразилъ Волгинъ: — Не замѣчателенъ, потому что въ немъ нѣтъ ничего особеннаго. Но огорчительно, что наши производители дѣлъ такъ плохо владѣютъ перомъ, по недостатку просвѣщенія. Будь люди просвѣщенные, конечно, догадались-бы

иначе. Напримѣръ: „по соображенію обстоятельствъ, показывающихъ, что его поѣздка была исполненіемъ замысла эмигрировать“, согласитесь, тутъ было бы все, какъ требуетъ доброе приличіе. „По соображенію обстоятельствъ, показывающихъ“ — не можете не понимать, что улики были. Правда ихъ не было. Но въ приговорѣ и не говорилось бы, что они были. Истина не была бы нарушена. А все таки, нельзя было бы не понимать, что улики были. И дальше: „показывающихъ, что его поѣздка была исполненіемъ замысла“ — о-го! — Это уже не то, что „намѣреніе“. Намѣреніе, согласенъ, вздоръ, пустая мысль; за мысли нельзя наказывать, наказывать строго — говорятъ одни, вовсе нельзя наказывать — говорятъ другіе. — Но „исполненіе замысла“ это — фактъ; преступленіе уже совершилось. — Да, и все было бы прекрасно: обнаруженъ преступный фактъ; наказаніе справедливо. А они, какъ люди необразованные, брякнули „по подозрѣнію въ намѣреніи“ — то есть, безъ всякаго основанія. Да, огорчительно: считаемся во всей Европѣ варварами за то, что не умѣемъ владѣть перомъ. Обидно, прискорбно. Но погодите, просвѣтимся; будемъ выражаться благовиднѣе.

Нивельзинъ горько улыбнулся. — Вы умѣете быть злы.

— Я, золъ? — Волгинъ покачалъ головою: — Я кажусь вамъ злымъ потому, что вы видите вокругъ себя все только невинныхъ младенцевъ; да и сами вы, извините, тоже невинный младенецъ. Умно то общество, въ которомъ я кажусь рѣзкимъ и ѣдкимъ! Я, цыпленокъ, — золъ! — Хороши птицы, среди которыхъ цыпленокъ — ястребъ! Невинные, невинные. — Онъ опять покачалъ головою: — Ну и что же? — Вы, дѣйствительно, такъ невинны, Павелъ Михайлычъ, что повѣрили: „по подозрѣнію въ намѣреніи“, могли сослать въ солдаты? Невиннымъ людямъ воображаются вездѣ оборотни, люди-звѣри. Людей-звѣрей нѣтъ. Нѣтъ такихъ жестокихъ людей, которые бы захотѣли дѣлать вредъ, наносить страданіе безъ надобности. Сослать въ солдаты „по подозрѣнію въ намѣреніи“ сдѣлать такой ничтожный и неопасный поступокъ — эмигрировать, — это невозможность, — само собою, это было только предлогомъ, пустымъ предлогомъ. Натурально, должно было быть и резонное основаніе. Оно осталось не высказано въ приговорѣ, — по необразованности, не нашлись, какъ выразить его. А оно было резонное, справедливое.

Волгинъ бросилъ шутовство, и сталъ опять разсказывать серьезно.

— Соколовскій былъ арестованъ по подозрѣнію въ замыслѣ, не имѣвшемъ ничего ни опаснаго, ни важнаго. Великъ бы былъ убытокъ, если бы юноша и хотѣлъ и успѣлъ эмигрировать! — Кому страхъ отъ этого? А доносъ былъ голословный. Уликъ не нашлось. Поэтому, люди, рѣшавшіе судьбу Соколовскаго, были расположены очень добродушно принимать его оправданія.

Онъ оправдывался умно и умѣлъ убѣдить ихъ, что доносъ былъ вздорною выдумкою. Съ нимъ стали говорить уже не какъ съ подсудимымъ, а просто такъ, для препровожденія времени, потому что кому же не бываетъ пріятно толковать о всякой всячинѣ съ умнымъ человѣкомъ? Онъ разсуждалъ обо всемъ очень основательно, по мнѣнію своихъ судей; пріобрѣлъ ихъ уваженіе, хоть былъ еще юноша. „Скажите — стали они спрашивать его: — почему не всѣ молодые люди имѣютъ такой умѣренный, прекрасный образъ мыслей, какъ вы? — Скажите, какія-бы мѣры могли быть наиболѣе полезны для предотвращенія развитія безразсуднаго образа мыслей въ молодыхъ людяхъ?“ Онъ сталъ объяснять, что существенная причина увлеченій неосновательными мыслями — недостатокъ основательныхъ знаній. — Наука стѣснена, и молодые люди не имѣютъ почти ни какой возможности пріобрѣсти здравыя политическія убѣжденія. Надобно оободить мысль — и она сдѣлается спокойною, мирною. — Онъ отвѣчалъ съ такою же искренностью, съ какою спрашивали его, и спрашивавшіе, хоть не были привычны къ подобнымъ взглядамъ, хоть и не были люди образованные, но все же имѣли здравый смыслъ и житейскую опытность. Имъ казалось, что въ его словахъ много справедливаго. Пошли разговоры подобнаго рода, — и кончились тѣмъ, что друзья слушатели Соколовскаго, къ собственному прискорбію, увидѣли себя обязанными отправить его въ Оренбургъ.

— Его обманывали, завлекали, — говорили съ нимъ только для того, чтобы запутать его! — сказалъ Нивельзинъ: — Хотѣли сослать, не имѣли уликъ, и выманили у него какія-нибудь неосторожныя слова.

— Обыкновенная манера нашихъ прогрессистовъ, да и не нашихъ однихъ! и въ Европѣ тоже умны! Бросьте эту манеру, Павелъ Михайлычъ. Консерваторы, даже реакціонеры, вовсе не такіе хитрецы и злодѣи, какими воображаютъ ихъ либералы. Ни у кого не было охоты ссылать Соколовскаго. Думали освободить его. Но съ обѣихъ сторонъ поступили неосторожно: заговорились, увлеклись. Ошибка, согласенъ. Но ошибка очень естественная: они, вмѣсто дикаго революціонера, увидѣли человѣка умѣреннаго; онъ, вмѣсто злодѣевъ, увидалъ людей далеко не злыхъ. Пріятная неожиданность съ обѣихъ сторонъ — и поддались впечатлѣнію, вообразили, что могутъ понимать другъ друга. Только. Если-бы врагами прогресса были только злые люди! если бы въ борьбѣ за него надобно было побѣждать только интриги, коварства! — о, тогда было бы также хорошо, какъ если бы противниками консерваторовъ были только наши господа либералы! Все шло бы впередъ и быстро и спокойно. Консерваторы не затруднялись бы производить улучшенія, — чего же затрудняться; когда нѣтъ въ перспективѣ ничего опаснаго ни для чьей головы, ни для чьего кармана? и жизнь народа облегчалась бы самымъ отраднымъ образомъ.

— По вашему мнѣнію, могло-бы, напримѣръ, не быть убытка для помѣщиковъ отъ освобожденія крестьянъ?

— Ну, когда рѣчь пошла объ освобожденіи крестьянъ, со стыдомъ умолкаю; — остроумно отвѣчалъ Волгинъ, и залился руладою: — Я уже имѣлъ честь докладывать вамъ, Павелъ Михайлычъ, что вся цѣнность всѣхъ помѣщичьихъ имѣній, по свободнымъ рыночнымъ цѣнамъ, не составляетъ полуторы тысячи милліоновъ. Государству, имѣющему 70 милліоновъ жителей, затрудняться платежомъ какихъ-нибудь полуторы тысячъ милліоновъ! Но, я докладывалъ вамъ, что помѣщики пальчики облизали-бы, заплясали бы отъ восторга отъ полученія суммы, несравненно меньшей. Вы знаете...

— Ты увелъ Нивельзйна говорить о дѣлѣ, а вотъ, уже хохочешь; — сказала Волгина, входя въ кабинетъ: — Кончилъ дѣло, и забавляешь его сказочками, по своему обыкновенію? — Подавай же намъ его, намъ необходимъ первый теноръ. — Идите, Нивельзинъ.

— Правда твоя, голубочка: я начиналъ забавлять себя и Павла Михайлыча сказками, — сказалъ мужъ, и залился руладою въ одобреніе удачной шуткѣ; потому что онъ глубоко былъ убѣжденъ, что сострилъ очень тонко и удачно.

Нивельзинъ ушелъ домой очень много раньше времени, которое назначилъ Соколовскому. Онъ полагалъ, что при горячности своего характера и при нетерпѣніи подружиться съ Волгинымъ, Соколовскій можетъ пріѣхать, пожалуй, и цѣлымъ часомъ прежде, нежели условился. Онъ и не ошибся, какъ потомъ сказалъ Волгинымъ. Соколовскій дѣйствительно пріѣхалъ гораздо раньше, нежели условились. А Волгинъ хоть и обѣщался Нивельзину прійти въ девять часовъ, нѣсколько запоздалъ, и запоздалъ-бы гораздо больше, если-бы жена не помнила времени за него, или захотѣла бы имѣть хоть на половину столько любопытства, какъ Нивельзинъ.

Она привыкла къ тому, что Волгинъ вѣчно забываетъ обо всемъ за работою, и въ девять часовъ пришла сказать ему, что пора идти. Но онъ не работалъ, а лежалъ на своемъ диванѣ, — и не читалъ, а думалъ, чѣмъ занимался очень рѣдко, когда бывалъ одинъ. Онъ былъ любитель и мастеръ погружаться въ глубокія размышленія, но только среди разговоровъ. Когда онъ былъ одинъ, его глубокомысліе вообще не находило себѣ ни какой пищи.

— Что-жъ это? — Ты спалъ, мой другъ?

— Неужели девять часовъ? не спалъ, голубочка, а думалъ объ этомъ Соколовскомъ. Онъ долженъ быть очень замѣчательный

человѣкъ. Натурально, я не разсказывалъ Нивельзину, почему я такъ думаю. Нивельзину я разсказывалъ только пустяки, которые, конечно, разсказываетъ о себѣ и самъ Соколовскій, то, что можно и должно говорить передо всѣми. Но Зелинскій надѣялся на меня, и говорилъ больше. Видишь-ли, Соколовскаго судили за намѣреніе эмигрировать, и не уличили въ этомъ. Да и точно, онъ вовсе не хотѣлъ эмигрировать. Напротивъ. Тутъ было совершенно другое намѣреніе. Видишь-ли, голубочка; въ 1848 году....

— Надоѣлъ ты мнѣ, мой другъ, со своимъ 1848 годомъ, — да и некогда мнѣ слушать: играемъ въ лото; — да и тебѣ некогда разсказывать: пора идти. Одѣвайся, и пріѣди показаться мнѣ, не забылъ-ли повязать галстухъ.

Такъ и осталось неразсказаннымъ то, что болѣе всего заинтересовало Волгина въ пользу Соколовскаго.

А дѣйствительно Волгинъ былъ совершенно правъ, что почувствовалъ очень сильное уваженіе къ этому человѣку, когда увидѣлъ, что онъ — тотъ самый Болеславъ, о которомъ говорилъ Зелинскій. Этотъ Болеславъ, въ то время еще юноша, одинъ сохранилъ разсудокъ въ цѣломъ очень большомъ собраніи, среди пожилыхъ людей и стариковъ, у которыхъ у всѣхъ закружились головы; — одинъ, такой пылкій отъ природы, остался хладнокровенъ, когда и флегматики предались увлеченію.

Галиція волновалась. Въ пограничныхъ польско-русскихъ земляхъ со дня на день ждали оттуда извѣстія, что поднялось возстаніе, и готовились поддержать его. Собирались, организовались, старались запастись оружіемъ, уговаривались о планѣ дѣйствій. Въ томъ краѣ, гдѣ была родина Соколовскаго, мѣстомъ собраній служилъ домъ Зелинскаго. Однажды съѣхались. Собраніе было очень многочисленное. И вдругъ получается извѣстіе: Галиція взялась за оружіе. Тотчасъ же было рѣшено: прямо изъ этого собранія, каждый ѣдетъ въ свою околицу, поднимаетъ ее, и начинается возстаніе. Всѣ рѣшили единогласно. Одинъ Соколовскій спрашивалъ: да правда-ли, что Галиція поднялась? „Поднялась!“ кричали ему. Но онъ былъ такъ настойчивъ, что наконецъ перекричалъ гвалтъ, убѣдилъ не разъѣзжаться, не выслушавъ его. Вѣрны-ли извѣстія, что Галиція поднялась? кто привезъ ихъ? — Привезли десятки, сотни людей: на всѣхъ рынкахъ, къ вечеру всѣ знали; каждый пріѣзжавшій съ границы, подтверждалъ; но кто видѣлъ? Чрезъ два или три часа бурнаго сопротивленія, Соколовскій умолилъ, чтобы дозволили ему съѣздить за границу, взглянуть и привезти положительныя свѣдѣнія.

Онъ не доѣхалъ до границы. Его арестовали по доносу, дѣйствительно не совсѣмъ точному: онъ не хотѣлъ эмигрировать, и могъ доказать, что не хотѣлъ; необходимѣйшія вещи оставались

у него дома; ясно было, что онъ думалъ возвратиться домой очень скоро. Это не помогло ему; въ немъ увидѣли человѣка, тѣмъ болѣе опаснаго, что онъ очень даровитъ, энергиченъ и, въ особенности, очень разсудителенъ. Нашли нужнымъ удалить его. Онъ много и долго долженъ былъ страдать, — не за свою поѣздку, — о ней ничего не узнали, и наконецъ нашли, что она могла быть невиннымъ переѣздомъ отъ одного родственника въ гости къ другому, — но за то, что, по поводу его поѣздки, узнали его характеръ и дарованія.

Онъ не могъ исполнить дѣла, которое взялъ на себя. Но отсрочка, которую онъ вымолилъ, вынудилъ, была достаточна, чтобы дѣло разъяснилось уже и безъ его присутствія. Извѣстія о возстаніи въ Галиціи оказались вздорными. Сотни, если не тысячи людей уцѣлѣли отъ напрасной погибели, на которую пошли бы, если бы не его разсудительность, — и весь край избавился отъ напраснаго раззоренія.

Каждый, каковъ-бы ни былъ по характеру и принципамъ, — будетъ чувствовать уваженіе, и, если честенъ, влеченіе къ человѣку, который, бывши юношею, имѣлъ разсудокъ спасти пожилыхъ людей и стариковъ отъ опрометчивости. Волгинъ былъ мнительнаго, робкаго характера; принципомъ его было: ждать и ждать, какъ можно дольше, какъ можно тише ждать. Поэтому, онъ цѣнилъ поступокъ Соколовскаго еще гораздо выше, нежели могутъ цѣнить люди отважные.

Дѣйствительно, Соколовскій былъ тотъ Болеславъ, о которомъ разсказывалъ Зелинскій, сынъ двоюродной сестры его. Сначала поговорили объ этомъ старикѣ, человѣкѣ благородномъ, но не выходившемъ изъ ряда обыкновенныхъ добряковъ, неинтересныхъ ни для кого, кромѣ своихъ родныхъ и друзей. Потомъ, Соколовскій говорилъ о своей жизни въ Оренбургѣ. Такъ прошло довольно много времени. Волгину представлялось нужнымъ, чтобы Соколовскій присмотрѣлся къ нему, нѣсколько привыкъ, не шокировался его слишкомъ угловатыми манерами, его привычкою шутить, большею частію не кстати, хохотать, не договаривать фразъ и умолкать, также не кстати, смотрѣть въ уголъ и въ полъ, — вообще, держать себя неловко, дико. Разсудивъ, что Соколовскій достаточно приготовленъ не смущаться странными формами, въ какихъ онъ обыкновенно выражаетъ свои мысли, и обращать вниманіе только на сущность ихъ, Волгинъ сказалъ, что, конечно, и Зелинскій, и Оренбургъ — предметы для разговора, не хуже множества другихъ, но что, конечно, Соколовскій хотѣлъ видѣться съ нимъ вовсе не для того, чтобы толковать о такихъ вещахъ.

— Вы заинтересованы вашимъ проэктомъ, Болеславъ Иванычъ, и разумѣется хотѣли, чтобы я помогалъ этому дѣлу, какъ журналистъ.

— Конечно, такъ. Но былъ у меня и другой мотивъ желать сближенія съ вами: сходство нашихъ убѣжденій.

— Само собою. Но объ этомъ мы поговоримъ послѣ, если будетъ надобность. А теперь, на счетъ содѣйствія вашему доброму намѣренію, откровенно скажу: не только самъ не хочу помогать, совѣтывалъ бы, чтобъ и вы бросили это дѣло.

Соколовскій вскочилъ, и опять также быстро сѣлъ, подавивши нетерпѣніе воскликнуть что-то,—вѣроятно, что не вѣритъ своимъ ушамъ. — Видите-ли — вяло продолжалъ Волгинъ: — у васъ не такой характеръ, Болеславъ Иванычъ, чтобы позволительно было не сказать вамъ правду. Изъ вашихъ стараній—ничего не выйдетъ. А къ чему ведетъ излишняя охота вразумлять людей, вы уже испытали. Стоитъ-ли губить себя понапрасну?

— Вы кончили? — терпѣливо спросилъ Соколовскій. При всей своей горячности онъ умѣлъ быть терпѣливымъ; при всей экспансивности, дѣлавшей его чрезвычайнымъ охотникомъ говорить, умѣлъ и слушать: — Вы кончили? — спросилъ онъ, видя, что Волгинъ замолчалъ. — Или еще не досказали?

— Пожалуй, хоть и кончилъ, потому что развивать передъ вами мою мысль — совершенно безполезно. Я только считалъ обязанностью предостеречь васъ. Расположены вы принять ее, то и сами увидите, почему она справедлива. Вы не ребенокъ, и знаете наши обстоятельства. Не нуждаетесь въ томъ, чтобы кто-нибудь указывалъ вамъ факты и объяснялъ ихъ смыслъ. Но я не думаю, чтобы вы были готовы принять мой взглядъ на вещи, и не воображаю, чтобы могъ переубѣдить васъ. Если я сказалъ, какъ думаю, то разумѣется для того, чтобы устранить себя, а не съ намѣреніемъ учить васъ.

— Вы отвергаете возможность этой реформы, въ частности, или вообще возможность реформъ? Высказывайте же и основанія вашего скептицизма.

— Я нисколько не скептикъ. Скептикъ тотъ, кто не умѣетъ сказать: „да“ или „нѣтъ“ согласны съ правдою. Возможности реформъ я не отвергаю: какъ отвергать возможность того, что происходитъ? Происходятъ реформы въ огромномъ количествѣ; я не могу не знать этого, потому что читаю газеты. И вообще говоря, вы можете думать, если вамъ угодно, что я совершенно согласенъ съ вами. Отъ этого не будетъ убытка ни вамъ, никому, потому что ровно никому не можетъ быть ни вреда, ни пользы отъ того, какъ я думаю. Я только отстраняюсь отъ участія въ вашихъ заботахъ, потому что не имѣю охоты хлопотать.

— Продолжайте, — заманивающимъ тономъ сказалъ Соколовскій.

— Мнѣ нечего продолжать, Болеславъ Иванычъ. Я сказалъ, что не хочу спорить съ вами.

— Вы не имѣете охоты хлопотать о реформахъ! Какъ-же понять это, если принуждены соглашаться, что русское общество занято реформами?

— Можете понимать различными манерами; не знаю, какую манеру понимать я могу рекомендовать вамъ. Напримѣръ: быть можетъ, я полагаю, что никто не послушаетъ меня; быть можетъ, я считаю неприличнымъ лѣзть съ моими совѣтами, когда никто не проситъ меня объ этомъ; быть можетъ я думаю: не нужно реформъ. Я могу думать и это. Какая мнѣ надобность въ реформахъ? Мнѣ хорошо и безъ нихъ. Если хотите знать мое собственное мнѣніе, я полагаю, что это послѣднее предположеніе ближе всего къ правдѣ. Съ какой стати я имѣлъ бы охоту горячиться? Мои дѣла въ хорошемъ положеніи, постоянно улучшаются. Ни отъ кого я не имѣю никакихъ непріятностей. По природѣ, я человѣкъ смирный. Я желаю, чтобы все оставалось, какъ есть, потому что ничего лучшаго для меня не сдѣлаютъ никакія реформы. Соблюдая благопристойность, я не прочь говорить: „я очень люблю реформы“, — согласитесь, неприлично высказывать себя равнодушнымъ къ общей пользѣ — и хотя я не богъ знаетъ какой хитрецъ, но не такъ и глупъ, чтобы возбуждать презрѣніе и ненависть къ себѣ высказываніемъ моихъ задушевныхъ мыслей, которыя, какъ видите, не очень возвышенны и привлекательны. Но здѣсь, при людяхъ, съ которыми могу быть на распашку, не имѣю охоты шарлатанить.

Соколовскій слушалъ, стиснувъ челюсти, но не прерывалъ.

— Алексѣй Иванычъ шутитъ, — замѣтилъ Нивельзинъ: — Онъ любитъ шутить.

— Люблю. И если шучу, то шучу. Можетъ быть, надо прибавить: шучу некстати, неумѣстно. И это бываетъ. Но я полагаю, что я нисколько не шучу. А впрочемъ, дѣйствительно лучше, если Болеславъ Иванычъ будетъ думать вмѣстѣ съ вами, Павелъ Михайлычъ, что я шучу.

Почти каждый на мѣстѣ Соколовскаго былъ бы выведенъ изъ терпѣнія, но Соколовскій имѣлъ очень сильный характеръ.

— Если вы такъ апатичны къ общей пользѣ, то зачѣмъ же вы пишете? — спокойно сказалъ онъ.

— Это мое ремесло. Человѣку, неимѣющему состоянія, надобно дѣлать что-нибудь, чтобы добывать кусокъ хлѣба. Я пишу — и добываю. И добываю очень хорошій; потому, очень доволенъ своимъ ремесломъ.

— Но вы пишете не то, что говорите.

— Я не могу писать того, что говорю: какая-жъ охота публикѣ была-бы читать мои разсужденіи о моемъ характерѣ? — Онъ занимателенъ только для моихъ друзей, или людей, желающихъ

личнаго сближенія со мной, какъ вы. Для публики, нужны другіе предметы, болѣе занимательные, чѣмъ моя персона. — Но то, что я пишу, не противорѣчитъ тому, что я говорю. Я говорю вамъ, что равнодушенъ къ реформамъ. Я не пишу, что восхищаюсь ими. Я говорю, что не хочу писать о реформахъ. Я и не пишу о нихъ.

— Вы не хотите говорить со мною; — сказалъ Соколовскій, не теряя спокойствія.

— Не совсѣмъ правильно выразились, Болеславъ Иванычъ. Вы слышите, я говорю. И буду говорить, сколько вамъ угодно. Но я сказалъ, что не хочу спорить съ вами; и не буду. Когда будетъ время, скажу, почему не хочу, и надѣюсь, вы согласитесь тогда, что, со своей точки зрѣнія, я правъ. О чемъ вамъ угодно, чтобъ я говорилъ? Я готовъ, съ удовольствіемъ, и сколько вамъ угодно.

— Алексѣй Иванычъ, — кротко сказалъ Соколовскій: — Вы согласитесь, другой, на моемъ мѣстѣ, могъ бы принять такое обращеніе за обиду.

— Согласенъ, Болеславъ Иванычъ. Но вы не примете.

Соколовскій стиснулъ челюсти, помолчалъ, и опять, овладѣвъ собою, кротко сказалъ:

— Вы не хотите быть знакомы со мною?

— Я еще не говорилъ этого, Болеславъ Иванычъ. Я говорилъ пока только о томъ, что въ одномъ изъ вашихъ побужденій сблизиться со мною, вы ошиблись. Какъ журналистъ, я безполезенъ для васъ. У васъ былъ другой мотивъ: одинакость нашихъ убѣжденій. Не знаю, достаточно-ли обнаружилось для васъ, что и въ этомъ вы ошибались. Мой образъ мыслей не сходенъ съ вашимъ.

Соколовскій всталъ и нѣсколько разъ прошелъ по комнатѣ. Сѣлъ, и началъ спокойно:

— Вы уклоняетесь отъ спора со мною. Я хочу спорить съ вами. Вы не хотите указывать фактовъ, которыми, по вашему мнѣнію, опровергаются мои надежды. Я напомню вамъ факты, на которыхъ основываются мои ожиданія и которыми, какъ мнѣ кажется, совершенно устраняется возможность оставаться при безусловномъ отрицаніи.

— Я отрицаю? — даже безусловно отрицаю? — Волгинъ покачалъ головой: — Что могу я отрицать? можетъ-ли нѣмой отрицать?

— Я понимаю васъ, — терпѣливо продолжалъ Соколовскій, не давши себѣ воли сбиться въ сторону отъ выходки Волгина: — Я понимаю ваше отрицаніе. Я однихъ лѣтъ съ вами. Мои убѣжденія одновременно формировались съ вашими. И отъ однихъ и тѣхъ-же фактовъ, одинаково замирали надежды въ нашихъ сердцахъ. Тогда и я видѣлъ, что реформы невозможны. Но

теперь, другое время. — Онъ сталъ перечислять недавнія событія, которыми русскіе были пробуждены отъ долгаго сна и потрясена система, повергавшая ихъ въ этотъ летаргическій сонъ.

Вся жизнь русскаго была принесена въ жертву завоеваній; всѣ силы русскаго народа были истощены на служеніе этому духу, весь политическій и общественный бытъ русскаго народа былъ подчиненъ потребностямъ этого духа, скованъ въ организацію, не допускавшую никакихъ другихъ направленій дѣятельности. Болѣе полутораста лѣтъ владычествовала эта система, и успѣхи ея были блистательны. Русскій народъ привыкъ думать, что его могущество, слава — результаты ея. Онъ ошибался, причиною даже военныхъ успѣховъ его была не эта система, а цивилизація, проникавшая въ Россію на перекоръ ей. Но заблужденіе было извинительно. Оно было слѣдствіемъ того логическаго миража, которыми обманывается не только масса, обманываются, слишкомъ часто обманываются даже и великіе мыслители; это извѣстный фальшивый силлогизмъ: вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдовательно, потому. Система, сдавливавшая жизнь русскаго народа, говорила ему: видишь, при мнѣ,—слѣдовательно, благодаря мнѣ, изъ слабаго, обижаемаго, презираемаго ты сдѣлался могущественнымъ, безопаснымъ, славнымъ. Онъ видѣлъ: да, сдѣлался; и вѣрилъ: да, благодаря ей.

— Нашимъ историкамъ, да и нашимъ либераламъ,—далеко до такого пониманія русской исторіи, — замѣтилъ Волгинъ Нивельзину:—Это я называю — правильно понимать вещи. Читали-ли вы до сихъ поръ что-нибудь подобное ясному и твердому очерку дѣла, какой даетъ намъ Болеславъ Иванычъ?

— У васъ есть писатели, которые судятъ точно также, — сказалъ Соколовскій.

— Есть? — какъ вы скажете, Павелъ Михайлычъ? Вы больше меня читали нашихъ либераловъ и радикаловъ!

— Не говоря о либералахъ, и радикалы не говорятъ такъ безусловно; — сказалъ Нивельзинъ: — И признаюсь, я не приготовленъ вполнѣ согласиться съ Болеславомъ Иванычемъ. — О времени Петра, о началѣ правленія Екатерины II, о первой половинѣ царствованія Александра Павловича, я когда-нибудь поспорю съ вами, Соколовскій.

Соколовскій спокойно ждалъ, пока возвратятъ ему свободу продолжать, и сталъ говорить по прежнему, съ пылкостью въ манерѣ и съ прежнею ясностью и твердостью логики:

Русскіе привыкли считать свое войско непобѣдимымъ, свое государство могущественнѣйшимъ въ Европѣ. Но вотъ они увидѣли, что враги безнаказанно вторглись въ ихъ страну, одерживаютъ побѣду за побѣдой надъ ихъ войсками, принуждаютъ ихъ государство просить мира; что ихъ государство принуждено съ покорностью принять всѣ условія, какія захотѣли продик-

товать побѣдоносные непріятели. Такого униженія не могъ равнодушно перенесть русскій народъ. Съ энергіею справедливаго гнѣва, онъ потребовалъ отчета въ томъ, какъ могло произойти паденіе его могущества. Нельзя было скрывать отъ него истину, потому что онъ чувствовалъ ее; должны были сознаться: причиною всѣхъ бѣдъ была дурная система; должны были согласиться: надо отвергнуть ее; необходимы радикальныя реформы; весь государственный организмъ былъ фальшивымъ, гнилымъ механизмомъ, неимѣвшимъ въ себѣ ничего дѣйствительно живаго, ничего свѣжаго и прочнаго, и всѣ силы общества были подавляемы гнетомъ этой мертвой машины. Должны были согласиться: необходимо обновить всѣ части государственнаго устройства, дать просторъ живымъ силамъ общества. Должны были согласиться: система механическаго угнетенія была гибельною ошибкою; необходимо предоставить свободу развитію народа.

— Въ этомъ Павелъ Михайлычъ согласится съ вами; — замѣтилъ Волгинъ: — По его мнѣнію, Крымская война почти тоже для Россіи, что война 1806 года была для Пруссіи. Я полагаю, что союзники взяли Петербургъ и Москву, какъ тогда Французы Берлинъ, а во власти русскаго правительства оставалась только Пермь, какъ тогда у Прусскаго — Мемель.

— Сила впечатлѣнія была одинакова, — спокойно отвѣчалъ Соколовскій.

— А, это по новой геометріи: маленькій краюшекъ равенъ цѣлому.

— Иногда отломить маленькій краюшекъ значитъ раздробить все тѣло.

— Вы умѣете спорить. Этимъ Болеславъ Иванычъ лучше нашихъ либераловъ: ошибается или нѣтъ, можно судить какъ угодно, но всегда понимаетъ, что говоритъ; — обратился Волгинъ къ Нивельзину. — Нынѣ все проэкты полезныхъ учрежденіи; — я думаю не подать-ли проэктъ, чтобы вашего Рязанцева съ компаніею переименовать въ гимназистовъ и велѣть имъ ходить на уроки къ Болеславу Иванычу. Авось позаимствовались-бы отъ него хоть каплею смысла. Нѣтъ, не позаимствовались-бы; некуда помѣститься смыслу въ ихъ головахъ; все биткомъ набито вздоромъ. Значитъ нечего и подавать проэкта.

— Будьте откровенны, Алексѣй Иванычъ, — сказалъ Нивельзинъ: — Признайтесь, вы свернули на бѣднаго Рязанцева потому, что не нашли ничего возразить Соколовскому.

— Я еще не имѣлъ времени познакомиться съ Рязанцевымъ; — сказалъ Соколовскій: — Но воспользуюсь для этого первымъ досугомъ, потому что надѣюсь поучиться у него многому, и убѣжденъ: мы пойдемъ съ нимъ рука въ руку.

— Пойдете, только долго-ли, этого не умѣю сказать; — замѣтилъ Волгинъ: Но извините, я прервалъ васъ.

— Принуждены были сознаться, что радикальныя реформы необходимы, — продолжалъ Соколовскій изложеніе своего взгляда, во многомъ сходившагося съ понятіями тогдашнихъ нашихъ прогрессистовъ, но имѣвшаго ту разницу отъ ихъ разсужденій, что у Соколовскаго все было логично и однородно, а ихъ разсужденія захватывали что-нибудь похожее на правду лишь по мелочи, и наполнялись больше хвастовствомъ о великости совершонныхъ ими подвиговъ. — Принуждены были обѣщать полное обновленіе народной жизни, и не только обѣщали, сами прониклись убѣжденіемъ, что безъ этого нельзя обойтись. Съ искреннимъ усердіемъ готовятъ реформы, вызываютъ всѣхъ, могущихъ дать совѣтъ, указать помощь, вызываютъ, просятъ ихъ: совѣтуйте, помогайте.

— Это фактъ — сказалъ Нивельзинъ — каково-бы ни было прежнее наше недовѣріе, мы не можемъ не видѣтъ: это фактъ.

— Когда это фактъ, это недурно; — замѣтилъ Волгинъ.

— Алексѣй Иванычъ, — началъ опять Соколовскій, — я понимаю васъ, отчасти сочувствую роли, которая досталась вамъ: никто изъ людей, имѣющихъ политическое образованіе, не можетъ желать, чтобы не существовала оппозиція. Она и возбуждаетъ удвоенную энергію въ трудящихся и контролируетъ, гарантируетъ разумность работы. Я вполнѣ понимаю пользу, приносимую вами. Но...

— Я приношу пользу, — это пріятно слышать; — вяло вставилъ Волгинъ. — Въ Россіи есть оппозиція — это прекрасно; и я одинъ изъ представителей ея, — это очень лестно для меня. Благодарю васъ, Болеславъ Ивановичъ: вы раскрыли мнѣ глаза.

— Вы можете смѣяться надъ собою и быть недовольны тѣмъ, что ваша партія менѣе сильна, нежели хотѣлось-бы вамъ, — продолжалъ Соколовскій, не смущаясь и не раздражаясь насмѣшками Волгина, которыя обидѣли-бы человѣка, менѣе сильнаго, твердаго и самоотверженнаго: — я понимаю ваше гражданское страданіе.

— Мое гражданское страданіе, — недурно сказано; и слѣдуетъ запечатлѣть въ памяти. Самъ я никакъ не могъ-бы замѣтить въ себѣ такой удивительной вещи.

— И уважаю его, — продолжалъ Соколовскій съ теплымъ чувствомъ, не обращая вниманія на выходку Волгина, по правдѣ сказать, довольно глупую, какими были впрочемъ и прежнія: — Не скажу, чтобы и самъ я не чувствовалъ иногда влеченія негодовать. Дѣло пересозданія ведется слишкомъ медленно; видишь ошибки, иногда довольно важныя. Невольно поддаешься чувству. Но...

— Само собою, это досада нерезонная, — съ неизмѣнимой вялостью перебилъ Волгинъ, по прежнему нагло злоупотребляя кроткимъ терпѣніемъ Соколовскаго. — Зритель чужой работы всегда бываетъ расположенъ слишкомъ строго судить о трудящихся. Это психологическій законъ. Но тѣмъ не менѣе, это

— несправедливость и нелѣпость. „Они работаютъ не довольно скоро“. Но вещь извѣстная, человѣческія желанія нетерпѣливы. Когда самъ не занимаешься дѣломъ, не чувствуешь, какъ оно трудно, не умѣешь брать въ разсчетъ, какъ много ему препятствій, какъ они сильны. „Работа ведется не безъ ошибокъ“ — да какое-же человѣческое дѣло можетъ быть ведено безъ ошибокъ? Люди не боги, чтобы требовать совершенства отъ нихъ или отъ ихъ дѣлъ. Разумный человѣкъ довольствуется тѣмъ, когда видитъ, что работники усердны, добросовѣстны, прислушиваются къ замѣчаніямъ, пользуются всякимъ совѣтомъ, въ которомъ есть здравый смыслъ. Вы находите, что работа ведется согласно съ этими условіями; чего-же большаго можно требовать? Не могу строго осуждать васъ, если вы, по человѣческой слабости, иногда сердитесь на работниковъ, — какъ быть! и вы человѣкъ, надобно снисходить къ вашимъ человѣческимъ слабостямъ; но долженъ сказать: вы были-бы несправедливы, если-бы отказывали работникамъ въ сочувствіи, одобреніи, содѣйствіи. Вы и не отказываете. Вы правы.

— А вы?

— Я? О себѣ, я скажу: вы видите, какой жалкій характеръ у меня, — не хотѣлъ спорить съ вами, а началъ. Стало быть, лучше всего для меня будетъ; подальше отъ соблазна; — за шапку, да и проститься. — Волгинъ всталъ. — Вы не можете не понимать, Болеславъ Ивановичъ, что видѣться съ вами было-бы наслажденіемъ для меня, но я разсудилъ, что долженъ себѣ отказать въ немъ, и пришелъ сюда только затѣмъ, чтобы сказать это лично, чтобы вы не могли ошибаться въ причинѣ моего отказа, не приняли его за обиду, когда онъ происходитъ отъ моего высокаго мнѣнія о васъ. По разсказамъ Зелинскаго, я очень уважалъ васъ, — больше нежели вы можете полагать, потому что Зелинскій не скрывалъ отъ меня ничего. Ничего. — Волгинъ остановился, чтобы обратить вниманіе Соколовскаго на важность этого слова, и увидѣлъ, что Соколовскій понялъ, о чемъ онъ говоритъ. — Не многіе способны цѣнить ваше благоразуміе такъ высоко, какъ я. У меня такой характеръ, мнительный, заставляющій меня всегда желать отсрочекъ, ненавидѣть рискъ. Вы одинъ изъ очень рѣдкихъ людей, въ которыхъ энтузіазмъ соединяется со способностью сохранить хладнокровіе въ рѣшительныя минуты, отвага — съ силою не только удерживаться, удерживать и другихъ отъ безразсудствъ. Я глубоко уважалъ васъ, когда шелъ сюда. Увидѣвши, полюбилъ: вы не только сильны и разсудительны, вы кротки и чужды всякой эгоистической мысли. Вы — святой человѣкъ. Нельзя не любить васъ. Но тѣмъ тверже мое рѣшеніе: намъ не надобно видѣться. Не для чего, потому что я не хочу помогать вашему проэкту. Я не желаю, чтобы дѣлались реформы, когда нѣтъ условій, необходимыхъ для того, чтобы

реформы производились удовлетворительнымъ образомъ. Никакое дѣло не требуетъ, чтобы мы съ вами видѣлись. Зачѣмъ-же мы стали-бы видѣться? Чтобы спорить объ отвлеченныхъ вопросахъ, или о пустякахъ, называемыхъ нашими общественными вопросами? Не скажу, что я не охотникъ переливать изъ пустаго въ порожнее, и мнѣ было-бы пріятнѣе болтать съ вами, нежели съ нашими либералами, — если-бы это было также безопасно. Съ ними я пріятельствую беззаботно, потому что знаю: они всегда останутся прекрасными людьми; пріятельство съ ними никогда не можетъ компрометировать. Вы не то; вы не останетесь прекраснымъ человѣкомъ. Если-бы вы ограничились хлопотами о вашемъ проэктѣ, я не боялся-бы, что вы сдѣлаетесь дурнымъ. Вопросъ спеціальный и, правду сказать, мелкій. Никто не встревожится изъ за него. Но вы будете вязываться во все, — и не съ такою глупостью и трусостью, какъ наши либералы. Поэтому, считаю вреднымъ для себя видѣться съ вами. Прощайте.

Онъ сильно пожалъ руку Соколовскаго и торопливо пошелъ изъ комнаты. Соколовскій оставался оглушенъ, потомъ бросился за нимъ.

— Я увѣренъ въ вашей любви ко мнѣ, и не могу обижаться вашимъ рѣшеніемъ. Но оно кажется мнѣ напраснымъ, дурнымъ, и очень печалитъ меня; очень, хоть я и не думаю, что мы разстаемся надолго. Нѣтъ, не надолго: событія идутъ быстро, и скоро сведутъ насъ, такъ или иначе, сведутъ, наперекоръ вашей волѣ. До свиданія.

— Понравился тебѣ Соколовскій? Пригласилъ ты его? — спросила Волгина мужа на другой день, поутру за чаемъ.

— Вчера, голубочка, ты не стала слушать, когда пришла напомнить мнѣ, что пора идти къ Нивельзину. А я хотѣлъ сказать тебѣ, какъ вздумалъ сдѣлать. Не знаю, хорошо-ли. Видишь, онъ человѣкъ энергическій, самоотверженный; я и вздумалъ, что осторожность лучше всего; потому гораздо безопаснѣе не связываться съ нимъ. Такъ и сказалъ ему. Впрочемъ, и не жалѣю много. Потому что, хоть онъ и не похожъ на нашу дрянь, но въ такомъ-же одурѣніи, какъ они. Что за радость?

— Ты самъ виноватъ, что я не стала слушать: зачѣмъ не началъ говорить прямо о дѣлѣ? Я подумала, что ты хотѣлъ, по обыкновенію, разсказывать пустяки! Мнѣ кажется, ты напрасно отказался отъ знакомства съ нимъ. Быть осторожнымъ хорошо; но ты уже слишкомъ боязливъ.

Волгинъ задумался. — Слишкомъ! я и самъ себѣ говорилъ, голубочка, слишкомъ. Ну, да все равно. — Онъ опять задумался. — Но нѣтъ, голубочка: въ сущности, я доволенъ собою.

Пока онъ въ одурѣніи, онъ не опасенъ. Но оно пройдетъ; тогда чего хорошаго ждать отъ него?

— Именно то и нехорошо, мой другъ, что ты слишкомъ много думаешь о томъ, чего еще нѣтъ. Ты говоришь, онъ былъ-бы опасенъ для тебя; а на самомъ дѣлѣ ты хуже его.

Мужъ опять задумался. — Но у меня очень глупая привычка говорить вздоръ, понапрасну тревожить тебя, голубочка.

— Я не очень тревожусь, мой другъ. На первый разъ твои фантазіи разстроили меня. Теперь я давно разсудила, что не стоитъ много тревожиться тѣмъ, что, быть можетъ, вовсе и не будетъ.

— Положимъ, голубочка; но, все таки, согласись, очень глупо съ моей стороны говорить тебѣ вздоръ; тѣмъ больше глупо, что я и самъ думалъ, въ сущности, вовсе не объ этихъ пустякахъ. Скука была-бы съ этимъ Соколовскимъ, вотъ главное. Хлопотунъ, не можетъ не суетиться изъ-за всякой мелочи, и сталъ-бы надоѣдать съ ними: что за радость? — Онъ помолчалъ и вдругъ воскликнулъ: — Удивительно! и покачалъ головою: — Скажи-же ты, голубочка: какъ-же можно было забыть, не попросить его, чтобы онъ справлялся объ Илатонцевыхъ, — то есть о Левицкомъ? — Удивительно, голубочка! Пусть-бы говорилъ Нивельзину.

— Согласна, мой другъ: если-бы вздумалось тебѣ попросить его, тутъ не было-бы ничего глупаго. Но зачѣмъ-же было и просить? — Мы знаемъ все, что намъ нужно, и если-бы случилось что-нибудь новое, то Левицкій напишетъ тебѣ.

— Это правда, голубочка, — разсудилъ Волгинъ.

Глава Пятая.

Дѣйствительно, Волгины знали теперь о Левицкомъ все, что имъ было нужно. Они получили отвѣтъ на свое письмо къ нему. Отвѣтъ былъ такой, какого и слѣдовало ждать.

Волгинъ писалъ къ Левицкому, что смѣется надъ вздоромъ, котораго наговорилъ ему, и ругаетъ себя за то, что выпустилъ его изъ Петербурга. Совершенно-ли хороши его отношенія къ Илатонцевымъ? — Если совершенно, то невозможно ни просить, ни даже совѣтовать, чтобъ онъ бросилъ мѣсто, которое и очень выгодно, и необременительно. — Отъ управляющаго петербургскимъ домомъ Илатонцева слышно, что они проживутъ въ деревнѣ до новаго года. Такъ-ли? — Если такъ, Волгину очень жаль, но самъ онъ виноватъ: зачѣмъ тогда, весною, не удержалъ Владиміра Алексѣича? — Волгина сдѣлала приписку, въ которой говорила, что много бранила мужа за Левицкаго и желала-бы, чтобъ Левицкій поссорился съ Илатонцевыми. Тогда онъ скорѣе пріѣхалъ-бы въ Петербургъ снять съ Алексѣя Иваныча часть работы. Но не надѣется, чтобы онъ могъ поссориться съ человѣкомъ, какимъ она считаетъ Илатонцева, по разсказамъ его дочери.

Левицкій отвѣчалъ, что приглашеніе Алексѣя Иваныча привело его въ восторгъ, но что, дѣйствительно, онъ не можетъ бросить Илатонцевыхъ. — Онъ написалъ-бы, какъ думаетъ о Николаѣ Петровичѣ, но не можетъ, потому что Надежда Николаевна хочетъ прочесть его письмо. — Онъ въ деревнѣ лѣнится. Впрочемъ, не совсѣмъ. Унего было написано кое-что. — Онъ посылаетъ. Будетъ присылать каждый мѣсяцъ, — но, вѣроятно, не по многу. Возвратившись въ Петербургъ, онъ будетъ работать усерднѣе. — Знаетъ-ли Лидія Васильевна, что онъ видѣлъ ее? — Быть можетъ, Алексѣй Иванычъ забылъ сказать ей это? — Возвратившись, онъ разскажетъ ей, какое впечатлѣніе на него произвела она. Это не будетъ похоже на то, что слышитъ она ото всѣхъ. — Илатонцева сдѣлала приписку: она больше всѣхъ виновата въ томъ, что они остаются въ деревнѣ до новаго года. Еслибъ ея воля, они остались-бы въ деревнѣ и цѣлый годъ, до слѣдующей осени. Она оправдываетъ себя тѣмъ, что причины, по которымъ ея отецъ расположенъ долго оставаться въ деревнѣ, и важны, и хороши. — Она очень часто говоритъ съ Владиміромъ Алексѣевичемъ о Лидіи Васильевнѣ.

Къ письму Левицкаго было приложено двѣ статьи, довольно большія. Волгинъ сказалъ женѣ, что онѣ снимаютъ съ него часть работы на двѣ слѣдующія книжки.

Это было за нѣсколько дней передъ тѣмъ, какъ Волгина предала Нивельзина въ жертву Тенищевой и ея укротителю. — Какая-же была надобность просить Соколовскаго, чтобъ онъ слѣдилъ за новостями объ Илатонцевыхъ и Левицкомъ? — Никакой. Потому Волгинъ и согласился съ женою, что напрасно бранитъ себя, зачѣмъ забылъ попросить. Иначе, конечно, не уступилъ-бы такъ легко: онъ былъ неумолимъ въ порицаніи своихъ ошибокъ и глупостей. Правда, это не мѣшало ему ежеминутно дѣлать ихъ; и вся его строгость къ самому себѣ оставалась совершенно безполезна. Но онъ не былъ снисходителенъ и къ этому своему недостатку, и съ негодованіемъ удивлялся тому, что какъ ни бранитъ себя, нисколько не поправляется.

Волгиной было-бы пріятно, если-бы Левицкій возвратился въ Петербургъ поскорѣе. Но она была уже приготовлена къ тому, какъ онъ отвѣчалъ. Когда Нивельзинъ, ѣздивши къ Тенищевой, узналъ отъ швейцара Илатонцевыхъ, что Николай Петровичъ останется въ деревнѣ до новаго года, Волгина увидѣла, что нечего ждать и Левицкаго раньше. По разсказамъ мужа о дружбѣ, которая была у Левицкаго съ Илатонцевымъ еще до отъѣзда въ деревню, и по впечатлѣнію, которое вынесла сама изъ разговора съ дочерью Илатонцева, Волгина не могла не видѣть, что положеніе Левицкаго въ домѣ Илатонцева не только выгодно въ денежномъ отношеніи, но и, вообще, очень хорошо, совершенно свободно и по всей вѣроятности пріятно.

Въ отвѣтѣ Левицкаго неожиданнымъ для нея было только то очень пріятное прибавленіе, что онъ прислалъ двѣ статьи, и будетъ присылать каждый мѣсяцъ. Работа Волгина облегчилась черезъ это, и Лидія Васильевна отчасти примирилась съ отсрочкою времени, когда Левицкій пріѣдетъ. Она считала очень возможнымъ, что Илатонцевы, — стало быть, и Левицкій — не пріѣдутъ и къ новому году: Илатонцева писала, что „если-бъ ея воля“, они прожили-бы въ деревнѣ всю зиму и лѣто, до слѣдующей осени. Отсрочивши, по ея желанію, отъѣздъ изъ деревни на нѣсколько мѣсяцевъ, отецъ будетъ дѣлать уступку за уступкою. — Пусть; лишь-бы Левицкій и изъ деревни помогалъ мужу. А мужъ говорилъ, что онъ будетъ сильно помогать и оттуда: „ты не смотря, голубочка, что онъ говоритъ: лѣнюсь, и буду писать мало; — лѣнится онъ такъ-же какъ я, и пишетъ тоже съ плеча, какъ я, — даже быстрѣе. Разница только та, что у меня отъ этого выходитъ вяло и плохо, а у него все таки такъ хорошо, какъ ни у кого изъ нашихъ самыхъ заботливыхъ писателей. — Будетъ присылать много“.

При всей хитрости Волгина, — такой-же замѣчательной какъ

его сообразительность, ловкость и многія другія достоинства, — для короткихъ знакомыхъ его было не трудно различить, когда онъ отдѣлывается отъ правды своими необыкновенно замысловатыми выдумками, когда говоритъ правду. Тѣмъ легче различала это жена. Если онъ успѣлъ долго обманывать ее, скрывая, что самъ лишилъ себя помощи Левицкаго, это лишь потому, что невозможно было предполагать такой продѣлки. И это былъ едва-ли не единственный случай, когда Волгина не замѣтила, правду-ли говоритъ мужъ, или выдумываетъ. — Теперь она видѣла, что мужъ не выдумываетъ: Левицкій и въ деревнѣ будетъ писать много, будетъ сильно облегчать его работу. Волгина могла ждать довольно терпѣливо возвращенія Левицкаго въ Петербургъ.

Но все-таки она была очень обрадована, когда, — недѣли черезъ полторы или двѣ послѣ перваго письма — Левицкій прислалъ второе, въ которомъ говорилъ, что Илатонцевъ отказался отъ намѣренія оставаться въ деревнѣ до новаго года: черезъ нѣсколько дней они ѣдутъ въ Петербургъ. — Илатонцева опять сдѣлала приписку. Она говорила, что сама не знаетъ, радуется-ли она или груститъ, что они покидаютъ деревню: въ деревнѣ она была такъ счастлива. — Ея приписка была длинна, гораздо длиннѣе самого письма. — Впрочемъ, и мудрено было-бы сдѣлать приписку, которая не была-бы длиннѣе этого письма: оно состояло изъ двухъ съ половиною строкъ. А первое письмо Левицкаго заняло-бы, на опытный глазомѣръ Волгина, болѣе четырехъ страницъ журнальнаго формата. Для глубокомысленнаго Волгина очевидно было: Левицкій написалъ такъ коротко потому, что опасался проговориться. — При помощи своей сообразительности, отъ которой не могло ускользнуть ничто, Волгинъ сдѣлалъ множество открытій на основаніи двухъ писемъ Левицкаго и двухъ приписокъ Илатонцевой. — По прекрасному своему правилу онъ не утаилъ этихъ открытій а сталъ излагать ихъ женѣ, со всею необходимою для основательности подробностью. — Очень логично начиналъ свои соображенія съ несомнѣннаго существованія дружбы между Левицкимъ и Илатонцевою; присоединялъ къ этому замѣчаніе, что изъ дружбы между молодымъ человѣкомъ и дѣвушкою обыкновенно развивается любовь; послѣ того принялъ во вниманіе, что у Илатонцевой ангельскій характеръ, а ея отецъ — превосходный человѣкъ, очень любитъ дочь и чрезвычайно уважаетъ Левицкаго, — на этомъ жена остановила его тѣмъ, что зѣвнула и сказала, „пойти посмотрѣть, что-то подѣлываетъ Володя, — спитъ, или нѣтъ“, — еслибъ не это, Волгинъ, конечно, не затруднился-бы предсказать, что когда у приготовляемыхъ имъ къ вѣнчанію родится со временемъ дочь или сынъ, то Лидія Васильевна будетъ приглашена быть крестною матерью малютки.

Это было передъ обѣдомъ. Вечеромъ пришолъ Нивельзинъ и сказалъ, что сейчасъ заѣзжалъ къ нему Соколовскій съ извѣстіемъ: надняхъ Илатонцевы будутъ въ Петербургѣ. Самъ онъ не хотѣлъ быть у Волгина, потому что долженъ уважать чужое желаніе, хоть и не согласенъ съ нимъ; и проситъ Нивельзина сообщить Волгину новость, интересную для него.

Нивельзинъ разсудилъ также, какъ Лидія Васильевна и въ слѣдъ за нею мужъ: не было никакой надобности поручать Соколовскому слѣдить за новостями объ Илатонцевыхъ и Левицкомъ, когда самъ Левицкій сталъ писать Волгину. Но Соколовскій не дожидался порученій, чтобы помнить о дѣлахъ своихъ друзей, — все равно, хорошо или дурно поступаютъ съ нимъ люди, которыхъ онъ считалъ достойными своей дружбы. Онъ услышалъ отъ Нивельзина, что Волгинъ заинтересованъ пріѣздомъ Левицкаго. Этого было довольно ему. Онъ попросилъ управляющаго домомъ Илатонцева присылать ему всякое новое извѣстіе изъ деревни.

— Совѣстно передъ такимъ человѣкомъ, — справедливо замѣтилъ Нивельзину Волгинъ: — Я держалъ себя съ нимъ очень пошло и глупо. А онъ вотъ какъ поступаетъ со мной. Не хорошо съ моей стороны, увѣряю васъ, Павелъ Михайлычъ.

— Я думаю тоже, — сказалъ Нивельзинъ засмѣявшись: онъ еще непривыкъ спокойно выдерживать увѣренія Волгина. — И если вы раскаиваетесь, это дѣлаетъ вамъ честь. — Кромѣ шутокъ, заѣзжайте къ Соколовскому, — или, пожалуй, это и не нужно: когда вы соберетесь? — Я позову его къ вамъ.

— Натурально, это не такой человѣкъ, чтобы сталъ считаться визитами, — замѣтилъ Волгинъ: — Но только вы не такъ поняли меня, Павелъ Михайлычъ. Положимъ, я поступилъ относительно его очень дурно. Согласенъ. Но такъ слѣдовало. И пусть останется такъ. И если сказать правду, то даже нисколько не дурно. Напротивъ: очень хорошо.

— И если правду сказать, то вамъ нисколько не совѣстно? — спросилъ Нивельзинъ, смѣясь оригинальному способу разсуждать: „Согласенъ, что такъ, но если правду сказать, не такъ.“

Недѣли черезъ полторы, или меньше, поутру, въ половинѣ перваго, Волгинъ услышалъ звонокъ и пошелъ отворить дверь: Лидія Васильевна, уходя, сказала ему, что онъ остается дома одинъ: она взяла коляску и ѣдетъ кататься съ Володею; беретъ для Володи и Наташу, а Авдотья будетъ, по обыкновенію, уходить между дѣла къ служанкамъ, въ сосѣднія квартиры. — Волгинъ вспомнилъ, что кухарка, точно, имѣетъ эту привычку. То, что кухарку зовутъ Авдотьею, онъ помнилъ.

Вошелъ пожилой мужчина, хорошо одѣтый. Волгинъ попросилъ его въ залъ и пригласилъ сѣсть. Пожилой мужчина пошелъ въ залъ, но не сѣлъ, а сказалъ, что онъ каммердинеръ Николая Петровича Илатонцева; Николай Петровичъ сейчасъ пріѣхалъ, приказалъ кланяться и спросить: не у господина-ли Волгина остановился Владиміръ Алексѣичъ Левицкій?

— Что такое? Да развѣ онъ уже въ Петербургѣ? Развѣ онъ ѣхалъ не вмѣстѣ съ Николаемъ Петровичемъ?

— Точно такъ, не вмѣстѣ. Владиміръ Алексѣичъ выѣхалъ изъ деревни двумя днями раньше Николая Петровича. Николай Петровичъ полагалъ найти его у себя. Но его нѣтъ у нихъ въ домѣ. Николай Петровичъ подумалъ, можетъ быть, онъ не захотѣлъ поселиться тамъ до ихъ пріѣзда и можетъ быть, остановился у Волгина. — Но какъ Владиміра Алексѣича нѣтъ здѣсь, то, должно быть, онъ еще не пріѣхалъ въ Петербургъ, — прибавилъ свою догадку каммердинеръ: — Можетъ быть, не остановился-ли погостить въ Москвѣ, или гдѣ на дорогѣ, у какихъ-нибудь знакомыхъ. — Каммердинеръ поклонился и ушелъ.

Его догадка показалась очень правдоподобною Волгину, знавшему, что одинъ изъ двухъ товарищей, съ которыми остался хорошъ Левицкій, занялъ мѣсто учителя гимназіи въ Новгородѣ. Вѣроятно, именно съ тою цѣлью, чтобы погостить у него, Левицкій и уѣхалъ изъ деревни раньше Илатонцевыхъ.

По всей вѣроятности, такъ. Но такъ-ли? — Илатонцевъ думалъ, что онъ уже въ Петербургѣ. Или онъ говорилъ, что погоститъ лишь одинъ день и зажился у товарища дольше уговора? — Или догадка каммердинера объ остановкѣ на дорогѣ неудачна? — Волгину пришло въ умъ нѣсколько другихъ догадокъ; но и тѣ не клеились съ фактами. Волгинъ разсудилъ, что безполезно упражняться въ пустыхъ предположеніяхъ; надобно будетъ пойти къ Нивельзину, — и попросить съѣздить къ Илатонцеву, — или пусть онъ попроситъ Соколовскаго съѣздить къ Илатонцеву, и спросить, въ чемъ дѣло. Илатонцевъ долженъ знать, или, по крайней мѣрѣ, имѣетъ больше данныхъ, чтобы разгадать. — Когда Волгинъ былъ въ своемъ кабинетѣ и одинъ, онъ вообще не былъ лишенъ здраваго смысла.

Дождавшись, когда кухарка пришла взглянуть, что дѣлается съ кушаньемъ на плитѣ, Волгинъ сказалъ, чтобы она не уходила, потому что онъ уходитъ, и пошелъ къ Нивельзину. Нивельзинъ жилъ на прежней своей квартирѣ очень близко. Его не было дома. Волгинъ оставилъ записку, что зайдетъ къ нему часовъ въ восемь.

Но раньше того самъ получилъ записку отъ него: „Соколовскій у меня; пріѣхалъ разсказать о Левицкомъ. Ждемъ васъ.“

Тотъ самый каммердинеръ, который въ первомъ часу былъ у Волгина, въ четвертомъ пріѣхалъ въ каретѣ къ Соколовскому, и привезъ приглашеніе отъ Николая Петровича кушать. Илатонцевъ писалъ, что слышалъ отъ управляющаго домомъ, что Соколовскій очень интересуется Левицкимъ, также какъ Нивельзинъ и Волгинъ. — Съ ними Илатонцевъ еще не знакомъ; но Соколовскому его домъ уже не чужой, и Соколовскій извинитъ его безцеремонность. Онъ усталъ послѣ дороги, не хочетъ нынѣ выѣзжать изъ дому. Онъ сообщитъ Соколовскому то, что узналъ о Левицкомъ, поѣхавшемъ въ Петербургъ раньше его, — и скрывшемся изъ виду, по пріѣздѣ.

Соколовскій не былъ такъ непрактиченъ какъ Волгинъ. Онъ усадилъ каммердинера, сталъ говорить съ нимъ. Одѣвшись ѣхать, посадилъ его съ собою въ карету, и опять говорилъ всю дорогу. Всѣ догадки, приходившія на мысль Волгину, поочередно представлялись и Соколовскому. На все онъ нашелъ отвѣты въ разсказахъ каммердинера. Первое, что вздумалось Соколовскому, было: почему Левицкій уѣхалъ изъ деревни одинъ, и не дождавшись Илатонцевыхъ только два дня? — Не было-ли ссоры? — Соколовскій сталъ дѣлать вопросы издалека и очень осторожно. Но каммердинеръ былъ человѣкъ неглупый, скоро замѣтилъ, къ чему ведется разговоръ. Не сдѣлалъ намека, что понялъ, но прямо сталъ самъ заговаривать о томъ, до чего еще и не касался Соколовскій, — объ отношеніяхъ между Илатонцевыми и Левицкимъ, объ отъѣздѣ Левицкаго раньше ихъ. — Соколовскому оставалось только направлять его словоохотливость по ходу своихъ предположеній: каммердинеръ не боялся говорить ни о чемъ, что любопытно было Соколовскому.

Отношенія между Илатонцевыми и Левицкимъ были дружескія. За нѣсколько часовъ до отъѣзда Левицкаго они говорили о томъ, какъ они размѣстятся въ экипажахъ. Пятерымъ сидѣть въ одной каретѣ нельзя: они считали пятерыхъ, потому что Надежда Николаевна никакъ не соглашалась, чтобы ея горничная, — она зоветъ ее Мери, — „эта горничная племянница моя“, — замѣтилъ каммердинеръ, — чтобы Мери ѣхала въ тарантасѣ съ дядею: въ тарантасѣ будетъ навалено столько вещей, что и одному Ивану Антонычу будетъ неловко. Мери измучилась-бы. Надежда Николаевна очень любитъ Мери. — Было рѣшено: въ одной каретѣ, поѣдутъ она, отецъ, Владиміръ Алексѣичъ; въ другой Мери съ Юринькою, — и пусть Иванъ Антонычъ сядетъ съ ними. Это говорилось во время завтрака. Послѣ Владиміръ Алексѣичъ ушелъ въ свою комнату, и былъ тамъ одинъ, лежалъ и читалъ, — можетъ быть, и писалъ; этого Иванъ Антонычъ не знаетъ, писалъ-ли онъ, но что онъ лежалъ и читалъ, это Иванъ Антонычъ видѣлъ, — и совершенно знаетъ, что Владиміръ Алексѣичъ все время отъ

завтрака до обѣда былъ одинъ, въ своей комнатѣ, и никто не входилъ къ нему: мимо Ивана Антоныча нельзя было пройти къ нему въ комнату. А Иванъ Антонычъ заглядывалъ въ нее, потому что топилась печь, — въ деревнѣ они жили просто, Иванъ Антонычъ самъ дѣлалъ всѣ прислуги и Николаю Петровичу, и Владиміру Алексѣичу. Оба люди безъ капризовъ, можно было успѣть, и не трудно. — Входя въ комнату Владиміра Алексѣича присмотрѣть за печью, Иванъ Антонычъ видѣлъ, что онъ лежитъ и читаетъ. — Иванъ Антонычъ позвалъ его къ обѣду. За обѣдомъ всѣ говорили какъ обыкновенно, — и Николай Петровичъ, и Надежда Николаевна, и Владиміръ Алексѣичъ, — всѣ были веселы, въ особенности Надежда Николаевна; и Владиміръ Алексѣичъ тоже. Но вотъ, во время обѣда, пріѣхалъ мужикъ, который ѣздилъ въ городъ за почтою, — привезъ газеты, письма. Одно было къ Владиміру Алексѣичу. Онъ тутъ-же распечаталъ, прочелъ, сдѣлался какъ будто и недоволенъ, и доволенъ, все вмѣстѣ, и сказалъ: „Николай Петровичъ, я не буду ждать васъ: уѣду нынѣ-же, — я попрошу васъ приказать приготовить лошадей“. — Какъ? что? — Онъ говоритъ: „по этому письму; нельзя“ — Что въ письмѣ? — Стали говорить о письмѣ. Сколько могъ понять Иванъ Антонычъ, письмо было отъ какого-то ученаго, — тогда онъ не разслушалъ хорошенько Фамилію, но теперь, когда его посылали къ Волгину, думаетъ: тогда говорили эту самую Фамилію. Да вотъ, не знаетъ-ли г. Соколовскій: женатъ онъ? знакома его жена съ Надеждою Николаевною? — Надежда Николаевна, провожая Владиміра Алексѣича, говорила ему кланяться отъ нея его женѣ...

— Такъ, — предупредилъ Волгинъ вопросъ Соколовскаго, — отъ него-ли было это письмо: — Такъ; я имѣлъ неосторожность выразиться, что измученъ работою какъ собака, ну и многое въ этомъ стилѣ. Я краснорѣчивъ. — Такъ вотъ что! — Это письмо и взбаломутило его! — Эхъ, дуракъ я, дуракъ! — Волгинъ покачалъ головою въ порицаніе своему неумѣстному краснорѣчію.

Никакого письма, кромѣ одного, Волгинъ не отправлялъ къ Левицкому. А то было получено Левицкимъ гораздо раньше, и даже отвѣтъ Левицкаго былъ полученъ Волгинымъ раньше того времени, когда могъ быть отъѣздъ Левицкаго изъ деревни. — Для Волгина было слишкомъ ясно, что Левицкій воспользовался своими отношеніями къ нему для замаскированія истинной причины своего отъѣзда. Но онъ видѣлъ, что Соколовскій расположенъ вѣрить, будто его письмо произвело отъѣздъ; — Соколовскій уже видѣлся съ Илатонцевыми, и если вѣрить, то вѣроятно, и она говорила ему тоже, что каммердинеръ. Положеніе, въ которое ставился этимъ Волгинъ, обрисовывалось такъ ясно, что при всей своей несообразительности и ненаходчивости, онъ понялъ, какую роль долженъ играть, въ поддержку Левицкаго. —

Вотъ дуракъ-то я! — повторилъ онъ: — Эко, надѣлалъ тревоги Левицкому! — И чортъ меня дернулъ пускаться въ краснорѣчіе! — Ну, продолжайте, Болеславъ Иванычъ...

— Николай Петровичъ очень жалѣлъ, что Владиміръ Алексѣичъ не можетъ подождать, чтобы ѣхать вмѣстѣ, — возобновилъ Соколовскій свое пересказываніе разсказа каммердинера Илатонцева: — Надежда Николаевна жалѣла еще больше. Не могла не жалѣть: она была очень, очень дружна съ нимъ. Рѣдко даже и можно видѣть такое расположеніе, какое было у нея къ нему. Когда прощались, то даже заплакала: „Только на нѣсколько дней разстаемся съ Вами, Владиміръ Алексѣичъ, — и такъ жаль мнѣ!“ — Отецъ посмѣивался надъ нею, — да и сама она смѣялась надъ своими слезами, — а все-же, не могла удержать ихъ. — И правда, замѣчалъ объ этомъ каммердинеръ: — Кто не видѣлъ-бы ихъ дружбы, тотъ могъ-бы осудить эту жалость. Но онъ не можетъ осудить, потому что дѣвушка рѣдко можетъ найти себѣ такого друга.

Письмо отъ ученаго изъ Петербурга достаточно объясняло торопливый отъѣздъ Левицкаго теперь, когда Соколовскій услышалъ отъ самого этого ученаго, какъ сильны были выраженія, которыми петербургскій другъ убѣждалъ Левицкаго спѣшить. Но тогда, при разговорѣ съ Иваномъ Антонычемъ, Соколовскій полагалъ, что два дня не составляли такой разницы, чтобы Левицкій не захотѣлъ подождать. Не было-ли письмо только предлогомъ, чтобы уѣхать? — думалось ему.

— Едва-ли, замѣтилъ Волгинъ, — сдѣлалъ видъ, что раздумываетъ, и рѣшительно сказалъ: — Нѣтъ.

Теперь Соколовскій былъ согласенъ, что оно не было только предлогомъ, — разговоръ съ самими Илатонцевыми убѣдилъ его. Рѣшимость не дожидаться ихъ была гораздо естественнѣе, нежели показалось по словамъ каммердинера, изъ которыхъ выходило только два дня разницы. Илатонцевъ сказалъ, что хотѣлъ довольно на долго остановиться въ Москвѣ. Натурально, что Левицкій почелъ нужнымъ избѣжать такой неопредѣленной проволочки.

— Натурально, — подтвердилъ Волгинъ.

Такъ; но тогда, разговаривая съ Иваномъ Антонычемъ, Соколовскій еще не думалъ такъ. Ему представлялось: не было-ли письмо только предлогомъ, чтобы удалиться отъ какихъ-нибудь непріятныхъ отношеній. Эта мысль очень сходилась съ тѣмъ, что Левицкій теперь пропалъ изъ виду у Илатонцевыхъ...

— Ну, а съ какой-же стати не показался-бы онъ ко мнѣ? — вставилъ Волгинъ: — Если хотѣлъ скрыться отъ нихъ, то что-же скрываться отъ меня-то? — Дѣло ясное: просто, задержало что-нибудь на дорогѣ.

Такъ думаютъ Илатонцевы; такъ думаетъ теперь и самъ Соколовскій. Но пусть-же Волгинъ не мѣшаетъ ему разсказывать.

— Тогда, при разговорѣ съ Иваномъ Антонычемъ, онъ еще держался другаго предположенія: быть можетъ, Левицкій хотѣлъ разорвать свои связи съ домомъ Илатонцевыхъ. — Онъ сталъ подробнѣе разспрашивать, какъ шла жизнь Левицкаго въ деревнѣ, и убѣдился, что Левицкій не могъ ни тяготиться обязанностями гувернерства, — они были очень легки, — ни обременяться своими отношеніями къ самому Илатонцеву, — они были пріятны и свободны; — не могло быть и того, что онъ влюбился въ дочь Илатонцева и хотѣлъ удалиться отъ нея, считая свою любовь безразсудною....

— Само собою, ничего такого не было, — вставилъ Волгинъ: — Во первыхъ, вообще, что за поэтическій взглядъ на жизнь, предполагать такой мотивъ? — А во вторыхъ, будь у него къ ней какія-нибудь не совершенно хладнокровныя чувства, развѣ сталъ-бы каммердинеръ такъ расписывать ихъ дружбу? — Человѣкъ неглупый, сами вы говорите. Если сплетникъ, то сдѣлалъ бы намеки. А онъ не дѣлалъ. Значитъ, если не боялся говорить о ихъ дружбѣ, то слишкомъ былъ убѣжденъ, не было никакихъ щекотливыхъ отношеній, и надѣялся, вы сами убѣдитесь въ этомъ, когда посмотрите на Илатонцеву и поговорите съ нею. — Волгинъ не всегда умѣлъ найтись, въ какомъ вкусѣ ему надобно говорить, но попавши въ роль, онъ не затруднялся пріискивать аргументы, какіе нужны для нея.

— Совершенная правда, — согласился Соколовскій: — но тогда это очень вѣрное и тонкое соображеніе не пришло въ голову ему. Его догадка была разрушена фактомъ менѣе идеальнымъ, нежели вѣра въ тактъ и въ скромность каммердинера. Разсказывая о жизни Левицкаго въ деревнѣ, Иванъ Антонычъ сталъ распространяться о томъ, какъ Левицкій любилъ его, и онъ любилъ Левицкаго, и дошелъ до того, что привелъ въ доказательство своей привязанности къ Левицкому дѣло, въ которомъ изъ расположенія къ Левицкому принималъ грѣхъ на душу, дѣлался виноватъ передъ самимъ бариномъ, рисковалъ со стыдомъ потерять мѣсто. Иванъ Антонычъ разсказывалъ это такимъ образомъ, непритворно совѣстясь за себя: „Ну, извѣстно, молодой человѣкъ, не праведникъ; не по моимъ-бы лѣтамъ и слушать это, и въ особенности отъ такой, можно сказать, дѣвушки, съ которою и говорить-то мнѣ было-бы не хорошо. Но какъ быть? — Онъ къ ней привязался; съ ея стороны, вижу, такая любовь къ нему, какой отъ нея и ждать нельзя-бы, кажется. Ну, и потворствовалъ ей: въ домъ пускалъ ее. Прошу вашего извиненія, что говорилъ объ этомъ; да и мнѣ самому, въ мои лѣта, неприличенъ такой разговоръ. Но, говорю, значитъ умѣлъ-же привязать меня къ себѣ Владиміръ Алексѣичъ, когда я бралъ такой стыдъ себѣ на душу и вводилъ себя въ опасность.“ — И такъ, Левицкій имѣлъ любовницу, — дружба съ Илатонцевою была просто дружбою.

Волгинъ согласился, что этотъ фактъ еще лучше его соображеній доказываетъ совершенную ничтожность Илатонцевой для Левицкаго.

Такимъ образомъ, еще раньше, нежели пріѣхалъ къ Илатонцевымъ, Соколовскій былъ уже почти убѣжденъ, что у Левицкаго не было никакихъ причинъ расходиться съ ними; что если поспѣшность его отъѣзда и кажется странною, то все-таки не слѣдуетъ искать для нея другихъ мотивовъ, кромѣ слишкомъ горячаго желанія поскорѣе снять съ Волгина часть обременительной работы; что если и остается загадочнымъ, почему Илатонцевы не нашли его въ своемъ домѣ, то нечего много думать объ этомъ: вѣроятнѣе всего, что-нибудь задержало его на дорогѣ. — Пріѣхавши къ Илатонцевымъ, всмотрѣвшись въ Николая Петровича и Надежду Николаевну, поговоривши съ ними, онъ совершенно убѣдился, что не о чемъ думать. Волгинъ знаетъ, какое благородное, кроткое, искреннее существо Надежда Николаевна. Невозможно, чтобы сорока-пяти-лѣтній мужчина имѣлъ простодушіе и чистоту молоденькой дѣвушки. Но, сколько допускается разницею лѣтъ, Илатонцевъ походитъ характеромъ на дочь. Это человѣкъ честный, добрый, деликатный. — Невозможно сомнѣваться въ искренности его разговора о Левицкомъ. А кто сталъ бы сомнѣваться въ искренности его дочери, заслуживалъ-бы презрѣнія. Оба они говорятъ о Левицкомъ съ самымъ теплымъ расположеніемъ. Оба не видятъ ничего особенно тревожнаго въ томъ, что Левицкаго до сихъ поръ нѣтъ; оба увѣрены, что скоро онъ явится къ нимъ, или напишетъ, гдѣ онъ и что его задержало. — Илатонцевъ просилъ передать это Волгину и успокоить его.

— Вы можете сказать имъ, какъ покорно приводилъ я себя въ спокойствіе, — отвѣчалъ Волгинъ, зѣвнувъ: — Слушалъ всѣ ваши безчисленныя подробности, хоть мнѣ и не было надобности въ нихъ, чтобы считать Илатонцевыхъ неспособными сдѣлать и малѣйшую непріятность порядочному человѣку. Я и безъ васъ зналъ ихъ обоихъ за людей очень благородныхъ, деликатныхъ, симпатичныхъ. — Понимаю ихъ желаніе уничтожить во мнѣ всякое предположеніе, что Левицкій могъ быть недоволенъ ими. Учтивость обязывала меня выслушать все, что вы хотите сказать въ удовлетвореніе вашему естественному желанію разрушить во мнѣ всякія невыгодныя для нихъ мысли. Но повѣрьте, что это было напраснымъ опасеніемъ со стороны Илатонцева, напраснымъ трудомъ съ вашей, напрасною терпѣливостью съ моей.

— Я надѣялся, что вы не будете подозрѣвать никакой непріятности между ними и Левицкимъ, — сказалъ Соколовскій. — Но успѣлъ-ли я успокоить и ваши опасенія за Левицкаго?

— Помилуйте, чего-же мнѣ было тревожиться? — И не думалъ, могу васъ увѣрить. — Говоря серьезно, могла-бы быть одна тре-

вога: не арестованъ-ли онъ? — Но теперь времена тихія, не слышно ни о чемъ подобномъ. А главное, Илатонцевъ занимаетъ такое положеніе въ обществѣ, что не могли-бы не увѣдомить его, еслибы арестовали гувернера его сына. Съ Илатонцевымъ никто не можетъ быть забывчивъ. — Надобно признаться, это опасеніе мелькнуло у меня въ головѣ, — но въ ту-же секунду и вылетѣло. Слишкомъ нелѣпо.

Дѣйствительно, тогда были такія времена, что подобныя мысли могли представиться только чрезвычайно трусливому человѣку, каковъ былъ Волгинъ, да и тотъ не могъ ни на минуту продержать въ головѣ такой вздоръ.

— Вы совершенно спокойны? — сказалъ Соколовскій.

Волгинъ флегматически повторилъ, что и не думалъ безпокоиться; нѣсколько живѣе прибавилъ, что ему, впрочемъ, очень понравилась заботливость Илатонцева разсѣять всѣ недоумѣнія; потомъ совершенно одушевился, начавши благодарить Соколовскаго и бранить себя. Онъ говорилъ, что совѣстится, что проситъ Соколовскаго забыть его глупый отказъ и быть знакому съ нимъ. — Но Соколовскій понималъ его боязнь очень серьезно, и отвѣчалъ, что не находитъ ее ни трусостью, ни капризомъ, какъ увѣряетъ теперь Волгинъ. Когда потребуетъ общая польза, нечего думать о себѣ; но пока обязанность гражданина не велитъ пренебрегать рискомъ, надо избѣгать всякаго риска, и самаго ничтожнаго. Волгинъ полагалъ, что можетъ быть компрометированъ дружбою съ нимъ; не его дѣло судить, почему такъ полагалъ Волгинъ; полагалъ, — этого довольно. Безъ надобности онъ не будетъ видѣться съ Волгинымъ.

— Вотъ это я называю: человѣкъ, — сказалъ Волгинъ, обращаясь къ Нивельзину, и не продолжалъ настаивать.

— Вы любите смѣяться надъ всѣми; я немножко заражаюсь отъ васъ дурными привычками. Оба вы съ Соколовскимъ нѣсколько забавны, — сказалъ Нивельзинъ.

— Противъ этого я не спорю, — отвѣчалъ Волгинъ, погрузился въ размышленіе, и при своей способности къ быстрымъ соображеніямъ, обдумавши вопросъ со всѣхъ сторонъ въ теченіи нѣсколькихъ секундъ, повторилъ рѣшительно: — Не спорю, мы съ Болеславомъ Иванычемъ забавны; почему? — потому что оба ждемъ бури въ болотѣ; болото всегда спокойно; буря можетъ быть повсюду кругомъ, оно всегда спокойно. — Онъ опять погрузился въ размышленіе, всталъ, взялъ фуражку, вяло поблагодарилъ Соколовскаго еще разъ и ушелъ, извинившись тѣмъ, что не имѣетъ времени посидѣть и поболтать, хотя бы это было очень пріятно ему.

— Полноте, боитесь компрометировать себя политическими разговорами съ такимъ опаснымъ человѣкомъ, какъ Соколовскій; — сказалъ, смѣясь, Нивельзинъ.

Но, лгавши во всемъ, что говорилъ на этомъ свиданіи, Волгинъ не солгалъ, объясняя, почему не остается дольше. Дѣйствительно, онъ спѣшилъ — послать депешу въ Новгородъ.

Онъ могъ успокоиться предположеніемъ о поѣздкѣ Левицкаго въ Новгородъ, когда не зналъ, какъ уѣхалъ онъ отъ Илатонцевыхъ. Но теперь было ясно, что Левицкій просто хотѣлъ вырваться отъ Илатонцевыхъ. Волгинъ не сомнѣвался въ томъ, что Левицкій поѣхалъ прямо въ Петербургъ, безъ всякихъ остановокъ. Предлогъ отъѣзда налагалъ на него эту необходимость.

Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, — былъ убѣжденъ Волгинъ:— Почему-же онъ до сихъ поръ не былъ у меня? — Онъ долженъ былъ, какъ пріѣхалъ, спѣшить ко мнѣ. — Волгинъ былъ теперь сильно встревоженъ.

Какъ услышалъ онъ отъ Соколовскаго о своемъ небываломъ второмъ письмѣ съ настоятельнымъ вызовомъ, онъ хотѣлъ уйти, не слушая ничего дальше. Но онъ успѣлъ разсудить, что это значило-бы только обнаружить свое безпокойство и возбудить въ Соколовскомъ подозрѣнія, безъ всякой пользы: вечеръ неудобное время для справокъ. — Одно, что возможно до утра: послать депешу въ Новгородъ, — и то, почти только для того, чтобы отнять у себя послѣднюю возможность сомнѣваться, въ Петербургѣ-ли Левицкій.

Возвратившись домой, онъ услышалъ, что жена уѣхала съ Мироновымъ на вечеръ. Онъ сѣлъ работать, но не могъ. Легъ читать. Это помогло. Онъ скоро уснулъ.

— Будешь помнить, и съумѣешь приготовить хорошо? — говорила Волгина слѣдующимъ утромъ кухаркѣ, выходя въ ея сопровожденіи изъ кухни въ столовую, гдѣ кипѣлъ самоваръ:— Наташа, позови Алексѣя Иваныча; развѣ не видишь, я еще не договорила съ Авдотьею, не пойду звать сама? — Наташа, съ ребяческимъ усердіемъ занимавшаяся осуществленіемъ фантазіи разставить чайныя принадлежности вокругъ самовара правильною звѣздою съ пятью лучами, неохотно оторвалась отъ своей полезной заботы, и пошла самымъ тихимъ шагомъ: такъ велико было ее неудовольствіе. — Волгина продолжала говорить съ кухаркою объ обѣдѣ.

Наташа, вышедшая изъ столовой съ достоинствомъ, какого требовала досада, вбѣжала назадъ, разинувъ ротъ, хлопая глазами и размахивая руками отъ изумленія: — Алексѣя Иваныча нѣтъ, Лидія Васильевна. И сюртука нѣтъ, и въ передней теплаго пальто нѣтъ, и галошъ Алексѣй-Иванычевыхъ нѣтъ!

— Неужто еще не пріѣхалъ? — начала вторить ей кухарка,

по первому же ея слову: — Съ восьми то часовъ уже часа полтора будетъ; а сказалъ „скоро вернусь!“ — А ты не умѣла сказать какъ слѣдуетъ: „видно, ушли куда-нибудь, потому что пальто и галошъ ихъ нѣтъ“, — обратилась она съ назиданіемъ къ Наташѣ: — Такъ надо сказать; а ты: „Алексѣя Иваныча нѣтъ, и сюртука нѣтъ“, — точно, кто укралъ Алексѣя Иваныча вмѣстѣ съ сюртукомъ! Можно-ли такъ говорить? Ты должна слушать и понимать, какъ говорятъ, и сама стараться....

— Гдѣ-же Алексѣй Иванычъ? Послѣ доучишь ее, какъ надобно умѣть говорить.

— Ушли, и чаю ждать не захотѣли; я говорила: въ пять минутъ поставлю самоваръ, — не стали ждать. — „Я“, говоритъ, „скоро пріѣду“, — да вотъ тебѣ и скоро! — А я думала, они ужъ дома, Наташа впустила.

— Ты тоже умѣешь говорить. Куда онъ уѣхалъ? — Зачѣмъ? — Вѣрно, онъ говорилъ, чтобы ты сказала мнѣ.

— Какъ-же, сказали. — „Справляться“, говоритъ. — А я думала, они уже давно дома.

— Справляться, — только сказалъ онъ? Не сказалъ, о чемъ, о комъ?

— Искать кого-то, сказывали они, да я не умѣю выговорить фамилію-то: не русская какая-то, должно быть. Ну, они говорили того, о которомъ вчера разговаривали съ вами; — лакей-то приходилъ, они сказывали.

— Левицкаго? — Это не русская фамилія!

— Такъ, такъ, Левицкаго! — повторила кухарка въ восхищеніи отъ своей памятливости.

— Что-жъ, онъ узналъ о Левицкомъ что-нибудь новое? — Гдѣ искать, почему искать?

— Не знаю, Лидія Васильевна.

— Да какъ-же онъ проснулся такъ рано? — Приходилъ кто нибудь, разбудилъ его?

— Приходилъ почтальонъ, только не настоящій почтальонъ, а совсѣмъ особый, и принесъ письмо, только тоже не настоящее, а особое, и велѣлъ разбудить. Я не хотѣла. А онъ: буди. А я: въ первой-ли намъ получать письмо? Никогда не будили; проснется; прочитаетъ. — А онъ: наши письма не такія, по нашимъ письмамъ всѣ велятъ будить себя. Буди. — Да еще что, Лидія Васильевна? — Ругать меня сталъ, дурою назвалъ, ей Богу! — А я ему...

— Алексѣй Иванычъ не говорилъ, съ собою взялъ эту депешу, или оставляетъ мнѣ?

— На столѣ на своемъ оставилъ, — скажи, говоритъ, Лидіи Васильевнѣ, что оставляю на столѣ.

— Эхъ, ты! — А еще меня учила говорить! — съ торжествомъ замѣтила Наташа.

Волгина нашла на столѣ мужа телеграмму: „Левицкій не былъ въ Новгородѣ. Уѣзжая изъ деревни, писалъ мнѣ: спѣшитъ къ Вамъ."

Волгинъ возвратился домой уже въ третьемъ часу, и еще изъ передней началъ: — Голубочка, гдѣ ты? Будешь бранить меня, голубочка, за то что я уѣхалъ не напившись чаю; но я увѣряю...

— У Лидіи Васильевны кто-то есть, Алексѣй Иванычъ, — прервала Наташа: — Дама какая-то, бѣлая, молодая, — та самая, можетъ быть, помните, которая была весною и опять пріѣзжала, когда мы воротились съ дачи.

— Савелова? — спросилъ Волгинъ, укрощая свое громогласіе.

— Такъ, она; — подтвердила Наташа. Волгинъ пробрался въ кабинетъ потише и поосторожнѣе, чтобы не попасться въ надобность отличаться своими свѣтскими талантами.

Онъ прислушивался, какъ будетъ уходить Савелова, и лишь только Лидія Васильевна проводила ее, онъ всталъ и пошелъ къ женѣ, еще въ кабинетѣ начавши по прежнему: — Голубочка, ты будешь бранить меня; а пожалуйста не брани, потому что, увѣряю тебя, я заѣзжалъ по дорогѣ въ кондитерскую, и напился чаю, и даже закусывалъ, и увѣряю тебя, вовсе не голоденъ. — Видишь-ли, голубочка: изъ разговора съ Соколовскимъ я увидѣлъ, что Левицкій....

— Знаю, мой другъ. Если ты получилъ отвѣтъ изъ Новгорода, то понятно, ты посылалъ туда депешу, — значитъ, былъ встревоженъ за Левицкаго. И нельзя было не понять, что ты встревожился тѣмъ, что услышалъ отъ Соколовскаго. Я посылала за Нивельзинымъ, и знаю все.

— Посылала, голубочка? — Значитъ, теперь и Нивельзинъ понимаетъ, что дѣло было не въ томъ, какъ повѣрили Илатонцевы, да и Соколовскій, да и онъ тоже.... Э, что-жъ я! — перебилъ онъ самъ себя съ досадою: — Натурально, важность только въ томъ, что не усомнились Илатонцевы, — а отъ Нивельзина чего таить? — Нечего, разумѣется.

— Конечно, такъ, мой другъ. — Что же ты узналъ?

— Ничего, разумѣется. Былъ въ адресномъ столѣ; тамъ нѣтъ ничего. И натурально—тутъ-же размыслилъ Волгинъ: — Не стоило и справляться въ адресномъ столѣ: свѣдѣнія не получаются тамъ такъ скоро, въ нѣсколько дней, — развѣ черезъ двѣ, три недѣли

дойдетъ туда. — Поэтому Волгинъ былъ у оберъ-полиціймейстера, былъ у всѣхъ полиціймейстеровъ, — просилъ всѣхъ приказать справиться поскорѣе; — всѣ они при немъ и отдали приказаніе, потому что всѣ видѣли: дѣйствительно, его предположеніе слишкомъ правдоподобно: Левицкій, вѣроятно, тяжело боленъ, такъ что не могъ и извѣстить Волгина. Ничѣмъ другимъ нельзя объяснить, что онъ не увѣдомилъ о себѣ человѣка, на вызовъ котораго такъ спѣшилъ. — Всѣ приняли самое доброе, самое живое участіе.

— И что-же, мой другъ: ты думаешь, это самое лучшее и скорое средство узнать, гдѣ Левицкій, что съ нимъ?

Волгинъ съ ожесточеніемъ мотнулъ головою: — Само собою, нѣтъ, голубочка. Кому-же изъ полицейскихъ будетъ охота слишкомъ усердно хлопотать по обыкновенному приказанію начальства? — Извѣстно, какъ исполняютъ оффиціальныя порученія: лишь-бы отдѣлаться, лишь-бы дать какой-нибудь отвѣтъ. Натурально, слѣдовало начать вовсе не съ того, какъ я, — это самое послѣднее. Вотъ, давай-ка поскорѣе обѣдать, да и отпусти меня: поѣду къ мелкимъ чиновникамъ, — обѣщаю сто рублей за извѣстіе. Тогда справятся какъ слѣдуетъ.

— Я очень довольна, мой другъ, что ты такъ думаешь. Значитъ, Нивельзинъ не ошибся: онъ уѣхалъ съ тѣмъ, чтобъ именно такъ и сдѣлать, какъ ты говоришь. Кромѣ того и самъ будетъ искать. — Мы съ нимъ также подумали, что, вѣроятно, Левицкій пріѣхалъ больной, и не могъ не только ѣхать къ тебѣ, даже и написать.

— Удивительно, голубочка, почему я всегда только уже послѣ увижу, какъ надобно сдѣлать, а начну непремѣнно не такъ! — съ ожесточеніемъ сказалъ Волгинъ: — Это удивительно, голубочка, увѣряю тебя! — Почему-же Нивельзинъ съ перваго раза увидѣлъ какъ слѣдуетъ сдѣлать?

— Мой другъ, я тысячу разъ говорила тебѣ: ты вовсе не живешь съ людьми, — какъ-же тебѣ умѣть жить въ свѣтѣ, умѣть приниматься за дѣла?

— Нѣтъ, голубочка: это уже врожденная глупость, увѣряю тебя, — съ негодованіемъ возразилъ Волгинъ и ужасно мотнулъ головою. — Въ другое время онъ сталъ-бы доказывать это очень подробно и основательно, по своему обыкновенію. Но теперь, ему было не до того, чтобы заниматься разъясненіемъ своихъ удивительныхъ врожденныхъ умныхъ свойствъ: онъ былъ слишкомъ серьезно встревоженъ за Левицкаго, — поэтому замолчалъ.

— Я не думала, чтобы ты могъ любить кого-нибудь, — сказала жена.

— И я самъ тоже думалъ, голубочка. — Все дурачье, только смѣхъ и горе съ ними. Все дурачье, — ты не повѣришь, голубочка, что такое всѣ эти умные люди, — о, какіе слѣпые дураки!

— Жалкое общество, какіе у него руководители! Бѣдный народъ, чего ждать ему отъ такого общества съ такими руководителями!

Онъ вытащилъ платокъ и началъ съ ожесточеніемъ сморкаться. — Голубочка, пожалуйста, ты не говори Нивельзину, что я хуже всякой бабы, — замѣтилъ онъ, кончивши свое занятіе съ платкомъ, и принужденно захохоталъ; потомъ, покачалъ головою и сказалъ: — Это очень глупо, голубочка, увѣряю тебя; потому что, согласись, какая мнѣ надобность? — Никакой. Но вотъ, глупая слабость: расчуствовался какъ самая старая баба, — и всегда такъ расчувствуюсь. Удивительно. — Да, — продолжалъ онъ, углубляясь въ размышленіе: — Въ томъ и штука, что Левицкій незамѣнимый человѣкъ. Полезный человѣкъ.

— Пока, у тебя еще нѣтъ никакой причины слишкомъ тревожиться за него, мой другъ, — замѣтила жена: — То, что онъ боленъ, и довольно серьезно, это очень вѣроятно. Но только. А ты ужъ и оплакалъ его: ты слишкомъ мнителенъ. — Пойдемъ, взгляни на Володю, поиграй съ нимъ: ты огорчаешь меня тѣмъ, что совершенно не занимаешься имъ.

— А, погоди, голубочка: подростетъ, будешь, пожалуй, говорить, что и слишкомъ много занимаюсь съ нимъ, когда стану набивать ему голову всею этою чепухою, которую называютъ ученостью; — пойдемъ, пожалуй, посмотрю, какой онъ милый, по твоему мнѣнію, — но увѣряю тебя, голубочка, что и теперь можно видѣть, что будетъ тоже молодецъ, въ родѣ меня. Впередъ восхищаюсь его ловкостью.

Глава Шестая.

Послѣ того, какъ ушла тайкомъ изъ квартиры Волгиныхъ, Савелова должна была стыдиться взглянуть на Лидію Васильевну: будучи глубокимъ знатокомъ человѣческаго сердца, Волгинъ не сомнѣвался въ этомъ и, конечно, не могъ оставить жену въ незнаніи насчетъ своего блистательнаго соображенія: „Увѣряю тебя, голубочка, она не покажетъ носу къ тебѣ“, предрекъ онъ женѣ. Предсказаніе, дѣлавшее такую честь его необыкновенной проницательности, оправдывалось. Ни до переѣзда на дачу, ни во все продолженіе дачнаго сезона Савелова не была у Волгиной.

Тѣмъ справедливѣе удивился глубокомысленный прорицатель, вскорѣ по переселеніи въ городъ услышавъ отъ жены, что нынѣ поутру пріѣзжала къ ней Савелова. По свойственной его уму быстротѣ въ дѣланіи самыхъ трудныхъ соображеній, Волгинъ мгновенно постигъ тайну такого мудренаго случая, и сталъ увѣрять жену, что непремѣнно у Савеловой была какая-нибудь особенная, большая надобность, — безъ того она не поѣхала бы. Жена сказала, что изъ разговора Савеловой не было видно, чтобы она хотѣла посовѣтоваться или попросить о чемъ-нибудь.

— Ну, а все-таки, по твоему мнѣнію, голубочка? — спросилъ мужъ, любившій глубокія соображенія.

— Какая-же надобность мнѣ имѣть какое-нибудь мнѣніе? — замѣтила жена: — она хотѣла вести пустой разговоръ; я была очень рада, что нѣтъ ни обниманій, ни слезъ.

— Знаешь-ли, голубочка? — Она пріѣзжала поговорить о Нивельзинѣ, — спросить, не имѣешь-ли какихъ-нибудь извѣстій о немъ, — увѣряю тебя, голубочка, потому что, увѣряю тебя, она и теперь сохраняетъ нѣкоторое расположеніе къ нему. Она, бѣдняжка, только не рѣшилась спросить о немъ. А повѣрь, такъ.

Жена сказала, что она сама подумала такъ, и не дожидаясь вопроса, тяжелаго для Савеловой, разсказала все, что знаетъ о Нивельзинѣ, — онъ въ то время еще не возвратился изъ за-границы. Савелова слушала съ интересомъ, и призналась въ этомъ, и благодарила за разсказъ, и потомъ продолжала прежній разговоръ.

Мгновенно углубившись въ небольшое размышленіе, мужъ объявилъ, что когда такъ, то нѣтъ: Савелова пріѣзжала не за этимъ. Еслибъ за этимъ, то послѣ и не было-бы никакого другаго разговора. Видно, она вспоминаетъ о Нивельзинѣ мило и нѣжно; и крестится обѣими руками отъ радости, что не заставили ее ѣхать съ этимъ человѣкомъ, о которомъ такъ пріятно плакать.

Волгина очень желала-бы не отдать визита Савеловой. И не отдала-бы, если-бы этимъ нарушились только правила этикета. Но Савелова увидѣла-бы въ этомъ не простое пренебреженіе условныхъ обычаевъ, а презрѣніе къ своему характеру — была бы слишкомъ жестоко поражена. Волгина пожалѣла ее. Сдѣлала принужденіе себѣ и поѣхала отдать ей визитъ. Но съ тѣмъ, чтобъ не пришлось повторить его. Этого можно было достичь, не обижая женщину, болѣе мелкую нежели дурную. Волгина хотѣла мягко, но рѣшительно сказать, что не можетъ наряжаться такъ богато какъ аристократки, съ которыми она встрѣчалась-бы у Савеловой, что онѣ стали-бы смотрѣть свысока на нее, что изъ этого происходили-бы непріятныя столкновенія.

Волгина и сказала это. Но чтобы найти минуту сказать, должна была просидѣть у Савеловой гораздо дольше, нежели хотѣла. Она застала Савелову не одну. Довольно пожилой мужчина въ пальто, совершенно по домашнему расположившись въ большихъ и низенькихъ мягкихъ креслахъ, не подходившихъ къ остальной мебели и очевидно принесенныхъ въ гостинную нарочно для него, пилъ кофе, читалъ газеты и курилъ, — все вмѣстѣ. Савелова на диванѣ подлѣ него вышивала уголъ полотнянаго платка. Картина походила на семейную и Волгина подумала, что мужчина — какой нибудь родственникъ хозяйки или хозяина, пріѣхавшій въ Петербургъ погостить. Но Савелова отрекомендовала его какъ „Петра Степановича, о которомъ она такъ много говорила“; и какъ сѣла, Волгина должна была высказать свое мнѣніе объ узорѣ платка: оказалось, что платокъ вышивается для Петра Степановича. Дѣйствительно, Савелова очень много толковала о Петрѣ Степановичѣ, бывши съ визитомъ у Волгиной, почти все только о немъ и толковала. Кто такой Петръ Степановичъ — Савелова не объяснила: вѣроятно, по ея мнѣнію, всѣ въ Петербургѣ, или въ цѣлой Россіи, должны были знать, кто Петръ Степановичъ; Волгина не знала и не полюбопытствовала спросить; но скоро увидѣла изъ ея словъ, что Петръ Степановичъ — какой-то чрезвычайно высокій сановникъ, по всей вѣроятности — начальникъ Савелова. Дальше, оказывалось, что онъ совершенно одинокій человѣкъ, старый холостякъ. Савелова не могла до сѣ та наговориться о своей дружбѣ съ Петромъ Сте-

пановичемъ, и приплетала ее ко всему — о чемъ болтала. Она сваливала на Петра Степановича даже то, что не была у Волгиной во время дачнаго сезона: нельзя было вырваться отъ Петра Степановича, чтобъ съѣздить изъ Ораньенбаума въ Петербургъ и заѣхать къ Волгиной на Петровскій. Повѣритъ-ли Волгина? Она все лѣто ни разу не была въ Петербургѣ. Они жили въ Ораньенбаумѣ, потому что тамъ жилъ Петръ Степановичъ: ея мужъ долженъ каждый день работать съ Петромъ Степановичемъ. — Она и прежде была очень хороша съ Петромъ Степановичемъ; но въ Ораньенбаумѣ, они подружились такъ, что онъ рѣшительно не могъ жить безъ нея: все вмѣстѣ, все вмѣстѣ; — и теперь, онъ безпрестанно у нея; каждый день, сидитъ утро, или сидитъ вечеръ. Это было бы утомительно, если бы Петръ Степановичъ не былъ такой милый человѣкъ и если-бъ она не любила его. Но она очень любитъ Петра Степановича; потому, нисколько не обременяется.

Тутъ было страшно много хвастовства; еще больше аффектаціи. Но Волгиной казалось, что есть и кое что похожее на искреннее расположеніе къ Петру Степановичу. О томъ, что тутъ нѣтъ ничего похожаго на волокитство со стороны Петра Степановича, нечего было и сомнѣваться.

Петръ Степановичъ бросилъ газету и оказался очень разговорчивымъ собесѣдникомъ. Анекдоты его были милы; шутки не пошлы; серьезныя слова не глупы. Вся манера его держать себя была совершенно безъ претензій. Лицо его было еще красиво; волоса еще довольно густы и безъ сѣдинъ. Но онъ не забывалъ свои сорокъ слишкомъ — быть можетъ, и пятьдесятъ лѣтъ. За то, совершенно не считалъ нужнымъ помнить, что онъ очень высокій сановникъ. Очевидно, онъ любилъ Савелову какъ родную и вѣрилъ, что она любитъ его совершенно безкорыстно. Эта увѣренность была отчасти слишкомъ наивна. Впрочемъ, ошибка его не была неизвинительна. Если Савелова и начала ухаживать за нимъ исключительно по служебнымъ надобностямъ мужа, то теперь имѣла до нѣкоторой степени и душевную привязанность къ нему. Дѣйствительно, онъ былъ такъ искрененъ съ нею, что нельзя было ей не начать хоть немножко платить ему тѣмъ-же. Вообще онъ очень понравился Волгиной: показался человѣкомъ добрымъ — честнымъ, не орломъ по уму, но далеко не дуракомъ.

Черезъ полчаса или больше, пришелъ въ гостинную Савеловъ съ бумагами въ рукахъ. Какъ видно, онъ не зналъ, что у жены сидитъ Волгина; быть можетъ не зналъ, что его жена и знакома съ нею. — Волгиной было довольно забавно подмѣтить, какъ ловко и быстро согналъ со своего лица удивленіе и устроилъ мину, прекрасно показавшую, что онъ не имѣетъ удовольствія знать — кто гостья, но что видъ неизвѣстной дамы, произвелъ на него самое выгодное впечатлѣніе для нея. А когда жена

представила его Волгиной, онъ сдѣлался непритворно милъ, и безъ особенныхъ церемоній извинившись передъ Петромъ Степановичемъ, что заставитъ его нѣсколько подождать разговора о дѣлахъ, сѣлъ къ Волгиной и довольно долго говорилъ съ нею, главнымъ образомъ о своемъ уваженіи къ ея супругу. Волгина засмѣялась и благодарила его за любезность. Но онъ очень серьезно отвѣчалъ, что она ошибается: онъ говоритъ о ея супругѣ то, что чувствуетъ. Дороги, по которымъ идутъ онъ и Волгинъ, очень различны, и хоть ведутъ къ одной цѣли, но не представляютъ имъ случаевъ встрѣчаться на пути къ ней. Притомъ-же Волгинъ затворникъ; даже у Рязанцева, единственнаго общаго друга ихъ, бываетъ рѣдко, да и то лишь въ означенные дни, когда собирается толпа. А онъ по своимъ оффиціальнымъ отношеніямъ избѣгаетъ являться въ эту толпу. Потому онъ не знаетъ, скоро-ли встрѣтится съ Волгинымъ. А нарочно искать сближенія, это было-бы неудобно, при его оффиціальномъ положеніи, при положеніи Волгина въ литературѣ: сплетники сочинили бы что кто-нибудь изъ нихъ ищетъ чего-нибудь въ другомъ. Онъ дорожитъ репутаціею независимости; Волгинъ, конечно, не меньше. Тѣмъ больше онъ радъ, что его жена и Волгина подружились: онъ надѣется, что изъ этого естественно выйдетъ сближеніе между нимъ и Волгинымъ. А пока онъ проситъ ее передать его чувства ея супругу.

Это было еще до пріѣзда Нивельзина изъ за-границы. Волгинъ не хотѣлъ повѣрить женѣ, что въ длинныхъ и горячихъ тирадахъ Савелова объ уваженіи къ нему должно быть что-нибудь серьезное: — Э, голубочка! на что ему заботиться расположить меня въ свою пользу? Просто, онъ хотѣлъ быть любезенъ. — Но когда пріѣхалъ Нивельзинъ, и Рязанцевъ объяснилъ Волгиной, что ея мужъ посылалъ Нивельзина съ важными порученіями въ Лондонъ, Волгинъ понялъ, что дѣйствительно слова Савелова не были пустою любезностью. Въ тѣ времена, петербургскіе реформаторы добивались, чтобы въ Лондонѣ были милостивы къ нимъ. Савеловъ вообразилъ, что Волгинъ пользуется тамъ сильнымъ вліяніемъ.

Только дикарю Волгину представлялось, будто-бы Савелова должна была до такой степени совѣститься своего бѣгства, что не пріѣхала-бы къ Волгиной безъ очень серьезной надобности въ совѣтѣ или помощи. Когда онъ сообразилъ всѣ обстоятельства, раскрывшіяся для него въ послѣдствіи времени, то увидѣлъ, что предположеніе жены было справедливо: въ этотъ разъ Савелова пріѣзжала просто за тѣмъ, чтобы показать Волгиной, — и окончательно убѣдить саму себя, — что не имѣетъ причинъ

стыдиться: ея поступокъ былъ хорошъ, она пожертвовала преступною страстью для священныхъ обязанностей, и достойна не порицанія, какъ можетъ представляется Волгиной, а почтенія и похвалы.

Она пылко протестовала противъ рѣшимости Волгиной не входить въ аристократическій кругъ; она съ пафосомъ говорила, что не хочетъ подчиняться излишней гордости Волгиной, не согласна лишить себя ея дружбы. Но видно было, что въ сущности для нея все равно. — Волгина думала: можетъ быть, увижу ее у себя еще разъ или два, — вѣроятно не увижу.

Но сомнѣвалась только до пріѣзда Нивельзина. А подружившись съ нимъ, предполагала, что не увидитъ ее у себя.

Пусть отношенія къ мужу, къ Петру Степанычу, къ цѣлому десятку важныхъ старухъ и цѣлому стаду важныхъ стариковъ были для Савелозой важнѣе любви. Но все таки она любила Нивельзина со всею силой, какую могло имѣть благородное чувство въ ея сердцѣ, не совершенно дурномъ, хоть и слишкомъ набитомъ пошлостью. Пусть воспоминаніе объ этой любви успѣло очень и очень ослабѣть въ долгіе мѣсяцы, наполненные свѣтскими заботами и полубезкорыстною возней съ дружбою Петра Степаныча. Но все таки это было единственное поэтическое воспоминаніе, — единственное, которое годилось для минутъ благороднаго настроенія души. Оно не могло не быть мило ей. Въ ней должна была сохраняться нѣжность къ Нивельзину. Ей не могло не быть тяжело смотрѣть на Волгину, когда она стала видѣть Волгину вмѣстѣ съ Нивельзинымъ и на Невскомъ, и въ театрѣ.

И однако-же она пріѣхала къ Волгиной — въ то утро, которое Волгинъ употребилъ на тревожные разъѣзды, съ просьбами разъискать, гдѣ Левицкій, что̀ съ нимъ. Она пріѣхала очень бойкая и развязная, но слишкомъ бойкая и развязная, такъ что напомнила Волгиной совершенную непринужденность Алексѣя Иваныча, когда Алексѣй Иванычъ становится въ отчаяніи развязнымъ свѣтскимъ человѣкомъ, чрезвычайно свободно попирающимъ всѣ свои затрудненія. „Бѣдная! — что съ вами? Что грозитъ вамъ?“ едва не воскликнула Волгина при взглядѣ на ея натянутую беззаботную улыбку, принужденно-веселое лицо. Но она съ неудержимою говорливостью, какою блисталъ и Алексѣй Иванычъ, когда бывалъ также беззаботенъ, — очень скоро успѣла отличиться такъ ловко, что и самъ Алексѣй Иванычъ согласился-бы признать ея превосходство надъ собою.

Она пріѣхала звать Волгину на обѣдъ. Она увѣрена, Волгина сдѣлаетъ ей это удовольствіе. Возраженія Волгиной не примѣ-

няются къ этому случаю: обѣдъ будетъ совершенно запросто, маленькій, скромный, — можно сказать семейный. Будутъ только сослуживцы ея мужа, старики. Не будетъ ни одной дамы. Для такого общества не нужны брилліанты, дорогія кружева. Она сама не будетъ въ бальномъ платьѣ. Этотъ обѣдъ завтра. Это имянины ея мужа. Она не сомнѣвается — Волгина пріѣдетъ. Все это говорилось такимъ тономъ, будто въ самомъ дѣлѣ ей только стоило сказать: „пріѣзжайте“, и Волгина съ восторгомъ поѣдетъ, — будто Волгиной должна быть необыкновенно пріятна честь сидѣть за однимъ столомъ съ нею, съ ея мужемъ и его сослуживцами. Вѣроятно, бѣдняжка не воображала давать такой тонъ своимъ словамъ; вѣроятно, она только усердствовала показать, что не затрудняется и не сомнѣвается. Но слишкомъ усердствовала и выходилъ такой тонъ.

— Зачѣмъ-же я поѣду? — холодно сказала Волгина.

Ей будетъ такъ пріятно, если пріѣдетъ Волгина. Сослуживцы ея мужа — все старики, все скучные. Съ ними такая невыносимая тоска! Она увѣрена, Волгина не откажется: вдвоемъ имъ будетъ весело. Ей одной — невыносимо скучно. Съ Волгиной, она сейчасъ-же послѣ обѣда уйдетъ въ свою комнату; одна—она должна будетъ оставаться съ этими гостями и умретъ отъ скуки.

Необычайная легкость тона продолжалась. Рѣшительно, самъ Алексѣй Иванычъ не могъ-бы говорить такъ умно и мило.

— Вамъ хочется, чтобы за обѣдомъ была какая нибудь дама, которая дала бы вамъ предлогъ уйти отъ скучныхъ стариковъ, желаніе очень естественное. Но я полагаю, что у васъ есть сотня пріятельницъ, можете выбрать изъ нихъ любую.

Но она выбираетъ Лидію Васильевну. Неужели Лидія Васильевна откажетъ ей въ этой маленькой услугѣ?

— Если-бъ я не видѣла, что вы взволнованы, я сказала бы вамъ: „Развѣ ваши обѣды такая честь для меня? — Кажется, я довольно ясно говорила вамъ, что не хочу бывать у васъ ни на обѣдахъ, ни до обѣдовъ, ни послѣ обѣдовъ? — Почему это? Между прочимъ, и потому, что вы слишкомъ заняты важностью вашего мужа. Я сказала-бы это и попросила-бы васъ идти вонъ. Но вы сами не понимаете, что ваши слова были дерзки. Я не должна сердиться. Не должна, и однако-же сержусь. Но удерживаюсь. Вмѣсто того, чтобы попросить васъ уйти, спрашиваю: Зачѣмъ вы пріѣхали? Говорите прямо, если не хотите, чтобъ я потеряла терпѣніе. Зачѣмъ вамъ надобно, чтобъ я пріѣхала завтра на вашъ обѣдъ? Это серьезная надобность? — Если очень-очень серьезная, и если никто не можетъ замѣнить меня, то я подумаю — и могу согласиться.

Савелова вспыхнула и нѣсколько времени сидѣла молча; по видимому она не знала, что ей дѣлать; вѣроятно, первой ея мыслью было, что Волгина оскорбила ее, и что она должна встать

и уйти, сказавъ, что она не ожидала такой обиды, или что-нибудь подобное. Въ самомъ дѣлѣ, слова Волгиной были очень суровы. Но Савелова не хотѣла обращать вниманія на прежнія холодныя замѣчанія Волгиной и упорно оставалась при своемъ легкомъ тонѣ, будто не вѣрила, что женщина, мужъ которой не важный человѣкъ, можетъ не считать за честь себѣ ея приглашенія; будто не вѣрила, что Волгина, бывши у нея, серьезно говорила о своемъ нежеланіи входить въ ея общество. Савеловой трудно было принять подобныя слова за правду, когда сама она жертвовала всѣмъ для своей свѣтской карьеры. Она, по своему характеру, должна была считать ихъ только притворствомъ, которое будетъ отброшено въ сторону при настойчивости съ ея стороны. — Можетъ быть и то, что она въ своей отчаянной бойкости и дѣйствительно не понимала, какъ наглъ и раздражителенъ тонъ ея приглашенія. — Теперь она опомнилась, и сидѣла, не зная что ей дѣлать. Вѣроятно, сначала въ ней преобладало то впечатлѣніе, что она обижена, должна встать и уйти. Она будто порывалась встать, но не вставала. Она сидѣла молча. Грудь ея стала дышать тяжело, на глазахъ у нея стали навертываться слезы.

— Я остановила васъ, быть можетъ, слишкомъ рѣзко, но должна была остановить, потому что начинала терять терпѣніе. Я—вспыльчива, — сказала Волгина смягчившись; видѣть огорченіе, страданіе — это обезоруживало ее: — Я очень вспыльчива, но за то моя досада и быстро проходитъ. Не могу не любить ваше личико. Помиримся. Не плачьте пожалуйста. Для васъ необходимо, чтобы я не оставляла васъ быть одну за вашимъ обѣдомъ?

— Боже мой, Боже мой, если-бы я могла обратиться къ кому нибудь, кромѣ васъ, развѣ я пріѣхала-бы къ вамъ? — простонала Савелова. — Я люблю Нивельзина. Я ревную, я завидую, я люблю его. — Она залилась слезами. — Я люблю его, и все таки обращаюсь къ вамъ! — О, поймите-же, какъ велико мое страданіе.

Волгина стала ласкать ее, чтобъ успокоить. Сказала, что пріѣдетъ; говорила, что въ чемъ-бы ни состояло горе Савеловой, вѣроятно, она слишкомъ робѣетъ; что, вѣроятно, можно будетъ отвратить его.

Савелова рыдала до того, что совершенно разстроила свои нервы, и горячечная экзальтація овладѣла бѣдняжкою. Она повисла на шею Волгиной, обливала ее слезами, говорила о томъ, что никогда не забудетъ Нивельзина, что Нивельзинъ не можетъ любить ее, но что она любитъ его; что любовь къ нему поддерживаетъ ее; что безъ любви къ нему, она сдѣлалась-бы презрѣнною женщиной; что она благодаритъ Нивельзина за счастье, которое давала ей любовь къ нему; что она не эгоистка, не завистница; что она любитъ Нивельзина какъ брата; что у нея теперь одно желаніе — то, чтобы онъ былъ счастливъ; что скоро она будетъ имѣть силу сама сказать ему это, что она проситъ

Волгину сказать ему, что она любитъ его какъ брата, убѣдить его, чтобы онъ не презиралъ ее; что она нѣжно желаетъ ему счастья; что она счастлива его счастьемъ.

Конечно, мимолетная экзальтація гораздо больше участвовала въ этихъ нѣжныхъ изліяніяхъ, нежели прочное чувство. Но если бы тутъ былъ Волгинъ, все таки онъ расчувствовался бы до глубины души, по основательному соображенію, что сердце, способное хоть на минуту возвышаться до такого энтузіазма, не совершенно испорчено. — Такъ онъ и рѣшилъ, когда въ послѣдствіи времени узналъ объ этой сценѣ: сказалъ, что Савелова въ сущности хорошая женщина, размыслилъ и повторилъ: „да, какъ бы то ни было, все таки, не совсѣмъ дурная женщина.“

Волгина не занималась размышленіями о томъ, хорошая ли женщина Савелова, а уговаривала ее выпить холодной воды, — наконецъ, успѣла заставить выпить стаканъ; послѣ того повела ее къ рукомойнику, велѣла ей умыться, дала выпить еще стаканъ холодной воды, и послѣ того стала говорить о дѣлѣ:

— Я сказала вамъ, что пріѣду на вашъ обѣдъ. Слѣдовательно это вещь рѣшенная. Но я думаю, что для васъ самой было-бы полезно, если-бы вы предупредили меня, какой помощи вы ждете отъ меня?

Только той, чтобъ Волгина не покидала ее послѣ обѣда. — Савелова опять начинала волноваться.

— Только? — Тамъ будетъ Петръ Степановичъ?

— Конечно будетъ.

— Неужели онъ не могъ-бы оказать вамъ этой услуги? Вы понимаете, я не думаю отказываться: дала слово, то уже не буду отговариваться. Но вы такъ дружны съ этимъ добрымъ, честнымъ человѣкомъ. Неужели вы не могли попросить его, чтобы онъ не отходилъ отъ васъ, если вамъ надобно было только, чтобы кто-нибудь былъ подлѣ васъ?

— Я не могла сказать даже и ему... Никто не долженъ знать, даже и онъ... И я не знаю, захотѣлъ-ли бы онъ... Савелова опять начинала трепетать: — Вы одна можете... И передъ вами, мнѣ уже все равно стыдиться: вы презираете меня...

Волгиной опять пришлось успокоивать ее. — Въ томъ, что она не рѣшилась бросить мужа, нѣтъ ничего особеннаго; почти всѣ поступили бы точно также, какъ она. Савелова была расположена думать, что не заслуживаетъ порицанія, да и не горевала о Нивельзинѣ; потому, утѣшилась очень легко. Воспоминанія не были особенно важны для нея, какъ убѣдилась Волгина: Она мучилась только опасностью, которая теперь грозитъ. Опасность была велика и дурна; это было видно изъ того, что Савелова стыдилась сказать о ней Петру Степановичу и не надѣялась на его желаніе или силу пособить. Но въ чемъ состоитъ эта ужасная и постыдная опасность, Волгина не видѣла; и не стала больше

спрашивать, хоть было-бы очень полезно узнать это заранѣе, чтобы обдумать, что и какъ можно сдѣлать. Савеловой слишкомъ тяжело было говорить и Волгина отпустила ее со словами, что не хочетъ знать ничего, — и не будетъ видѣть ничего, кромѣ того, что надобно будетъ видѣть для ея пользы.

Савеловъ не имѣлъ состоянія и былъ не жаденъ на деньги; дорожилъ своею вполнѣ заслуженною репутаціею безкорыстнаго человѣка и презиралъ внѣшній блескъ. Квартира Савеловыхъ была немногимъ больше квартиры Волгиныхъ, а меблирована почти такъ-же скромно.

Но если неподвижная мебель не очень большой гостинной была не блистательна, тѣмъ ослѣпительнѣе рѣзалъ глаза эффектъ ходячей меблировки, которая вся собралась въ гостинную: въ то время какъ пріѣхала Волгина, въ залѣ устанавливали раздвижной столъ, и всѣ, съѣхавшіеся на обѣдъ, были загнаны этимъ въ одну комнату. Звѣздоносными группами они тихонько толклись вдоль оконъ гостинной. На пятнадцати или шестнадцати фракахъ и военныхъ мундирахъ сіяло чуть-ли не десятка три звѣздъ.

Хозяйка, выбѣжавшая въ залъ встрѣчать гостью, провела ее мимо звѣздоносцевъ, не удостоивъ ни одного изъ нихъ словомъ или знакомъ, что онъ можетъ идти за нею и гостьею къ дивану. И ни одинъ звѣздоносецъ не осмѣлился сопутствовать дамамъ безъ приглашенія: всѣ потянулись въ другую половину комнаты, распредѣлились вдоль оконъ, и солидно, тихо передвигались тамъ, переминались, поговаривали, помалчивали, все смирно и въ совершенномъ удовольствіи.

И не только хозяйка предоставила этимъ смирнымъ созвѣздіямъ заниматься между собою какъ могутъ, — даже и хозяинъ былъ также безцеремоненъ съ ними. Савелова не было въ гостинной. Тридцать звѣздъ на пятнадцати сановникахъ не смѣли какъ видно обижаться: двигались вдоль оконъ, скромно сіяя.

Внезапно они замерцали паническими переливами свѣта, закопошились и обратились на дверь изъ зала. Въ залѣ раздался голосъ хозяина:

— Я замучилъ васъ; но будьте добры: заѣзжайте въ канцелярію и останьтесь тамъ, пока докладъ будетъ переписанъ; прошу васъ объ этомъ не въ службу, а въ дружбу. Мнѣ хочется, чтобы къ шести часамъ онъ былъ здѣсь. Мы всѣ тутъ и подписали-бы его; Петръ Степанычъ также будетъ здѣсь и въ 8 часовъ я повезъ-бы его Чаплину.

— Будьте увѣрены, въ 6 часовъ докладъ будетъ здѣсь, — отвѣчалъ другой голосъ, — конечно, чиновника, работавшаго съ

Савеловымъ и теперь отпускаемаго имъ: — Я надѣюсь, что успѣю и прочесть внимательно, чтобы не было описокъ.

Чиновникъ говорилъ съ Савеловымъ безъ подобострастнаго тона; такъ свободно, что даже не вставилъ „ваше превосходительство“. Въ тонѣ Савелова не было чванства: онъ не былъ гордъ, передъ кѣмъ нечего было важничать.

— Этимъ не обременяйте себя: вы устали; дождитесь только, пока будетъ переписано все и станутъ сшивать. Вамъ надобно отдохнуть. Я могу оправить описки самъ: когда буду читать графу, увижу и отмѣчу.

— Очень благодаренъ вамъ, Яковъ Кирилычъ, за такое облегченіе, — сказалъ чиновникъ: — дѣйствительно я усталъ. Но и вы не меньше моего.

— Кланяйтесь Аннѣ Ивановнѣ, поцѣлуйте за меня Митю. Варенька такая большая, что не смѣю посылать ей поцѣлуя.

Конечно, это были жена и дѣти его сотрудника. Онъ былъ внимателенъ и добръ, когда это было возможно. Чиновникъ не боялся его, по всей вѣроятности. А сіяніе звѣздъ было отчасти тревожно.

Хозяинъ показался въ дверяхъ; онъ былъ одѣтъ запросто, въ сѣромъ пальто, нѣсколько потертомъ по рубцамъ обшлаговъ; въ дверяхъ онъ замедлилъ шагъ, расправляясь — „выпрямляясь“ нельзя сказать, потому что онъ не былъ сгорбленъ: вѣроятно онъ никогда и не сгорбливался, — онъ повелъ плечами назадъ, нѣсколько выгибаясь на спину, какъ дѣлаетъ человѣкъ не сгибавшій стана, и уставшій отъ долгой работы; сталъ выпрямляться, перегибаясь на спину, — но увидѣвши Волгину, отказалъ себѣ въ удовольствіи кончить это фамильярное движеніе: передъ созвѣздіями онъ не считалъ нужнымъ церемониться, но передъ дамой онъ обратился въ свѣтскаго человѣка. Наскоро обошелъ звѣздоносцевъ, подавая обѣ руки, двоимъ въ разъ, мимоходомъ, милостиво надѣляя ихъ небрежными привѣтствіями; поспѣшилъ бросить эти созвѣздія, чтобъ подойти къ дамѣ и нѣсколько минутъ сидѣлъ подлѣ Волгиной.

Она ждала, что ея присутствіе произведетъ на него очень непріятное впечатлѣніе. Зачѣмъ именно упросила ее пріѣхать Савелова, она еще не знала. Но было несомнѣнно, что тутъ будетъ какая-то борьба противъ него: кого и чего могла-бы трепетать Савелова, если-бы мужъ не былъ въ союзѣ съ противною стороной? Волгина ждала, что Савеловъ увидитъ въ ней врага какого-нибудь своего плана или требованія. — Нѣтъ, онъ очевидно не придавалъ никакой особенной важности тому, что она тутъ. Черезъ минуту, Волгина даже увидѣла изъ его разговора: онъ зналъ, что жена пригласила ее, жена пригласила ее съ его согласія.

— Что-же значитъ все это? — тихо спросила Волгина Савелову, когда онъ пошелъ наконецъ удостоивать созвѣздія своего

хозяйскаго вниманія: — Я не понимаю, чего вы можете опасаться. Вашъ мужъ не думаетъ, что вы призвали меня на помощь противъ него?

— Петръ Степанычъ просилъ, чтобы мы пригласили васъ.

— Петръ Степанычъ? Вы сдѣлали Петра Степаныча моимъ поклонникомъ?

— Боже мой, Боже мой! Не смѣйтесь надо мною! Я должна была просить Петра Степаныча. Мой мужъ не долженъ знать ничего. Онъ не простилъ-бы мнѣ.

Созвѣздія снова закопошились: слуга доложилъ о пріѣздѣ его Высокопревосходительства Петра Степановича.

— Подавать обѣдъ; — громко отвѣчалъ на докладъ хозяинъ, двигаясь встрѣтить Петра Степаныча.

— Что-же это такое? — думала Волгина: — Чего она боялась отъ этого обѣда, когда за обѣдомъ не будетъ никого, кромѣ этихъ стариковъ, которые ничтожны для нея и для ея мужа? Петра Степаныча нечего и считать: онъ свой для нея.

Петръ Степанычъ обошелся съ подчиненными ему звѣздоносцами очень любезно, гораздо внимательнѣе, нежели Савеловъ; потомъ предался своей обязанности заниматься исключительно Волгиною. Онъ помнилъ, что онъ просилъ, чтобы она была приглашена.

Вошелъ слуга, и доложилъ хозяйкѣ, что поваръ проситъ извинить и обождать нѣсколько минутъ: обѣдъ еще немножко не готовъ.

— Обождать, — то обождемъ; — весело и добродушно замѣтилъ Петръ Степанычъ.

Конечно, онъ не могъ понимать, не могъ предполагать, что задержка не въ поварѣ. Волгина взглянула на Савелову. Савелова вспыхнула.

Это было хуже всего, что знала о ней, чего могла ожидать отъ нея Волгина. — Пожертвовать любовникомъ для нелюбимаго мужа — дѣло такое обыкновенное, — гораздо болѣе обыкновенное, нежели пожертвовать своимъ положеніемъ въ свѣтѣ для любви. Но тутъ было что-то менѣе обыкновенное: какая-то продѣлка, при которой долженъ остаться въ дуракахъ Петръ Степанычъ, и Савелова не предупредила человѣка, который такъ честно и сильно расположенъ къ ней. Первымъ порывомъ Волгиной было сказать Савеловой: „Вы ждете еще кого-нибудь?“ Но она удержалась: ей подумалось, что Савелова не могла-бы добровольно участвовать въ интригѣ противъ своего честнаго друга; что вѣроятно принужденіе со стороны мужа было слишкомъ грозно; что вѣроятно Савелова и сама достаточно чувствуетъ унизительность своей роли передъ Петромъ Степанычемъ. Волгина только взглянула на Савелову и пожалѣла даже о томъ, что взглянула: Савелова совершенно растерялась отъ ея взгляда; такъ: — только

ея мужа надобно винить за ея пошлую роль. — Волгина продолжала разговоръ съ Петромъ Степанычемъ, чтобы дать ей время оправиться.

Въ дверяхъ опять явился слуга и провозгласилъ:

— Его Свѣтлость, графъ Илларіонъ Илларіонычъ Чаплинъ.

Созвѣздія вздрогнули и окаменѣли.

— Графъ Чаплинъ! — съ изумленіемъ произнесъ хозяинъ и торопливо пошелъ въ залъ.

— Графъ Чаплинъ! — сказалъ Петръ Степанычъ, наклонившись къ Савеловой: — Вотъ почему обѣдъ не былъ готовъ! — Графъ Чаплинъ; — и вы не предупредили меня! — И вы хотѣли чтобъ я былъ въ дуракахъ! — Но нѣтъ, я несправедливъ къ вамъ, добрая, милая моя, Антонина Дмитріевна, — тотчасъ-же прибавилъ онъ: — Вы не могли хотѣть обманывать меня. — О, теперь я понимаю Якова Кирилыча! Онъ хочетъ сѣсть на мое мѣсто! Я не ожидалъ, что онъ захочетъ поступить со мною такъ! Интрига противъ меня! Но васъ я не виню. Вы только боялись сказать мнѣ. Яковъ Кирилычъ интригуетъ противъ меня! Горько мнѣ, горько, Антонина Дмитріевна.

— Петръ Степанычъ! — только и могла проговорить она, и слезы брызнули у бѣдной женщины.

— Довольно — замѣтятъ, — шепнула Волгина.

Но не было большой опасности, что замѣтитъ кто-нибудь, пока еще не возвратился наблюдать Савеловъ. Если-бы Петръ Степанычъ и Савелова обнялись, можетъ быть и то прошло бы незамѣчено никѣмъ изъ звѣздоносцевъ: такъ окаменѣли они отъ изумленія и благоговѣнія. — Савелова успѣла отереть слезы, пока спссобность видѣть и понимать возвратилась къ звѣздоносцамъ. Да и тутъ имъ было не до хозяйки и не до Петра Степаныча: все вниманіе ихъ было поглощено ожиданіемъ неожиданнаго посѣтителя.

Посѣтитель подавалъ о себѣ предвѣстія, изумлявшія Волгину.

Вѣроятно еще изъ передней начали доноситься въ гостинную первыя предвѣстія: посѣтитель ступалъ, производя ногами стукъ, подобнаго которому не могутъ дѣлать сапоги петербургскаго мужика, — они слишкомъ легки; — для такого стука—необходимы деревенскіе мужицкіе, двухпудовые. Вѣроятно—не въ такихъ-же сапогахъ ходитъ графъ Чаплинъ? Какъ-же онъ умудряется дѣлать такую стукотню? — Потомъ стало слышно сопѣніе, — громче и громче, — съ храпомъ и сопомъ раздалось: „Вотъ я и у васъ — Яковъ Кирилычъ! Поздравляю!“ Стукъ, сопъ и храпъ заглушили любезность, которую отвѣчалъ хозяинъ: слышно было только, что Савеловъ говоритъ; но что такое говоритъ — нельзя было разобрать. Стукъ, сопъ и храпъ усиливались, отдавались эхомъ по залу, и вотъ отдались еще новымъ эхомъ, уже

отъ стѣнъ гостинной: въ двери ввалила низенькая, еще вовсе не пожилая человѣкоподобная масса.

Ввалила, — потому что она не шла, а валила, высоко подымая колѣна и откидывая ихъ въ бокъ, хлопотливо работая и руками, оттопырившимися далеко отъ корпуса, будто подъ мышками было положено по арбузу, ворочаясь всѣмъ корпусомъ съ выпятившимся животомъ, ворочаясь и головою съ отвислыми брылами до плечъ, съ полуоткрытымъ, слюнявымъ ртомъ, поочередно съужившимся и расширявшимся при каждомъ взрывѣ сопа и храпа, съ оловянными, заплывшими саломъ, крошечными глазками. Правда, такому тучному человѣку нельзя имѣть плавную, легкую походку; но другіе, изрѣдка встрѣчающіеся такіе-же толстяки, умѣютъ ходить, хоть и неуклюжимъ образомъ, все-таки по человѣчески, умѣютъ потому, что помнятъ о своемъ безобразіи, стараются, чтобъ оно не производило слишкомъ отвратительнаго впечатлѣнія. Чаплинъ былъ совершенно безъ церемоній. — Видя его милыя движенія, слыша его храпъ и сопъ, можно было удивляться только тому, что на немъ военный сюртукъ, а не нанковый халатъ: какъ это нарядился военнымъ разжирѣвшій мясникъ?

Безъ малѣйшаго сомнѣнія это былъ переодѣтый мясникъ: По лицу нельзя было не угадать. Не то, чтобъ оно имѣло выраженіе кровожадности или хоть жестокости; но оно не имѣло никакого человѣческаго выраженія, — ни даже идіотскаго, потому что и на лицѣ идіота есть хоть какой-нибудь, хоть очень слабый и искаженный остатокъ человѣческаго смысла; а на этомъ лицѣ было полнѣйшее безсмысліе, коровье безсмысліе, ни мало не жестокое — ни чуть не злое, только совершенно безчувственное. Ни лавочникъ, ни трактирщикъ, ни разбогатѣвшій мужикъ — превращающіеся иногда въ такихъ толстяковъ, не утрачиваютъ смысла до такой степени: они видятъ людей или природу, это поддерживаетъ слѣды смысла на ихъ лицѣ. Только мясникъ, — человѣкъ не смотрящій ни на людей, ни на природу, смотрѣвшій все лишь на скотовъ и на скотовъ, могъ пріобрѣсти такое скотское выраженіе лица.

И такой кровяной цвѣтъ лица! Мясникъ не кровопійца. Нѣтъ, онъ не пьетъ крови. Онъ только дышетъ запахомъ ея, — спокойно, беззлобно, — и съ пользою своему здоровью; дышать запахомъ крови, это очень здорово. Благодаря этому, какъ бы ни заплылъ жиромъ мясникъ, его лицо пышетъ цвѣтущею кровяною свѣжестью. У всякаго другаго толстяка, такъ ожирѣвшаго, лицо имѣетъ сальный цвѣтъ, желтовато-тусклый; у этого сало пропитано свѣжею кровью, которою надышался онъ. Нѣтъ сомнѣнія, это переодѣтый мясникъ.

Раскачивая выпяченнымъ животомъ, раскидывая колѣнами и болтая оттопыренными руками, поматывая брылами, хамкая слю-

нявыми губами, переодѣтый мясникъ валитъ къ Савеловой. Съ храпомъ и сопомъ мясникъ проговорилъ:

— Я пріѣхалъ на имянины Якова Кирилыча. Вотъ сюрпризъ вамъ. Поздравляю.

— Благодарю васъ, графъ; прошу садиться, — сухо отвѣчала Савелова. Съ провозглашенія о пріѣздѣ графа Чаплина, Волгина не смотрѣла на Савелову: и безъ того Савеловой должно было быть слишкомъ тяжело. — Теперь казалось Волгиной, Савелова ждетъ ея взгляда въ награду, въ одобреніе своей рѣшимости быть холодною съ этимъ отвратительнымъ человѣкомъ.

— Это прекрасно, — сказала Волгина, перенося взглядъ черезъ Савелову на Петра Степаныча и будто бы продолжая прежній разговоръ.

— Петръ Степанычъ посмотрѣлъ на Волгину, не понявъ: — Вы сказали?

— А вы не слушали, что я говорила? О, какъ это мило! Въ наказаніе вамъ, не хочу повторять.

— Дѣйствительно, я былъ разсѣянъ въ эту минуту, и не вслушался.

— И нѣтъ особенной потери.

— Вотъ и я здѣсь, Петръ Степанычъ, — проговорилъ мясникъ: — Здравствуйте, очень радъ. — Онъ опустился на диванъ подлѣ Савеловой, и обратился опять къ ней: — Мнѣ такъ пріятно, что я пріѣхалъ къ вамъ.

— Благодарю васъ, графъ, — по прежнему отвѣчала Савелова, и немножко отодвинулась къ Волгиной, потому что онъ усѣлся было локоть къ локтю.

— Однако-же у васъ довольно тепло, или это я такъ вспотѣлъ? — Но мнѣ чрезвычайно пріятно, что я пріѣхалъ къ вамъ, — проговорилъ мясникъ, доставая платокъ, придвинулся опять поближе къ Савеловой и принялся утираться. — Помолчалъ, утираясь. — Ужасно вспотѣлъ, — очень. — Онъ сталъ прятать платокъ, при этомъ подвинулъ губы къ плечу Савеловой и потихоньку просопѣлъ въ ухо ей: — А эта ваша знакомая кто? — Отъ такого человѣка, было уже чрезвычайною деликатностью, что онъ постарался просопѣть вопросъ потише.

— Лидія Васильевна, рекомендую вамъ: графъ Чаплинъ. — Лидія Васильевна Волгина, графъ.

— Мнѣ очень пріятно, — просопѣлъ мясникъ, протягивая руку. Волгина отвѣчала только тѣмъ, что кивнула головою, и, повернувшись къ Петру Степанычу, сказала: — Пойдемъ ходить.

Мясникъ захлопалъ глазами, подержалъ руку на воздухѣ, хлопнулъ глазами еще и прибралъ руку.

Отходя отъ дивана, Волгина разслышала, что мясникъ просопѣлъ Савеловой: — „Она, должно быть, очень робкая?“ Если-бы онъ не былъ безсмысленъ, все равно, онъ не могъ-бы подумать

иначе: конечно, графу Чаплину еще не представлялось случая понять, какое чувство возбуждаетъ его видъ. Ходя по пустому залу, Петръ Степанычъ жаловался Волгиной на коварство и неблагодарность Савелова. — Какъ могли скрыть отъ него, что приглашенъ графъ Чаплинъ? — Савелову онъ не винитъ: она не скрыла-бы отъ него, если-бы не велѣлъ мужъ. Но сталъ-ли бы скрывать Савеловъ, если-бы тутъ не было интриги? Вотъ уже двѣ недѣли или больше, Савеловъ не былъ у графа безъ Петра Степаныча, сколько было извѣстно Петру Степанычу. Когда-же онъ пригласилъ Чаплина? Очевидно, онъ бываетъ у Чаплина тайкомъ отъ Петра Степаныча. Почему-же тайкомъ, если бываетъ не за тѣмъ, чтобъ интриговать противъ Петра Степаныча? Почему надобно скрывать и то, что графъ Чаплинъ приглашенъ.

— Я не хочу защищать Савелова: я не считаю его хорошимъ человѣкомъ. Но я почти увѣрена, что онъ не бывалъ у Чаплина тайкомъ отъ васъ; — сказала Волгина. Она полагала, что приглашеніе было сдѣлано не мужемъ, а женою по приказанію мужа.

— Какъ-же нѣтъ, когда графъ приглашенъ, и Савеловъ скрывалъ отъ меня это? Зачѣмъ было-бы скрывать, и кто могъ-бы пригласить?

— Я не могу ничего отвѣчать на эти вопросы. Но Савеловъ не такъ глупъ, чтобъ ѣздить къ Чаплину тайкомъ отъ васъ: развѣ могъ-бы надѣяться, что подобныя продѣлки останутся секретомъ? — Я думаю, у него сотни враговъ, которые слѣдятъ за каждымъ его шагомъ.

— Это правда, — сказалъ Петръ Степанычъ задумываясь: — Но кто-же могъ приглашать Чаплина? и зачѣмъ было скрывать отъ меня, если тутъ нѣтъ интриги? — Добрый Петръ Степанычъ не могъ и вообразить, что интрига ведется черезъ Савелову: онъ былъ слишкомъ убѣжденъ въ ея дружбѣ. Потому-то Волгина и разсчитывала, что можетъ возразить противъ его неудачной мысли о тайныхъ визитахъ Савелова, не компрометируя Савелову. Волгина надѣялась убѣдить ее, чтобъ она сама открыла все Петру Степанычу, если интрига не разрушится: Петръ Степанычъ такъ любилъ ее, что простилъ-бы ей все, и могъ-бы служить ей опорой противъ требованій мужа, если бы мужъ не согласился освободить ее отъ слишкомъ тяжелой игры въ кокетство съ человѣкомъ, который созданъ не такъ, чтобы довольствоваться улыбками и тому подобными, такъ называемыми невинными любезностями.

— Я не говорю вамъ, что тутъ не можетъ быть интриги. Не мое дѣло говорить объ этомъ. Но я почти совершенно увѣрена, что Савеловъ не бывалъ тайкомъ отъ васъ у Чаплина. Вы должны тѣмъ больше довѣрять моему мнѣнію, что я вовсе не расположена къ Савелову.

— Какъ-же здѣсь Чаплинъ? Яковъ Кирилычъ не изъ тѣхъ немногихъ, о которыхъ Чаплинъ помнитъ самъ. Кто-нибудь долженъ былъ сказать ему, что Яковъ Кирилычъ празднуетъ нынѣ свои имянины: кто-нибудь долженъ былъ пригласить его сюда.

Петръ Степанычъ былъ такъ увѣренъ въ Савеловой, что скорѣе нежели подумать о ней, готовъ былъ предполагать какое нибудь постороннее вліяніе на Чаплина. — Волгина должна была молчать, слушая его догадку о томъ, какой-бы изъ его враговъ или соперниковъ могъ войти въ заговоръ съ Савеловымъ.

Въ залъ вошелъ Савеловъ и пошелъ подлѣ Петра Степаныча. — Лицо его было угрюмо — даже больше — печально и съ тѣмъ вмѣстѣ раздражено. Раза два прошли по залу молча.

— Дорого-бы далъ я, чтобы узнать, кто устроилъ эту интригу — и постарался-бы отблагодарить этого человѣка! — проговорилъ Савеловъ сквозь зубы, стискивая кулакъ. — Петръ Степанычъ, если это дѣло не разъяснится, я подамъ въ отставку.

— Что вы сказали, Яковъ Кирилычъ? — Петръ Степанычъ былъ пораженъ изумленіемъ.

— Я спрашивалъ у Чаплина, — Нина спрашивала у него, кто сказалъ ему, что я нынѣ праздную свои имянины, что онъ поступитъ очень мило, если пріѣдетъ сюрпризомъ. — Онъ говоритъ: — „Никто, я самъ“. — Это невозможно — кто-нибудь подучилъ его — бѣднякъ не можетъ понимать, на что подучили! Онъ хотѣлъ оказать мнѣ честь своимъ пріѣздомъ, невинное существо! — Кто изъ моихъ враговъ подучилъ его? — У кого могло быть столько хитрости, чтобы нанести мнѣ ударъ такой ловкій? Этотъ человѣкъ можетъ достичь своей цѣли. Онъ очень хорошо разсчиталъ мой характеръ. Я долженъ буду подать въ отставку, если это дѣло не разъяснится. Я понимаю, въ какое положеніе передъ вами ставитъ меня эта интрига, и не соглашусь оставаться въ такомъ положеніи. Выйти въ отставку, значило-бы для меня съ Ниной остаться безъ куска хлѣба, не говоря обо всемъ остальномъ, почему я дорожу службой. Но этотъ человѣкъ зналъ, что для меня есть вещи, дороже и куска хлѣба, и всѣхъ разсчетовъ, всѣхъ стремленій.

Онъ быстро ушелъ, не дожидаясь отвѣта Петра Степаныча.

— Онъ честолюбецъ, но онъ не могъ-бы такъ низко интриговать противъ меня — сказалъ Петръ Степанычъ: — и вы слышали — онъ хочетъ подать въ отставку, если не обнаружится, что я ошибся? — Онъ не любитъ шутить. Тѣмъ больше такими словами.

Волгина должна была молчать. Только сама Савелова имѣла право сказать — какъ все это произошло.

Да и какое дѣло было Волгиной до того, что Савеловъ хочетъ ссадить Петра Степаныча и самъ сѣсть на его мѣсто? Правда, Петръ Степанычъ былъ человѣкъ добрый, — несомнѣнно, съ

искреннимъ желаніемъ общей пользы. Но Волгина привыкла слышать отъ мужа: — „Э, голубочка! Все равно — тотъ-ли, другой-ли: Никто изъ нихъ не можетъ ничего сдѣлать, какъ желалъ бы: больше ничего, какъ писари, которые пишутъ, что велятъ имъ писать.“ Она слишкомъ хорошо видѣла теперь, что хоть мужъ ея говоритъ слишкомъ рѣзко и безусловно, но что въ сущности, почти такъ; что, напримѣръ, Петръ Степанычъ ничто передъ Чаплинымъ. — Она не могла также не видѣть, что насколько можетъ Петръ Степанычъ поступать такъ или иначе — онъ поступаетъ во всемъ по мыслямъ Савелова. Какая-же будетъ потеря, если Савеловъ и займетъ его мѣсто? — Волгина не могла скомпрометировать Савелову, чтобы сберечь должность Петру Степанычу.

Эффектное увѣреніе Савелова, что онъ подаетъ въ отставку, совершенно разбило мысли Петра Степаныча. Чѣмъ больше думалъ этотъ неглупый, но далеко не чрезвычайно-умный человѣкъ, тѣмъ болѣе убѣждался, что Савеловъ не ждалъ пріѣзда Чаплина. Если-бы ждалъ — не остался-бы въ пальто: оставаться въ пальто, когда ждешь графа Чаплина — это слишкомъ фамильярно. Невозможно. Да и женѣ онъ велѣлъ-бы принарядиться: она даже не въ бальномъ платьѣ. — Да и по этикетамъ на бутылкахъ видно — что не ждали Чаплина: нѣтъ слишкомъ высокихъ сортовъ винъ; да и обѣдъ будетъ посредственный: поваръ у Савеловыхъ очень и очень не мудрый; какъ было не позвать аристократическаго повара, если бы ожидали Чаплина? — А Петръ Степанычъ зналъ, что не приглашали другаго повара. Словомъ, всѣ мелочи доказывали, что Савеловы не ждали графа Чаплина. Не могли они рисковать, чтобъ онъ остался недоволенъ обѣдомъ и винами. А это можетъ быть: останется недоволенъ.

И вотъ уже четверть часа Чаплинъ здѣсь, а обѣдъ все еще не поданъ. Очевидно, когда послѣ пріѣзда Петра Степаныча было прислано отъ повара сказать, что обѣдъ еще не готовъ, тутъ не было уловки дожидаться Чаплина; дѣйствительно, поваръ не успѣлъ управиться съ обѣдомъ, слишкомъ превосходившимъ обычныя требованія.

Наконецъ явилась прислуга съ чашками супа на подносахъ. Въ гостинной тихо, скромно зашелестѣли десятки сапоговъ, — это звѣздоносцы устраивали изъ себя свиту; паркетъ застоналъ подъ сапогами мясника и графъ Чаплинъ съ храпомъ и сопомъ явился, ведя подъ руку хозяйку къ столу. — Онъ занялъ мѣсто по одну сторону ея. По другую, противъ него, было мѣсто Волгиной; подлѣ Волгиной, мѣсто Петра Степаныча.

Предположеніе Петра Степаныча на счетъ обѣда и винъ оправдывалось. Графъ Чаплинъ нѣсколько разъ изволилъ выразиться: — „Не очень-то; да, соусъ-то не очень-то,“ — или: — „а по-

варъ-то, видно, не очень-то". Графъ Чаплинъ не изволилъ стѣсняться въ выраженіи своихъ мыслей.

Но за то, онъ не стѣснялся и въ своей манерѣ кушать. Онъ находилъ, что кушанье „не очень-то", но благоволилъ кушать. — Волгина жила въ деревнѣ, часто бывала на праздникахъ у поселянъ: она не видывала, чтобы самый неопрятный изъ мужиковъ держалъ себя за столомъ такъ мило, какъ изволилъ кушать графъ Чаплинъ. — Когда она была ребенкомъ, отецъ бралъ ее съ собою въ свои служебные разъѣзды; иногда ему приходилось останавливаться на постоялыхъ дворахъ, и не разъ она видѣла, какъ ѣдятъ извозчики, — люди, знаменитые въ народѣ тѣмъ, что ѣдятъ очень много: Она не помнила ни одного такого прожорливаго, какъ его свѣтлость графъ Чаплинъ. Онъ накидывался на каждое кушанье, будто не ѣлъ трое сутокъ, и жралъ каждаго по двѣ, по три порціи. Соусы текли съ его усовъ по его отвислому подбородку; обсасывая кости, онъ мазалъ себѣ всю нижнюю половину рыла; засаливши салфетку, утерся ею по всему лицу, вымазалъ соусомъ даже виски; слуга подалъ другую салфетку, онъ утеръ соусъ, — и черезъ пять минутъ новыя полосы новаго соуса очутились у него на лбу. Скатерть на полъ аршина кругомъ его тарелки была вся сплошь залита. Куски мяса валились у него изо рта въ тарелку ему и кругомъ, и мимо стола, на животъ ему, на полъ. — Волгина отворачивалась, чтобы не видѣть, какъ онъ жретъ; но въ ушахъ ея раздавалось чавканье, чмоканье и фырканье.

Савелова могла-бы не очаровывать его, пока онъ былъ занятъ жраньемъ: пока онъ жралъ, онъ былъ равнодушенъ ко всякому другому очарованію. Въ началѣ стола Савелова и не очаровывала его: наскоро совала ему на тарелку новый кусокъ — черезъ минуту, опять: „кушайте, графъ," — и только, даже не улыбалась. Но вдругъ улыбнулась ему. Волгина взглянула на противуположный конецъ стола, гдѣ сидѣлъ хозяинъ: хозяинъ держалъ противъ глазъ стаканъ съ краснымъ виномъ, всматривался въ него и былъ недоволенъ; такъ онъ и сказалъ сосѣду: „Это вино поддѣльное, не пейте его" и отдалъ приказаніе слугѣ: „возьми эту бутылку, дай другую".

Нѣсколько разъ Волгина взглядывала въ его сторону при внезапныхъ усиліяхъ любезности Савеловой къ милому гостю. Но уже не могла поймать Савелова въ томъ, какъ онъ отдаетъ безмолвныя приказанія женѣ. Для него довольно было быть пойманнымъ одинъ разъ. Теперь онъ уже понималъ, что Волгина его врагъ. — Она не могла много мѣшать ему въ отдачѣ приказаній. Ей нельзя было часто и по долгу смотрѣть такъ далеко въ сторону: замѣтили-бы. А онъ съ женой сидѣли лицомъ противъ лица.

Чѣмъ дальше, тѣмъ любезнѣе становилась хозяйка съ милымъ гостемъ. Вотъ, она переложила ему кусокъ со своей тарелки... И этой любезности мало: она сама стала рѣзать ему кушанье, на его тарелкѣ, склоняясь къ нему... Она ѣстъ мороженое съ одной тарелки съ нимъ... Милый гость жралъ очень проворно, но столько, что каждое блюдо доѣдалъ послѣдній. Такъ и при окончаніи обѣда: всѣ должны были ждать, пока графъ накушается фруктовъ. — Ну, не довольно-ли будетъ? — просопѣлъ онъ въ нерѣшительности: — кажется, что довольно. Вотъ, по сихъ мѣстъ, — онъ провелъ рукою по мѣсту, гдѣ у другихъ людей въ военномъ мундирѣ видѣнъ воротникъ, а у него висѣли брыла подбородка: — Больше, не полѣзетъ — и сунулъ въ пасть персикъ цѣликомъ, хамкнулъ и выплюнулъ косточку. — Еще одинъ, пополамъ со мною, — сказала хозяйка и разрѣзала новый персикъ. — Не могу; ей Богу, не полѣзетъ; развѣ, сами положите въ ротъ, ну, тогда полѣзетъ, — просопѣлъ милый гость, и половина персика была положена въ пасть ему.

Стулья загремѣли. Милый гость, захрапѣвши отъ вставанья, присовывалъ локоть къ Савеловой. Волгина положила руку на ея талію: — Вы извините, графъ: мнѣ кажется, что Антонинѣ Дмитріевнѣ надобно отдохнуть. Она повела Савелову. Чаплинъ оставался, хлопая глазами.

— Я уведу васъ и беру на себя объясниться съ вашимъ мужемъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ! — Нѣтъ, нѣтъ! — въ ужасѣ прошептала Савелова. — Нѣтъ, я нисколько не устала, — продолжала она громко: — Но я надѣюсь, графъ, вы извините нашъ обѣдъ, мы не знали...

— Нужды нѣтъ, я поѣлъ порядкомъ, не безпокойтесь; даже тяжело. Ну, да вотъ протрясемся съ вами-то и отпуститъ. Это часто со мной.

Она усѣлась близко, близко къ нему и разговоръ ихъ продолжался въ томъ-же духѣ: графъ говорилъ, что вотъ, когда онъ протрясется съ нею, то и отпуститъ. Она извиняла своего повара. Онъ повторялъ, что нужды нѣтъ, ему тяжело, но онъ протрясется съ нею и тогда отпуститъ.

— Хотите, я покажу вамъ всю нашу квартиру, мою комнату, графъ? — сказала Савелова черезъ минуту.

— Пожалуй, промнемся немножко — сказалъ милый гость.

„Не оставляйте меня одну“—говорила вчера Савелова Волгиной. Но теперь она сама обращалась къ нему, не предлагая Петру Степанычу и Волгиной идти съ ними. Она даже бросила на Волгину взглядъ, который нельзя было принять иначе, какъ за просьбу не мѣшать ей и оставаться въ гостинной съ Петромъ Степанычемъ. Она ушла со своимъ милымъ гостемъ.

Черезъ двѣ-три минуты вошелъ слуга и доложилъ Савелову,

что его свѣтлость уѣзжаетъ, его свѣтлость уже въ передней. Савеловъ пошелъ проводить гостя. — Вернулся; за нимъ вернулась и Савелова. — Она боязливо поглядывала на мужа. Мужъ не обращалъ вниманія на это.

— Мы уйдемъ отъ васъ, Петръ Степанычъ: — сказала Волгина. Быть можетъ, мы не увидимся съ вами больше. На всякій случай, прощаюсь.

Савеловой, очевидно, не хотѣлось этого. Но Волгина встала, и Савелова должна была идти съ нею.

Савелова краснѣла, блѣднѣла и, введя Волгину въ свою комнату, простонала и бросилась на постель, въ подушку лицомъ.

— Я привела васъ сюда не за тѣмъ, чтобы читать вамъ мораль. Встаньте, будемъ говорить о томъ, какъ вамъ избавиться отъ принужденія со стороны вашего мужа.

Но Савелова не хотѣла слушать, не хотѣла встать; лежала лицомъ въ подушки и рыдала.

Волгина отошла отъ нея, пока она сдѣлается способною думать, и стала, отъ нечего дѣлать, осматривать спальную.

Эта довольно большая комната была убрана гораздо лучше парадныхъ, даже не безъ роскоши; для жены такого сильнаго человѣка, какъ Савеловъ, можетъ назваться роскошью мебель, обитая атласомъ и превосходное трюмо. На стѣнкахъ висѣли два пейзажа хорошей кисти. На письменномъ столѣ были фотографическіе портреты, въ дорогихъ рѣзныхъ рамкахъ.

Подошедши къ этому столу, Волгина вздрогнула отъ удивленія; подлѣ портретовъ Савелова и Петра Степаныча тутъ стоялъ портретъ Нивельзина.

„Нѣтъ, не можетъ быть, чтобы она была такъ неосторожна!“ подумала Волгина: „невозможно!“ Какъ-же тутъ объяснить? Неужели Савеловъ способенъ къ такому варварству? И какъ могло открыться, когда у нея послѣ того не было никакихъ сношеній съ Нивельзинымъ, а тогда мужъ отступился отъ прежнихъ подозрѣній? — Какъ-бы то ни было, несомнѣнно то, что она уличена. Такъ, только при этомъ и понятно ея рабское повиновеніе мужу. И иначе, она отказалась бы, возмутилась бы, какъ ни слабъ ея характеръ.

— Вы должны презирать меня!... Но я еще не сдѣлалась его любовницей!... О, вы не повѣрите мнѣ, но я еще не сдѣлалась его любовницею!...

— Я не повѣрила-бы, если-бы вы сказали, что вы его любовница. Презирать васъ? — Теперь, когда я увидѣла портретъ Нивельзина у васъ на столѣ, я сужу снисходительнѣе о вашемъ послушаніи мужу. Какъ онъ уличилъ васъ? — Этимъ онъ принуждаетъ васъ?“

Этимъ. Онъ давно потребовалъ, чтобъ она кокетничала съ Чаплинымъ. Она рѣшительно отказывалась. Какъ узналъ онъ?

— Тогда ему донесла ея горничная. Горничная сама не знала ничего хорошенько; только подозрѣвала. Онъ былъ совершенно убѣжденъ, что горничная оклеветала ее. Но теперь, когда Нивельзинъ возвратился изъ-за границы, когда она стала видѣть его вмѣстѣ съ Волгиною, въ ней пробудилась ревность; она много плакала. Однажды она плакала надъ письмами Нивельзина. Мужа не было дома. Она не слышала, какъ онъ возвратился. Она услышала только, когда уже его шаги приближались. Она успѣла спрятать письма. Она думала, что онъ не замѣтитъ ничего. Но онъ замѣтилъ, какъ она прятала что-то.

Черезъ два дня она была на вечерѣ. Онъ оставался дома. Ей показалось, что онъ посмотрѣлъ на нее съ усмѣшкой, когда она возвратилась. Она притворилась, будто скоро заснула. Онъ уснулъ; она встала и вынула маленькую шкатулку, въ которой берегла письма и волоса Нивельзина. Двухъ изъ писемъ не доставало, — двухъ — болѣе ясныхъ, нежели другія. Конечно, она не могла заснуть до разсвѣта. Когда она проснулась, мужа не было. Онъ вернулся, вошелъ къ ней и подалъ ей четырехъугольный пакетикъ, обвернутый въ бумагу: — „я привезъ подарокъ тебѣ, Нина“... Это былъ портретъ Нивельзина. Она пошатнулась. Онъ поддержалъ ее и сказалъ: „я не изъ тѣхъ мужей, которые любятъ ссориться. Не буду упрекать тебя. Тѣмъ меньше надобности ссориться, что я знаю — твои прежнія отношенія не могутъ возобновиться. Онъ увлеченъ другою привязанностью. Ты сохраняешь расположеніе къ нему, но уже только дружеское, невинное. Я не имѣлъ-бы даже ничего противъ того, чтобы онъ бывалъ у насъ. Но я понимаю, что это не было бы пріятно ни ему, ни тебѣ. Пусть-же, по крайней мѣрѣ, его портретъ напоминаетъ тебѣ о немъ.“ Онъ поставилъ портретъ Нивельзина на ея столъ, съ просьбой не снимать. — Съ того утра она знала, что должна рабски повиноваться ему.

— Я думаю — довольно. Я не имѣю надобности знать ничего больше — сказала Волгина и позвонила. Вошла служанка; на вопросъ Волгиной, разъѣзжаются-ли гости, отвѣчала, что нѣтъ: сидятъ и курятъ, и повидимому не собираются уѣзжать. Волгина попросила вызвать Савелова въ его кабинетъ, который былъ рядомъ со спальною жены и перешла туда. — Савеловъ пришелъ съ лицомъ очень серьезнымъ, но совершенно любезнымъ.

— Постарайтесь, пожалуйста, чтобъ ваши гости разъѣхались поскорѣе, сказала Волгина: — Или лучше мнѣ попросить объ этомъ Петра Степаныча?

— Нѣтъ, я самъ желаю разговора съ вами, — отвѣчалъ онъ: — Я очень хорошо знаю, какую силу вы имѣете надъ мыслями Нины. Для меня важно объяснить вамъ истинное положеніе дѣла. — Они остаются только за тѣмъ, чтобы подписать докладъ, который будетъ привезенъ очень скоро, я надѣюсь. Еслибъ не эта

сцена, сдѣланная Ниною, онъ былъ-бы подписанъ здѣсь и Чаплинымъ. — Теперь Петръ Степанычъ повезетъ его къ Чаплину. Я самъ не могу ѣхать: мой видъ только еще больше раздражилъ бы этого человѣка. Мнѣ страшно за судьбу этого доклада; о, если-бы вы знали, какою великою опасностью грозитъ, — не намъ съ Петромъ Степанычемъ только, а дѣлу свободы, эта досада Чаплина! О, какъ желалъ-бы я, чтобъ вмѣстѣ съ вами былъ здѣсь и вашъ супругъ, судить между мною и Ниною!

— Вы хотите пробудить жалость или стыдъ въ моемъ мужѣ? — сказала Савелова, горько улыбнувшись, когда Волгина вернулась къ ней: напрасная надежда! — Слушайте, что было между нимъ и мною, что заставило меня пріѣхать вчера къ вамъ...

— Я понимаю, что вы пріѣхали ко мнѣ только потерявши всякую надежду; зачѣмъ мнѣ знать подробности? — останавливала ее Волгина. Но жалкая женщина хотѣла жаловаться и плакать. Волгина принуждена была слушать.

Давно Савеловомъ хотѣлъ, чтобъ жена его завлекала Чаплина. Она знала всю важность дружбы этого человѣка и, подавляя отвращеніе, стала кокетничать съ нимъ. Но это не человѣкъ, а животное. Смотрѣть на женщину, говорить съ нею, пожимать ея руку, — въ этомъ нѣтъ никакого удовольствія ему. Вѣроятно, и цѣловать женщину не очень занимательно для него. Онъ не человѣкъ, онъ только животное. Женщина имѣетъ для него только одну интересность — быть его наложницей. Послѣ трехъ, четырехъ разговоровъ, онъ сказалъ ей: — „Видно, вы меня считаете за дурака“, и не хотѣлъ болѣе слушать ея любезностей. Она сказала мужу, что дѣлала все, что могла, и не можетъ сдѣлать ничего. Мужъ не сталъ спорить.

Но когда завладѣлъ уликами противъ нея, онъ снова сказалъ ей. „Дружба Чаплина чрезвычайно важна для насъ, Нина; прошу тебя, пріобрѣти ее“. Она должна была пріобрѣтать. При второмъ разговорѣ Чаплинъ сказалъ: „Да что, будто я не понимаю? Вы опять хотите кормить меня пустыми словами.“ Она принуждена была подавать ему надежду. Но еще два, три разговора, и онъ уже говорилъ: „Да что же, какія у васъ тамъ помѣхи, да задержки? Я вижу, вы, просто, отлынываете.“ Онъ злился. На ея бѣду, онъ почувствовалъ влеченіе къ ней, — и очень сильное. Онъ сталъ-бы мстить ей, вредя мужу. Онъ можетъ обратить ея мужа въ ничто. Какъ она сказала-бы мужу: „Я сдѣлала его врагомъ тебѣ?“ Прощеніе было бы невозможно. Она мучилась и не могла рѣшиться говорить съ мужемъ. И вотъ третьяго дня, вечеромъ, мужъ объявилъ ей, что въ нынѣшнемъ году хочетъ праздновать свои имянины параднымъ обѣдомъ, и

что графъ Чаплинъ долженъ быть на обѣдѣ: „Нынѣ балъ, на которомъ ты увидишь его; пожалуйста, сдѣлай, чтобы онъ пріѣхалъ“. — Она поѣхала исполнить порученіе. — „Ну, что? опять наплетете какую-нибудь небывальщину? Опять станете отлынивать?“ — былъ привѣтъ графа Чаплина. — „Нѣтъ, сказала она — я нашла, наконецъ, возможность говорить съ вами на единѣ.“ Послѣ завтра имянины моего мужа. Пріѣзжайте, и мы будемъ говорить наединѣ.“ — „Какъ-же это будетъ — по вашему? Съ вами надо ухо держать востро: больно мастерица отлынивать. Ну, какъ будетъ свиданіе?“ — Послѣ обѣда я поведу васъ посмотрѣть наши комнаты, — и мы останемся въ моей комнатѣ, одни.“ — „Такъ-то вы не отлыниваете?“ сказалъ онъ: „Нашли дурака! Хорошо будетъ свиданіе! Въ сосѣдней комнатѣ усадите гостей; да еще станетъ поминутно соваться горничная. Понимаемъ-съ! — Выйдетъ по усамъ-то текло да въ ротъ не попало.“ Онъ храпѣлъ въ бѣшенствѣ. Она испугалась. — „Чего-же вы требуете?“ сказала она. — „Вотъ мое условіе, государыня моя: послѣ обѣда поѣдемъ съ вами въ театръ, въ каретѣ. Хотите — то прекрасно; не хотите — узнаете — каково играть со мною, точно съ дуракомъ.“ Она согласилась.

Мужъ дождался ея возвращенія: сидѣлъ въ халатѣ, у постели и читалъ. — „Исполнила мою просьбу, Нина?“ — „Да, — отвѣчала она и отпустила горничную: — исполнила Жакъ, но если-бы ты зналъ, что мнѣ стоило это!“ — „Чѣмъ труднѣе было исполнить, тѣмъ больше я благодаренъ, Нина“ — отвѣчалъ онъ — сбрасывая халатъ, и легъ. — „Выслушай меня, Жакъ!“ — простонала она. — „У меня слипаются глаза, Нина. Оставимъ это.“ — Нѣтъ, ты долженъ выслушать меня! — Я принуждена была обѣщать ему, что послѣ обѣда мы съ нимъ поѣдемъ въ театръ, въ каретѣ!“ — „Только-то, Нина? что за пансіонскіе страхи? Не завезетъ-же онъ тебя въ разбойничью пещеру. Поѣдете въ нашей каретѣ, не такъ-ли? — Если-бъ у него на умѣ и была какая-нибудь подлость, то разсуди, что кучеръ и лакей твои, будутъ слушать не его, а тебя. Поѣдете въ театръ, и пріѣдете прямо въ театръ. Въ его ложу, конечно; тамъ его мать, разныя кузины. — Что тутъ ужаснаго?“ — Онъ зѣвнулъ и закрылъ глаза: — „я очень благодаренъ тебѣ, Нина“. — „Жакъ! ты не умолимъ? Онъ молчалъ. Онъ притворился уснувшимъ. — „Жакъ, я должна предупредить тебя, — сказала она, дотронувшись до его руки: — Я предвидѣла, что не разжалоблю тебя, и приняла хоть ту предосторожность, что велѣла ему говорить, будто онъ пріѣдетъ сюрпризомъ. Я сказала, что мы не можемъ сдѣлать такого обѣда, какой былъ-бы необходимъ, если-бъ мы говорили, что ждемъ его.“ — „Это для меня все равно. Пожалуй, я не буду говорить, что жду его. Но что тебѣ такъ вздумалось, Нина?“ — „Что сказали-бы, если-бы узнали, что онъ пріѣхалъ по моему приглаше-

нію? Кто-же не знаетъ, что онъ можетъ выслушивать приказанія женщины только тогда, когда она соглашается быть его любовницею?“ — „Въ этомъ есть своя доля правды, и предосторожность твоя очень умна. Мнѣ не пришло въ голову. Хорошо: мы не ждемъ его. Но вотъ что: наша скрытность можетъ возбудить неудовольствіе въ Петрѣ Степанычѣ. Другимъ — никому; но ему надобно сказать — Нина.“ — „Ему меньше, нежели кому, Жакъ: я дорожу его уваженіемъ.“ — „Изволь, Нина: не будемъ говорить ему. Это капризъ твой — не больше; но я такъ благодаренъ тебѣ, что соглашаюсь. Петръ Степанычъ непремѣнно разсердится и придумаетъ, Богъ знаетъ, какія подозрѣнія. Но такъ или иначе, можно будетъ успокоить этого добряка. Да и не очень важно его неудовольствіе, если заберемъ Чаплина въ свои руки. Я чрезвычайно благодаренъ тебѣ, Нина,“ — повторилъ онъ, и въ самомъ дѣлѣ сталъ дремать.

Она видѣла себя обреченною, отданною въ жертву Чаплину. Она не могла спать. Къ разсвѣту у нея стала возрождаться надежда: онъ согласился, что ея предосторожность не напрасна. Ему было-бы непріятно, если-бы всѣ заговорили, что его жена — любовница Чаплина. Она заснула съ рѣшимостью возобновить свои мольбы.

Поутру она пошла въ кабинетъ мужа и сказала: „Жакъ, терзай меня за мое прошлое преступленіе передъ тобою, но терзай самъ, не отдавай меня на поруганіе другому, не отдавай меня на поруганіе животному, бездушному, безстыдному, отвратительному.“ — „Ты фантазируешь, Нина, — отвѣчалъ онъ: — Терзать тебя? — я не сдѣлалъ тебѣ ни одного упрека за прошлое; я умѣю забывать ошибки, Нина, когда вижу искреннее желаніе загладить ихъ въ моей памяти; — когда вижу, Нина; до сихъ поръ, и видѣлъ; и все, что ты слышала отъ меня, было только: благодарю, цѣню твои услуги. — Ты несправедлива ко мнѣ. Еще страннѣе твои слова о какомъ-то поруганіи. Я согласенъ, что услуга, о которой я прошу тебя, непріятна. Но ты сама знаешь, какъ велика наша общая съ тобою выгода, если мы возьмемъ Чаплина подъ нашу власть. Я понимаю, просидѣть четверть часа въ каретѣ съ такимъ неопрятнымъ и гадкимъ человѣкомъ — довольно мучительно. Но что тутъ особенно ужаснаго? — Я не ребенокъ, Нина; я очень хорошо знаю, что женщина въ подобномъ tête-a-tête не подвергается никакой опасности, если не увлечется сама. Опасность можетъ состоять только въ томъ, если у женщины взволнуется кровь, и она забудетъ осторожность. Съ нимъ ты не можешь испытать этого — онъ гадокъ. Чего-же тебѣ бояться? — Ты разфантазировалась и создала себѣ пустые страхи. Но повторяю: съ тѣмъ, что этотъ tête-a-tête очень непріятенъ, я совершенно согласенъ. Жалѣю объ этой необходимости, Нина, искренно жалѣю. Но ты сама

понимаешь, какъ важно для насъ пріобрѣсти поддержку этого человѣка. Пококетничай съ нимъ полгода, — быть можетъ — меньше, — и потомъ ты свободна третировать его, какъ онъ того заслуживаетъ. Я требую отъ тебя немногаго. Но требую твердо. Подобные разговоры непріятны: и для того, чтобы они не могли повторяться, я долженъ поставить вопросъ ясно. Если ты помогаешь моимъ планамъ, ты жена мнѣ; если нѣтъ — то нѣтъ. Не принимай этого за угрозу. Я не хотѣлъ-бы развода. Ты очень полезная помощница мнѣ. Но я былъ принужденъ совершенно прямо высказать тебѣ, въ чемъ состоитъ связь между нами. Если ты порвешь ее, мнѣ будетъ очень жаль; но она будетъ порвана. О, нѣтъ, не блѣднѣй, не трепещи, Нина! Я сказалъ лишнее. Я увѣренъ, между нами не будетъ ссоры. Ты не измѣнишь мнѣ на послѣднихъ шагахъ труднаго пути, который ведетъ къ власти! Ты поможешь мнѣ подняться, — ты взойдешь вмѣстѣ со мной на высоту, гдѣ ни тебѣ, ни мнѣ уже не будетъ надобности интриговать! — И я гордъ, Нина, какъ ты — быть можетъ, гораздо болѣе гордъ, нежели ты; и мнѣ мучительно хитрить, льстить. Но что-же дѣлать? Потерпимъ, потерпимъ эту тяжелую необходимость еще немножко, и скоро не будемъ имѣть нужды ни въ комъ, не будемъ унижаться ни передъ кѣмъ! я надѣюсь на тебя, Нина, ты не измѣнишь мнѣ!“ — Онъ поцѣловалъ ее въ лобъ и ушелъ.

Она не могла удержать его, потому что у нея темнѣло въ глазахъ, она была близка къ обмороку. — Да и какая польза была бы, еслибъ она удержала его и продолжала свои мольбы? Съ нею сдѣлалась истерика. Его уже не было дома, онъ не слышалъ. Да еслибъ и слышалъ, и видѣлъ, какая-бы разница? Онъ не повѣрилъ-бы, подумалъ: „играетъ комедію“ — и если-бы повѣрилъ, все равно: развѣ сжалился-бы онъ?

Когда она собралась съ мыслями, она поѣхала къ Волгиной. Она думала сказать Чаплину, что Волгина приглашена Петромъ Степанычемъ и ея мужемъ противъ ея воли; что они нуждаются въ Волгинѣ, завязываютъ сношенія съ Волгинымъ черезъ его жену; что она должна соблюдать величайшія церемоніи съ Волгиной, не можетъ уѣхать отъ нея, не можетъ намекнуть ей о надобности уѣхать отъ нея. Она стала говорить ему это, лаская его; пока онъ не понималъ, къ чему ведетъ она, онъ слушалъ и вѣрилъ и былъ нѣженъ; но какъ заикнулась она, что не можетъ уѣхать отъ своей гостьи, онъ захрапѣлъ: — „А, такъ вотъ вы къ чему плели! Отлынивать! — Я вамъ сказалъ по русски, что эти ваши нѣжности — не очень-то сытны для меня. Поѣдемъ въ театръ — или нѣтъ?“ Она стала больше ласкаться къ нему. Онъ храпѣлъ: „да это мнѣ что! Поѣдемъ-ли мы въ театръ или нѣтъ? — Нѣтъ видно? — Ну, такъ хорошо-же: я

вамъ покажу, каково шутить мною.“ — Въ бѣшенствѣ онъ оттолкнулъ ея руку и ушелъ.

Что будетъ теперь съ нею? Мужъ ея заставитъ умилостивить это отвратительное животное... она не хотѣла начинать и говорить объ этомъ съ Волгиною: Она знала, что помощь невозможна. Волгина привела ее сюда. Волгина знаетъ теперь ея позоръ; Волгина презираетъ ее...

— Посмотримъ, что можно сдѣлать; — сказала Волгина.

— О, не говорите съ нимъ! Я знаю, какъ вы будете говорить! — Я знаю, потому и не хотѣла идти сюда съ вами, не хотѣла разсказывать вамъ. Вы раздражите его противъ меня! Вы погубите меня! О, умоляю васъ! Она бросилась лицомъ въ подушки и простонала оттуда: — О, не губите меня!

Она должна была спрятать лицо въ подушки, чтобы высказать эту позорную просьбу. О чемъ умоляла она? Чтобъ не мѣшали ей сдѣлаться любовницей человѣка, на котораго не могла смотрѣть безъ отвращенія.

Состраданіе боролось въ Волгиной съ негодованіемъ. Волгина начинала чувствовать стѣсненіе въ груди, будто не доставало воздуха дышать. У нея было теперь одно желаніе: поскорѣе вырваться изъ этого жилища гнусностей — поскорѣе.

Савелова лежала, спрятавши лицо въ подушки, и рыдала, твердя: — Пощадите меня! Не губите меня! — Нельзя было, чтобы горничная увидѣла ее въ такомъ унизительномъ отчаяніи. Нельзя было позвонить. Волгина пошла сама найти кого-нибудь изъ прислуги, чтобъ узнать, разъѣхались-ли гости.

По залу ходилъ Савеловъ, сложивши руки на груди, склонивши голову. Но станъ его былъ прямъ, походка ровная, твердая какъ будто спокойнаго человѣка.

— Они разъѣхались, и я ждалъ васъ. Терпѣливо ждалъ, пока Нина выскажетъ вамъ все, въ чемъ винитъ меня. Я не входилъ и въ кабинетъ, чтобы не мѣшать ей. Надѣюсь, и она не будетъ мѣшать мнѣ, — твердо, будто хладнокровно — сказалъ онъ, идя въ гостинную и придвигая кресло къ дивану, гдѣ садилась Волгина: — Мнѣ хотѣлось-бы говорить спокойно. Не знаю, буду-ли я въ состояніи: меня сильно волнуетъ судьба доклада, который повезъ Петръ Степанычъ къ Чаплину.

— Вы совершенно разсѣяли подозрѣнія Петра Степаныча?

— Совершенно. И долженъ благодарить васъ за то, что вы не отняли у меня возможности разувѣрить его. Вы пріѣхали сюда моимъ врагомъ, и все-таки не захотѣли выдать меня ему. Если-бы вы сказали хоть одно слово, онъ потерялъ-бы всякое довѣріе ко мнѣ.

— Мнѣ очень жаль, что я не могла сказать ему этого слова, не компрометируя вашу жену. — Жалѣю и о томъ, что ея волненіе не дало мнѣ теперь возможности посовѣтовать ей, чтобъ

она разсказала ему, въ чемъ дѣло. Не думайте, чтобъ я ждала-бы отъ него какой-нибудь помощи ей: Нѣтъ, я очень вижу, что онъ не способенъ бороться съ вами. Но ей самой тяжело притворяться передъ человѣкомъ, который совершенно вѣритъ въ ея дружбу. Да и мнѣ непріятно было видѣть, что обманываютъ добряка. Я полагаю, и для васъ эта надобность была очень непріятна? — Я думаю, вы не притворялись раздраженнымъ, когда говорили ему, что подадите въ отставку, если не раскроется интрига, устроенная вашимъ врагомъ — я думаю, вы дѣйствительно были раздражены необходимостью прибѣгать къ обману? Вѣроятно, досада, въ которой уѣхалъ Чаплинъ, также помогла вамъ окончательно разсѣять сомнѣнія Петра Степаныча? Конечно, вы должны были предупредить Петра Степаныча, что Чаплинъ можетъ заупрямиться подписать докладъ, и, вѣроятно, вы объяснили досаду Чаплина тѣмъ разговоромъ, который имѣла съ нимъ ваша жена въ своей комнатѣ? — вѣроятно, вы сказали, что она увела его съ цѣлью намекнуть, что его пріѣздъ сюрпризомъ хоть и дѣлаетъ вамъ много чести, но подвергалъ васъ напріятностямъ съ Петромъ Степанычемъ — и что Чаплинъ разсердился на этотъ намекъ? — Или я ошибаюсь — вы не догадались растолковать ему такъ? — Monsieur Савеловъ, я вѣрю словамъ, которыя вы сказали вашей женѣ: вамъ тяжело унижаться до интриги — до обмана. У васъ гордый, повелительный характеръ. Вы сказали вашей женѣ, что жалѣете объ униженіи, которому необходимо ей подвергаться. Я скажу вамъ — если-бы у меня было больше снисходительности — я жалѣла-бы о васъ.

— Я не жду отъ васъ снисходительности. Сначала я былъ обманутъ словами Петра Степаныча, что онъ проситъ пригласить васъ. Но съ той минуты, какъ онъ пріѣхалъ и было сказано, что обѣдъ не готовъ, я понялъ: жена уговорила его обмануть меня; вы пріѣхали быть моимъ врагомъ. Я прочелъ на вашемъ лицѣ: вы не повѣрили, что обѣдъ не готовъ.

— Читать на моемъ лицѣ не трудно: я могу молчать, но выраженіе моего лица не повинуется моей волѣ. — Да, въ эту минуту я узнала, что вы ждете еще кого-то.

— Не въ первый разъ вы разстраиваете мои планы. Тогда вы надолго отняли у меня оружіе. И теперь, если-бы ваше присутствіе не импонировало моей женѣ, она не рѣшилась-бы измѣнить своему условію съ Чаплинымъ. — Но я надѣюсь, хоть вы и врагъ мой, ваше вліяніе на мою жену будетъ, въ результатѣ, полезно для меня и теперь, какъ тогда. Это потому, что если вы и не расположены ко мнѣ, вы расположены къ ней, а ея и мои выгоды — одно и то-же. Ваши совѣты ей и теперь будутъ въ мою пользу, какъ и тогда.

— Какъ тогда? — Вы полагаете, что я совѣтывала ей бросить Нивельзина? Напрасно. Я почти принуждала ее бросить васъ

и уѣхать съ Нивельзинымъ за-границу. Если она осталась жить съ вами — это ея собственная — вѣроятно, заслуга въ вашихъ глазахъ — слабость въ моихъ. Вы видите изъ этого, моя сила надъ ней не такъ велика, какъ вы думали. — Можетъ быть, это уменьшаетъ вашу охоту продолжать нашъ разговоръ? — Я не имѣла-бы ничего противъ вашего желанія прекратить его. — Впрочемъ, вамъ очень можетъ показаться, что я пугаю васъ этими словами. Вы можете понимать ихъ даже въ смыслѣ, что я совершенно увѣрена въ повиновеніи вашей жены моимъ совѣтамъ. — Нѣтъ — не думайте такъ. Мои слова надобно понимать всегда въ прямомъ ихъ смыслѣ. Я почти увѣрена, что ваша жена и теперь не послушается моихъ совѣтовъ, какъ тогда. — Я еще не давала ихъ ей, потому что она не спрашивала ихъ. Она была такъ разстроена, что не могла спрашивать. Но если вы не будете держать ее подъ замкомъ, то, вѣроятно, спроситъ, потому что ея состояніе чрезвычайно мучительно. Тогда я дамъ ихъ. Въ чемъ они будутъ состоять, я не обязана говорить вамъ. И если-бы хотѣла, то еще не могла-бы сказать: надобно будетъ видѣть, каково будетъ настроеніе ея мыслей, когда она хорошенько обдумаетъ свое положеніе. Кромѣ того, надобно мнѣ знать и ваши мысли. Дѣйствительно-ли вы хотите продать Чаплину вашу жену? — Она увѣрена въ этомъ; но что скажете вы сами?

Савеловъ вскочилъ. Онъ не могъ говорить. Губы его дрожали, онъ весь дрожалъ.

— Если, точно, хотите продать, я посовѣтывала-бы прежде получить отъ Чаплина все, чѣмъ онъ долженъ вознаградить васъ. Если сначала отдадите жену, потомъ станете просить платы, онъ прогонитъ васъ, посмѣявшись вашей глупости.

— Вы злоупотребляете правомъ женщины оскорблять безнаказанно, — проговорилъ онъ, падая въ кресло: — Я не могу потребовать у васъ отчета за ваши слова!

— Не можете потребовать у меня, отправьтесь къ моему мужу и потребуйте отъ него: онъ дастъ вамъ отчетъ! — Разскажите ему, какъ я оскорбила васъ, — и получите отчетъ! — Да, мои слова недостаточно грубы и сильны, я женщина; мужчина долженъ объяснить вамъ, какого имени заслуживаете вы. — Отправьтесь къ моему мужу — онъ удовлетворительнѣе, нежели я, поговоритъ съ вами. — Глупецъ! вы смѣете оскорбляться, когда должны умолять меня, чтобы я молчала даже передъ моимъ мужемъ о томъ, что узнала отъ вашей жены! — Я оскорбила васъ! Прощайте. Мой мужъ пришлетъ вамъ отчетъ, — мой мужъ будетъ обязанъ позаботиться, чтобъ общество узнало, какъ я виновата передъ вами. Я женщина, я не могу говорить о вашихъ дѣлахъ, какъ надобно для васъ. Онъ можетъ. Вы будете довольны.

— Останьтесь, прошу васъ! — Онъ схватилъ ее за руку: — вы не слышали моего оправданія. Я не имѣлъ той гнусной мысли, которую приписываетъ мнѣ жена.

— Развѣ бы стала я говорить съ вами, если-бы не была увѣрена, что вы не хотѣли продать ее? — Я только потому и стала говорить, что вы сами не понимаете, что вы дѣлаете. Жалкій человѣкъ, вы только ослѣплены вашимъ честолюбіемъ, — это ясно, вы злодѣй только потому, что вы слѣпы. Вы говорили мнѣ, что вы и мой мужъ идете по разнымъ дорогамъ. Къ чему приведетъ моего мужа его дорога, все равно: онъ видитъ; и не пожалѣетъ, что шелъ ею. Къ чему приведетъ васъ ваша дорога, вы не видите; я скажу вамъ: вы погибнете, проклинаемый честными людьми, осмѣянный безчестными. Это потому, что вы хотите быть безчестнымъ только на половину; люди, вполнѣ безчестные, пользуются услугами мелкихъ глупцовъ и потомъ прогоняютъ ихъ съ заслуженнымъ позоромъ. То-же предсказываетъ о васъ мой мужъ, и я вижу теперь: онъ правъ; вы уже начинаете запутываться въ интригахъ, которыя строите. Но я здѣсь не для того, чтобы убѣждать васъ — стать честнымъ. Я здѣсь не для васъ. Я увидѣла несчастную женщину, и я здѣсь только по ея просьбѣ, только для нея. Смотрите, какъ запутались въ обманѣ, участвовать въ которомъ принуждаете ее. Она говоритъ вамъ, что надобно скрывать ото всѣхъ то, что Чаплинъ согласился пріѣхать по ея просьбѣ. Вы думаете: это капризъ — она хочетъ только запугать; онъ можетъ ѣздить и ея репутація не пострадаетъ. Она говоритъ, что ваши требованія принуждаютъ ее сдѣлаться любовницею Чаплина. Вы думаете: вздоръ, она притворяется, запугиваетъ: ей только не хочется кокетничать съ такимъ непривлекательнымъ человѣкомъ. Такъ вы думаете? Въ этомъ ваше оправданіе? О, вы правы — вы только слѣпой — жалкій интриганъ. И чего-же добиваетесь вы? Вы можете разсудить, если захотите. Вотъ уже вы добились того, что Чаплинъ озлобился. Чѣмъ больше она будетъ завлекать его, тѣмъ сильнѣе будетъ его мщеніе за обманъ. Или вы добьетесь — до того, что обмана не будетъ, что она отдастся ему. Не говорите, что всѣ честные люди будутъ плевать вамъ въ глаза, — пусть это не важность для васъ. Но подумайте о томъ, что вы заставляете ее ненавидѣть васъ. И если она отдастся Чаплину, какое будетъ первое приказаніе отъ нея ему? — Она потребуетъ, чтобы онъ стеръ васъ съ лица земли. — Можетъ быть, вамъ угодно получить отчетъ въ моихъ словахъ? Отправьтесь къ моему мужу. Онъ дастъ вамъ отчетъ въ нихъ. Я женщина; я не хочу больше говорить о вашихъ гадкихъ дѣлахъ. Одно я говорю вамъ: продолжайте, продолжайте, и она очень скоро увидитъ, что отъ нея зависитъ: оставаться-ли вашею женою, или сдѣлаться графинею Чаплиной. Какой выборъ сдѣ-

лаетъ она — не знаю; я не посовѣтывала-бы ей ни того, ни другаго. Но я уже сказала вамъ, что она не очень слушаетъ моихъ совѣтовъ. Одно я посовѣтую ей — и этимъ совѣтомъ она воспользуется, ручаюсь вамъ: я скажу ей, что она можетъ хохотать надъ вашими угрозами. Правда-ли, можетъ? Вы согласны — вы должны бояться ее. Почему? — Я женщина и не даю отчета въ моихъ словахъ; — если онъ нуженъ вамъ, мой мужъ дастъ его. — О, жалкій глупецъ! Смотрите, до чего вы уже довели себя. Какимъ тономъ говорю я съ вами, и вы не смѣете слова сказать противъ меня! Вы прекрасно начали вашу мастерскую интригу, — продолжайте, продолжайте, полубезчестный человѣкъ! Я не хотѣла ничего говорить вашей женѣ, не высказавши вамъ этихъ любезностей; не хотѣла ей сказать даже и того, что буду ждать ее къ себѣ завтра поутру. Потрудитесь передать ей это. Если она не пріѣдетъ, я буду знать, что мои любезности не были достаточно сильны и что вамъ нуженъ отчетъ въ нихъ. Прощайте.

Она встала. Онъ пошелъ за нею.

— Ваши слова...

— Я не просила васъ отвѣчать. Если не ошибаюсь, я не подала вамъ повода думать, что мнѣ пріятно слушать. Молчать! — Прощайте!

Волгина ушла, не услышавъ отвѣта Савелова, потому что слишкомъ негодовала. Но и возвратившись домой, и сдѣлавшись хладнокровною, она не имѣла причины жалѣть, что не позволила ему отвѣчать. Не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что онъ совершенно отказался отъ желанія, чтобы его жена продолжала завлекать Чаплина. И если Волгина хотѣла видѣть Савелову еще разъ, то вовсе не для того, чтобы удостовѣриться въ покорности Савелова, а только для того, чтобы внушить ей смѣлость на будущее время, на случай другихъ столкновеній.

Слѣдующій день былъ — днемъ, въ который петербургскіе либералы собирались у своего предводителя. Нивельзинъ, все еще продолжавшій благоговѣть передъ Рязанцевымъ, не пропускалъ ни одного изъ этихъ еженедѣльныхъ собраній. Поѣхалъ и въ тотъ разъ.

Комнаты были набиты гостями по обыкновенію. Но хозяина не было. Рязанцева объяснила новоприбывшимъ, куда и зачѣмъ уѣхалъ ея мужъ.

Вчера были имянины Савелова. Рязанцевъ заѣхалъ поутру

поздравить его. Савеловъ сказалъ, что крестьянское дѣло двигается наконецъ рѣшительнымъ образомъ и далъ прочесть черновую доклада объ основаніяхъ, на которыхъ будутъ освобождены крестьяне. За обѣдомъ докладъ будетъ подписанъ Петромъ Степанычемъ, вечеромъ будетъ подписанъ Чаплинымъ, и на слѣдующій день, къ вечеру, докладъ будетъ прочитанъ въ собраніи, которое рѣшитъ, принять или нѣтъ принципы, предлагаемые Чаплинымъ и Петромъ Степанычемъ. На слѣдующій день, т. е. нынѣ, Рязанцевъ поѣхалъ къ Савелову узнать, чѣмъ рѣшенъ вопросъ.

Гости нетерпѣливо ждали, какое извѣстіе привезетъ Рязанцевъ.

Чаплинъ очень силенъ, это правда; но въ цѣломъ собраніи онъ единственный рѣшительный партизанъ либеральныхъ принциповъ освобожденія, выработанныхъ Савеловымъ и принятыхъ Петромъ Степанычемъ. Голосъ Петра Степаныча не имѣетъ большой силы. Вся надежда на Чаплина. Онъ сильнѣе каждаго изъ остальныхъ членовъ по одиночкѣ. Но ихъ много, а онъ одинъ. По одиночкѣ, каждый изъ нихъ побоялся-бы вступить въ борьбу съ нимъ. Но вмѣстѣ могутъ не побояться. Могутъ. — И если отважатся — дѣло погибло.

— Пусть отважатся — сказалъ Соколовскій; онъ теперь былъ уже друженъ съ Рязанцевыми: — Пусть отважатся. Большинство будетъ противъ доклада. Но дѣло будетъ рѣшено не по мнѣнію большинства, а по мнѣнію Чаплина.

Нивельзинъ и нѣкоторые другіе согласились. Но такихъ было мало. Почти всѣ говорили: — „Нѣтъ, вы слишкомъ увѣрены въ успѣхѣ. Правда, Чаплинъ силенъ — но все-таки побѣда сомнительна.“

Наконецъ возвратился Рязанцевъ. По одному взгляду на его печальное лицо, всѣ увидѣли, что онъ привезъ очень дурныя новости.

Чаплинъ измѣнилъ дѣлу свободы. Дѣло свободы погибло.

Прошло нѣсколько времени, прежде нежели Рязанцевъ могъ продолжать: такъ сильно было волненіе, произведенное этими словами. Всѣ кричали, всѣ спрашивали: „Какъ? измѣнилъ? Не можетъ быть! Неужели измѣнилъ?“ — „Все погибло, говорите вы? — нѣтъ надежды?“ и всѣ сами же себѣ отвѣчали, восклицая: — „Этотъ Чаплинъ только притворялся! Онъ не могъ сочувствовать свободѣ!“ — „Все погибло.“ Одинъ Соколовскій, сложивши руки на груди, сдвинувши брови, сверкая глазами, молчалъ. Давши пройти первому взрыву изумленія и отчаянія, онъ сказалъ громовымъ голосомъ: — „Выслушаемъ подробности и тогда будемъ судить. Господа — хладнокровіе и молчаніе!“

Все погибло. Рязанцевъ видѣлъ у Савелова самого Петра Степаныча.

Вчера Чаплинъ пріѣхалъ на обѣдъ къ Савелову. Ни Савеловъ,

ни тѣмъ больше Петръ Степановичъ не могли объяснить себѣ, какъ это случилось: какъ узналъ Чаплинъ, что Савеловъ именинникъ, что у Савелова обѣдъ; какъ вздумалъ оказать ему такое лестное вниманіе, такую милость? Но они же догадывались, что тутъ есть какая нибудь интрига. Теперь Петръ Степанычъ прочелъ объясненіе загадки на лицѣ одного изъ мелкихъ членовъ собранія, въ которомъ рѣшалась судьба доклада; этотъ человѣкъ смертельный врагъ Петра Степаныча и заклятый реакціонеръ. Но дѣлецъ и хитрецъ. Онъ подъучилъ Чаплина пріѣхать къ Савелову. Петръ Степанычъ убѣжденъ въ томъ. И Савеловъ согласился — что, вѣроятно, такъ. Чаплинъ пріѣзжалъ, чтобы предложить Савелову — должность Петра Степаныча, если Савеловъ согласится дѣйствовать въ духѣ реакціи. Петръ Степанычъ понялъ это изъ намековъ Чаплина, что Савеловъ могъ-бы доставить себѣ счастіе, еслибы не былъ злодѣй и бунтовщикъ; — Чаплинъ формально говорилъ въ собраніи, что докладъ, представленный Петромъ Степанычемъ — дѣло бунтовщика, революціонера, что онъ, Чаплинъ, убѣдился вчера, какой злодѣй тотъ человѣкъ, внушеніямъ котораго слѣдуетъ Петръ Степанычъ; — невозможно было не понять, что вчера Савеловъ отвергъ предложеніе, съ которыми пріѣзжалъ Чаплинъ. Савеловъ сначала молчалъ на эти слова Петра Степаныча — потомъ признался — что, дѣйствительно, отказался вчера отъ предложеній Чаплина. Пока Петръ Степанычъ самъ не узналъ въ чемъ дѣло — онъ не могъ говорить; но теперь — долженъ сказать: все такъ.

Конечно, Савеловъ не ставитъ себѣ въ заслугу того, что отвергъ предложеніе Чаплина. Какая тутъ заслуга? — Онъ не могъ покрыть позоромъ свое имя. И Рязанцевъ не ставитъ ему этого въ заслугу. Можно-ли считать заслугою то, когда честный человѣкъ отказывается стать негодяемъ? Это его обязанность — не больше.

Еще не зная, какой разговоръ былъ между Савеловымъ и Чаплинымъ, — не подозрѣвая, что Чаплинъ уѣхалъ съ обѣда раздраженный Савеловымъ, Петръ Степанычъ повезъ докладъ. Чаплинъ выслалъ сказать, что не можетъ выйти къ нему; и не можетъ подписать доклада. Петръ Степанычъ понялъ, что Чаплинъ, вѣроятно, раздраженъ чѣмъ нибудь. Возвратившись домой отъ Чаплина, который такъ и не принялъ его, Петръ Степанычъ послалъ за Савеловымъ. Они просидѣли вмѣстѣ до поздней ночи, обдумывая, какъ вести борьбу, когда явился новый врагъ, сильнѣе всѣхъ прежнихъ, — врагъ, бывшій прежде союзникомъ ихъ. У нихъ было теперь мало надежды на успѣхъ; но они хотѣли бороться до послѣднихъ силъ.

Такъ и теперь. Они будутъ бороться, хоть потеряли надежду. Петръ Степанычъ теперь одинъ противъ всѣхъ — обвиняемый всѣми въ томъ, что хочетъ сдѣлать освобожденіе крестьянъ сред-

ствомъ къ низверженію всего существующаго порядка, всѣхъ учрежденій, произвести революцію, что онъ или орудіе республиканцевъ, или самъ республиканецъ.

Чаплинъ провозгласилъ это обвиненіе. За нимъ стали кричать то-же всѣ.

Дѣло свободы погибло!

Всѣ видѣли — оно погибло.

Одинъ Соколовскій говорилъ, что оно не можетъ погибнуть. Благородная, но нелѣпая надежда.

Такъ разсказывалъ Нивельзинъ Волгину, пріѣхавши прямо отъ Рязанцева, въ часъ ночи, за тѣмъ, чтобы разсказать.

— Очень благодаренъ вамъ, Павелъ Михайлычъ, — сказалъ Волгинъ: — разумѣется, любопытная штука; и тѣмъ курьезнѣе, что совершенно неожиданная, — Волгина не сказала мужу ни слова о томъ, что слышала и говорила она у Савеловыхъ, ни о томъ, что говорила съ Савеловою поутру. Измѣна Чаплина была такою-же новостью для Волгина, какъ для Нивельзина и Рязанцева.

— Да, любопытная штука, — повторилъ онъ, по своему обыкновенію, помолчавши: — И если хотите, согласенъ, что въ ней нѣтъ ничего особенно хорошаго; можно даже сказать, что въ вашей новости есть одна черта очень мерзкая, или, если угодно, печальная: всѣ у Рязанцева повѣсили носы — вы говорите. То-то же и есть, видите, какой народъ эти ваши господа либералы: какъ щелкнули ихъ по носу, они и повѣсили его. Пріятная компанія. Но — опять, и то сказать: это было давно извѣстно — какой они народъ. Стало быть — нѣтъ ничего особеннаго. — Я вамъ говорилъ: одинъ Соколовскій — какъ слѣдуетъ — человѣкъ; имѣетъ свои странности, можетъ ошибаться, но человѣкъ, а не чортъ знаетъ что. Такъ оно и выходитъ. Горячится по пустому; по пустому, положимъ, но человѣкъ. Поцѣлуйте его отъ меня, когда увидите.

— И привезти? сказалъ Нивельзинъ, уже привыкшій къ разсужденіямъ Волгина о русскомъ либерализмѣ и потому — оставлявшій ихъ безъ возраженій, когда было не время подымать споръ, какъ и теперь, дѣйствительно, было пора думать о снѣ, а не о спорахъ.

— Привезти? — т. е. Соколовскаго? — размыслилъ Волгинъ: — оно, пожалуй; отчего-же нѣтъ? — А впрочемъ — незачѣмъ. Стало быть, я лучше попрошу васъ: не привозите. Гораздо лучше. Незачѣмъ.

Никогда не теряя свойства быть основательнымъ, Волгинъ недоумѣвалъ, какъ объяснить странный поступокъ громаднаго мужика, по всей вѣроятности дворника, мимо котораго шелъ по улицѣ. Мужикъ стучалъ желѣзнымъ заступомъ по тротуару, въ этомъ не было ничего непонятнаго: онъ очищалъ тротуаръ отъ гололедицы. Волгинъ шелъ себѣ мимо, не обращая вниманія на такое обыкновенное дѣло. Но когда поровнялся съ мужикомъ — этотъ геркулесъ положилъ ему руку на плечо. Что за чудо? — Геркулесъ былъ совершенно незнакомый, былъ трезвый, смотрѣлъ безобидно; съ какой стати ему вздумалось выкидывать такую штуку съ прохожимъ, да еще и одѣтымъ по благородному? — размышлялъ остановленный наложеніемъ его ручищи Волгинъ; ручища налегала на него все тяжеле и тяжеле, такъ что Волгину стало трудно выдерживать непонятную любезность или шутку, — онъ повернулъ плечо, раскрылъ глаза и увидѣлъ, что передъ нимъ стоитъ Соколовскій. Стуканіе заступа оказалось бряцанье сабли Соколовскаго по полу; Волгинъ спалъ крѣпко, и Соколовскій трогалъ его плечо, чтобы добудиться.

— Вы не слышали, что произошло вчера? Чаплинъ перешелъ на сторону крѣпостниковъ; докладъ объ условіяхъ освобожденія крестьянъ, составленный на демократическихъ основаніяхъ...

— Отвергнутъ? Знаю, Болеславъ Иванычъ; Нивельзинъ заѣзжалъ ко мнѣ отъ Рязнцева.

— Что вы думаете дѣлать?

— Думаю, что когда вы уже разбудили меня, то сонъ дѣло пропащее; думаю, надо встать. Очень радъ, Болеславъ Иванычъ, очень радъ, сдѣлайте одолженіе, садитесь. — Ну, что, видно, по вашему, надобно дѣлать что нибудь?

— Вамъ надобно написать адресъ;садитесь, пишите.

— Адресъ? — Волгинъ хотѣлъ залиться руладою, но посовѣстился смѣяться надъ честностью энергическаго человѣка; а главное подумалъ, что Лидія Васильевна, вѣроятно, еще спитъ: — Адресъ? — повторилъ онъ, удержавъ свою остроумную веселость: — Да почему же писать адресъ долженъ я? — Ближе бы Рязанцеву.

— Пишите, пожалуйста; вы понимаете, въ подобныхъ дѣлахъ время дорого.

— Дорого; согласенъ, вы и предложили бы Рязанцеву, вчера-же.

— Предложилъ бы, разумѣется. Но видѣлъ, что безполезно. Видно было, что Рязанцевъ не рѣшится? — Кто же смѣлѣе его? Тамъ были десятки лицъ; все записные прогрессисты. Почему никто не заговорилъ, что надобно поддержать Петра Степаныча и Савелова? — Видно, они умѣютъ только вѣшать носы и хныкать. Почему самъ Соколовскій не высказалъ тамъ свою мысль? — Видно чувствовалъ, что не найдетъ сочувствія. Кто

же станетъ подписывать адресъ? Дѣлать эту пробу — значитъ только обнаружить реакціонерамъ, что въ либеральной партіи почти вовсе нѣтъ смѣлыхъ людей.

Соколовскій принужденъ былъ замолчать: безпомощное уныніе либераловъ у Рязанцева было фактомъ слишкомъ убѣдительнымъ. Соколовскій еще мало сжился съ Петербургскимъ обществомъ, имѣлъ надежду, что есть круги болѣе рѣшительныхъ людей, чѣмъ какой собирается у Рязанцева. Услышавъ, что нѣтъ, сознался въ невозможности адреса.

Тогда Волгинъ пошелъ дальше. Мало того, что адресъ остался бы безъ подписей. Вопросъ не стоитъ того, чтобы хлопотать. Пусть Петръ Степанычъ и Савеловъ будутъ прогнаны; пусть дѣло освобожденія крестьянъ будетъ передано въ руки помѣщичьей партіи. Разница не велика.

Съ этимъ Соколовскій не могъ согласиться. — Изъ за чего идетъ борьба между прогрессистами и помѣщичьей партіей? — Изъ за того, съ землею или безъ земли освободить крестьянъ. Это колоссальная разница.

Нѣтъ, не колоссальная, а ничтожная, находилъ Волгинъ. Была бы колоссальная, если-бы крестьяне получили землю безъ выкупа. Взять у человѣка вещь, или оставить ее у человѣка, разница, — но взять съ него плату за нее — все равно. Планъ помѣщичьей партіи разнится отъ плана прогрессистовъ только тѣмъ, что проще, короче. Поэтому онъ даже лучше. Меньше проволочекъ, вѣроятно, меньше и обремененія для крестьянъ. У кого изъ крестьянъ есть деньги — тотъ купитъ себѣ землю. У кого нѣтъ — тѣхъ нечего и обязывать покупать ее. Это будетъ только разсорять ихъ. Выкупъ таже покупка. Если сказать правду, лучше, пусть будутъ освобождены безъ земли.

— Я не ждалъ услышать отъ васъ это; — сказалъ Соколовскій: — вы говорите какъ человѣкъ помѣщичьей партіи.

— Вопросъ поставленъ такъ; — вяло отвѣчалъ Волгинъ: — потому я и не интересуюсь имъ.

— Чего же вы хотѣли бы? Освобожденія крестьянъ безъ выкупа? — Это невозможно.

— Я и говорю: вопросъ поставленъ такъ, что я не нахожу причинъ горячиться даже изъ за того, будутъ или не будутъ освобождены крестьяне; тѣмъ меньше изъ за того, кто станетъ освобождать ихъ — либералы или помѣщики. По моему все равно. Или помѣщики даже лучше.

Онъ ожидалъ, что Соколовскій осыплетъ его упреками за непрактичность, за апатію. Но Соколовскій молчалъ, задумавшись.

— Это ваше послѣднее, рѣшительное слово? — сказалъ онъ послѣ долгаго раздумья: — Значитъ: вы не захотѣли бы давать совѣтовъ Савелову?

— Натурально; для меня все равно, прогонятъ его или нѣтъ; даже лучше бы, если бы прогнали.

— Спорить съ вами некогда, время дорого. Не могу васъ послать къ нему, поѣду самъ. — Вчера я остался у Рязанцева, когда другіе разъѣхались и спросилъ, какъ думаетъ вести борьбу Савеловъ. Онъ думаетъ только о рутинныхъ канцелярскихъ средствахъ; писать новые доклады — канцелярскимъ жаргономъ, вялымъ, непонятнымъ; дѣйствовать, по канцелярскому порядку, черезъ Петра Степаныча. Нужно живое слово, и долженъ говорить онъ самъ. Какой же ораторъ Петръ Степанычъ? — Самъ Савеловъ долженъ просить аудіенцію, и пусть говоритъ на ней честно, всю правду, безъ утайки. — Безъ рекомендаціи онъ могъ бы не принять меня. Дайте мнѣ записку къ нему.

Волгинъ не нашелъ причины отговариваться незнакомствомъ. Савеловъ говорилъ Лидіи Васильевнѣ, что уважаетъ его. Вѣроятно, не захочетъ пренебречь его рекомендаціей. Онъ написалъ, отдалъ записку, въ которой говорилъ, между прочимъ, что Савеловъ не долженъ обращать вниманія на рѣзкость манеръ и пылкость тона Соколовскаго; этотъ человѣкъ на первый взглядъ только кажется экзальтированнымъ, въ сущности онъ очень хлодно и здраво смотритъ на вещи.

— Вы понимаете, почему я не могъ просить рекомендаціи у Рязанцева? — сказалъ Соколовскій: — это прекрасный человѣкъ, но слишкомъ наивный; онъ разболталъ-бы; — а никто не долженъ знать, что Савеловъ дѣйствовалъ по чужому совѣту; только на этомъ условіи онъ можетъ принять его.

— Инструкція мнѣ, чтобы я не разболталъ? — О, дипломатъ! — сказалъ Волгинъ и сдѣлалъ небольшую руладу своему остроумію, потому что нашелъ свое замѣчаніе остроумнымъ.

Дня три либеральные люди въ Петербургѣ ходили, повѣсивъ носы. На четвертый прочли въ газетахъ, что генералъ-адъютантъ графъ Чаплинъ увольняется въ отпускъ за границу. Не было даже прибавлено смягченія „по болѣзни“ или „для поправленія здоровья.“ Опала была открытая, полная. Либеральные люди протирали глаза и перечитывали: такъ ли прочли. Такъ. Они задрали носы и пошли по Петербургу побѣдителями, завоевателями.

Глава Седьмая.

По порученію Волгиной Нивельзинъ принялъ всѣ возможныя мѣры для того, чтобъ оффиціальныя розыски о Левицкомъ шли дѣятельно. Но и самъ искалъ его неутомимо. Конечно, главнымъ мотивомъ тутъ было усердіе исполнить желаніе Волгиной. Но и самъ Нивельзинъ глубоко заинтересовался молодымъ человѣкомъ, о которомъ съ безусловнымъ уваженіемъ говорилъ Волгинъ, презрительно отзывавшійся обо всѣхъ знаменитостяхъ домашняго русскаго либерализма.

Къ вечеру перваго дня поисковъ Нивельзина уже не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что Левицкій пріѣхалъ въ Петербургъ и лежитъ больной. Нивельзинъ отыскалъ людей, которые сидѣли въ одномъ вагонѣ съ нимъ. Онъ былъ блѣденъ — жаловался на жаръ и дрожь во всемъ тѣлѣ, на боль въ головѣ. Его сосѣдъ заботился о немъ. Сосѣдъ былъ старикъ купецъ, говорившій, что пробудетъ въ Петербургѣ дня два, много — три.

Онъ взялъ Левицкаго съ собою. Это было назадъ тому пять дней. Вѣроятно, купецъ уже уѣхалъ. Вѣроятно, Левицкій лежитъ, предоставленный на волю судьбы. Тѣмъ больше надобно было заботиться, поскорѣе отыскать его. Нивельзинъ разослалъ нѣсколько человѣкъ объѣзжать больницы, гостинницы и постоялые дворы; ѣздилъ и самъ.

Въ этихъ поискахъ, остававшихся все еще напрасными, прошло два дня. По утру на третій, одинъ изъ людей, агентовъ Нивельзина, нашелъ Левицкаго въ маленькой, душной и сырой комнатѣ дряннаго постоялаго двора. Левицкій лежалъ безъ памяти. Никому на постояломъ дворѣ не было особенной охоты заботиться о немъ. Впрочемъ—хозяинъ не сбылъ его въ больницу, потому что у больнаго было портъ-монэ съ нѣсколькими стами рублей, переданный хозяину купцомъ. Хозяинъ даже призывалъ раза два какого-то фельдшера. Фельдшеръ далъ какую-то микстуру. Микстура стояла на столѣ, полный пузырекъ, какъ былъ принесенъ: больной лежалъ безъ памяти; какъ давать ему лѣкарство?

Понятно было, почему полиція не получала свѣдѣній о Левицкомъ: хозяинъ опасался, что она отниметъ у него выгоднаго постояльца въ больницу. Онъ даже побранилъ служанку, недогадавшуюся или посовѣстившуюся скрыть больнаго. Хозяинъ былъ человѣкъ опытный и бойкій, онъ не остался бы въ убыткѣ,

хотя бы полиція и привязывалась къ нему, въ случаѣ смерти Левицкаго.

Нивельзинъ съѣздилъ за знакомымъ хорошимъ медикомъ и привезъ его къ Левицкому. Погода была ужасная, состояніе больнаго очень тяжело. Медикъ нашелъ, что нельзя перевозить его. Но, разумѣется, не оказалось затрудненій устроить тутъ же хорошее помѣщеніе; хозяинъ уступилъ свой залъ.

Услышавъ отъ Соколовскаго эту новость, Илатонцевъ хотѣлъ тотчасъ же ѣхать самъ, заботиться о Левицкомъ. Соколовскій справедливо сказалъ, что это лишнее: Нивельзинъ уже распорядился всѣмъ, какъ можно только лучше; и пока Левицкій остается безъ памяти, то нуждается въ визитахъ только медика.

Но Волгинъ каждый день пріѣзжалъ сидѣть въ комнатѣ больнаго и ждать медика. Онъ считалъ себя виноватымъ въ болѣзни Левицкаго: такъ или иначе, эта болѣзнь связана съ отношеніями Левицкаго къ Илатонцевымъ, связана, если не чѣмъ другимъ, то уже и тѣмъ самымъ, что Левицкій занемогъ или въ деревнѣ у нихъ, или на дорогѣ оттуда. — Вообще Волгинъ былъ человѣкъ мнительный, и часто выдумывалъ самъ себѣ фантастическіе упреки. Но въ этомъ случаѣ его раскаяніе имѣло больше здраваго смысла, нежели казалось Нивельзину, который говорилъ: „Да развѣ вы посылали его на какую нибудь опасность, уговаривая отправиться прожить въ деревнѣ, отдохнуть? — Если онъ встрѣтилъ тамъ непріятности или бѣды, подготовившія эту болѣзнь, это дѣло случая, котораго вы не могли предвидѣть. Все, повидимому, обѣщало, что жизнь у Илатонцевыхъ будетъ хороша для него и спокойна.“ — „Оно, конечно, такъ, — отвѣчалъ Волгинъ: — „само собою, я виню понапрасну“. — Но онъ отвѣчалъ это лишь потому, что не любилъ говорить о своихъ чувствахъ. — По его мнѣнію, ошибка его состояла въ томъ, что онъ уговорилъ Левицкаго жить безъ дѣла. Ему казалось тогда, что у Левицкаго такой же флегматическій характеръ, какъ у него самого; онъ вспоминалъ, какъ мирно лежалъ онъ, почитывая книги, пока не пришла надобность работать. — Ему казалось, что и Левицкій будетъ также спокойно лежать и зѣвать, или ходить и зѣвать — или слегка дурачиться и зѣвать въ деревнѣ. Теперь ему воображалось, что онъ былъ обманутъ холодною наружностью Левицкаго, что это человѣкъ съ сильными страстями и съ жаждою жизни и дѣятельности; что не давать занятія этому человѣку было подвергать его опасностямъ увлеченій. — Самъ по себѣ Волгинъ, вѣроятно, не замѣтилъ бы своей ошибки относительно характера Левицкаго. Но услышалъ отъ жены, что это долженъ быть человѣкъ съ сильною волею и съ привычкою скрывать свои волненія, сохранять спокойный, холодный видъ, что ни дѣлалось бы у него на душѣ. — Какъ услышалъ это Волгинъ, тотчасъ постигъ, что оно и дѣйствительно должно быть такъ: онъ уѣхалъ отъ Ила-

тонцевыхъ по какому то сильному огорченію или раздраженію, это было несомнѣнно: а между тѣмъ Илатонцевы не замѣтили ничего; ясно, что флегматическій видъ его обманывалъ. Постигнувъ это, Волгинъ по своей необычайной способности къ основательнымъ соображеніямъ, безъ труда размыслилъ, что оставаться безъ дѣла, — великая опасность для молодаго человѣка съ сильными страстями; и что въ чемъ бы не состояло огорченіе, результатомъ котораго, такъ или иначе, вышла эта болѣзнь, первою причиною болѣзни было то, что Левицкій былъ оставленъ безъ дѣла.

Нѣсколько дней, медикъ говорилъ Волгину, что не отвѣчаетъ за жизнь больнаго. Причиною болѣзни, по словамъ медика, была простуда. Волгину немудрено было понимать, какъ подвергся ей Левицкій въ дорогѣ. Вырвавшись отъ Илатонцевыхъ, одинъ въ экипажѣ или на почтовой телѣгѣ, онъ, вѣроятно, наконецъ далъ волю долго сдерживаемому чувству — отчаянія ли, раздраженія ли, — и забылъ — и забылъ о холодѣ и ненастьѣ поздней осени. Потомъ все въ томъ же забытьи, пренебрегъ первыми симптомами болѣзни и далъ развиться ей, безостановочно продолжая путь. — А потомъ столько дней пролежалъ безъ всякой помощи.

— Но, — говорилъ медикъ, — быть можетъ, было еще къ лучшему, что корыстолюбивый хозяинъ не извѣстилъ полицію о своемъ выгодномъ постояльцѣ: попади Левицкій въ больницу, навѣрное бы умеръ. Теперь надежда еще не потеряна. — Только; надежда еще не потеряна, — говорилъ медикъ нѣсколько дней. Наконецъ сказалъ: опасность миновала.

Это было сказано поутру, вечеромъ пріѣхалъ Соколовскій, привезъ съ собою мужчину лѣтъ сорока двухъ, трехъ, одѣтаго хорошо, но скромно, рекомендовалъ его Волгину, какъ Виктора Борисыча Илатонцева.

— Знаетъ ли Алексѣй Иванычъ великую новость? — началъ Илатонцевъ, спросивъ о Левицкомъ, и съ очень теплымъ, совершенно родственнымъ чувствомъ порадовавшись хорошему обороту его болѣзни: — знаетъ ли Алексѣй Иванычъ великую новость, которая будетъ обнародована завтра?

Волгинъ еще ничего не слышалъ; — вѣроятно, освобожденіе крестьянъ?

— Да, отвѣчалъ Илатонцевъ. — Соколовскій вынулъ печатный листъ и подалъ Волгину. — Завтра эта бумага будетъ обнародована. — Илатонцевъ попросилъ Волгина прочесть ее. — Вол-

гинъ пробѣжалъ глазами и увидѣлъ, что принципы освобожденія болѣе либеральны, нежели онъ ждалъ. Савеловъ воспользовался своею рѣшительною побѣдою надъ помѣщичью партіей, — воспользовался мастерски.

— Все зависитъ оттого, въ какомъ духѣ будутъ примѣнены эти принципы, — сказалъ Илатонцевъ: — а характеръ примѣненія очень много будетъ зависѣть отъ того, какъ будетъ держать себя дворянство?

— Правда, — согласился Волгинъ.

— Болеславъ Иванычъ привезъ мнѣ эту бумагу, даже я еще не зналъ, что она уже печатается, — и справедливо сказалъ, что надобно ковать желѣзо, пока оно горячо; надобно воспользоваться первымъ сильнымъ потрясеніемъ, какое произведетъ она, — воспользоваться первымъ испугомъ моей братьи, помѣщиковъ, увлечь и приковать ихъ къ либеральной программѣ, пока они еще не опомнились, не одумались, не успѣли даже поговорить между собою. — Послѣ-завтра у меня обѣдъ, на которомъ я прошу быть и васъ.

Соколовскій молчалъ, давая ему говорить. Онъ говорилъ связно, дѣльно. Конечно, планъ принадлежалъ Соколовскому; Илатонцевъ и не скрывалъ этого, — но было надобно отдать справедливость и ему какъ человѣку не глупому, способному понять геніальную мысль, — дѣйствительно геніальную: планъ, составленный Соколовскимъ, заслуживалъ такого названія, по мнѣнію Волгина, не слишкомъ щедраго на слово „геніальный“.

Взять штурмомъ слово и подпись самыхъ первыхъ вельможъ было бы невозможно. Они слишкомъ близко знаютъ всѣ закулисныя тайны; да и привыкли держать себя дипломатически, выжидать, лавировать; пожалуй, заупрямились бы и по обиженному тщеславію, если бы посадить ихъ за одинъ столъ со второстепенными аристократами. Этихъ слишкомъ высокихъ магнатовъ надобно оставить въ сторонѣ. И не будетъ большой потери отъ этого. Дѣло будетъ рѣшаться по губерніямъ, провинціальнымъ дворянствомъ. Они держали себя далеко отъ него, — жили почти исключительно въ Петербургѣ или за-границею; когда и случалось инымъ живать въ деревняхъ, почти всѣ они обижали мѣстное дворянство своимъ высокомѣріемъ. Они не имѣютъ вліянія на него. Вліяніе принадлежитъ второстепенной, провинціальной, а не столичной аристократіи, владѣльцамъ только тысячъ, а не десятковъ тысячъ душъ. Эти люди будутъ ворочать дѣломъ въ губернскихъ собраніяхъ. На нихъ и надобно налечь. Кромѣ нихъ, вниманія заслуживаютъ только образованные, умные и честные помѣщики, — но о нихъ нечего заботиться; они и сами на сторонѣ крестьянъ. Чѣмъ благороднѣе будетъ программа, тѣмъ радостнѣе примутъ они ее, тѣмъ усерднѣе будутъ защищать. Надобно только штурмомъ покорить провинціальныхъ магнатовъ.

Какъ всегда, во время зимняго сезона, ихъ много теперь въ Петербургѣ. Въ нынѣшнюю зиму даже больше обыкновеннаго, потому что многіе нарочно пріѣхали слѣдить за ходомъ крестьянскаго дѣла. Надобно созвать ихъ на обѣдъ. Они пріѣдутъ не предугадывая ничего, только всѣ ошеломленные новостью, которая разразится надъ ними завтра. Въ одни сутки они еще не успѣютъ ничего сообразить, будутъ все еще только дрожать.

За обѣдомъ хозяинъ скажетъ о томъ, что дворянству надобно согласиться, какъ держать себя въ дѣлѣ, которое провозглашено, и попроситъ Рязанцева изложить свой взглядъ. За рѣчью Рязанцева, начинается роль Волгина. Рязанцевъ не врагъ дворянства, только другъ крестьянъ. Волгинъ идетъ дальше его, не правда ли?

Волгинъ сказалъ, что правда.

Послѣ того, что будетъ говорить Волгинъ, взглядъ Рязанцева будетъ представляться очень умѣреннымъ, не правда ли?

Волгинъ сказалъ, что это совершенная правда и остроумно прибавилъ, что позволительно сомнѣваться въ другихъ его достоинствахъ, но если хотятъ его показать, какъ пугало, ошибки не будетъ: пугало онъ очень хорошее: Всѣ побѣгутъ отъ него и упадутъ въ распростертыя объятія Рязанцева.

Послѣ обѣда Рязанцевъ станетъ читать программу. Конечно, Волгинъ будетъ находить почти каждый параграфъ — слишкомъ выгоднымъ для помѣщиковъ. Благодаря его возраженіямъ, программа будетъ нравиться, одобряться, будетъ подписана всѣми. Съ подписями вліятельнѣйшихъ помѣщиковъ почти изо всѣхъ губерній, она будетъ немедленно разослана повсюду. Повсюду дворянство будетъ нахлопнуто ею въ расплохъ; нигдѣ еще ничего не обдумали, не успѣли даже переговорить между собою — и вдругъ имъ дается въ руки программа, принятая, рекомендуемая предводителями, представителями помѣщиковъ — цѣлаго государства: — какое возможно сопротивленіе? Не будетъ и колебанія, повсюду — всѣ примкнутъ къ программѣ, единственной и предлагаемой помѣщикамъ каждаго уѣзда отъ имени всего дворянства. Не правда-ли — успѣхъ и вѣренъ и громаденъ?

Волгинъ сказалъ, что штука придумана ловко. Правда, онъ отъ чистой души будетъ доказывать, что программа слишкомъ выгодна для помѣщиковъ; положимъ, онъ не читалъ проэкта, изъ котораго она будетъ извлечена, потому что ему некогда читать всякій вздоръ безъ надобности; но по разговорамъ съ авторомъ имѣетъ достаточное понятіе объ основаніяхъ этой будущей всероссійской программы. Она будетъ очень плоха съ его точки зрѣнія. Но нечего и толковать: когда нужно согласіе помѣщиковъ, то провести ее было бы величайшемъ успѣхомъ, о какомъ только возможно мечтать. Штука ловкая, повторилъ онъ, и съ неистощимымъ своимъ остроуміемъ замѣтилъ, что дѣло походитъ на то, какъ поступаютъ калмыки и киргизы, когда хотятъ за-

гнать къ себѣ чужой табунъ: — садятся на здоровенныхъ жеребцовъ, хлещутъ ихъ нагайками, мчатся на табунъ, гигнутъ, гаркнутъ, промчатся сквозь ошалѣвшихъ животныхъ и скачутъ своею дорогой, — весь табунъ несется вслѣдъ куда угодно; точно — онъ слыхивалъ, что эта штука всегда удается — согласился онъ, и наградилъ себя за остроумное сравненіе обычною одобрительною руладою.

Въ тотъ вечеръ, Волгинъ былъ такъ добръ отъ радости вѣрной надеждѣ на выздоровленіе Левицкаго, что не могъ бы, кажется, огорчить никого никакимъ противорѣчіемъ; если-бъ его позвали играть на скрипкѣ, онъ и то, кажется, сказалъ бы: „извольте, буду, хоть и никогда не пробовалъ.“

Онъ не умѣетъ сказать навѣрное, принялъ ли бы приглашеніе Илатонцева, если-бы находился въ обыкновенномъ расположеніи духа. Но, вѣроятно, все таки бы принялъ. Ежеминутно дѣлая глупости, онъ справедливо не считалъ важною разницею сдѣлать одною больше или меньше: — „Э, все равно“, основательно рѣшалъ онъ, когда кто навязывалъ ему участіе въ такой нелѣпости, какой не вздумалъ бы онъ сочинить самъ по себѣ: — „Э, все равно“, думалъ онъ, и сознательно шелъ остаться въ дуракахъ вмѣстѣ съ другими. Разумѣется, это представляло и нѣкоторую пріятность, для разнообразія, чтобъ не всегда же быть глупцомъ безъ собственной охоты и въ одиночку.

Такими размышленіями онъ оправдывалъ себя, украшаясь въ давно, давно ненадѣванный фракъ, чтобы ѣхать на обѣдъ къ Илатонцеву.

Слѣдовало-ли бы ему придумывать эти размышленія? Была ли ему надобность оправдывать себя? Должно ли считать глупостью дѣло, затѣянное Соколовскимъ? — Углубляясь въ основательныя соображенія въ безмятежной и твердой позиціи у одного изъ дальнихъ оконъ салона, поглощавшаго десятки гостей и все таки остававшагося малолюднымъ, Волгинъ находилъ, что излишняя мнительность тоже своего рода глупость; полагалъ также, что умный человѣкъ на его мѣстѣ едва ли сомнѣвался бы въ успѣхѣ благороднаго замысла Соколовскаго.

Волгинъ могъ безмятежно соображать, удобно и твердо прислонившись къ вырѣзкѣ стѣны у дальняго окна: Соколовскій помогалъ хозяину принимать и пристраивать гостей; Рязанцевъ очаровывалъ ихъ, находя сказать каждому изъ нихъ что нибудь милое: Рязанцевъ созданъ былъ — очаровывать невинныхъ; гра-

діозный и важный, живой и солидный, онъ всегда сіялъ добродушіемъ и умомъ, любезностью и чувствомъ своего значенія въ движеніи русскаго прогресса. Онъ толковалъ, что онъ самъ помѣщикъ, открывалъ общихъ друзей у себя съ каждымъ, вклеивалъ науку и духъ вѣка, осыпалъ длинными мудреными словами, звучавшими какъ то невинно и пріятно, и оставлялъ каждаго въ восхищеньи отъ того, что такой ученый человѣкъ предположилъ его понимающимъ всѣ эти прекрасныя слова. Нивельзинъ — потому что и Невельзинъ былъ тутъ же — тоже занимался улавливаніемъ сердецъ, по инструкціи Соколовскаго, и по видимому имѣлъ въ этомъ еще болѣе успѣха, нежели самъ Рязанцевъ. — Кромѣ Нивельзина, Рязанцева и Соколовскаго съ хозяиномъ, у Волгина не было тутъ никого хоть разъ видѣннаго издали. Никто не могъ подойти къ нему, а самъ онъ былъ избавленъ отъ обязанности очаровывать, отчасти изъ уваженія къ его непригодности на уловленіе сердецъ, отчасти потому, что и будущая роль его была не привлекать ихъ, а поражать трепетомъ.

Онъ совершенно удовлетворялъ требованіямъ своей будущей роли, нелюдимо и неподвижно занимая неприступную позицію въ дальнемъ углу, и, вѣроятно, даже превзошелъ надежды Соколовскаго своею угрюмостью: не одинъ изъ гостей, разговаривая съ Соколовскимъ, искоса посматривалъ на неуклюжую статую у дальняго окна: вѣроятно, Соколовскій объяснялъ, что эта статуя — представитель ужасныхъ мнѣній, къ которымъ очень легко можетъ склониться правительство, — мнѣній ужасныхъ, но врожденныхъ русскому народу, народу мужиковъ, не понимающихъ ничего, кромѣ полнаго мужицкаго равенства и приготовленныхъ сдѣлаться коммунистами, потому что живутъ въ общинномъ устройствѣ. Правительству народа мужиковъ очень естественно принять мужицкія идеи.

Вѣроятно, такъ рекомендовалъ Соколовскій угрюмую статую, объясняя угрюмость ея, какъ чрезвычайную свирѣпость. А Волгинъ былъ угрюмъ потому,что имъ овладѣла грусть.

Онъ не былъ мастеръ наблюдать, и былъ близорукъ. Но развѣ слѣпой не видѣлъ бы, что такое на душѣ у этихъ людей; не за два десятка шаговъ — за полверсты можно было разгадать это, хотя и не разбирая ихъ лицъ, по самымъ фигурамъ ихъ.

Безсмысліе, безсиліе, безпомощность.

Такъ должны глядѣть, стоять, двигаться приговоренные къ смерти.

Нѣкоторые старались показывать, что они бодры, въ хорошемъ настроеніи. Говорили, шутили — были очень развязны. Волгинъ зналъ эту развязность — она овладѣвала имъ самимъ, когда онъ, попирая всѣ препятствія, блисталъ своими свѣтскими талантами, желая себѣ провалиться сквозь землю.

Но огромное большинство было не въ силахъ и заботиться скрывать свое уныніе: — „мы агнцы, обреченные на закланіе; — что-жъ мы можемъ сдѣлать противъ такого жестокосердаго рѣшенія? — Только идти на закланіе смирно, чтобъ хоть не колотили насъ прежде, нежели возложатъ насъ на алтарь отечества, — и не упираться, когда станутъ возлагать, чтобы хоть возложили безъ лишнихъ пинковъ.“

Волгинъ никогда не имѣлъ сношеній съ этими людьми. Онъ никогда не принадлежалъ и къ мелкому свѣтскому обществу, не только къ ихъ, высокому, важному. Но какой же городъ или городишко не гремѣлъ славою ихъ подвиговъ? Волгинъ съ дѣтства зналъ, что это люди буйные, наглые.

Волгинъ не интересовался толками о крестьянскомъ дѣлѣ. Но если-бъ онъ жилъ и не въ Петербургѣ среди ярыхъ эмансипаторовъ, кипѣвшихъ негодованіемъ на упрямство помѣщиковъ, — еслибъ онъ провелъ эти послѣдніе полтора, два года, на самомъ далекомъ отъ помѣщичьей Россіи, на самомъ пустомъ изъ Алеутскихъ острововъ, — и туда, вѣроятно, донеслись бы до ушей его храбрые крики: „нами держится все! — Не позволимъ, не допустимъ! — Не хотимъ, и не посмѣютъ! — Пусть посмѣютъ, и увидятъ, что такое значитъ прогнѣвать русское дворянство!“

Теперь они присмирѣли, будто разбиты параличемъ. Смѣшно и отрадно демократамъ видѣть такое превращеніе.

Волгину было смѣшно: онъ привыкъ обращать все въ шутку — умную или глупую, какъ приведется, веселую или горькую, все равно, лишь бы въ шутку. Но ему не было отрадно.

Онъ выросъ не въ благородномъ обществѣ. Воспоминанія его относились къ жизни грубой, бѣдной. Ему вспоминались теперь сцены, отъ которыхъ недоумѣвалъ онъ въ дѣтствѣ, — потому что и въ дѣтствѣ онъ былъ глубокомысленъ.

Ему вспоминалось, какъ, бывало, идетъ по улицѣ его роднаго города толпа пьяныхъ бурлаковъ: шумъ, крикъ, удалыя пѣсни, разбойничьи пѣсни. Чужой подумалъ бы — городъ въ опасности, — вотъ, вотъ бросятся грабить лавки и дома, разнесутъ все по щепочкѣ. Немножко растворяется дверь будки, оттуда просовывается заспанное старческое лицо съ сѣдыми, на половину выцвѣтшими усами, раскрывается беззубый ротъ и не то кричитъ, не то стонетъ дряхлымъ хрипомъ: — „Скоты, чего разорались? Вотъ я васъ!“ Удалая ватага притихла, передній за заднаго прячется; еще бы такой окрикъ, и разбѣжались бы удалые молодцы, величавшіе себя „не ворами, не разбойничками, Стеньки Разина работничками,“ обѣщавшіе, „что, какъ они весломъ махнутъ“, то и „Москвой тряхнутъ“, разбѣжались бы, куда глаза глядятъ, куда ноги понесутъ, крикни еще разъ инвалидъ въ дверь будки; но старый будочникъ знаетъ, что передъ богомъ грѣхъ былъ бы слишкомъ пугать удалыхъ молодцовъ: лбы себѣ перебьютъ,

ноги переломаютъ, на вѣкъ бѣдные искалѣчатся, — будочникъ, понюхавъ табаку, говоритъ: „идите себѣ, ребята, съ богомъ, только не будите меня старика, не вводите въ сердце.“ И дверь затворяется въ будкѣ, — и ватага удалыхъ молодцовъ, Стеньки Разина бывшихъ работничковъ, скромно идетъ дальше, перешептываясь, что будочникъ, на счастье имъ, видно добрый человѣкъ.

Въ дѣтствѣ Волгинъ приходилъ въ недоумѣніе отъ этихъ сценъ; за то теперь находилъ, что не зачѣмъ было ему и видѣть живую картину, представляемую гостями Илатонцева; незачѣмъ: впередъ было извѣстно, какая это будетъ картина.

Но хоть впередъ было извѣстно, какая она будетъ, все таки она произвела на него сильное впечатлѣніе. Будучи основательнымъ мыслителемъ, онъ не винилъ себя за то, что взволновался отъ впечатлѣнія, къ которому былъ готовъ отъ самаго начала храбрыхъ воплей: „не позволимъ! не допустимъ!“ Онъ зналъ, что представляющееся глазамъ дѣйствуетъ сильнѣе воображаемаго; потому и находилъ естественнымъ, что расчувствовался.

Расчувствовался невесело: хоть и не любилъ ни вообще дворянства, ни магнатовъ въ частности.

Жалкая нація, жалкая нація! — Нація рабовъ, — съ низу до верху, все сплошь рабы... думалъ онъ и хмурилъ брови.

Онъ не любилъ дворянства. Но бывали минуты, когда онъ не имѣлъ вражды къ нему. Можно ли ненавидѣть жалкихъ рабовъ? — И теперь на него напало такое настроеніе.

И потому — ему мечталось теперь, что эти жалкіе люди не виноваты въ нищетѣ и страданіяхъ народа, и что не было-бы надобности уменьшать ихъ доходы ни на одну копѣйку, — пусть бы себѣ благоденствовали по прежнему, ни на одну минуту не прерывая своихъ возвышенныхъ наслажденій псами и новыми каретами, попойками и цыганками; зачѣмъ тревожить, зачѣмъ обижать? Они не виноваты ни въ чемъ и ни чему не мѣшаютъ.

Они-ли могутъ мѣшать? — Они хотятъ только пить, мотать и бездѣльничать. Они-ли виноваты? — Кому-же не пріятно брать то, что ему даютъ? — Кому-же нравится терять доходы?

Какъ легко было-бы не огорчать ихъ! Стоило-бы только гарантировать имъ ихъ доходы. Подобная гарантія тяжела быть можетъ — неудобоисполнима у націй, гдѣ поземельный доходъ уже высокъ, и не можетъ подыматься быстро. А у насъ? — Въ пять лѣтъ удвоились-бы, — въ десять — учетверились-бы средства націи, лишь-бы освобожденіе было полное и мгновенное, по мыслямъ народа, который говоритъ: „господа пусть уѣзжаютъ изъ деревень въ города, и получаютъ тамъ жалованье,“ нѣсколько лѣтъ, небольшіе займы, съ каждымъ годомъ меньше — и черезъ десять лѣтъ, что значило-бы государству выкупить эти жалкія, нищенскія ренты?

Когда Волгинъ бывалъ чувствителенъ, онъ фантазировалъ въ этомъ вкусѣ. — Правда, онъ не всегда бывалъ чувствителенъ. Но теперь былъ. Потому фантазировалъ.

Правда и то, что когда фантазировалъ, онъ помнилъ, что только фантазируетъ по чувствительности своего сердца. Потому, онъ берегъ для собственнаго удовольствія свои буколическія соображенія, а въ разговорахъ разсуждалъ нѣсколько въ иномъ вкусѣ: онъ не забывалъ, что исторія — борьба, что въ борьбѣ нѣжность неумѣстна. Правда, онъ не считалъ себя борцомъ за народъ: у русскаго народа не могло быть борцовъ, по мнѣнію Волгина, оттого что русскій народъ не способенъ поддерживать вступающихся за него; какому-же человѣку въ здравомъ смыслѣ бываетъ охота пропадать задаромъ? Такъ или нѣтъ вообще, но о себѣ Волгинъ твердо зналъ, что не имѣетъ такого глупаго желанія, и никакъ не могъ считать себя защитникомъ народныхъ правъ. Но тѣмъ меньше и могъ онъ дѣлать уступки за народъ, тѣмъ меньше могъ не выставлять правъ народа во всей ихъ полнотѣ, когда приходилось говорить о нихъ.

Потому-то онъ и улыбался съ угрюмою ироніею, размышляя о томъ, какую буколику строитъ онъ въ пользу помѣщиковъ, и какъ несходно съ нею то, что они не имѣютъ права ни на грошъ вознагражденія; а имѣютъ-ли право хоть на одинъ вершокъ земли въ русской странѣ, это должно быть рѣшено волею народа.

Должно — и, разумѣется, не будетъ. Тѣмъ смѣшнѣе вся эта штука.

Она была такъ смѣшна, что Волгинъ начиналъ злиться. У безсильнаго одно утѣшеніе — злиться. Ему противно становилось смотрѣть на этихъ людей, которые останутся безнаказанны и безубыточны; безубыточны во всѣхъ своихъ, загребленныхъ у народа, доходахъ; безнаказанны за всѣ угнетенія и злодѣйства; противно и обидно за справедливость, — и онъ опускалъ, опускалъ нахмуренныя брови къ землѣ, чтобы не видѣть враговъ народа, вредить которымъ былъ безсиленъ...

— Monsieur Волгинъ... — сказалъ незнакомый, звучный и пріятный голосъ. Волгинъ поднялъ глаза: передъ нимъ стоялъ Савеловъ. Савеловъ сталъ говорить, что очень радъ встрѣчѣ съ нимъ.

Волгинъ отвѣчалъ, что тоже очень радъ. Будучи необыкновенно свѣтскимъ человѣкомъ, онъ всегда приходилъ въ экстазъ любезности, когда ему говорили, что очень рады встрѣчѣ съ нимъ.

Сказавъ еще нѣсколько обыкновенныхъ словъ, Савеловъ пошелъ въ слѣдующую комнату, представляться дамамъ. Волгинъ сталъ искать глазами, гдѣ Соколовскій — нашелъ — и двинулся къ нему.

— О Савеловѣ не было рѣчи, — сказалъ онъ, отошедши съ Соколовскимъ въ сторону.

Соколовскій съ досадою пожалъ плечами. — Что вы будете дѣлать съ этими невинными, какъ вы ихъ называете. Чуть остались безъ присмотра, тотчасъ впадаютъ въ наивность. Ошибка не очень важна, а все-таки — непростительная ошибка.

Какъ только переговорили Соколовскій и Илатонцевъ съ Рязанцевымъ, Рязанцевъ въ восторгѣ души поѣхалъ сообщить своему другу Савелову, какой обѣдъ устраивается у Илатонцева. Савеловъ похвалилъ и сказалъ, что ему самому было-бы очень пріятно быть на этомъ обѣдѣ. Рязанцевъ примчался къ Илатонцеву въ новомъ восторгѣ и заразилъ имъ Илатонцева. И вотъ, пріѣхавъ сюда, Соколовскій былъ встрѣченъ пріятною новостью: приглашенъ также и Савеловъ. Его присутствіе и поддержка будутъ придавать уже совершенно неумолимую силу рѣчамъ и программѣ Рязанцева. Добрые люди упустили изъ виду, что приглашеніемъ Савелова они много попортили характеръ собранія. Оно должно было быть совершенно свободнымъ собраніемъ помѣщиковъ, семейнымъ образомъ устраивающихъ помѣщичье дѣло, при помощи двухъ совѣтниковъ и неважныхъ, и независимыхъ отъ правительства. Какъ люди просвѣщенные, помѣщики вздумали прислушаться къ мнѣніямъ ученыхъ. Мысли знаменитаго юриста Рязанцева, который самъ помѣщикъ, понравились имъ. Они сдѣлали его своимъ секретаремъ — только. Совѣщаніе было семейное, дворянское; и программа, которая вышла изъ него — чистая дворянская. Такъ должно было быть. — А теперь? — Присутствіе Савелова даетъ дѣлу видъ принужденія. Будутъ говорить, что программа принята подъ вліяніемъ правительственнаго лица, и притомъ извѣстнаго враждою къ дворянству. Это сильно повредитъ ей во мнѣніи дворянъ. Рязанцевъ сдѣлалъ большую ошибку.

— Да, большую, — вяло повторилъ Волгинъ, помолчалъ и поплелся назадъ въ свою позицію, оставивъ Соколовскаго продолжать прерванный разговоръ съ высокимъ, прямымъ, худымъ и крѣпкимъ усатымъ старикомъ, по усамъ и осанкѣ — отставнымъ кавалеристомъ.

Конечно, не стоило говорить Соколовскому, что дѣло гораздо болѣе плохо, нежели онъ думаетъ: не то, что авторитетъ программы будетъ ослабленъ, сама программа будетъ испорчена. Конечно, не стоило говорить. Нельзя поправить; зачѣмъ-же было огорчать Соколовскаго прежде времени? Не стоило говорить. Да и жалѣть не стоитъ. Съ самаго начала затѣя была пустая; стоитъ-ли жалѣть о пустякахъ? — Не стоитъ.

Такъ размышлялъ Волгинъ — опять утвердившись въ своемъ уютномъ углу, и не могъ не согласиться самъ съ собою, что разсуждаетъ очень основательно; дѣло было пустое, не стоило толковать; не стоитъ и жалѣть, что оно испорчено... Такъ, не стоитъ жалѣть, — размышлялъ Волгинъ и злился, злился хуже

прежняго, съ наслажденьемъ злился, пока встрепенулся отъ словъ Нивельзина:

— Идутъ обѣдать, Алексѣй Иванычъ; а вы такъ углубились въ ваше занятіе, что и не слышите.

Волгинъ очнулся и увидѣлъ — чѣмъ занимался, и съ какимъ прекраснымъ успѣхомъ: на цѣлую четверть была ощипана бахрома съ занавѣса окна, дававшаго ему твердую опору для основательныхъ размышленій. Мыслитель махнулъ рукою, въ справедливое осужденіе себѣ, и поспѣшилъ отъ мѣста преступленія, догонять послѣднихъ уходившихъ.

— Погодите, такъ нельзя, — остановилъ его Нивельзинъ: — Взгляните на себя.

Волгинъ взглянулъ на себя и съ чувствомъ воскликнулъ: — „это удивительно!“

По настоящему было нисколько не удивительно, а, напротивъ, очень естественно; но было, дѣйствительно, очень недурно: фракъ, жилетъ, брюки — все было пріятно испещрено малиновымъ, синимъ и бѣлымъ шелковымъ пухомъ. — „Нѣтъ, увѣряю васъ, Павелъ Михайлычъ, — это удивительно, какія штуки я дѣлаю!“ — подтвердилъ мыслитель съ глубокимъ убѣжденіемъ и замоталъ головою въ сильнѣйшемъ негодованіи.

Подошелъ слуга со щеткою, и слѣды преступленія были благополучно счищены съ основательнаго мыслителя. — Нивельзинъ повелъ его въ обѣденный залъ.

Тамъ уже всѣ сидѣли за столомъ.

На ближайшемъ ко входу концѣ — хозяинъ, подлѣ него Рязанцевъ съ своимъ другомъ Савеловымъ. По назначенію Соколовскаго, тутъ слѣдовало сѣсть и Волгину, противъ Рязанцева, для удобства будущаго спора. Волгинъ и сунулся туда, не разобравъ, что не оставлено тутъ свободнаго стула. Нивельзинъ оттянулъ его за рукавъ, и повелъ дальше, мимо всего стола на другой конецъ.

— Это куда-же? — спросилъ мыслитель.

— Боже мой, да я говорилъ вамъ; пока шла очистка лохмотьевъ съ васъ, — вы пропустили мимо ушей?

А, точно, — былъ разсѣянъ — не вслушался, — согласился мыслитель.

Илатонцева, узнавъ что на обѣдѣ будетъ Волгинъ, выразила желаніе, чтобъ онъ сидѣлъ подлѣ нея. Соколовскій, подумавъ, уступилъ, и даже нашелъ, что такъ будетъ еще лучше: Пусть спорятъ черезъ всю длину стола; могутъ: у Рязанцева звучный голосъ; о способности Волгина кричать нечего и говорить; пусть же спорятъ черезъ столъ: будетъ слышнѣе цѣлому обществу.

Волгинъ былъ отъ души радъ этому перемѣщенію: ему было бы тошно сидѣть съ Рязанцевымъ, разозлившимъ его своею глупою наивностью. А къ Илатонцевой онъ чувствовалъ такое расположеніе, что для разговора съ нею не имѣлъ нужды въ своей удивительной свѣтскости.

Добрая дѣвушка встрѣтила его будто роднаго. По возвращеніи изъ деревни она каждый день хотѣла поѣхать къ Лидіи Васильевнѣ; но все еще не могла: по утрамъ парадные визиты; съ обѣда до ночи гости. Она представила его своей тетушкѣ, предсѣдательствовавшей на этомъ концѣ стола, въ качествѣ хозяйки. Волгинъ боялся, что тетушка завоюетъ его, по его безпомощности въ подобныхъ случаяхъ. Но у тетушки уже былъ завоеванный, какой-то провинціалъ — очень смирный. Восхитившись въ нѣсколькихъ словахъ удовольствіемъ познакомиться съ Волгинымъ, она оставила его въ покоѣ, предпочитая свою прежнюю жертву, внимавшую ей съ увлеченіемъ.

Пристроивъ основательнаго мыслителя, Нивельзинъ пошелъ на свое мѣсто, около середины стола, по сосѣдству Соколовскаго. Тамъ, съ выгодныхъ пунктовъ для дѣйствія на обѣ стороны, Соколовскій и онъ дадутъ рѣшительный поворотъ обществу, когда прійдетъ время. Время было назначено, когда будутъ пить шампанское. Обѣдъ, хоть и очень многолюдный, долженъ былъ имѣть видъ совершенно семейнаго. Потому положено было, что не будетъ ни тостовъ, ни спичей. Но Соколовскій съ Нивельзинымъ устроятъ, что гости пожелаютъ услышать, какъ думаетъ объ освобожденіи крестьянъ Рязанцевъ; хозяинъ долженъ будетъ попросить его объ этомъ. Принципы Рязанцева возбудятъ свирѣпость Волгина, и гости увидятъ, что они хороши для дворянства.

Такъ предполагалось для подготовки общества къ принятію программы Рязанцева въ совѣщаніи послѣ обѣда. Но Волгинъ скоро сталъ видѣть, что лишь бы не оправдалось его подозрѣній, а то не будетъ особенной нужды въ его свирѣпости: программа Рязанцева и безъ этой приправы будетъ вкуснымъ блюдомъ.

Стульевъ черезъ пять наискось отъ Волгина сидѣлъ высокій, прямой, худой, крѣпкій, усатый старикъ, съ которымъ говорилъ Соколовскій около времени пріѣзда Савелова. Усатый старикъ быстро захватилъ диктатуру на этомъ концѣ стола. Кромѣ тупоумнаго помѣщика, оставшагося въ плѣну у Тенищевой, всѣ слушали усатаго старика, и всѣ только поддакивали. Въ началѣ двое или трое помѣщиковъ повидимому имѣли охоту показать, что они тоже люди умные и могутъ имѣть свои мысли; но усатый старикъ предупреждалъ возраженія, давилъ оппозицію въ самомъ зародышѣ и подавилъ ее такъ, что всѣ человѣкъ двадцать помѣщиковъ, слушавшіе его, въ одинъ голосъ твердили: — „такъ, правда!“

Надобно понимать положеніе дѣлъ и не болтать по пустому,

— говорилъ усатый старикъ; — крѣпостное право держалось только штыками. Позвольте господа, нечего вспоминать прежнее вранье, о патріархальныхъ отношеніяхъ: надобно признать правду когда пропадешь, если не захочешь признать ее. Онъ не либералъ какой нибудь. Онъ старый гусаръ. Онъ выросъ на томъ и умретъ съ тѣмъ, что не могло быть ничего лучше крѣпостнаго права, не только для помѣщиковъ, но и для крестьянъ. Кромѣ немногихъ подлецовъ, помѣщики держали себя съ крестьянами превосходно, и крестьяне благоденствовали. Но крестьяне — грубые болваны, звѣри и потому никогда не могли понять, что крѣпостное право полезно для нихъ. Оно, по ихъ невѣжеству, лѣности, своеволію, всегда было ненавистно имъ и держалось только штыками. Теперь эта поддержка отнята у него и помѣщикамъ надобно понять положеніе дѣла. Рѣчь не о томъ, хорошо или дурно рѣшеніе правительства: толковать объ этомъ пустая болтовня, очень опасная. Сказано: — „освобождайте“ — баста! — торопитесь слушаться — и только. Почему? — Отняты штыки, въ этомъ весь резонъ.

Рѣчь только уже о томъ, что надобно торопиться, и надобно сдѣлать такъ, чтобы мужики остались довольны. Почему? Резонъ простой: — бунтъ. — Будетъ промедленіе? — Мужикъ скажетъ: „помѣщики не хотятъ давать намъ воли, — бей помѣщиковъ, братцы!“ Дать мужикамъ не такія условія, какія нужны для ихъ довольства — тоже самое: „Братцы, помѣщики изобидѣли насъ, добромъ не получимъ добра отъ нихъ, бей ихъ, ребята!“ — Въ этомъ весь резонъ. Коротко и ясно, господа. — „Усмирять бунтъ?“ — Кто это сказалъ: „усмирять бунтъ?“ Подумали-ли вы, милостивый государь о томъ, что сказали? Въ серьевныхъ дѣлахъ не годится говорить, не понимая, что говоришь. — „Усмирять бунтъ“ — сказали вы. Станутъ ли усмирять? Ой — бабушка на двое гадала! Но объ этомъ, послѣ. Положимъ, станутъ усмирять. Но скоро ли усмиришь, когда они повсемѣстно поднимаются бунтовать? Усмирятъ, положимъ; но помѣщики то ужъ будутъ перерѣзаны, перевѣшаны, прежде чѣмъ успѣютъ выручить ихъ. Помнятъ ли господа про Пугачевщину? — Онъ можетъ напомнать о ней: онъ не либералъ. Мало того, онъ и не изъ трусовъ. Кто не знаетъ — можетъ спросить, изъ трусовъ ли онъ. Онъ не бѣжитъ отъ бунтовщиковъ. Ему висѣть или быть зживо изжарену, а не бѣжать. Кто мастера бѣгать, могутъ легче его разсуждать о бунтѣ. Но и такимъ людямъ онъ скажетъ: не велика радость будетъ имъ пережить бунтъ; пусть приготовятся положить зубы на полку. Онъ не ученый, но можетъ понимать, что Соколовскій, — вонъ тотъ драгунъ, — говоритъ правду: смуты въ государствѣ ни для кого не раззорительны въ такой степени, какъ для землевладѣльцевъ. Купецъ припряталъ свои деньги, или даже перевелъ за границу — и знать ничего не хо-

четъ. А помѣстья не перенесешь за границу, не спрячешь въ карманъ. Что вы найдете, когда возстановлены ваши права на помѣстья, по усмиреніи бунта? — У васъ былъ хлѣбъ? — онъ разграбленъ; у васъ былъ скотъ? — онъ уведенъ или перерѣзанъ; у васъ былъ лѣсъ? — онъ вырубленъ; о домѣ и не спрашивайте: сожженъ, все чисто, хоть шаромъ покати, голая земля. И останется голая: нечѣмъ засѣять; да и некому пахать; мужики перебиты, сосланы; кто уцѣлѣлъ — разбѣжались; нѣтъ работниковъ. Дорогаго стоитъ ваше помѣстье! Но возстановятъ-ли ваши права на эту землю? Съ того и начиналась рѣчь: Возвратятъ ли вамъ ее? Станутъ-ли хлопотать изъ за васъ? Захотятъ-ли усмирять бунтъ? Дураки-ли сидятъ въ правительствѣ? Не скажетъ-ли правительство: „господа, вы сами виноваты вашею неуступчивостью; бунтъ противъ васъ, а не противъ правительства; вѣдайтесь, какъ знаете; наше дѣло сторона“, думаете-ли, господа, что правительство не можетъ сказать этого? — Усмирять повсемѣстный бунтъ, какихъ расходовъ стоитъ это! Что за радость правительству входить въ убытки? Не легче-ли, не дешевле-ли сказать: „претензіи мужиковъ справедливы; пусть все останется за ними; это и гораздо прибыльнѣе для казны; доходъ казнѣ отъ мужиковъ, а не отъ помѣщиковъ“, думаютъ ли, господа, что невозможно ждать такого рѣшенія отъ разбойниковъ — усатый старикъ нѣсколько понизилъ голосъ и указалъ глазами на дальній конецъ стола, — отъ разбойниковъ, подобныхъ Савелову? Помѣщикамъ надобно удовлетворить мужиковъ, чтобы не дать вмѣшаться въ дѣло разбойникамъ, ненавидящимъ дворянство. Теперь мужики еще удовольствуются условіями, неразорительными для помѣщиковъ. Но сдѣлайте промедленіе, и будетъ совсѣмъ другое. Тотъ драгунъ — Соколовскій, говоритъ правду: „спѣшите развязаться съ ними, пока они еще не наслушались демократическихъ рѣчей; если не поспѣшите, пойдутъ на васъ съ крикомъ: „вся земля мужицкая, выкупа никакого! — убирайся, помѣщики, пока живы!“ и правительство будетъ за нихъ. — Милостивый государь, — вдругъ обратился усатый старикъ къ Волгину: — Вы дружны съ Савеловымъ?

— Не знакомъ съ нимъ, — успокоилъ Волгинъ усатаго старика, подумавъ, что онъ сообразилъ неловкость своего отзыва о Савеловѣ при другѣ этого разбойника.

— А онъ подходилъ къ вамъ.

— Просто хотѣлъ показать любезность.

— Видите, господа, каково положеніе дѣлъ? — продолжалъ усатый старикъ: — господинъ Савеловъ заигрываетъ съ г. Волгинымъ, ищетъ его пріятельства! — А знаете ли вы, кто г. Волгинъ? — Извините, милостивый государь, что говорю о васъ при васъ; разговоръ идетъ о дѣлѣ, лишнія церемоніи не у мѣста, за-

мѣтилъ онъ, обращаясь къ Волгину и продолжалъ: — г. Волгинъ, по словамъ Соколовскаго...

Вѣроятно, Волгинъ услышалъ бы о себѣ характеристику, совершенно сходную съ тою, какую сочинялъ себѣ, посмѣиваясь въ своемъ углу передъ пріѣздомъ Савелова, но слова усатаго старика были прерваны говоромъ: „тише, тише! Викторъ Петровичъ хочетъ сказать что то.“

Илатонцевъ началъ все по плану, какъ нельзя лучше, — что нѣкоторые изъ его гостей, говорившіе передъ обѣдомъ съ Григоріемъ Сергѣичемъ Рязанцевымъ, были очень заинтересованы мыслями Григорія Сергѣича о дѣлѣ, которое занимаетъ всѣхъ здѣсь; что другіе гости, услышавъ отъ этихъ за обѣдомъ о ихъ разговорахъ съ Григоріемъ Сергѣичемъ, тоже заинтересовались...

А Савеловъ , между тѣмъ нагнулся къ уху своего пріятеля и шепнулъ что то. Другъ пришелъ въ такое удовольствіе, что сталъ потирать свои пухленькія ручки, кивая головою другу.

— По общему желанію, — прошу васъ, Григорій Сергѣичъ— заключилъ хозяинъ, обращаясь къ Рязанцеву: — будьте такъ добры, полнѣе развейте намъ мысли, которыми возбуждено наше любопытство.

Сіяя радостью, Рязанцевъ очень краснорѣчиво поблагодарилъ общество за честь, которую оно оказываетъ ему своимъ вниманіемъ, мило и съ достоинствомъ выразился о слабости своихъ силъ, ободряя себя тѣмъ, что общество будетъ снисходительно къ недостаткамъ, которые онъ сознаетъ въ себѣ, какъ ораторъ, и обѣщая, что если онъ не умѣетъ ослѣплять великолѣпными словами, то постарается изложить съ ясностью принципы, справедливость и практичность которыхъ открыта имъ путемъ добросовѣстнаго и долгаго изученія и размышленія. — Все это было, положимъ, совершенно лишнею реторикою, но меньшаго краснорѣчія и нельзя было ожидать отъ наивнаго добряка; Волгинъ зналъ его и былъ приготовленъ услышать множество пышно-скромныхъ фразъ; но при всемъ своемъ знакомствѣ съ простодушіемъ краснорѣчиваго прогрессиста, захлопалъ глазами отъ окончанія прекраснаго вступленія: „будучи увѣренъ въ сочувствіи общества, — продолжалъ Рязанцевъ, — онъ проситъ сначала почтить вниманіемъ тѣ немногія слова, которыя желаетъ сказать его другъ, Яковъ Кирилычъ Савеловъ.“

Волгинъ хлопалъ глазами. Быть дуракомъ — Волгинъ понималъ, что очень можно быть дуракомъ, и очень глупымъ дуракомъ, — онъ прекрасно зналъ это по себѣ, — но быть дуракомъ до такой степени — это было уже непозволительно, даже по мнѣнію Волгина: какъ не понималъ Рязанцевъ, что связываетъ себя и по рукамъ и по ногамъ, прося благосклонное общество слушать Савелова? Какъ онъ не понималъ, что теперь его рѣчь должна будетъ быть только отголоскомъ словъ Савелова? Какъ

отнимать у себя всякую свободу? Какъ выставлять самого себя только прихвостнемъ своего друга?... Конечно, понятно, слишкомъ понятно послѣ той глупости, какую онъ сдѣлалъ, устроивъ приглашеніе Савелову быть на этомъ обѣдѣ; послѣ такой глупости никакое тупоуміе не должно удивлять, разсудилъ Волгинъ и пересталъ хлопать глазами.

А Рязанцевъ, между тѣмъ, объяснялъ, въ восторгѣ души, благосклонному обществу, что слова Якова Кириллыча будутъ наилучшимъ вступленіемъ къ его собственной рѣчи, просилъ общество обратить на слова Якова Кириллыча то вниманіе, какого заслуживаютъ, произносимыя публично, глубоко-обдуманныя, строго-возвышенныя слова государственнаго дѣятеля, изучившаго великій вопросъ во всей широтѣ и полнотѣ, — и, смѣетъ прибавить онъ, Рязанцевъ, государственнаго дѣятеля, коротко знающаго всѣ сокровеннѣйшія предначертанія правительства, и, — отваживается сказать онъ, Рязанцевъ, — государственнаго дѣятеля — талантамъ котораго ввѣрено важное участіе въ развитіи этихъ предначертаній, — онъ прибавляетъ это, не опасаясь быть обвиненъ въ пристрастіи къ Якову Кириллычу, дружбою котораго гордится.

Онъ замолкъ наконецъ — потирая руки въ восторгѣ.

Савеловъ отвѣчалъ на восторги своего друга комплиментомъ его учености и генію и, принесши этимъ необходимую дань пустословію, продолжалъ коротко и дѣльно.

Онъ говоритъ собранію помѣщиковъ. Онъ слыветъ врагомъ, злодѣемъ дворянства. Онъ не будетъ оправдываться. Онъ предоставляетъ времени оправдать его. Онъ хочетъ говорить не о себѣ. Онъ хочетъ только объяснить мысли правительства, которыя, по справедливымъ словамъ его уважаемаго и ученаго друга, извѣстны ему. Правительство рѣшило уничтожить крѣпостное право. Это признано необходимостью по двумъ причинамъ. Крѣпостное право противорѣчитъ духу вѣка; оно было пятномъ для Россіи во мнѣніи Европы. Другая причина что, оно несовмѣстно съ правильной администраціей, мѣшало государственному порядку. Естественно, что реформа столь важная возбуждаетъ много толковъ. Нѣкоторые изъ нихъ совершенно ложны. Крепостное право будетъ уничтожено. Но право собственности останется священно. Правительство не можетъ хотѣть вреда никакому сословію. Невозможно выгнать десятки милліоновъ людей изъ домовъ, занимаемыхъ ими; но за всѣ неизбѣжныя уступки помѣщики должны быть вполнѣ вознаграждены крестьянами. Могутъ ли помѣщики опасаться, что вознагражденіе будетъ недостаточно, когда имъ самимъ поручается сдѣлать оцѣнку? — Точно также напрасны и всѣ другія опасенія ихъ, — напрасны по той же причинѣ: имъ самимъ поручается заняться осуществленіемъ реформы. Всѣ подробности новаго устройства будутъ опредѣлены ихъ собственными трудами. Порученіе, возлагаемое

на нихъ, такъ обширно и многосложно, что излишняя медленность была бы несогласна съ видами правительства. Но оно совершенно понимаетъ, что и торопливость въ такомъ трудномъ и запутанномъ дѣлѣ была бы вредна. Великая реформа, конечно, потребуетъ много времени для своего совершенія. Полагаясь на патріотизмъ дворянства, правительство будетъ терпѣливо. Пусть дворяне добросовѣстно изучаютъ, обдумываютъ великій вопросъ. Подготовившись къ основательному разрѣшенію его, они будутъ собираться по губерніямъ; въ каждой губерніи они выработаютъ уставъ, соотвѣтствующій мѣстнымъ интересамъ. При такомъ порядкѣ дѣла, можно быть увѣреннымъ, что великая реформа не нарушитъ выгодъ помѣщиковъ. Есть еще опасеніе, которое также должно быть разсѣяно. Думаютъ — что общественный порядокъ можетъ подвергаться опасностямъ. Нѣтъ. Администрація не потерпитъ никакихъ безпорядковъ и уже приняты мѣры, чтобы она повсюду имѣла подъ рукой достаточныя силы для подавленія безпокойныхъ движеній въ самомъ началѣ; для этого, по всѣмъ частямъ государства расположены войска.

Ожиданія Волгина были далеко превзойдены. Онъ понималъ, что Савеловъ пріѣхалъ разстроить дѣло Соколовскаго, что программа Рязанцева погибнетъ. Но Савеловъ сдѣлалъ гораздо больше. Онъ сказалъ помѣщикамъ, что они могутъ совершенно безопасно оттягивать освобожденіе крестьянъ, могутъ тянуть его такъ, что и конца не будетъ проволочкамъ.

Лица помѣщиковъ дѣлались веселѣе, по мѣрѣ того, какъ Савеловъ раскрывалъ имъ истину. Усатый старикъ, вытягиваясь къ Волгину, шепталъ: „мы ошибались, милостивый государь, вы сами видите, передъ нами виляютъ хвостомъ. Насъ боятся, милостивый государь, — понимаете, насъ боятся? — Что вы скажете? Ваши друзья, всѣ эти Рязанцевы и Соколовскіе, больше ничего какъ пустомели — не правда-ли?“

— Они честные люди; желая добра народу, они искренно желаютъ добра и дворянству. Я въ этомъ случаѣ хорошій свидѣтель, потому что не выставляю себя вашимъ другомъ. Я не говорю, что мнѣ было пріятно думать, что вы избѣгнете бѣдъ, принявъ ихъ совѣты, и не скажу, что огорченъ тѣмъ, что вы теперь отвергнете ихъ совѣты. Отвергайте, мнѣ все равно. Идите тою дорогою, которую вамъ открываютъ слова Савелова. Идите ею. Я не буду плакать о васъ. Забывайте, что Савеловъ интриганъ, который заботится и о вашихъ головахъ столько же, сколько и о благосостояніи народа.

— Хорошо; грозите, милостивый государь: ваши угрозы не слишкомъ то страшны; войско разгонитъ вашихъ милыхъ мужичковъ.

— Я знаю это, милостивый государь; будетъ разгонять, пока

будетъ разгонять. И до той поры, пока будетъ разгонять, вамъ нечего бояться.

— Милостивый государь, о чемъ вы говорите, позвольте васъ спросить?

— О томъ, милостивый государь, что мужицкій бунтъ не важная опасность для васъ. Войско легко разгонитъ мужицкіе бунты.

— Вы грозите революціею, милостивый государь?

— Понимайте, какъ вамъ угодно, милостивый государь. И если вамъ угодно донести на меня, не могу запретить.

— Хорошо, милостивый государь. Теперь мы будемъ понимать ваши желанія; — сказалъ усатый старикъ и отвернулся слушать Савелова.

Объяснивъ помѣщикамъ истинное положеніе дѣлъ, Савеловъ перешелъ къ пустословію, требуемому дружбою. Правительство исполнитъ свою обязанность — охранять порядокъ. Конечно, и дворянство исполнитъ свою обязанность—добросовѣстно заняться освобожденіемъ крестьянъ. Для этого, дворянству будетъ очень полезно ознакомиться съ трудами спеціалистовъ, изучавшихъ великій вопросъ. Не дружба только, но и строгая истина заставляетъ его, Савелова, сказать, что самый ученый трудъ по великому вопросу принадлежитъ его другу, знаменитому нашему юристу, Григорію Сергѣичу Рязанцеву.—Полились великолѣпныя фразы въ честь друга и горячія убѣжденія, чтобъ дворянство приняло къ сердцу благородныя мысли знаменитаго юриста...

Волгинъ обдумывалъ между тѣмъ, какъ ему поступить. — Знаменитый юристъ сіялъ, радуясь тому, какъ прекрасно внушаетъ его другъ, чтобы помѣщики полюбили его мысли. Онъ станетъ ораторствовать, какъ ни въ чемъ не бывало.

И пусть бы себѣ ораторствовалъ. Но Соколовскій подниметъ скандалъ, если не отнять возможности поднять скандалъ. Челюсти Соколовскаго были стиснуты; глаза горѣли; по легкому подергиванью костлявыхъ плечъ его было видно, что его бросаетъ въ лихорадку отъ негодованія.

— Надежда Викторовна, я уйду изъ за стола. Будьте добры, скажите, что со мною дурно, но что безпокоиться обо мнѣ нечего, —скажите, что пройдетъ. — Волгинъ всталъ и пошелъ изъ обѣденнаго зала.

А Рязанцевъ между тѣмъ продолжалъ сіять, въ близкомъ ожиданіи минуты, когда начнетъ краснорѣчиво излагать свои принципы, такъ сильно рекомендуемые его другомъ.

Выходя изъ обѣденнаго зала, Волгинъ услышалъ стукъ порывисто-отодвинутаго стула и тяжелые, торопливые шаги. Соколовскій догонялъ его. — Прошедши до зала, въ которомъ совершилъ свое преступленіе надъ бахромою, Волгинъ остановился обернулся.

Соколовскій былъ блѣденъ какъ смерть; на дрожащихъ углахъ губъ у него выступала пѣна.

— Куда вы? Вы измѣняете?

— Измѣняю, Болеславъ Иванычъ. Вы сами видите, мы съ вами не могли бы сдѣлать ничего. — Вы стали бы принуждать меня говорить — что могъ бы я сказать? — Грозить революціей, какъ и погрозилъ вашему усатому старику? — Не говоря о самомъ себѣ — не говоря даже и о томъ, что это значило бы компрометировать хозяина, спрошу васъ: не было ли бы это и смѣшно? Кто же повѣрилъ бы? кто не расхохотался бы? — Да и не совсѣмъ честно грозить тѣмъ, во что самъ же первый вѣришь меньше всѣхъ.

Соколовскій опустился на диванъ, закрывъ лице дрожащими руками.

— Идите, будемъ бороться съ ними! — вскликнулъ онъ черезъ минуту, вскакивая.

— Полноте, Болеславъ Иванычъ, какая тутъ борьба?

— Нѣтъ, я пойду къ нимъ! Буду бороться!

Волгинъ покачалъ головою. — Скука съ такими несговорчивыми людьми, какъ вы, Болеславъ Иванычъ, скука, увѣряю васъ; очень основательно разсудилъ онъ.

— И можно ли было ждать отъ Савелова такой измѣны?

— Измѣны никакой нѣтъ, — совершенно справедливо объяснилъ Волгинъ: — Вы хотѣли выставить помѣщикамъ положеніе дѣлъ въ ложномъ свѣтѣ. Савеловъ исполнилъ свою прямую обязанность, опровергнувъ клеветы, которыя взводили вы на правительство.

— И неужели все погибло?

— Не могло не погибнуть, еслибы Савеловъ и не услышалъ во время о вашей затѣѣ. Она держалась только на недоразумѣніи, на одурѣніи отъ перваго впечатлѣнія. Все равно, — истина разъяснилась бы; съ обыкновенною своею основательностью отвѣчалъ Волгинъ, и объяснилъ, что жалѣть не о чемъ. Пусть бы и удалось нынѣ заставить помѣщиковъ подписать программу Рязанцева, черезъ нѣсколько дней они отреклись бы отъ нея. И были бы правы: подписи ихъ получены обманомъ — стали-бы говорить они. И точно обманомъ. Все дѣло было совершенно пустое, и правду сказать, недобросовѣстное. Нечего и жалѣть, что оно растроилось. Объяснивши это, Волгинъ вздохнулъ, подумалъ, подтвердилъ: — Да, пустое дѣло, не стоитъ жалѣть, — и прибавилъ: — Ну, такъ что-же, поѣдемъ, Болеславъ Иванычъ?

— Нѣтъ, я пойду къ нимъ, буду бороться до послѣдней минуты!

Волгинъ покачалъ головою и былъ совершенно правъ.

— Измѣнить, струсить передъ дворянствомъ, кто-бы могъ ждать этого послѣ побѣды надъ Чаплинымъ!

— Эхъ, Болеславъ Иванычъ! — отдѣльную личность можно

побѣдить, — а цѣлое дворянство, — помилуйте! Что такое Савеловъ, чтобъ смѣть ему и подумать о борьбѣ съ дворянствомъ?

— Такая слабость, такая трусость! — Между ними нѣтъ ни одного государственнаго человѣка!

— Эхъ, Болеславъ Иванычъ, — возразилъ Волгинъ, покачавши головою: — Я удивляюсь вамъ, какъ это приходитъ вамъ въ голову такое странное требованіе, — увѣряю васъ, это удивительно; — подтвердилъ онъ, подумавши еще, покачалъ головою и пошелъ въ переднюю, остановился, сказалъ: — Ну, что же, Болеславъ Иванычъ, поѣдемъ со мною — гораздо лучше — увѣряю; — но не получивши никакого отвѣта отъ Соколовскаго, протянулъ руки вставить ихъ въ подаваемую слугою шубу, вздохнулъ, еще разъ покачалъ головою и надѣлъ фуражку, послѣ чего совершенно успокоился отъ всѣхъ своихъ волненій.

Но болѣе сильное волненіе, и волненіе радостное, ждало его. Онъ надѣялся, что найдетъ Левицкаго уже пришедшимъ въ сознаніе; почти съ полною увѣренностью въ этомъ, онъ подходилъ къ той комнатѣ, въ которой привелъ столько мучительныхъ часовъ у постели больнаго, и все таки, онъ едва удержалъ крикъ восторга, услышавъ изъ этой комнаты голосъ жены: она говоритъ съ Левицкимъ, Левицкій пришелъ въ сознаніе, Левицкій внѣ опасности!

— Здравствуйте, Алексѣй Иванычъ, — хорошъ я? — проговорилъ Левицкій. Онъ былъ еще чрезвычайно слабъ и едва могъ протянуть худую, худую руку входившему. — Что тамъ у Илатонцевыхъ? Лидія Васильевна разсказала мнѣ, что вы были у нихъ.

— Хорошіе люди и отецъ и она — въ особенности, она. Съ какою милою привязанностью она говорила о васъ, Владиміръ Алексѣичъ! — Она и на меня смотрѣла будто на роднаго, изъ за того, что мы съ вами любимъ другъ друга.

— Да, она очень добрая и милая дѣвушка, — отвѣчалъ Левицкій: — и я знаю, что она очень любитъ меня.

Эти слова совершенно сбили Волгина съ его мыслей. При своей сообразительности, онъ былъ совершенно увѣренъ, что Левицкій спѣшилъ уѣхать изъ деревни именно для того только, чтобъ удалиться отъ Илатонцевой, что Левицкій влюбленъ въ нее, что любовь его была несчастна. Теперь, при помощи той же сообразительности, онъ былъ увѣренъ, что ровно ничего такого не должно было быть. Очевидно — чувства Левицкаго къ Илатонцевой были совершенно спокойныя, дружескія, — такія же точно, какъ и ея къ нему.

— Они оба будутъ чрезвычайно обрадованы, узнавъ, что вы говорить.

— Да, будутъ, я увѣренъ.

— Знаете ли что? — Я пошлю кого нибудь къ нимъ, сказать.

— Пошлите; — это хорошая мысль.

Волгинъ пошелъ искать хозяина — распорядился.

— Но скажите же, Владиміръ Алексѣичъ, почему вы уѣхали отъ нихъ такъ торопливо и сочинили предлогъ письмо отъ меня, чтобъ замаскировать причину отъѣзда.

— Другъ мой, онъ еще слабъ, ему вредно бы было много говорить; замѣтила Волгина: — разскажетъ когда нибудь послѣ.

— Твоя правда, голубочка, — согласился мужъ, не замедливъ сообразить, что, дѣйствительно, правда.

— Разскажите вы, что тамъ было у васъ? Удалось, или, какъ вы ждали, не удалось? — сказалъ Левицкій.

Волгинъ не утаилъ ничего, хоть ему очень хотѣлось бы утаить отъ жены исторію о томъ, какъ онъ украсилъ себя разноцвѣтными шелками; при своей сообазительности, онъ разсудилъ, что утаивать было-бы напраснымъ трудомъ: все равно разсказалъ бы Нивельзинъ.

При всемъ желаніи побранить его, жена не могла не смѣяться. И Левицкій улыбнулся. Потомъ, скоро сталъ дремать. Волгина увела остроумнаго разсказчика.

— Чудакъ ты, мой другъ, — замѣтила ему она, когда сходили они съ лѣстницы: — человѣкъ только что начинаетъ оправляться, а ты вздумалъ распрашивать его.

— Это твоя правда, голубочка, согласился основательный мыслитель: — Но только, отчего онъ уѣхалъ изъ ихъ деревни? — Я вижу, вовсе не отъ Илатонцевой, — увѣряю тебя, голубочка, не отъ нея.

— Ты ужасный простякъ, мой другъ.

— Это твоя правда, голубочка, — не замедлилъ согласиться основательный мыслитель.

— Но какъ я рада, мой другъ, — о, какъ я рада за него; и еще больше за саму себя: теперь я не буду безпокоиться, что ты убиваешь себя, теперь ты не будешь смѣть слишкомъ много работать.

ИЗВѢЩЕНІЯ КОРРЕСПОНДЕНТАМЪ.

— Корреспонденція изъ Кіева о банковыхъ дѣлахъ и копія съ циркуляра Палена получены. Напечатаемъ непремѣнно.

— Нелегальному, но не изъ числа 53. Письмо Ваше и корреспонденція № 1 (до стр. 12) нами получены. Отвѣтъ посланъ Вамъ по данному Вами адресу въ к. конвертѣ. Вы отчасти угадали, что поднятый Вами вопросъ неудобно разбирать въ печати. Въ этихъ случаяхъ каждый руководствуется чисто субъективными данными, подводить которыя подъ общую теорію нѣтъ возможности; отбояриваться-же банальными риторическими выраженіями или наполнять свои страницы шумихою фразъ, страшныхъ лишь воображенію самого автора, пишущаго ихъ, мы считаемъ и неумѣстнымъ и безтактнымъ.

— Корреспонденція изъ Москвы объ участіи студентовъ въ манифестаціи при въѣздѣ царя и царицы получена. Своевременно воздадимъ должное. Просимъ обѣщанное.

— Стихотвореніе, начинающееся словами „Полюбила ты брата убогаго“, получено и будетъ помѣщено въ сборникѣ.

— Два секретныхъ списка лицъ, розыскиваемыхъ по политическимъ дѣламъ, состоящихъ подъ надзоромъ полиціи, сосланныхъ административнымъ порядкомъ и пр., получены. На сколько возможно, воспользуемся.

— Копія „доклада по Главному Управленію иррегулярныхъ войскъ“ и т. д. получена. Постараемся воспользоваться этимъ документомъ при составленіи печатающагося сборника *„За Полгода“*.

— Корреспонденція о дѣлѣ таксатора *Альбова*, судившагося 4-го декабря 1876 года за распространеніе запрещенныхъ книгъ, получена. Корреспонденція эта будетъ помѣщена нами въ томъ-же сборникѣ.

— Корреспонденціи *А.* и *Б.* получены. Очень благодарны.

— „Рѣчь рабочаго Петра Алексѣева“ и „рѣчь Софьи Ларіоновны Бардиной“ получены нами и будутъ непремѣнно нами напечатаны.

— Три стихотворенія: „Письмо въ тюрьму“, „Къ арестанту“ и „Мой тяжкій грѣхъ и т. д.“ получены.

— Тѣмъ-же путемъ получено: „Становой. Быль въ стихахъ.“

— Авторъ брошюры „Государственный элементъ въ будущемъ обществѣ“ проситъ насъ помѣстить въ „Извѣщеніяхъ Корреспондентамъ“ слѣдующую замѣтку, обращенную къ автору „Нѣсколькихъ Словъ“ по поводу вышеназванной брошюры:

„Любезный товарищъ,

Парижъ. 8 мая.

„Новая редакція „Впередъ“ передала мнѣ для прочтенія Ваши „Нѣсколько Словъ“ и т. д., сообщила въ то же время, что не имѣетъ въ виду печатать ихъ, но отвѣтитъ Вамъ при слѣдующемъ выпускѣ своихъ изданій. Прочтя въ печати ея извѣщеніе Вамъ, мнѣ, какъ автору брошюры, противъ которой направлены Ваши „Нѣсколько Словъ“, показалось, что не безполезно было бы съ моей стороны отвѣтить нѣсколько

строкъ, какъ обыкновенно водилось въ старой литературной рутинѣ. — Мнѣ въ этомъ случаѣ хочется сказать кое-что не Вамъ лично, котораго я не знаю и относительно котораго лишь на дняхъ мнѣ сообщили, что Вы — авторъ нѣкоторыхъ другихъ произведеній, находившихся въ прежнемъ портфелѣ редакціи, но сказать кое-что многимъ нашимъ товарищамъ по общему стремленію, людямъ, которые, въ болѣе или менѣе рѣзкой формѣ, могутъ раздѣлять Ваше мнѣніе и могли быть непріятно поражены въ своихъ привычкахъ мысли тѣми самыми мѣстами, на которое и Вы особенно обратили вниманіе.

„Ваша статья — можетъ быть, въ излишне рѣзкой и недостаточно продуманной формѣ — выражаетъ настроеніе, которое, съ начала 70-хъ годовъ, господствуетъ въ русской молодежи. Отрицаніе государства, *какъ оно есть*, привело мало по малу интеллигентную молодежь къ отрицанію всего, связаннаго съ представленіемъ о государствѣ, и въ особенности, къ принципіальному отрицанію власти. Я долженъ былъ ожидать и ожидалъ, что эта характеристическая черта новаго направленія вызоветъ несогласіе со многими мѣстами моей брошюры во многихъ изъ русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ. Но, готовясь на это, я не считалъ себя въ правѣ скрыть мое убѣжденіе отъ моихъ товарищей по общему соціально революціонному дѣлу. Я желалъ бы, чтобы мнѣ было доказано, что *возможно* создать соціально-революціонную силу въ Россіи, проникнутую принципами коллективности и рабочаго соціализма, способную не только низвергнуть старое, но построить на его развалинахъ новое общество, сообразное этимъ принципамъ, и при этомъ силу, устраняющую всякое проявленіе власти въ своей организаціи. Но для меня подобная сила для борьбы съ существующимъ общественнымъ зломъ, капиталистическимъ и государственнымъ, *немыслима* въ настоящее время безъ довольно значительнаго элемента власти въ выборныхъ органахъ, коллективныхъ и личныхъ; *немыслима* безъ организаціи секцій, федерацій, съѣздовъ и т. п.; *немыслима* безъ сознательной рѣшимости каждаго подчиниться въ нѣкоторой мѣрѣ (можетъ быть, и довольно значительной) временнымъ представителямъ общаго дѣла. Я желалъ бы ошибаться; я былъ бы готовъ немедленно отречься отъ подобныхъ схемъ подготовленія соціальной революціи, если бы могъ представить себѣ, какъ обойтись безъ нихъ, но, повторяю, для меня это до сихъ поръ немыслимо. Историческіе и жизненные примѣры показываютъ, что тамъ, гдѣ пытаются, при серьезномъ дѣлѣ, обойтись безъ признанной выборной власти, подвергнутой правильному контролю, немедленно возникаетъ власть тайная, власть интригановъ и спекуляторовъ на прекрасныя чувства и прекрасныя идеи; гдѣ люди отказываются отъ организаціи во имя общественныхъ убѣжденій, тамъ является болѣе конспираторства и вредная организація во имя кружковаго кумовства или ничѣмъ не оправданныхъ симпатій и антипатій. По моему мнѣнію, нечего пугаться слова *власть* тамъ, гдѣ она необходима: надо бы только принять мѣры противу ея злоупотребленія; противу того, чтобы были въ организаціи люди, которые были бы *только* властью; люди, которые долго сохранили бы въ рукахъ выборную власть; люди, которые могли бы ускользать отъ контроля и отъ отвѣтственности; и т. п. Для борьбы съ *организованною силою* нужна тоже *организованная сила*. Для того, чтобы неудержимо-вспыхнувшее народное востаніе не пропало даромъ, не повело къ новому царству кулаковъ и эксплуататоровъ во имя новыхъ

девизовъ, нужно, чтобы среди народа находился элементъ, организованный для торжества соціалистическихъ принциповъ. Я желалъ бы, чтобъ русскіе соціалисты-революціонеры серьозно подумали объ условіяхъ борьбы, которая начата, и при этомъ оставили бы въ сторонѣ свою антипатію ко всему, что отзывается представленіемъ о государствѣ; если они придумаютъ сильную организацію безъ элемента власти въ ней, не только явнаго, но и скрытаго (что, по моему, гораздо хуже), то я буду болѣе всѣхъ доволенъ, что ошибался; что вызвалъ нападки, какъ бы онѣ рѣзки ни были; что далъ поводъ къ тому, чтобы новая схема организаціи, еще не бывалая, была разработана и осуществлена. — Я не имѣю ни мѣста, ни желанія, исправлять здѣсь недоразумѣніе тѣхъ, которые, какъ Вы сдѣлали въ Вашихъ „Нѣсколькихъ Словахъ“, на основаніи созвучія смѣшиваютъ общественный „организмъ“, о которомъ толковалъ Спенсеръ и другіе соціологи, съ „организаціею“ боевой партіи, подготовляющей соціальную революцію; это — теоретическое недоразумѣніе и болѣе ничего.

П. Л.“

— Получено отъ Гр—въ два золотыхъ (одинъ въ 5 руб., другой въ 3 руб.); проданы 12 мая за 1 ф. 5 ш. 8 п.

— Считаемъ необходимымъ повторить здѣсь, что на расходы по изданію романа „Прологъ Пролога“ получено нами черезъ Парижъ 302 фр. и браслетъ, за который выручено 7 ф. 10 ш.

— 29 рублей, имѣющіе спеціальное назначеніе, письмо къ Л., письмо въ редакцію — словомъ, все, посланное черезъ Ж., получено. 29 руб. проданы 12 мая за 3 ф. 0 ш. 5 п. Все, что зависитъ отъ насъ, сдѣлано.

— Г. въ Вѣнѣ. 5 рублей получены.

— Р. въ Бѣлградѣ. Ваше, искренне обрадовавшее насъ, письмо получено. Въ виду того, что прежній Вашъ адресъ для насъ крайне сомнителенъ, мы послали письмо Вамъ черезъ то лицо, которое Вамъ сообщило о нашемъ предыдущемъ письмѣ. Вами слѣдующія письма пишите по адресу, данному тому-же лицу. Братскій привѣтъ!

— А. А. въ —ц. Хорошъ-ли путь для пересылки? Остановились съ дальнѣйшими посылками только потому, что не имѣемъ извѣстія отъ Васъ. Послано Вамъ было слѣдующее: 12 №№ газеты, 5 экз. двухъ брошюръ и 2 фотографіи.

— J. N. въ Загребъ. Письмо Ваше получено. Новый адресъ П. переданъ. Онъ писалъ Вамъ уже нѣсколько разъ.

— Ц. въ Нью-Іоркъ. Увѣдомьте, дошло ли до Васъ все, что Вы просили. Вы, конечно, понимаете, насколько для насъ интересно все это довольно необычное дѣло.

— М. М. въ Санъ-Франциско. Семь руб. русскими билетами получены. Немедленно по полученіи отъ Васъ письма Вамъ были посланы 2 брошюры. Высланныхъ Вами денегъ достаточно для оплаты требуемыхъ Вами изданій.

— S. Hoboken. Дошли ли до Васъ наши посылки?

16 мая.